

св. 48

89-13
2784

ВАС. СЕРЕЖНИКОВ

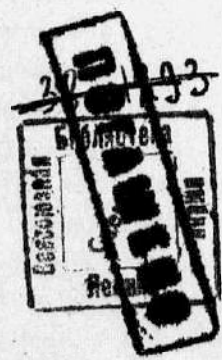
W 196
433

1.2.17

Тс-97

Ч Т Е Ц

СБОРНИК

XXVI-47706

XXVI-47706

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Тип. Государственного
Изд-ства «Коминтерн».
Ленинград, Екатерини-
гофский пр., д. № 87.

2011123916

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является вторым изданием моего «Чтеца-декламатора», изданного «Красною Новью» в 1923 г. и ныне уже разошедшегося, и с успехом мог бы составить второй том — настолько он обновлен и переработан, — если бы в него не вошло небольшое число произведений из прежнего сборника.

Сборник обновлен значительным расширением отдела «В. И. Ленин», включением нового отдела «Коллективная декламация» и размещением среди поэтического материала многих цитат по искусству чтения и жесту. Подавляющее число произведений рассчитано на чтение вслух, — только несколько стихотворений даны с целью ознакомления нового читателя с классической художественной литературой: мы знаем, что большая часть подобных сборников попадает в руки лиц, никогда вслух не читающих, а лишь интересующихся поэзией.

Коллективная декламация за десять лет своего существования (первые опыты этой новой формы искусства чтения я производил в марте 1915 г.) завоевала себе место и в рабочем клубе, и в трудовой школе, и в пионерском отряде, и на сцене, и на эстраде. Отсюда вытекает большая потребность в руководящем материале, какового у нас совсем нет. С этой целью я прилагаю свои статьи о коллективной декламации и о художественном чтении и ряд образцов коллективной декламации с голосовой инструментровкой и речевыми нотами (знаками).

По всему сборнику разбросан ряд цитат из различных авторов и пословиц, касающихся искусства чтения, речи и, частично, жеста. Сделано это с целью более глубокого ознакомления читателя с данным искусством, ибо хорошая цитата, как гвоздь, внедряется в сознание, бережит мысль и заставляет ее работать в известном направлении.

Принимая во внимание условия эстрадного чтения, составитель дал некоторые произведения в отрывках, иногда в сокращенном виде, от чего они лишь выиграют при чтении вслух.

Василий Серёжников.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие	V-VI
I. ИЗ ПОЭЗИИ ДО ОКТЯБРЯ	
А. С. ПУШКИН	
Деревня	3
Зимнее утро	5
Осень	6
Анчар	8
Элегия	9
Погасло дневное светило	10
Стансы	12
Бахчисарайский фонтан (отрывок)	13
Цыганы (отрывок)	16
Е. А. БОРАТЫНСКИЙ	
Водопад	20
К. Ф. РЫЛЕЕВ	
Гражданин	21
Н. ОГАРЕВ	
Прометей	22
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ	
Смерть поэта	23
Дубовый листок оторвался от ветки родимой	25
Демон (отрывок из поэмы)	26
Мцыри (отрывок)	28
Беглец	30
А. В. КОЛЬЦОВ	
Лес	34
Вторая песня Лихача-Кудрявича	35

	СТР.
И. С. НИКИТИН	
Ночь в степи	36
Хозяин (в сокращении)	37
Падет презренное тиранство	39
А. Н. ПЛЕЩЕЕВ	
Вперед без страха и сомненья	40
Н. А. НЕКРАСОВ	
Элегия	41
Размышления у парадного подъезда	42
Железная дорога	45
На Волге	48
Плач детей	50
Яким Нагой (отрывок из «Кому на Руси жить хорошо»)	51
Русские женщины (отрывок — «Сон кн. Трубецкой о восстании декабристов»)	53
Огородник	54
Ф. И. ТЮТЧЕВ	
Весенняя гроза	56
Есть в осени первоначальной	57
Осенний вечер	57
Последняя любовь	58
Ночное небо так угрюмо	58
А. А. ФЕТ	
Ласточки	59
Ива	59
Я пришел к тебе с приветом	60
Я. Н. ПОЛОНСКИЙ	
Дорога	60
А. Н. МАЙКОВ	
Поля	61
Тарангелма	64
А. К. ТОЛСТОЙ	
У приказных ворот собирался народ	66

	СТР.
В. С. КУРОЧКИН	
Песнь труда (из Беранже)	68
Бедный чудака (из Беранже)	69
Л. И. ПАЛЬМИН	
Реквием	70
П. Ф. ЯКУБОВИЧ	
Кузнецы	70
М. ГОРЬКИЙ	
Песня о соколе	71 ✓
Песня о буревестнике	75 ✓
ФЕДОР СОЛОГУБ	
Амфора	77
Восход солнца	77
Песня швеи	78
К. Д. БАЛЬМОНТ	
Я в этот мир пришел	78
Черемуха	79
Два голоса	80
Безглагольность	80
Лунный свет	81
Русскому рабочему	82
Весенний клич	83
ВАЗЕРИЙ БРЮСОВ	
Кинжал	83
Каменщик	84
Вечерний прилив	84
Восстание (из Эм. Верхарна)	85
Трибун (из Эм. Верхарна)	89
Кузнец (из Эм. Верхарна)	91
Банкир (из Эм. Верхарна)	95
Девушки (из Эм. Верхарна)	97
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ	
Вчера во мгле неслись титаны	98

X	СОДЕРЖАНИЕ	СТР.
Александр Блок		
В ресторане		99
Песня Фанны		100
Сытые		101
Соловьиный сад		101
Андрей Белый		
Весна		106
Максимилан Волошин		
В вагоне		107
Осенний вечер		108
Нечаев		
Язычица		110
В деревне		111
Г. Вяткин		
Молитесь вы, рабы		112
Евг. Тарасов		
Дерзости слава		113
Сергей Городецкий		
Весна		114
Русь		115
Демьян Бедный		
Порода		116
Свеча		117
На что покойнику сапоги?		118
Кларнет и рожок		119
Сон		120
Май		121

СОДЕРЖАНИЕ	XI	СТР.
II. ИЗ ПОЭЗИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ		
В. Александровский		
Восстание		125
Деревня (отрывок из поэмы)		126
Петр Орешин		
Поезд		127
9-е января		128
Александр Блок		
Двенадцать		132
Скифы		142
В. Кириллов		
Памяти Карла Маркса		144
Первомайский гимн		145
Вас. Князев		
Песня Коммуны		146
Валерий Брюсов		
Серп и Молот		147
Нам проба		148
И. Ионов		
7-е января		149
Интернационал		150
Песня коммунаров		151
М. Герасимов		
Железные цветы		152
Александр Поморский		
Рабочий дворед		152
А. Гастев		
Мы растем из железа		153

	СТР.
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ	
О шанке	154
Партбилет	156
Комсомольская чехарда (из поэмы «Комсомолия»)	159
Комсомольская шамовка (из поэмы «Комсомолия»)	160
Песня швейных машинок (из поэмы «Комсомолия»)	161
Ах, комсомолия! (конец поэмы «Комсомолия»)	162
И. В. ДОРОНИН	
В советской деревне (из поэмы «Трахторный пахарь» гл. II)	163
Весенняя любовь	166
Полевая песня	167
На лугах	168
Утро в хате	169
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН	
Песнь о великом походе	170
В. Л. МАЯКОВСКИЙ	
Левый марш	178
1-е мая	179
Наш марш	181
Сказочка о кадете	182
Прозаседавшиеся	183
ВАС. КАМЕНСКИЙ	
Пионерский марш	185
Пожар пугачевский	186
Г. ДЕЛЕВИЧ	
В Смольном	190
СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ	
9-е января	191
Кофе	194
Обновление куполов	195
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ	
Главная улица (поэма)	197
Песня деда Софрона	202

	СТР.
В монастыре	204
✓ На параде	205
✓ Господекая тень	205
Вошь	206
ВАСИЛИЙ КАЗНИ	
Осенняя весна	209
Каменщик	210
Рабочий май	210
АЛЕКСАНДР ЖАРОВ	
Завод	211
Ледоход	212
Сто тысяч	213
Ш. В. И. ЛЕНИН	
А. АРОСЕВ	
Недавние дни (отрывок)	217
ФЕОКТИСТ БЕРЕЗОВСКИЙ	
Киргизская легенда (эпизод к роману «В степных просторах»)	221
Л. ТРОЦКИЙ	
<u>Ленина нет . . . . .</u>	225
Н. АСЕЕВ	
Реквием	227
С. ТРЕТЬЯКОВ	
Мы помним	228
Н. ТИХОНОВ	
Сами	229
М. А. Ш. Ш.	
✓ Баллада о Ленине и Ли-Чане	232
Москва ночью	234
Жив Ильич	235
В избе	236

	СТР.
И СБАХ	
И будет жить Ильич!	287
Л. СЕЙФУЛЛИНА	
Мужидкий сказ о Ленине	238
В. Л. МАЯКОВСКИЙ	
Бюлетень	241
Комсомольская	242
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ	
Товарищ Ленин	247
Партбилет № 224332	247
Боевая ленинская	248
А. ЖАРОВ	
Разговор с солнцем	250
Вождя не стало: сомкнитесь, звенья	252
ИЛЬЯ ИОНОВ	
Красный кормчий (Владимиру Ильичу Леничу)	254
СЕРГЕЙ МАЛАХОВ	
Ленин	255
РОМАН	
Нет. Сегодня стихов нам мало.	257
В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ	
В. И. Ленин	257
В. Л. КИРИЛЛОВ	
Траурный марш	259
В. КАЗИН	
Ленин	260
Д. М. ПЕТРОВСКИЙ	
Последнее свидание	261
Г. ШЕНГЕЛИ	
Капитан (На смерть Ленина)	263

	СТР.
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ	
После смерти В. И. Ленина	265
СЕРАФИМ ОГУРЦОВ	
Ленинский допризывник	266
ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ	
Памяти вождя	268
НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ	
Не верим	269
Н. ШУКЛИН	
Ленину — почетному тартальщику грозненских промыслов	269
А. ИРКУТОВ	
На смерть Ильича (коллективная декламация - марш)	270
А. ПОМОРСКИЙ	
Памяти вождя	271
Л. СТАЛЬСКИЙ	
До конца	272
М. КОЛОСОВ	
Тринадцать	273
ЙОГАННЕС БЕХЕР (Германия)	
✓ Ленин	278
ЭРИХ МЮЗАМ (Германия)	
✓ Ленина нет	280
ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ (Франция)	
Ленин	282
ЛУ-МЕРТЕН (Швейцария)	
Завет Ленина	283
ЭЙНЕР НИЛЬСОН (Швеция)	
Печаль	284

	стр.
Оскар Куллеркунн (Эстония)	
На могиле Ленина	285
Макс Бартель (Германия)	
Ленин жив	287
Воспоминание о Ленине	288

IV. ИЗ РАССКАЗОВ ДО ОКТЯБРЯ

И. С. Тургенев	
Певцы (отрывок)	293
Два помещика (отрывок)	295
И. А. Гончаров	
Обломов (Захар и Обломов — отрывок из романа)	298
Л. Н. Толстой	
Франсуаза	301
Крейцера соната	307
Ф. М. Достоевский	
Неточка Незванова (отрывок в сокращении)	311
М. Е. Салтыков-Щедрин	
Карась-идеалист	316
Ваня и Миша (в сокращении)	321
Господа Головлевы (отрывок из романа)	325
Глеб Успенский	
Неизлечимый (в сокращении)	328
И. Ф. Горбунов	
Безответный (сцена в деревне)	332
Воздухоплаватель	334
Ант. Чехов	
Недоброе дело	336
Загадочная натура	341
Толстый и тонкий	343
Злоумышленник	345
Длинный язык	349

	стр.
М. Горький	
✓ Старуха Изергиль	352 ✓
✓ 9-е января	355 ✓
✓ Разговор птиц	363 ✓
Л. Андреев	
Великан	366
✓ Рассказ о семи повешенных (Гл. 12. «Их привезли»)	368 ✓
В. Вересаев	
Звезда (восточная сказка)	375
А. Серафимович	
Две божьи матери	380
В. ИЗ РАССКАЗОВ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ	
А. Серафимович	
Чудо	385
Александр Неверов	
Земля и небо	388
По новому	392
Л. Сейфуллина	
Правонарушители (отрывок)	398
Старуха	409
Ник. Никитин	
Барка	416
Вс. Иванов	
✓ Бронепоезд № 14, 69	423 ✓
Полая аранья	428
Б. Пильняк	
Кожаные куртки	439
М. Голодный	
Васька с Александровской улицы	442

	СТР.
Д. М. Фурманов	
Чапаяев (отрывок)	449
В. Шишков	
Школьное торжество	453
Михаил Волков	
Чудо	462
Конст. Федин	
Города и годы (отрывок)	467

VI. КОЛЛЕКТИВНАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

Статьи В. А. СЕРЕЖНИКОВА	
I. Что такое коллективная декламация?	479
II. Несколько основных положений и правил художественного чтения	490
III. Необходимые условия при использовании образцов коллективной декламации.	503

ОБРАЗЦЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕКЛАМАЦИИ (голосовая инструментовка В. Серезникова)

Вал. Брюсов	
Мятеж (из Эм. Верхарна)	505
Ветер (из Эм. Верхарна).	509
И. Оммулевский	
Песня труда	512
Н. А. Некрасов	
Зеленый шум.	513
Василий Каменский	
Стенька Разин.	517
П. М. Керженцев	
Время, система, энергия.	524
Демьян Бедный	
Главная улица	527

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александровский, В.		Кларнет и рожок.	119
В. И. Ленин.	257	Май	121
Восстание.	125	На параде	205
Деревня.	126	На что покойнику сапоги?	118
Андреев, Л.		Песня деда Софрона	202
Великап	366	Порода.	116
Рассказ о семи повешенных.	368	Свеча	117
Аросев, А.		Сон	120
Недавние дни	217	Безыменский, А.	
Асеев, Н.		Ах, комсомолы!	162
Реквием	227	Боевая ленинская.	248
Бальмонт, К.		Комсомольская чехарда	159
Безглагольность	80	Комсомольская шамовка	160
Весенний клыч	83	О шанке	154
Два голоса	80	Партбилет	156
Лунный свет	81	Партбилет № 224332	247
Русскому рабочему.	82	Песня швейных машинок	161
Черемуха.	79	Товарищ Ленин.	247
Я в этот мир пришел.	78	Белый, А.	
Бартель, М.		Весна.	106
Воспоминание о Ленине	288	Березовский, Ф.	
Ленин жив	287	Киргизская легенда.	221
Бедный, Д.		Бехер, Н.	
В монастыре	204	Ленин	278
Вошь	206	Блок, А.	
Главная улица	197, 527	В ресторане	99
Господская тень	205	Двенадцать.	132
		Песня Фаины	100
		Скифы.	142
		Соловиный сад	101
		Сытые	101

Боратынский, Е.	Голодный, М.
Водонад 20	Васька с Александровской улицы 442
Брюсов, В.	Гончаров, И.
Банкир (из Эм. Верхарна) . . . 95	Обломов 298
Ветер (из Эм. Верхарна) . . . 509	Горбунов, И.
Вечерний прилив 84	Безответный 332
Восстание (из Эм. Верхарна) . . 85	Воздухоплаватель 334
Девушки (из Эм. Верхарна) . . . 97	Городецкий, С.
Каменщик 84	Весна 114
Кинжал 83	9-ое января 191
Кузнец (из Эм. Верхарна) . . . 91	Кофе 194
Мятеж (из Эм. Верхарна) . . . 505	Обновление куполов 195
Нам проба 148	Русь 115
После смерти В. И. Ленина . . . 263	Горький, М.
Серп и молот 147	9-ое января 355
Трибун (из Эм. Верхарна) . . . 89	Песня о Буревестнике 75
Вайян-Кутюрье, П.	Песня о Соколе 71
Ленин 282	Разговор птиц 363
Вересаев, В.	Старуха Изергиль 352
Звезда 375	Дорогин, И.
Волков, М.	Весенняя любовь 166
Чудо 462	В советской деревне 163
Волошин, М.	На лугах 168
В вагоне 107	Полевая песня 167
Осенний вечер 108	Утро в хате 169
Вяткин, Г.	Достоевский, Ф.
Молитесь вы, рабы 112	Неточка Незванова 311
Гастев, А.	Есенин, С.
Мы растем из железа 153	Песнь о великом походе . . . 170
Герасимов, М.	Жаров, А.
Железные цветы 152	Войдя не стало 252
	Завод 211
	Ледоход 212
	Разговор с солнцем 250
	Сто тысяч 213

Иванов, Вс.	Колосов, М.
Бронепоезд № 14, 69. 423	Тринадцать 273
Полая арапия 428	Кольцов, А.
Иванов, Вяч.	Вторая песня Лихача-Кудря- вича 35
Вчера во мгле неслись ти- тапы 98	Лес 34
Ионов, И.	Куллеркуни, О.
Интернационал 150	На могиле Ленина 285
Красный кормчий 254	Курочкин, В.
Песня коммунаров 151	Бедный чужак 69
7-ое января 149	Песнь труда 68
Иркутов, А.	Лелевич, Г.
На смерть Ильича 270	В Смольном 190
Исбах.	Лермонтов, М.
И будет жить Ильич! 237	Беглец 30
Казин, В.	Демон 26
Каменщик 210	Дубовый листок оторвался от ветки родимой 25
Ленин 260	Мцыри 28
Осенняя весна 209	Смерть поэта 23
Рабочий май 210	Лу-Мертен.
Каменский, В.	Завет Ленина 283
Пионерский марш 185	Майков, А.
Пожар пугачевский 186	Поля 61
Стенька Разин 517	Тарантелла 64
Керженцев, П.	Малахов, С.
Время, система, энергия . . . 524	Ленин 255
Кириллов, В.	М. А. П. П.
Памяти Карла Маркса 144	Баллада о Ленине и Ли-Чане . . 232
Первомайский гимн 145	В избе 236
Траурный марш 259	Жив Ильич 235
Князев, В.	Москва ночью 234
Песня коммуны 146	

Маяковский, В.	Огарев, Н.
Бюллетень 241	Прометей 22
Комсомольская 242	
Левый марш 178	Огурцов, С.
Наш марш 181	Ленинский допризывник . . . 266
1-е мая 179	
Прозаседавшиеся 183	Оммулевский, П.
Сказочка о кадете 182	Песня труда 512
Мюзам, Э.	
Ленина нет. 280	Орешин, П.
Неверов, А.	9-е января 128
Земля и небо. 388	Поезд 127
По новому 392	
Некрасов, Н.	Пальмин, Л.
Железная дорога 45	Реквием 70
Зеленый шум 513	
На Волге 48	Петровский, Дм.
Огородник 54	Последнее свидание 261
Плач детей 50	
Размышление у парадного подъезда 42	Пильняк, Б.
Русские женщины 53	Кожаные куртки 439
Элегия 41	
Яким Нагой 51	Плещеев, А.
Нечаев.	Вперед без страха и со- мнения 40
В деревне 111	
Язычица 110	Поletaев, Н.
Никитин, П.	Не верим 269
Ночь в степи 36	
Падет презренное тиранство . 39	Полонский, Я.
Хозяин 37	Дорога 60
Никитин, Ник.	
Барка 416	Поморский, А.
Нильсон, Э.	Памяти вождя 271
Печаль 284	Рабочий дворец 152

Пушкин, А.	Стальский, Л.
Апчар 8	До конца 272
Бахчисарайский фонтан . . . 13	Тарасов, Е.
Деревня 3	Дерзости слава 113
Зимнее утро 5	Тихонов, Н.
Осень 6	Сами 229
Погасло дневное светило . . 10	
Стансы 12	Толстой, А.
Пыгань 16	У приказных ворот собирался народ 66
Элегия 9	
Роман.	Толстой, Л.
Нет. Сегодня стихов нам мало 257	Крейцера соната 307
Рылеев, К.	Франсуаза 301
Гражданин 21	
Салтыков-Щедрин, М.	Третьяков, С.
Ваня и Миша 321	Мы помним 228
Господа Головлевы 325	Троцкий, Л.
Карась идеалист 316	Ленина нет 225
Сейфуллина, Л.	Тургенев, П.
Мужицкий сказ о Ленине . . 238	Два помещика 295
Правонарушители 398	Певцы 293
Старуха 409	
Семеновский, Д.	Тютчев, Ф.
Памяти вождя 268	Весенняя гроза 56
	Есть в осени первоначальной . 57
Серафимович, А.	Ночное небо так угрюмо . . 58
Две богини матери 380	Осенний вечер 57
Чудо 385	Последняя любовь 58
Сологуб, Ф.	Успенский, Г.
Амфора 77	Неизлечимый 328
Восход солнца 77	Федин, К.
Песня швеи 78	Города и годы 467

Фет, А.	Шенгели, Г.
Ива 59	Капитан 263
Ласточка 59	Шишгов, В.
Я пришел к тебе с приветом 60	Школьное торжество 453
Фурманов, Д.	Шуклин, Н.
Чанаев. 449	Ленину — почетному тарталь- щику грозненских промыс- лов. 269
Чехов, А.	Якубович, П.
Длинный язык 349	Кузнецы 70
Загадочная натура 341	
Злоумышленник 345	
Недоброе дело 336	
Толстый и тонкий 343	

ИЗ ПОЭЗИИ ДО ОКТЯБРЯ

*

А. ПУШКИН
Е. БОРАТЫНСКИЙ
К. РЫЛЕЕВ
Н. ОГАРЕВ
М. ЛЕРМОНТОВ
А. КОЛЬЦОВ
И. НИКИТИН
А. ПЛЕЩЕЕВ
Н. НЕКРАСОВ
Ф. ТЮТЧЕВ

А. ФЕТ
Я. ПОЛОНСКИЙ
А. МАЙКОВ
А. ТОЛСТОЙ
В. КУРОЧКИН
А. ПАЛЬМИН
П. ЯКУБОВИЧ
М. ГОРЬКИЙ
Ф. СОЛОГУБ
К. БАЛЬМОНТ

БРЮСОВ
ВЯЧ. ИВАНОВ
А. БЛОК
А. БЕЛЫЙ
М. ВОЛОШИН
НЕЧАЕВ
Г. ВЯТКИН
ЕВГ. ТАРАСОВ
С. ГОРОДЕЦКИЙ
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ДЕРЕВНЯ.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шум дубрав, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда.
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе,
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрядный глас:
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор,
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной дозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для прихоти развратного злодея;

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, еслиб голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль я, друзья, народ не угнетенный
И рабство, падшее по манню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

А. С. Пушкин.

Всякому роду поэзии соответствует и свой особый род чтения.

Легува.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки,
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылу бурю запретить?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

А. С. Пушкин.

ОСЕНЬ.

Октябрь уж наступил; — уж роша отряхает
 Последние листы с нагих своих ветвей,
 Дохнул осенний хлад, дорога промерзает —
 Журча еще бежит за мельницу ручей,
 Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
 В отъезжие поля с охотою своей,
 И страждут озими от бешеной забавы,
 И будит лай собак уснувшие дубравы.

* *

Теперь моя пора: я не люблю весны,
 Скучна мне оттепель: вонь, грязь; весной я болен:
 Кровь бродит, чувства, ум тоскою стеснены;
 Суровою зимой я более доволен,
 Люблю ее снега, в присутствии луны
 Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
 Когда, под сободем согрета и свежа,
 Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

* *

.....

* *

Унылая пора, очей очарованье,
 Приятна мне твоя прощальная краса!
 Люблю я пышное природы увяданье
 В багрец и в золото одетые леса!
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдаленные седой Зимы угрозы.

* *

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русский холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь,
 Чредой слетает сон, чредой находит голод,

Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят; я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн: таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

* *

Ведут ко мне коня; в раздольи открытом,
 Махая гривой, он всадника несет —
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый дол и трескается лед.
 Но гаснет краткий день и в камельке забытом
 Огонь опять горит; то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно; а я пред ним читаю,
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

* *

И забываю мир, и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

* *

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге;
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны:
 Громада двинулась и рассекает волны.

* *

Плывет... Куда ж нам плыть?.. Какие берега
 Теперь мы посетим? Египет колоссальный,
 Скалы Шотландии иль вечные снега...

А. С. Пушкин.

АНЧАР.

(Древо яда).

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

А. С. Пушкин.

ЭЛЕГИЯ.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье,
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

А. С. Пушкин.

Живописец, скульптор, актер могут представить не больше человеческой страсти и характера, чем та небольшая частица, которая отражается в жесте и на лице. Наиболее глубокие и сложные стороны человеческой природы могут быть выражены только посредством слов.

Т. Маколей.

(Из книги «Музыка живого слова»).

ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО.

Погасло дневное светило;
 На море синее вечерний пал туман.
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан!
 Я вижу берег отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края;
 С волненьем и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаньем упоенный...
 И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан!
 Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
 По грозной прихоти обманчивых морей,
 Но только не к брегам печальным
 Туманной родины моей.
 Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость,
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новых впечатлений,
 Я вас бежал, отечески края;
 Я вас бежал, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,

И вы забыты мной, изменницы молодые,
 Подруги тайные моей весны златые,
 И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
 Глубоких ран любви, ничто не излечило...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

А. С. Пушкин.

«Я рад, что наконец начались у нас публичные чтения произведений наших писателей. Мне уже писали об этом кое-что из Москвы: там читали разные литературные современности, а в том числе и мои повести. Я думал всегда, что публичное чтение у нас необходимо... Искусные чтецы должны создаться у нас: среди нас мало речистых говорунов, способных щеголять в палатах и парламентах, но много есть людей, способных всякому сочувствовать... К образованию чтецов способствует также и язык наш, который как бы создан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи. Я даже думаю, что публичные чтения со временем заменят у нас спектакли... Однако только искусное чтение может установить о поэтах ясное понятие. Но, разумеется, нужно, чтобы самое чтение произведено было таким чтецом, который способен передать всякую неуловимую черту того, что читает. Для этого не нужно быть пламенным юношей, который готов сторяча и не переводя духа прочесть, в один вечер, и трагедию, и комедию, и оду, и все, что ни попаало. Прочесть, как следует, произведение лирическое — вовсе не безделица: для этого нужно долго его изучать. Нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу: нужно и душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичное его чтение. Чтение это будет вовсе не крикливое, но в голосе чтеца послышится неведомая сила, свидетель истинно-растроганного внутреннего состояния. Сила эта сообщится всем и произведет чудо: потрясутся и те, которые не потрясались никогда от звуков поэзии».

Н. В. Гоголь.

(«Чтения русских поэтов перед публикою». 1843 г.).

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина:
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все-б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

А. С. Пушкин.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН.

(Отрывок).

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она...
Идет; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкою ногой...
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит евнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо;
Обманчив сна его покой!..
Как дух она проходит мимо.
Пред нею дверь; с недоуменьем
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка...
Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.

.....
.....
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись,
И слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись:
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет.

.....
.....
Увы, Зарема, что с тобой?
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольно клонятся колени,
И молит: «сжался надо мной,
Не отвергай моих молений!..»
Ее слова, движенье, стон
Прервали девы тихий сон.
Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;

В смятении трепетной рукою,
Ее подьемля, говорит:

— Кто ты?.. Одна, порой ночью,
Зачем ты здесь? — «Я шла к тебе:
Спаси меня, в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...
Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...
И тень блаженства миновалась!
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здесь, далеко,
Далеко... но минувших дней
Предметы в памяти моей
Доныне врезаны глубоко.
Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной —
Не знаю; помню только море,
И человека в вышине
Над парусами...

Страх и горе

Доныне чужды были мне;
Я в безмятежной тишине,
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви
Послушным сердцем ожидала.
Желанья тайные мои
Сбылись. Гирей для мирной неги
Войну кровавую презрел,
Пресек ужасные набеги
И свой гарем опять узрел.
Пред хана в смутном ожидании
Предстали мы. Он светлый взор
Остановил на мне в молчаньи,
Позвал меня... и с этих пор

Мы в непрерывном упоении
Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали нас.
Мария, ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров;
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
Итак, послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь:
Зачем же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирей мне: он — мой;
На мне горят его лобзанья;
Он клятвы страшные мне дал;
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу! видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея:
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирей...
Не возражай мне ничего;
Он — мой; он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней,

Но вера матери моей
 Была твоя), клянись мне ею
 Зарему возвратить Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебе... кинжалом я владею,
 Я близ Кавказа рождена!».

А. С. Пушкин.

ЦЫГАНЫ.

(Отрывок).

Алеко спит. В его уме
 Виденье смутное играет;
 Он, с криком пробудясь во тьме,
 Ревниво руку простирает;
 Но оробелая рука
 Покровы хладные хватает,
 Его подруга далека...
 Он с трепетом привстал и внемлет...
 Все тихо... Страх его объемлет,
 По нем текут и жар, и хлад;
 Встает он, из шатра выходит,
 Вокруг телег ужасен бродит...
 Спокойно все; поля молчат;
 Темно; луна зашла в туманы;
 Чуть брежжет звезд неверный свет;
 Чуть по росе приметный след
 Ведет за дальние курганы:
 Нетерпеливо он идет,
 Куда зловещий след ведет.
 Могила на краю дороги
 Вдали белееет перед ним.
 Туда слабеющие ноги
 Влачит, предчувствием томим;
 Дрожат уста, дрожат колени...
 Идет... И вдруг... иль это сон?
 Вдруг видит близкие две тени
 И близкий шопот слышит он
 Над обесславленной могилой.

Первый голос.

Пора.

Второй голос.

Постой!

Первый голос.

Пора, мой милый.

Второй голос.

Нет, нет! Постой, дождемся дня.

Первый голос.

Уж поздно.

Второй голос.

Как ты робко любишь...

Минуту!

Первый голос.

Ты меня погубишь.

Второй голос.

Минуту!

Первый голос.

Если без меня

Проснется муж...

Алеко.

Проснулся я,
 Куда вы? Не спешите оба, —
 Вам хорошо и здесь, у гроба.

Земфира.

Мой друг, беги, беги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавец молодой?

Лежи!

(Вонзает в него нож).

Земфира.
Алеко!

Цыган.
Умираю!

Земфира.

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни, ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

Алеко.

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

Земфира.

Нет, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклинаю.

Алеко.

Умри ж и ты!

Земфира.

Умру любя!

Восток, денницей озаренный,
Сидел Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли

И в лоно холодное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На все. Когда же их зарыли
Последней горстью земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.
Тогда старик, приблизясь, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас.
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас;
Прости! Да будет мир с тобою.»
Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега,
И скоро все в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда, перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подымется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком в даль, на юг несется, —
Пронзенный гибельным свинцом,
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил...

А. С. Пушкин.

ВОДОПАД.

Шуми, шуми с крутой вершины,
 Не умолкай, поток седой!
 Соединяй протяжный вой
 С протяжным отзвуком долины.
 Я слышу: свищет Аквилон,
 Качает елию скрипучей,
 И с непогодою ревучей
 Твой рев мятежный согласен.
 Зачем с бесшумным ожиданьем
 К тебе прислушиваюсь я?
 Зачем трепещет грудь моя
 Каким-то вещим трепетаньем?
 Как очарованный стою
 Над дымной бездною твоею,
 И, мнится, сердцем разумею
 Речь безглагольную твою.
 Шуми, шуми с крутой вершины,
 Не умолкай, поток седой!
 Соединяй протяжный вой
 С протяжным отзвуком долины.

Е. А. Боратынский.

Хотите заслужить читателей любовь,
 Разнообразьте стих, не повторяйтесь вновь.
 Ведь вечно ровный стих, тягуче-монотонный.
 Способен вызывать у нас зевок лишь сонный.
 И скучен нам поэт, что на единый тон
 Как бы поет псалтирь и навевает сон.

Буало.

(*«Поэтическое искусство»*).

ГРАЖДАНИН.

Я ль буду в роковое время
 Позорить гражданина сан
 И подражать тебе, изнеженное племя
 Переродившихся славян?
 Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
 В постыдной праздности влачить свой век молодой
 И изнывать кипящею душой
 Под тяжким игом самовластья!
 Пусть юноши, не разгадав судьбы,
 Постигнуть не хотят предназначенья века
 И не готовятся для будущей борьбы
 За угнетенную свободу человека.
 Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
 На бедствия страдающей отчизны
 И не читают в них грядущий свой позор
 И справедливые потомков укоризны.
 Они раскаются, когда народ, восстав,
 Застанет их в объятых праздной неги,
 И, в бурном мятеже ища свободных прав,
 В них не найдет ни Бруга, ни Риэги.

К. Ф. Рылеев.

Заранее обдумайте все и посредством упражнений подчините
 все правильности и порядку. Упорный труд придает уверенность.
 Непринужденность — привлекательнейшее украшение таланта. Хо-
 рошо приготовленная игра (чтение) кажется неприготовленной.

Самсон.

(*Знаменитый французский актер*).

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршун! Больно! Подлый раб,
 Палач Зевеса!.. О, когда-б
 Мне эти цепи не мешали,
 Как беспощадно-б руки сжали
 Тебя за горло! Но без сил,
 К скале прикованный, без воли,
 Я грудь мою тебе открыл
 И каждый миг кричу от боли,
 И замираю каждый миг...
 На мой безумно-жалкий крик
 Проснулся отголосок дальний,
 И ветер жалобно завыл
 И прочь рванулся, что есть сил.
 И закачался лес печальный;
 Испуга барс не превозмог —
 Сверкая желтыми глазами,
 Он в чащу кинулся прыжками.
 Туман седой на горы лег,
 И море дальше, о скалы
 Дробясь, глухо застонало...
 Один спокоен царь небес, —
 Ничем не тронулся Зевес!

Завистник! Он забыть не может,
 Что я — творец, что он моих
 Созданий век не уничтожит;
 Что я с небес его для них
 Унес огонь неугасимый...
 Ну, что же, бог неумолимый...
 Ну, мучь меня! Еще ко мне
 Пошли хоть двадцать птиц голодных,
 Неутомимых, безотходных,
 Чтоб рвали сердце мне они —
 А все-ж людей я создал! — Твердый,
 Смелся над злобою твоей,
 Смотрю я, непокорный, гордый,
 На красоту моих людей,

О! хорошо их сотворил я,
 Во всем подобными себе:
 Огонь небесный в них вселил я
 С враждою вечною к тебе,
 С гордыней вольною Титана
 И непокорностью судьбе.

Рви, коршун, глубже в сердце рану —
 Она Зевесу лишь позор!
 Мой крик пронзительный — укор
 Родит в душах моих созданий;
 За дар томительный страданий
 Дойдут проклятья до небес —
 К тебе, завистливый Зевес!
 А я, на вечное мученье
 Тобой прикованный к скале,
 Найду повсюду сожаленье,
 Найду любовь по всей земле,
 И в людях, гордый сам собою,
 Я надругаюсь над тобою!

Н. Огарев.

СМЕРТЬ ПОЭТА.

(На смерть Пушкина).

Погиб поэт! Невольник чести —
 Пал, оклеветанный молвой,
 С свинцом в груди и с жаждой мести,
 Повикнув гордой головой.
 Не вынесла душа поэта
 Позора мелочных обид:
 Восстал он против мнений света
 Один, как прежде, — и убит!
 Убит!.. К чему теерь рыдания,
 Пустых похвал ненужный хор
 И жалкий лепет оправданья?
 Судьбы свершился приговор!
 Не вы ль сперва так долго гнали
 Его свободный, смелый дар

И для потехи раздували
 Чуть заганвшийся пожар?..
 Что ж? Веселитесь!.. Он мучений
 Последних вынести не мог:
 Угас, как светоч, дивный гений,
 Увял торжественный венок.
 Его убийца хладнокровно
 Навел удар... спасенья нет!
 Пустое сердце бьется ровно, —
 В руке не дрогнет пистолет.
 И что за диво?.. Из далека,
 Подобный сотням беглецов,
 На ловлю счастья и чинов
 Зброшен к нам по воле рока,
 Смеясь он дерзко презирал
 Земли чужой закон и нравы;
 Не мог шадить он нашей славы,
 Не мог понять в сей миг кровавый,
 На что он руку поднимал!..

И он убит, и взят могилой,
 Как тот певец, неведомой, но милой,
 Добыча ревности глухой,
 Воспетый им с такою чудной силой,
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
 Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
 Вступил он в этот свет, завистливый и душный
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ничтожным?
 Зачем поверил он словам и ласкам ложным, —
 Он, с юных лет постигнувший людей?..
 И прежний сняв венок, они венец терновый,
 Увитый лаврами, надели на него;
 Но иглы тайные сурово
 Язвили славное чело...
 Отравлены его последние мгновенья
 Коварным шопотом насмешливых невежд,
 И умер он с напрасной жаждой мщенья,
 С досадой тайною обманутых надежд...
 Замолкли звуки чудных песен,

Не раздаваться им опять:
 Приют певца угрюм и тесен,
 И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятою рабскою поправшие обломки
 Игрою счастья обиженных родов!
 Вы, жадною толпою стоящие у трона,
 Свободы, гения и славы палачи,
 Таитесь вы под сению закона,
 Пред вами суд и правда — все молчи!..
 Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
 Есть грозный суд: он ждет,
 Он не доступен звону злата,
 И мысли, и дела он знает наперед.
 Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
 Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смосте всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

М. Ю. Лермонтов.

ДУБОВЫЙ ЛИСТОК ОТОРВАЛСЯ ОТ ВЕТКИ РОДИМОЙ.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
 И в степь укатился, жестокою бурей гонимый,
 Засох и увял он от холода, зноя и горя,
 И вот, наконец, докатился до Черного моря.
 У Черного моря чинара стоит молодая,
 С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
 На ветвях зеленых качаются райские птицы;
 Поют они песни про славу морской царь-девиды.
 И странник прижался у корня чинары высокой;
 Приюта на время он молит с тоскою глубокой.
 И так говорит он: «Я, бедный листочек дубовый,
 До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных —
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

— «На что мне тебя? — отвечает молодая чинара —
Ты бледен и желт, и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал, да к чему мне твои небывлицы?
Мне слух утомили давно уже райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю.
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

М. Ю. Лермонтов.

ДЕМОН.

(Отрывок из поэмы).

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рай пролетал,
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали,
И золотые облака
Из южных стран, издалека,
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонились головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы:

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны.
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир, но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый пышный край земли!
Столообразные руины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных
И куши роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющем;
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой.
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил.
В груди изгнанника бесплотной
Ни новых чувств, ни новых сил —
И все, что пред собой он видел,
Он презирал или ненавидел.

М. Ю. Лермонтов.

МЦЫРИ.

(Отрывок).

Ты слушать исповедь мою
 Сюда пришел — благодарю.
 Все лучше перед кем-нибудь
 Словами облегчить мне грудь:
 Но людям я не делал зла, —
 И потому мои дела
 Не много пользы вам узнать, —
 А душу можно ль рассказать?
 Я мало жил и жил в плену.
 Таких две жизни за одну,
 Но только полную тревог,
 Я променял бы, если-б мог,
 Я знал одной лишь думы власть,
 Одну, но пламенную страсть:
 Она, как червь, во мне жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 От келий душных и молитв
 В тот чудный мир тревог и битв,
 Где в тучах прячутся скалы,
 Где люди вольны, как орлы.
 Я эту страсть во тьме ночной
 Вскормил слезами и тоской.
 Ее пред небом и землей
 Я ныне громко признаю
 И о прощеньи не молю.

Старик! Я слышал много раз,
 Что ты меня от смерти спас.
 Зачем?.. Угрюм и одинок,
 Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах,
 Душой дитя, судьбой монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов: «отец» и «мать».
 Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык

От этих сладостных имен?
 Напрасно: звук их был рожден
 Со мной. Я видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ, — могил!
 Тогда пустых не трагя слез,
 В душе я клятву произнес:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хотя не знакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я, как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой.

Меня могила не страшит!
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной вечной тишине;
 Но с жизнью жаль расстаться мне!
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,
 Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скражине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись голубь молодой
 Сидит, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свет
 Тебе постыл: ты слаб, ты сед
 И от желаний ты отвык.
 Что за нужда? Ты жил, старик!
 Тебе есть в мире, что забыть,
 Ты жил, — я также мог бы жить!

М. Ю. Лермонтов.

БЕГЛЕЦ.

(Горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
 Быстрей, чем заяц от орла,—
 Бежал он в страхе с поля брани,
 Где кровь черкесская текла.
 Отец и два родные брата.
 За честь и вольность там легли,
 И под пятой у супостата
 Лежат их головы в пыли.
 Их кровь течет и просит мщенья.
 Гарун забыл свой долг и стыд,
 Он растерял в пылу сраженья
 Винтовку, шашку — и бежит.
 И скрылся день. Клубясь, туманы
 Одели темные поляны
 Широкой белой пеленой;
 Пахнуло холодом с востока
 И над пустынею пророка
 Встал тихо месяц золотой.
 Усталый, жаждою томимый,
 С лица стирая кровь и пот,
 Гарун меж скал аул родимый
 При лунном свете узнает.
 Подкрался он никем незримый;
 Кругом молчанье и покой.
 С кровавой битвы невредимый
 Лишь он один пришел домой,
 И к сакле он спешит знакомой,
 Там блещет свет: хозяин — дома.
 Крепясь душой, как только мог,
 Гарун ступил через порог.
 Селима знал он прежде другом;
 Старик пришельца не узнал;
 На ложе, мучимый недугом,
 Один, он молча умирал.
 «Велик Аллах: от злой отравы
 Он светлым ангелам своим

Велея беречь тебя для славы...
 Что нового?» спросил Селим,
 Подняв поблекнувшие вежды,
 И взор блеснул огнем надежды;
 И он привстал, и кр... бойца
 Вновь разыгралась в час конца.
 «Два дня мы бились в теснине;
 Отец мой пал и братья с ним,
 И скрылся я один в пустыне.
 Как зверь преследуем, гоним,
 С окровавленными ногами,
 От острых камней и кустов,
 Я шел бесстрашными тропами
 По следу вепрей и волков.
 Черкесы гибнут. Враг повсюду.
 Прими меня, мой старый друг.
 И — вот пророк! — твоих услуг,
 Я до могилы не забуду» —
 А умирающий в ответ:
 «Ступай. Достоин ты презренья!
 Ни крова, ни благословенья
 Здесь у меня для труса нет!»
 Стыда и тайной муки полный,
 Без гнева вытерпев упрек,
 Ступил опять Гарун безмолвный
 За неприветливый порог.
 И саклю новую минуя,
 На миг остановился он,
 И прежних дней летучий сон
 Вдруг обдал жаром поцелуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и светло
 Его душе; во мраке ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково пред ним
 И он подумал: «я любим...
 Она лишь мной живет и дышит...»
 И хочет он войти — и слышит...
 И слышит песню старины, —
 И стал Гарун бледней луны.

«Месяц плывет,
И тих, и спокоен,
А юноша - воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
«Мой милый, смелее
Верьйся ты року;
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.
В горах никого нет,
Кто-б вынес позор, —
И труса прогонит
Красавица гор!»

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь.
Но вот, от бури наклоненный,
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного.
«Мать, отвори! Я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын,
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе».

— «Один?»

— «Один!»

— «А где отец и братья?»

— «Пали.»

Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли.»
— «Ты отомстил?»

— «Не отомстил.»

Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч — в чужом краю, —
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою.
— «Молчи. Молчи! глур лукавый,
Ты умереть не мог со славой!
Так удались. Живи один:
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты раб и трус... а мне не сын!» —
Умолкло слово отверженья,
И все кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моления
Звучали долго под окном.
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь его с глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес.
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца.
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь, —
И тень его в горах Востока
Поныне бродит в темну ночь;
И под окном поутру рано,
Он в саклю просится стуча;
Но, внемля громкий стих Корана,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

М. Ю. Лермонтов.

Л Е С.

Что, дремучий лес,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный
С непокрытою
Головой в бою,

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей — бурю?

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал
И рассеял в прах;

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где-ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни роскошество:
Друг и недруг твой
Прохлаждаются.

У тебя-ль было,
Поздно вечером
Грозно с бурюю
Разговор пойдет

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется, —
Дрогнет грудь твою,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься, —
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою,
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твою
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился?

Одичал, замолк, —
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Так-то, темный лес,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна,
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули;

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

А. В. Кольцов.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

В золотое время
Хмелем кудри выются;
С горести печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота, —
Не чешет и гребень!

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив;
Родись терпеливым
И на все готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу —
Не унесит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах:
В чистом поле найдет,
В темном поле сыщет;

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит, и ноет,
Болят ретивое:
Все — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То — сняло пожаром...
Чист кругом и легок,
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят:
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишко рваной
На плечи натянешь;
Бороду вкосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитова счастья.

А. В. Кольцов.

НОЧЬ В СТЕПИ.

В пожаре запад пламенеет,
 Вся степь, как спящая краса,
 Румянцем розовым
 покрылась.

И потемнели небеса,
 И солнце тихо закатилось.
 Густеет сумрак... Ветерок
 Пахнул прохладой ночною,
 И над уснувшей землею
 Зарницы вспыхнул огонек.
 И величаво месяц полный
 Из-за холмов далеких встал,
 И над равниною безмолвной,
 Как чудный светоч засиял...

О, как божественно -
 прекрасна
 Картина ночи средь степи,
 Когда торжественно и ясно

Горят небесные огни,
 И степь, раскинувшись
 широко,
 В тумане дремлет одиноко
 И только слышится вокруг
 Необъяснимый жизни звук!

Брось посох, путник
 утомленный,
 Тебе не надобно двора:
 Здесь твой ночлег

Здесь отдохнешь ты до
 утра;
 Твоя постель — цветы
 живые,

Трава пахучая — ковер,
 И эти своды голубые —
 Твой раззолоченный шатер.

И. С. Никитин.

Да, мы должны чувствовать, испытывать душевные движения, но именно для того, чтобы лучше подражать им, чтобы понимать и передавать их характер при помощи размышления и изучения. Наше искусство требует, чтобы это изучение и эти размышления были особенно глубоки. Никакой импровизации не должно быть под опасением неудачи. Все рассчитано, все должно быть предвидено — и потрясение чувств, которое кажется неожиданным, и волнение душевное, которое кажется невольным, интонация, жест, взгляд, которые кажутся вдохновенными, — были повторены сотни раз.

Тальма.

(Гениальный французский актер).

ХОЗЯИН ¹⁾.

Впряжен в телегу конь
 косматый,
 Откормлен на диво овсом,
 И бляхи медные на нем
 Блестят при зареве заката.
 Купцу дай господи пожить!
 Широкоплеч, как клюква

красен,
 Казной от бед обезопасен,
 Здоров, — о чем ему тужить?
 Да мой купец и не горюет.
 С какой-то бабой за столом
 В особой горенке, вдвоем,
 Сидит на мельнице, пирует.
 Вода ревет, вода шумит,
 От грома мельница дрожит,
 Идет работа толкачами,
 Идет работа решетом,
 Колесами и жерновами —
 И стукотня, и пыль кругом...
 Купец мой рюмку поднимает,
 И кулаком об стол стучит.
 «И выпью!.. Кто мне
 помешает?
 И пью... Сам чорт не
 запретит!

Пей, Марья!»
 — «То-то, ненаглядный,
 Ты мне на платье обещал».
 — «И конечно! Сказал
 и ладно,
 И будет так, как я сказал.
 Мне что жена? Сыта,
 одета —
 И все... Вот выпрягу коня

И прогуляю до рассвета,
 И баста!.. Обними меня!»

Вода шумит, не умолкает,
 При свете месяца кипит
 Алмазной радугой —
 сверкает,
 Огнями синими горит.
 Но даль темна и молчалива...
 Огонь веселый рыбака
 Краснеет в зеркале залива,
 Скользит по листьям лозняка.

Купец гуляет. Мы не станем
 Ему мешать. В тиши ночной
 Мы лучше в дом его за-
 глянем,
 Войдем неслышною тропой.
 Уж поздно. Свечка нагорела...
 Больной лежит и смерти
 ждет.

Его лицо, как мрамор, бело,
 И руки холодны, как лед;
 На лоб открытый кудри
 пали;

Остаток прежней красоты,
 Печать раздумья и печали
 Еще хранят его черты.
 Так освещенные зарей,
 В замолкшем надолго лесу,
 Листы осеннею порой
 Еще хранят свою красу.
 Лежит больной, лицо пе-
 чально,
 И будто тенью лоб покрыт;

¹⁾ В сокращении.

Так, летом, только догорит
 Румяной зорьки луч
 прощальный, —
 Под сводом сумрачных небес
 Стоит угрюм и темен лес.
 Родная мать роняет слезы
 Облокотясь на стол рукой.
 Надежды, молодости, грезы,
 Мир сердца, этот рай
 земной —
 Все унесло, умчало горе.
 Как бурный ветер унесит
 пыль,
 Когда в степи шумит
 ковыль,
 Шумит взволнованный, как
 море,
 И догорает вся до гла
 Грозой зажженная ветла.
 В борьбе тяжелой ты устала,
 Изнемогла и в грязь упала,
 И в грязь затоптана толпой.
 Увы! Сгубил тебя запой!
 Твоя слеза на кровь
 походит.
 Плачь больше! В воздухе
 чума!
 Любимый сын в могилу
 сходит,
 Другой давно сошел с ума.
 Вот он сидит на лежанке
 просторной,
 Голоострижен, и бледен,
 и хил...
 Палку, как скрипку, к плечу
 прислонил
 Бровью и глазом моргает
 проворно,
 Правой рукою и взад, и вперед

Водит по палке и песню
 поет:
 «На старом кургане,
 в широкой степи,
 Прикованный сокол сидит
 на цепи.
 Сидит он уж тысячу лет,
 Все нет ему воли, все нет.
 И грудь он когтями
 с досады терзает,
 И каплями кровь из груди
 вытекает.
 Летят в синеве облака...
 А степь широка, — широка».
 Вдруг палку кинул он, закрыл
 лицо руками,
 И плачет горькими слезами:
 «Больно мне! Больно мне!
 Мозг мой горит.
 Счастье тому, кто в могиле
 лежит!
 Мать моя, матушка! полно
 рыдать!
 Долго-ли нам эту жизнь
 коротать?
 Знаешь-ли? Спальню запри
 изнутри,
 Сторожем стану я подле
 двери
 Прочь! закричу я: здесь мать
 моя спит!
 Больно мне. Больно мне!
 Мозг мой горит!
 . . . . .
 «Ну, отпирай! Засну
 скоро!..»
 Ударив в ставень кулаком,
 Хозяин крикнул под
 окном...

Печальный дом, приют
 раздора!
 Нет, тяжело срывать покров
 С твоих таинственных углов,
 Срывать покров, как уголь
 черный!
 За то, что здесь так мало
 света,
 Что воздух солнцем не согрет,

За то, что нет на мысль
 ответа,
 За то, что радости здесь нет,
 Ни ласк, ни милого объятья,
 За то, что гибнет
 человек —
 Я плюю тебе мои проклятья,
 Чужой оплакивая век!

И. С. НИКИТИН.

ПАДЕТ ПРЕЗРЕННОЕ ТИРАНСТВО.

Падет презренное тиранство,
 И цепи с пахарей спадут.
 И ты, изнеженное барство,
 Возьмешься нехотя за труд.

Не нам, иному поколению,
 Отдашь ты бич свой вековой
 И будешь ненавистной тенью,
 Пятном в истории родной...

Весь твой разврат и вероломство,
 Все козни — время обнажит.
 И просвещенное потомство
 Тебя проклятьем поразит.

Мужик, теперь твоя опора,
 Твой вол — и больше ничего, —
 Со славой выйдет из позора,
 И вновь не купишь ты его.

Уж всходит солнце земледельца!..
 Забитый он на месть не скор;
 Но знай: на своего владельца
 Давно уж точит он топор...

И. С. НИКИТИН.

ВПЕРЕД БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЯ.

Вперед — без страха и сомненья
 На подвиг доблестный, друзья!
 Зарю святого искупленья
 Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
 И вместе двинемся вперед,
 И пусть под знаменем науки
 Союз наш крепнет и растет!

Жрецов греха и лжи мы будем
 Глаголом истины карать,
 И спящих мы от сна разбудим,
 И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
 Ни на земле, ни в небесах;
 За все дары и блага мира
 Мы не надем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
 Мы будем нищим, богачам,
 И за него снесем гоненье,
 Простив озлобленным врагам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
 В заботах тяжких истощил,
 Как раб ленивый и лукавый,
 Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездой путеводной
 Святая истина горит,
 И, верьте, голос благородный
 Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
 Пока мы полны юных сил:
 Вперед, вперед, — и без возврата,
 Что б рок вдали нам ни сулил!

А. Н. Плещеев.

ЭЛЕГИЯ.

Пускай нам говорит изменчивая мода,
 Что тема старая — «страдания народа»,
 И что поэзия забыть ее должна, —
 Не верьте, юноши! не стареет она!
 О, если бы ее могли состарить годы!
 Процвел бы божий мир!! Увы! пока народы
 Влечатся в нищете, покорствуя бичам,
 Как тощие стада по выжженным лугам,
 Оплакивать их рок, служить им будет муза,
 И в мире нет святей, прекраснее союза!..
 Толпе напоминать, что бедствует народ
 В то время, как она ликует и поет,
 К народу возбуждать вниманье сильных мира —
 Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему,
 Быть может, я умру, неведомый ему,
 Но я ему служил — и я умру спокоен!
 Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
 Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
 Я видел красный день: в России нет раба!
 И слезы сладкие я пролил в умиление...
 «Довольно ликовать в наивном увлеченье»,
 Шепнула Муза мне! «Пора идти вперед:
 Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю-ль песни жниц над жатвой золотою,
 Старик ли медленно шагает за сохою,
 Бежит ли по лугу, играя и свистя,
 С отцовским завтраком довольное дитя;
 Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы, —
 Ответа я ищу на тайные вопросы,
 Кипящие в уме: «в последние года
 Сносней ли стала ты, крестьянская «страда»?
 И рабству долготу пришедшая на смену
 Свобода, наконец, внесла ли перемену
 В народные судьбы? в напевы сельских дев?
 Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами
 По нивам, по лугам, уставленным стогами,
 Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
 И песнь сама собой слагается в уме —
 Недавних, тайных дум живое воплощенье,
 На сельские труды зову благословенье:
 Народному врагу проклятия сулю,
 А другу у небес могущество молю,
 И песнь моя громка!.. Ей внемлют доли, нивы,
 И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
 И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
 Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
 Кому посвящены мечтания поэта —
 Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

Н. А. Некрасов.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА.

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
 Одержимый холопским недугом,
 Целый город с каким-то испугом
 Подъезжает к заветным дверям:
 Записав свое имя и званье,
 Разъезжаются гости домой,
 Так глубоко довольны собой,
 Что подумашь — в том их призванье!
 А в обычные дни этот пышный подъезд
 Осаждают убогие лица:
 Прожектеры, искатели мест,
 И преклонный старик, и вдовица.
 От него и к нему то-и-знай по утрам
 Все курьеры с бумагами скачут.
 Возвращаясь, иной напевает «грам-грам»,
 А иные просители плачут.
 Раз я видел, сюда мужики подошли,
 Деревенские, русские люди,
 Помолились на церковь и стали вдали,
 Свесив русые головы к груди.

Показался швейцар. — «Допусти», говорят
 С выраженьем надежды и муки.
 Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
 Загорелые лица и руки,
 Армячишка худой на плечах,
 По котомке на спинах согнутых,
 Крест на шее и кровь на ногах,
 В самодельные лапти обутых
 (Знать, брели-то долгоножки они
 Из каких-нибудь дальних губерний).
 Кто-то крикнул швейцару: «гони!
 Наш не любит оборванной черни!»
 И захлопнулась дверь. Постояв,
 Развязали кошли пилигримы,
 Но швейцар не пустил, скудной лещты не взяв,
 И пошли они, солнцем палимы,
 Повторяя: суди его бог!
 Разводя безнадежно руками,
 И, покуда я видеть их мог,
 С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
 Еще сном был глубоким объят...
 Ты, считающий жизнью завидною
 Упоение лестью бесстыдною,
 Волокитство, обжорство, игру, —
 Пробудись! Есть еще наслаждение:
 Вороти их! в тебе их спасение!
 Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
 А земные ты держишь в руках,
 И несут эти люди безвестные
 Неисходное горе в сердцах!

Что тебе эта скорбь вопиющая?
 Что тебе этот бедный народ?
 Вечным праздником быстро бегущая
 Жизнь очнуться тебе не дает.
 И к чему? Шелкоперов забавою
 Ты народное благо зовешь;

Без него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них-ли нам выместить злобу?

Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...

Не беда, что потерпит мужик:

Так ведущее нас провиденье

Указало... да он же привык.

За заставой, в харчевне убогой,

Все просят бедняки, до рубля,

И пойдут, побираясь дорогой,

И застонут... Родная земля!¹⁾

Назови мне такую обитель,

Я такого угла не видал,

Где бы сеятель твой и хранитель,

Где бы русский мужик не стонал?

Стонет он по полям, по дорогам,

Под телегой ночью в степи;

Стонет он по тюрьмам, по острогам,

В рудниках, на железной цепи;

Стонет в собственном бедном домишке,

Свету божьего солнца не рад;

Стонет в каждом глухом городишке,

У подъезда судов и палат.

Выдь на Волгу: чей стон раздается

Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовется —

То бурлаки идут бичевой!..

А!.. Волга! Весной многоводной

Ты не так заливаешь поля,

Как великою скорбью народной

Переполнилась наша земля!

¹⁾ Последующие 20 стихов читаются на фоне хорового пения «Назови мне такую обитель» — пения без слов, с закрытыми ртами — за кулисами или в другой, соседней, комнате. Требуется совпадение мотива со словами чтеца. В. С.

Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?

Ты проснешься ль исполненный сил,

Сокрушишь палача и корону,

Иль, судеб повинуюсь закону,

Все, что мог, ты уже совершил, —

Создал песню, подобную стону,

И духовно на веки почил?

Н. А. Некрасов.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня (в кучерском армячке).
Папаша, кто строил эту до-
рогу?

Папаша (в пальто на
красной подкладке). Клейми-
хель, душенька.

(Разговор в вагоне).

Добрый папаша! К чему в обаянии

Умного Ваню держать?

Вы мне позвольте при лунном сиянии

Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —

Не по плечу одному.

В мире есть царь: этот царь беспощаден,

Голод — название ему!

Водит он армии; в море судами

Правит; в артели сгоняет людей;

Ходит за плугом, стоит за плечами

Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные,

Многие — в страшной борьбе,

К жизни воззвав эти дебри бесплодные,

Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты.
 А по бокам-то все косточки русские...
 Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! Восклиданья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
 То сторонами бегут.
 Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
 Любо нам видеть свой труд!

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
 С вечно согнутой спиной,
 Жили в землянках, боролись с голодом,
 Мерзли и мокли, болели цынгой.

«Грабили нас грамотей-десятники,
 Секло начальство, давила нужда...
 Все претерпели мы, божие ратники,
 Мирные дети труда!

«Братья! вы наши плоды пожинаете!
 Нам же в земле истлевать суждено...
 Все ли нас, бедных, добром поминаете,
 Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
 С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
 С разных концов государства великого —
 Это все братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
 Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
 Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
 Высокорослый, больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
 Язвы на тощих руках,
 Вечно в воде по колено стоявшие
 Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
 Изодня в день налегала весь век...
 Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
 Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
 Он и теперь еще: тупо молчит
 И механически ржавой лопатой
 Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
 Нам бы не худо с тобой перенять...
 Благослови же работу народную
 И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
 Вынес достаточно русский народ,
 Вынес и эту дорогу железную,
 Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все, — и широкую, ясную
 Грудью дорогу проложит себе.
 Жаль только — жить в эту пору прекрасную
 Уж не придется ни мне, ни тебе...

Н. А. Некрасов.

Мы должны выражением нашего лица указать слушателям, —
 дать им предчувствовать, — то слово и ту мысль, которые сейчас
 последуют.

Фр. Дельсарт.

(Знаменитый французский учитель
 мимики и пения).

НА ВОЛГЕ.

(Отрывок).

О, Волга! после многих лет,
Я вновь принес тебе привет,
Уж я не тот, но ты светла —
И величава, как была.

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов;
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.

Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, уж
Вот догоню!..» Догнал,
поймал. —

И поделуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да, в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких ¹⁾.

В таких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной

Уже дарили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бичевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был певыносимо-дик
И страшно-ясен в тишине
Их мерный, похоронный
крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О, Волга!... колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам,
То, как играющий зверёк,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удадь раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда

¹⁾ Последующие 15 стихов рекомендую читать на фоне хорошего пения «Эй, ухнем», пения тихого, издали, при чем поется первая половина песни. В. С.

С песчаных этих берегов ²⁾.
И не ушел бы никуда,
Когда б, о Волга! над

тобой
Не раздавался этот вой!
Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен,
Я знать хотел, что значит

он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.

— «Когда-то в Нижний
попадем? —

Один сказал: — когда б
попасть
Хоть на Илью»... — «Авось
придем»,

Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил: «Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще»...
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог, —
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,

²⁾ Дальнейшие 8½ стихов читаются на фоне «Эй, ухнем» (первой половины, без «ай-да-да»). В. С.

³⁾ Последующие 30 стихов читаются на фоне «Эй, ухнем», при чем, в отличие от предыдущих двух случаев, песня поется вся деликом, включая и «ай-да-да». Кончается пение опять тихим «эй, ухнем». В. С.

С тех пор меня не покидал ³⁾!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный
взор...

Без шапки, бледный, чуть
живой,

Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел я во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименький, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со
мною?

Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый
крик

Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
 Когда в то утро я стоял
 На берегу родной реки,
 И в первый раз ее назвал
 Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
 Созвав товарищей-детей,
 Какие клятвы я давал —
 Пускай умрет в душе моей,
 Чтоб кто-нибудь не осмелял!..

Н. А. Некрасов.

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
 В битве с жизнью гибнущих людей,
 Из-за них вы слышите ли, братья,
 Тихий плач и жалобы детей?

В золотую пору малолетства
 Все живое счастливо живет,
 Не трудясь, с ликующего детства
 Дань забав и радости берет.
 Только нам гулять не довелось
 По полям, по нивам золотым:
 Целый день на фабрике колеса
 Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится
 И гудит, и ветром отдаст;
 Голова пылает и кружится,
 Сердце бьется, все кругом идет:

Красный нос безжалостной старухи,
 Что за нами смотрит сквозь очки.
 По стенам гуляющие мухи,
 Стены, окна, двери потолки, —
 Все и все! Впадая в исступленье,
 Начинаем громко мы кричать:
 — Погоди, ужасное крученье!
 Дай нам память слабую собрать!
 Бесплезно плакать и молиться,
 Колесо не слышит, не щадит;
 Хоть умри — проклятое вертится,
 Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
 Ликовать, резвиться и скакать!
 Если-б нас теперь пустили в поле,
 Мы в траву попадали бы — спать,
 Нам домой скорей бы воротиться...
 Но зачем пойдем мы и туда?..
 Сладко нам и дома не забыться:
 Встретит нас забота и нужда!
 Там, припав усталой головою
 К груди бледной матери своей,
 Зарыдав над ней и над собою,
 Разорвем на части сердце ей...

Н. А. Некрасов.

ЯКИМ НАГОЙ.

(Отрывок из «Кому на Руси жить хорошо»).

«Умны крестьяне русские,
 Одно не хорошо,
 Что пьют до одурения:
 Во рвы, в канавы валяются —
 Обидно поглядеть».

Крестьяне речь ту слушали,
 Поддакивали барину,
 Павлуша что-то в книжечку
 Хотел уже писать,
 Да выискался пьяненький
 Мужик — он против барина
 На животе лежал,
 В глаза ему поглядывал,
 Помалчивал, — да вдруг
 Как вскочит! Прямо
 к барину —
 Хватъ карандаш из рук!
 «Постой, башка порожняя!
 Шальных вестей,
 бессовестных

Про нас не разноси!
 Чему ты позавидовал?
 Что веселится бедная
 Крестьянская душа?
 Пьем много мы по времени,
 А больше мы работаем,
 Нас пьяных много видится,
 А больше трезвых нас.
 По деревням ты хаживал?
 Возьмем ведро с водкою,
 Пойдем-ка по избам:
 В одной, в другой навалятся,
 А в третьей не
 притронутся —
 У нас на семью пьющую
 Непьющая семья!
 Не пьют, а также маются,
 Уж лучше-б пили, глупые,
 Да совесть такова...
 Чудно смотреть, как
 ввалится

В такую избу трезвую
 Мужичья беда, —
 И не глядел бы!.. Видывал
 В страду деревни русские?
 В питейном, что-ль народ?
 У нас поля обширные,
 А не гораздо щедрые;
 Скажи-ка, чьей рукой
 С весны они оденутся,
 А осенью разденутся?
 Встречал ты мужика
 После работы вечером?

«Нет меры хмелю русскому!
 А горе наше мерили?
 Работе мера есть?
 Вино валит крестьянина,
 А горе не валит его?
 Работа не валит?
 Мужик, трудясь, не думает,
 Что силы надорвет;
 Так неужли над чаркою
 Задуматься, что с лишнего
 В канаву угодишь?
 А что глядеть зазорно вам,
 Как пьяные валяются, —
 Так погляди, поди, —
 Как из болота волоком
 Крестьяне сено мокрое,
 Скосивши, волокут:
 Где не пробраться лошади,
 Где и без ноши пешему
 Опасно перейти,
 Там рать-орда крестьянская
 По кочкам, по зажоринкам
 Ползком плетет
 с плетюхами —
 Трещит крестьянский пуп!

«Под солнышком, без
 шапочек,
 В поту, в грязи по макушку,
 Осокою изрезаны,
 Болотным гадом — мошкой
 Изъеденные в кровь, —
 Небось, мы тут красивее?
 Жалеть — желей умеючи:
 На мерочку господскую
 Крестьянина не мерь!
 Не белоручки нежные,
 А люди мы великие
 В работе и в гульбе!

«У каждого крестьянина
 Душа, что туча черная —
 Гневна, грозна — и надо-бы
 Громам греметь отгудова,
 Кровавым лить дождям,
 А все вином кончается.
 Пошла по жилам чарочка —
 И рассмеялась добрая,
 Крестьянская душа.
 Не горевать тут надобно,
 Гляди кругом, — возрадуйся!
 Ай, парни, ай, молодухи
 Умеют погулять!
 Повымахали косточки,
 Повымотали душеньку,
 А удаль молодецкую
 Про случай сберегли!

«Эй! Царство ты мужичье,
 Бешапочное, пьяное,
 Шуми — вольней шуми!»

«Как звать тебя,
 старинушка?»

«А что? Запишешь
 в книжечку?»

Пожалуй, нужды нет!
 Пиши: В деревне
 Босове
 Яким Нагой живет,
 Он до смерти
 работает,
 До полусмерти пьет».

Н. А. Некрасов.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

(Отрывок. — Сон кн. Трубецкой о восстании декабристов.)

Чредой спустилась ночи
 мгла,
 Опять взошла луна.
 Княгиня долго не спала,
 Тяжелых дум полна...
 Уснула... Башня снится ей...
 Она вверху стоит;
 Знакомый город перед ней
 Волнуется, шумит;
 К обширной площади бегут
 Несметные толпы:
 Чиновный люд, торговый
 люд,
 Разносчики, попы;
 Пестреют шляпки, бархат,
 шелк,
 Тулупы, армяки...
 Стоял уж там какой-то полк,
 Пришли еще полки,
 Побольше тысячи солдат
 Сошлось. Они «Ура!» кричат,
 Они чего-то ждут...
 Народ галдел, народ зевал,
 Едва ли сотый понимал,
 Что делается тут...
 Зато посмеивался в ус,
 Лукаво щуря взор,
 Знакомый с бурями француз,
 Столичный куафер...
 Приспели новые полки.
 «Сдавайтесь!» тем
 кричат.
 Ответ им — пули и штыки
 Сдаваться не хотят.
 Какой-то бравый генерал,
 Влетев в карре, грозиться
 стал, —
 С коня снесли его.
 Другой приблизился к рядам:
 «Прощенье обещаем вам!»
 Убили и того.
 Явился сам митрополит
 С хоругвями, с крестом.
 «Покайтесь, братия!»
 гласит, —
 Падите ниц челом!»
 Солдаты слушали, крестьясь,
 Но дружен был ответ:
 «Уйди, старик! Молись за
 нас!
 Тебе здесь дела нет...»
 Тогда-то пушки навели,
 Раздалось: «пер-ва-я! па-ли!»
 . . . . .
 Княгиня, память потеряв,
 Упала с высоты стремглав.

Н. А. Некрасов.

ОГОРОДНИК.

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
 Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
 Я свой век загубил за девицу-красу,
 За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне;
 Вот, однажды сгребая сучки да пою,
 Глядь, — хозяйская дочка стоит в стороне,
 Смотрит в оба, да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
 Я не даром жила, огородник лихой:
 Раскрасавиц-девиц насмотрелся я там,
 А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, точно сахар бела!
 Стало жутко, я песни своей не допел...
 А она — ничего, постояла, прошла,
 Оглянулась: за ней, как шальной, я глядел.

Я слышал на селе от своих молодиц,
 Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
 Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
 У меня-ль, молодца, кудри — чесаный лен.

Разыгралась душа на часок, на другой...
 Да как глинул я вдруг на хоромы ее —
 Посвистал и махнул молодецкой рукой,
 Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
 Погулять, посмотреть на работу мою,
 И смеялась со мной, и вела разговор:
 Отчего приуныл? Что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
 Только буйную голову свешу на грудь.
 «Дай-ка, яблоньку я за тебя посажу,
 Ты устал, чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
 Пособи мужику, поработай часок! —
 Да как заступ брала у меня, смеючись,
 Увидала на правой руке перстенок.

Очи стали темней непогодного дня,
 На губах, на щеках разыгралась кровь...
 — Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
 Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
 — Скоро старость придет, коли будешь все знать.
 «Дай-ка, я погляжу, несговорный какой!»
 И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
 Я давал — не давал золотой перстенок...
 Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
 Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
 Огородник лихой... В ясны очи глядел,
 Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
 Целовал-миловал, песни волжские пел...

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
 А под утро мороз под ногами хрустит,
 Вот, однажды, как краля я в горенку к ней,
 Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
 Я стоял да молчал, говорить не хотел...
 И красу с головы острой бритвой снесли,
 И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетями: и уводит дружка
 От родной стороны и от лапушки прочь,
 На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
 Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

Н. А. Некрасов.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит.
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам.
И гам лесной, и шум нагорный,—
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Ф. И. Тютчев.

«Тон рождается в мимике. Не ищи тон как тон, ищи его как мимику, и он сам «сложится», ибо при верной мимике не может не быть верного тона».

Юрий Озаровский.

ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле;
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Ф. И. Тютчев.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР.

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть...
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест;
Туманная и тихая лазурь
Над грустно сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою;
Ущерб, изнеможенье, и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Возвышенной стыдливостью страданья.

Ф. И. Тютчев.

Главное — быть понятным. И вот поэтому-то следует приучать себя не торопиться. Скороговорка ведет к бормотанью.

Коклэн Старший.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О, как на склоне наших лет
 Нежней мы любим и суеверней...
 Сияй, сияй, прощальный свет
 Любви последней, зари вечерней!

Полнеба охватила тень,
 Лишь там на западе брежит сиянье,
 Помедли, помедли, вечерний день,
 Продлись, продлись очарованье!

Пусть скудеет в жилах кровь,
 Но в сердце не скудеет нежность...
 О, ты, последняя любовь!
 Ты и блаженство и безнадежность.

Ф. И. Тютчев.

НОЧНОЕ НЕБО ТАК УГРЮМО.

Ночное небо так угрюмо,
 Заволокло со всех сторон:
 То не угроза и не дума —
 То вялый, безотрадный сон!

Одни зарницы огневые,
 Воспламеняясь чередой,
 Как демоны глухонемые,
 Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
 Вдруг неба вспыхнет полоса,
 И быстро выступят из мраку,
 Поля и дальние леса!

И вот опять все потемнело,
 Все стихло в чуткой темноте,
 Как-бы таинственное дело
 Решалось там на высоте...

Ф. И. Тютчев.

ЛАСТОЧКИ.

Природы праздный соглядатай
 Люблю, забывши все кругом,
 Следить за ласточкой стрелчатой
 Над вечеряющим прудом.

Вот понеслась и зачертила, —
 И страшно, чтобы гладь стекла
 Стихией чуждой не схватила
 Молниевидного крыла, —

И снова то же дерзновенье
 И та же томная струя...
 Не таково ли вдохновенье
 И человеческого я?

Не так ли я — сосуд скудельный,
 Дерзаю на запретный путь,
 Стихии чуждой, запредельной,
 Стремясь, хоть каплю зачерпнуть.

А. А. Фет.

И В А.

Сядем здесь, у этой ивы,
 Что за чудные извивы
 На коре вокруг дупла!
 А под ивой — как красивы
 Золотые переливы
 Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
 Перегнулись под водою,
 Как зеленый водопад;

Как живые, как иглою,
 Будто споря меж собою,
 Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
 Уловил мой глаз ревнивый
 Сердцу милые черты...
 Мягче взор твой горделивый...
 Я дрожу, глядя, счастливый,
 Как в воде дрожишь и ты...

А. А. Фет.

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ С ПРИВЕТОМ.

Я пришел к тебе с приветом,
 Рассказать, что солнце встало,
 Что оно горячим светом
 По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
 Весь проснулся, веткой каждой,
 Каждой птицей встрепенулся
 И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
 Как вчера, пришел я снова,
 Что душа все так же счастью
 И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
 На меня весельем веет,
 Что не знаю сам, что буду
 Петь, — но только песня зреет!

А. А. Фет.

ДОРОГА.

Глухая степь — дорога далека,
 Вокруг меня волнует ветер поле,
 Вдали туман — мне грустно поневоле,
 И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут, мне кажется, лениво
 Они бегут. В глазах одно и то-ж:
 Все степь, да степь, за нивой снова нива...
 — Зачем, ямщик, ты песни не поешь?..

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
 «Про черный день мы песни бережем».
 — Чему-ж ты рад? «Недалеко до хаты —
 Знакомый шест мелькает за бугром».

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
 Найдет ямщик под кровлею своей,

А я устал — покой давно мне нужен;
 Но нет его... Меняют лошадей...

— Ну-ну, живей!.. долга моя дорога;
 Сырая ночь — ни хаты, ни огня...
 Ямщик поет. В душе опять тревога...
 Про черный день нет песни у меня!..

Я. П. Полонский.

ПОЛЯ.

В телеге еду по холмам;
 Порой для взора нет границ...
 И все поля по сторонам,
 И над полями стаи птиц.

Я еду день, я еду два —
 И все поля кругом, поля!
 Мелькнет жильё, мелькнет едва,
 А там поля, опять поля...

Порой ручей, порой овраг,
 А там поля, опять поля!
 И в золотых опять волнах
 С холма на холм взлетаю я.

Но где же люди? Ни души
 Среди безмолвных деревень...
 Не верится такой глуши!
 Хотя бы встреча в целый день!

Лишь утром серый четверик
 Передо мною пролетел...
 В пыли лишь красный воротник
 Да черный ус я разглядел...

Вот наконец бредет старик...
 Остановился, шляпу снял,
 Бормочет что-то... «Стой, ямщик
 Эй, дядя! с чем господь послал?»

— «Осмелюсь, барин, попросить —
Не подвезете-ль старика?»

— «Садись! Зачем не услужить!
Услуга-ж так не велика!

— «Садись!» — «Я здесь, на облучок...»

— «Да место есть: садись рядком!»
Но тут уж взять никто-б не мог:
Старик уперся на своем;

Твердит, что в людях он пожил
И к обращению привык,
И знает свет; иначе-б был
«Необразованный мужик!»

У старика был хмурый вид,
Цветисто-вычурная речь;
Одет был бедно, но обрит,
И бакенбард висел до плеч.

— «Я был дворовый человек, —
Он говорил, — у князя Б.
Да вот, пришлось кончать свой век
На воле, сам уж по себе!»

— «И слава богу!» — «Как кому!
И как кто разумеет свет:
А по понятию моему,
От всей их воли — толку нет!

«Еще я нонешних князей,
Выходит, дедушке служил...
Князь различать умел людей;
Я в доме, может, первый был!

«Да вот, настали времена!
Теперь иди, хоть волком вой!
Стара собака, не годна,
Ест даром хлеб, — так с глаз долой!

«Еще скажу: добры князья!
— С тебя оброку не хотим;
А хочешь землю, мол, — так я:
— Покорно вас благодарим! —

«Жаль их самих!» И тут старик
Повел рассказ, как врозь идет
Весь княжий двор! шалит мужик,
Заброшен сахарный завод,

Следа уж нет оранжерей,
Охота, птичник и пруды,
И все забавы для гостей,
И карусели, и сады —

Все в запущенье, все гниет...
Усадьба — прежде городок
Была! Везде присмотр, народ!
И пей и ешь! Все было в прок!

— «Да, вспомнешь про старину»
Он заключил: — «был склад да лад!
Э, ну их с волей! право, ну!
Да что она? Один разврат!

«Один разврат!» — он повторил...
Отживший мир в его лице,
Казалось, силы напрягал,
Как пламя, вспыхнуть при конце...

— «Вот парень вам из молодых» —
Сказал он, кинув гордый взгляд.
На ямщика: — «спросите их,
Куда глядят? чего хотят?»

Тот поглядел ему в лицо,
Но за ответом встал в тупик:
Никак желанное слово
Не попадало на язык.

— «Чего?..» — он начал-было вслух...
Да вдруг как кудрями встряхнет,
Да вдруг как свистнет во весь дух, —
И тройка ринулась вперед!

Вперед — в пространство без конца!
Вперед — не внемля никому!
То был ответ ли молодца,
И кони-ль вторили ему, —

Но мы неслись, как от волков,
 Как из-под тучи грозовой,
 Как бы мучителей-бесов
 Погоню слыша за собой...

Неслись... а вокруг по сторонам
 Поля мелькали, и не раз
 Овечье стадо здесь и там
 Кидалось в сторону от нас...

Неслись... «Куда-ж те дьявол мчит!»
 Вдруг сорвалось у старика.
 А тот летит, лишь вдаль глядит,
 А даль-то, даль — как широка!

А. Н. Майков.

ТАРАНТЕЛЛА.

Нина, Нина, тарантелла!
 Старый Чьеко уж идет!
 Вон уж скрипка загудела!
 В круг становится народ!
 Приударил Чьеко старый...
 Точно птички на зерно,
 Отовсюду мчатся пары!
 Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
 Вон помчалась в круг живой —
 Очи долу, ударяя
 В тамбуринад головой!
 Ловок с нею и Дженнаро!
 Вслед за ними — нам, смотри!
 После тотчас третья пара...
 Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
 Все идет живей, живей,
 Обула тарантелла
 Всех отвагою своей...

Эй, простору! шибче скрипки!
 Юность мчится! с ней цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
 Вам в кружок наш, может быть?..
 Иль свой сан в толпе народной
 Вы боитесь уронить?
 Ну, так мимо! Шибче скрипки!
 Юность мчится! с ней цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы бы рады,
 К нам сердечко вас зовет...
 Да снуровка без пощады
 Вашу грудь больную жмет...
 Ну, так мимо! Шибче скрипки!
 Юность мчится! с ней цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
 Не угодно ль к нам сюда!
 Иль кто раз вкусил науки,
 Не смеется никогда?
 Ну, так мимо! Шибче скрипки!
 Юность мчится! с ней цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
 Босоногий канудин?
 В сердце памятью бывшего,
 Чай, отдался тамбуринад?
 Ну — так к нам! — и шибче скрипки!
 Юность мчится! с ней цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
 Не сидится старикам...
 Расходился Чьего старый
 И подплясывает сам...
 Мудрено ль! вокруг старой скрипки
 Так и носятся цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
 Пусть детьми мы будем век!
 Человеку знать не нужно,
 Что такое человек!
 Что тут думать! Шибче скрипки!
 Наши — юность и цветы,
 Беззаботные улыбки,
 Беззаветные мечты!

А. Н. Майков.

У ПРИКАЗНЫХ ВОРОТ СОБИРАЛСЯ НАРОД.

У приказных ворот собирался народ
 Густо;
 Говорил в простоте, что в его животе
 Пусто.
 — Дурачье! — сказал дьяк, — из вас должен быть всяк
 В теле:
 Еще в думе вчера мы с трудом осетра
 Съели.

На базар мужик вез через реку обоз
 Пакли;
 Мужичок-то, вишь, прост; знай везет через мост —
 Так ли?
 — Вишь дурак... — сказал дьяк: — тебе мост, чай, пустяк,
 Дудки?
 Ты б его поберег, ведь плыли-ж поперек
 Утки!

Как у Васьки Волчка вор стянул гусачка,
 Вишь ты!
 В полотенце свернул, да поймал караул,
 Ништо!
 Дьяк сказал: — Дурачье! Полотенце-то чье?
 Васьки?
 Стало, Васька и тать! Стало, Ваське и дать
 Таску!

Пришел к дьяку больной, говорит: — Ой! ой! ой!
 Дьяче!
 Очень больно нутру, а уж вот поутру
 Паче.
 И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
 Столько!
 — Вишь дурак! — сказал дьяк: — ну, не ешь, натошак —
 Только!

Пришел к дьяку истец, говорит: — Ты отец
 Бедных!
 Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
 Медных —
 Я-б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
 Шутка?
 — Сыпь сейчас! — сказал дьяк, подставляя колпак: —
 Нут-ка!

А. К. Толстой.

Тяжело читать — легкое дело;
 Легко читать — тяжелое дело.

Вас. Серёжников.
 (Антитеза заимствована у историка
 В. О. Ключевского).

ПЕСНЬ ТРУДА.

(Из Беранже).

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,

С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

На неподкупленной лире
Громкую славу споем,
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Жизни веселой наука
Не тяжела для простых...
Братья мои, вам порука —
В песнях моих.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бедность несла для примера
В древности мудрость сама;
Вызвали песни Гомера
Посох, сума.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,

С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Доле блестящей, великой
Тяжкий бывает конец;
В бочке, с всемирным
владыкой
Спорил мудрец.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду.

Средь раззолоченных клеток
Веет уныньем пустынь;
Лучше уж есть без салфеток,
Спать без простынь!

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бог легкокрылый порхает
Там, где не видит оков:
Полной хозяйкой влетает
К бедным любовь.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Дружба не знается
с злыми;
Но в кабаке, где вино
Тянут служивые — с ними
Пьет заодно.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

В. С. Курочкин.

БЕДНЫЙ ЧУДАК.

(Из Беранже).

Всем пасынкам природы
Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
Бедняга весельчак.
Всю жизнь прожить, не плача,
Хоть жизнь куда горька...
Ой-ли! Вот вся задача
Бедняги-чудака.

Наследственной шляпенки
Пред знатью не ломать;
Подарочек девчонки —
Цветы в нее выметать,
В шинельке ночью лежа,
Днем пух смахнул слегка.
Ой-ли! Вот вся одежда
Бедняги-чудака.

Два стула, стол трехногий,
Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
Гитара на полу,
Швей изображенье,
Шкатулка без замка...
Ой-ли! Вот все именье
Бедняги-чудака.

Из папки ребятишкам
Вырезать коньков,
Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков,

Плясать — да так, чтоб скука
Бежала с чердака —
Ой-ли! Вот вся наука
Бедняги-чудака.

Чтоб каждую минуту
Любовью освятить —
В красавицу Аниюту —
Всю душу положить:
Смотреть спокойным глазом
На роскошь свысока...
Ой-ли! Вот глупый разум
Бедняги-чудака.

«Как стану умирать я,
Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья
Мой добродушный смех:
Не будет нареканья
Над гробом бедняка».
Ой-ли! Вот упованья
Бедняги-чудака.

Ты, бедный, — ослепленный,
Богатствами других,
И ты, богач, — согбенный
Под ношей благ земных —
Вы роштите... Хотите,
Чтоб жизнь была легка?
Ой-ли! Пример берите
С бедняги-чудака.

В. С. Курочкин.

РЕКВИЕМ.

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.

Не пужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца.

Л. И. Пальмин

КУЗНЕЦЫ.

Мех гудит и дышит шумно,
Близ горна — кромешный ад,
В пляске бешено-безумной
Миллионы брызг летят.

Скачут огненные стрелы,
Спеет вар, — и блеск и шум.
Плавны, быстры и умелы
Взмахи молота, дзинь-бум!

Вот кузнец. Он весь — забота,
Черен, страшен, будто гном;
Щеки, мокрые от пота,
Красным светятся огнем.

Ломит спинушку больную,
Очи жжет, мутится ум;
Но кормилицу мирскую —
Соху он кует! дзинь-бум!

Крепче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, из глаз.
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и светлый час.

Чу! как будто ада звуки...
Грохот, пламя, лягз и шум...
А натруженные руки
Ходят весело! дзинь-бум!

Так и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро в дни невзгоды
У горна борьбы святой.

Пусть грохочет непогода;
Молот ваших мышц и дум
Счастье выкует народа,
Волю-долю!.. Дзинь-дзинь! бум!

П. Ф. Якубович.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ.

Высоко в горы
Вполз уж и лег там
В сыром ущелье,
Свернувшись в узел
И глядя в море.

Высоко в небе
Сияло солнце,
А горы зноем
Дышали в небо,
И бились волны
Внизу о камень.

А по ущелью
Во тьме и брызгах
Поток стремился
Навстречу морю,
Гремя камнями,

Весь в белой пене,
Седой и сильный,
Он резал гору
И падал в море,
Сердито воя.

Вдруг в то ущелье,
Где уж свернулся,
Пал с неба сокол
С разбитой грудью,
В крови на перьях.

С коротким криком
Он пал на землю
И бился грудью
В бессильном гневе
О твердый камень...

Уж испугался,
Отполз проворно,
Но скоро понял
Что жизни птицы —
Две-три минуты...
Подполз он ближе
К разбитой птице,
И прошипел он
Ей прямо в очи:
«Что, умираешь?»
— Да, умираю! —
Ответил сокол,
Вздыхнув глубоко.
— Я славно пожил!..
Я знаю счастье!..
Я храбро бился...
Я видел небо...
Ты не увидишь
Его так близко...
«Эх, ты, бедняга!
Ну, что же небо?
Пустое место...
Как мне там ползать?
Мне здесь прекрасно,
Тепло и сыро!»
Так уж ответил
Свободной птице
И усмехнулся
В душе над нею
За эти бредни
И так подумал:
«Летай или ползай,
Конец известен...
Все в землю лягут,
Все прахом будет».
Но сокол смелый
Вдруг встрепетнулся,
Привстал немного
И по ущелью
Повел очами.

Сквозь серый камень
Вода сочилась,
И было душно
В ущелье темном
И пахло гнилью.
И крикнул сокол
С тоской и болью,
Собрав все силы:
— О, если-б в небо
Хоть раз подняться!..
Врага прижал бы
Я к ранам груди,
И... захлебнулся-б
Моей он кровью...
О, счастье битвы!
А уж подумал:
«Должно быть в небе
И в самом деле
Пожить приятно, (,
Коль он так стонет!»
И предложил он
Свободной птице:
«А ты подвинься
На край ущелья
И вниз бросайся.
Быть может, крылья
Тебя подымут.
И поживешь ты
Еще немного
В своей стихии».
И дрогнул сокол
И, гордо крикнув,
Пошел к обрыву,
Скользя когтями
По слизи камня.
И подошел он,
Расправил крылья,
Вздыхнул всей грудью,
Сверкнул очами
И вниз скатился.

И сам, как камень,
Скользя по скалам,
Он быстро падал,
Ломая крылья,
Теряя перья...
Волна потока
Его схватила
И, кровь омывши,
Одевши в пену,
Умчала в море.
А волны моря
С печальным ревом
О камень бились...
И трупа птицы
Не видно было
В морском пространстве...
В ущелье лежа,
Уж долго думал
О смерти птицы,
О страсти к небу.
И вот взглянул он
В ту даль, что вечно
Ласкает очи
Мечтой о счастье.
«А что он видел,
Умерший сокол,
В пустыне этой
Без дна и края?
Зачем такие,
Как он, умерши,
Смушают душу
Своей любовью
К полетам в небо?
Что им там ясно?
А я ведь мог бы
Узнать все это,
Взлетевши в небо,
Хоть не надолго».
Сказал — и сделал.
В кольцо свернувшись,

Он прынул в воздух
И узкой лентой
Блеснул на солнце.
Рожденный ползать —
Летать не может...
Забыв об этом,
Он пал на камень,
Но... не убился,
А рассмеялся:
«Так вот в чем прелесть
Полетов в небо!
Она в паденье...
Смешные птицы!..
Земли не знал,
На ней тоскуя,
Они стремятся
Высоко в небо
И ищут жизни
В пустыне знойной.
Там только пусто,
Там много света,
Но нет там нищи
И нет опоры
Живому телу.
Зачем же гордость?
Зачем укоры?
Затем, что ею
Прикрыть безумство
Своих желаний
И скрыть за ними
Свою негодность
Для дела жизни?
Смешные птицы!..
Но не обманут
Теперь уж больше
Меня их речи!
Я сам все знаю!
Я видел небо...
Взлетел в него я,
Его измерил,

Познал паденье,
 Но не разбился,
 А только крепче
 В себя я верю...
 Пусть те, что землю
 Любить не могут,
 Живут обманом...
 Я знаю правду
 И их призывам
 Я не поверю.
 Земли творенье,
 Землей живу я».
 И он свернулся
 В клубок на камне,
 Гордась собою...
 Блестело море
 Все в ярком свете
 И грозно волны
 О берег бились.
 В их львином реве
 Гремела песня
 О гордой птице;
 Дрожали скалы
 От их ударов,
 От грозной песни:

«Безумству храбрых —
 Поем мы славу!
 Безумство храбрых —
 Вот мудрость жизни.
 О, смелый сокол!
 В бою с врагами —
 Истек ты кровью...
 Но будет время, —
 И капли крови
 Твоей горячей,
 Как искры, вспыхнут
 Во мраке жизни,
 И много смелых
 Сердце зажгутся
 Безумной жаждой
 Свободы, света!..
 Пускай ты умер!..
 Но в песне смелых
 И сильных духом
 Всегда ты будешь
 Живым примером,
 Призывом гордым
 К свободе, к свету!..
 Безумству храбрых
 Поем мы песню»!..

М. Горький.

Актер — это солист, играющий в оркестре; чтец составляет весь оркестр: он должен изобразить словами целую картину, а это такая обязанность, труднее которой не существует.

Легува.

(Знаменитый французский чтец и писатель).

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ.

Над седой равниной моря
 Ветер тучи собирает.
 Между тучами и морем
 Гордо реет буревестник,
 Черной молнии подобный.
 То волны крылом касаясь,
 То стрелой взмывая к тучам,
 Он кричит, — и тучи слышат
 Радость в смелом крике птицы.
 В крике этом — жажда бури!
 Силу гнева, пламя страсти
 И уверенность в победе
 Слышат тучи в этом крике.
 Чайки стонут перед бурей, —
 Стонут, мечутся над морем,
 И на дно его готовы
 Спрятать ужас свой пред бурей.
 И гагары тоже стонут, —
 Им, гагарам, недоступно
 Наслаждение битвой жизни;
 Гром ударов их пугает.
 Глухой пингвин робко прячет
 Тело жирное в утесах...
 Только гордый буревестник
 Реет смело и свободно
 Над седым от пены морем.
 Все мрачней и ниже тучи
 Опускаются над морем,
 И поют и пляшут волны
 К высоте, навстречу грому.
 Гром грохочет в пене гнева
 Стонут волны, с ветром споря,
 Вот охватывает ветер
 Стаи волн объятых крепким
 И бросает их с размаха
 В дикой злобе на утесы,
 Разбивая в пыль и брызги

Изумрудные громады.
 Буревестник с криком реет,
 Черной молнии подобный,
 Как стрела пронзает тучи,
 Пену волн крылом срывает,
 Вон он носится, как демон, —
 Гордый, черный демон бури,
 И смеется, и рыдает...
 Он над тучами смеется,
 Он от радости рыдает!
 В гневе грома, — чуткий демон,
 Он давно усталость слышит,
 Он уверен, что не скроют
 Тучи солнца, нет, не скроют!
 Ветер воет... Гром грохочет...
 Синим пламенем пылают
 Стаи туч над бездной моря,
 Море ловит стрелы молний
 И в своей пучине гасит.
 Точно огненные змеи,
 Выются в море, исчезая,
 Отраженья этих молний.
 — Буря! Скоро грянет буря!
 Это смелый буревестник
 Гордо реет между молний
 Над ревушим гневно морем;
 То кричит пророк победы:
 — Пусть сильнее грянет буря!..

М. Горький.

Хорошую речь хорошо и слушать.

Из пословиц и поговорок
 русского народа.

АМФОРА.

В амфоре, ярко расцветенной,
 Угрюмый раб песет вино.
 Неровен путь неосвещенный,
 А в небесах уже темно, —
 И напряженными глазами
 Он зорко смотрит в полутьму,
 Чтоб чрез края вино струями
 Не пролилось на грудь ему.
 Так я несу моих страданий
 Давно наполненный фиал. —
 В нем лютый яд воспоминаний,
 Таясь, коварно, задремал.
 Иду окольными путями
 С сосудом зла, чтоб кто-нибудь
 Неосторожными руками
 Его не пролил мне на грудь.

Федор Сологуб.

ВОСХОД СОЛНЦА.

Солнце светлое восходит,
 Озаряя мглистый дол,
 Где еще безумство бродит,
 Где ликует произвол.
 Зыбко движутся туманы,
 Сколько холода и мглы.
 Полуночные обманы
 Как сильны еще и злы.
 Злобы низменно ползучей
 Ополчилась шумно рать,
 Чтоб зловещей черной тучей
 Наше солнце затмевать.
 Солнце ясное, свобода,
 Горячи твои лучи,

В час великого восхода
 Вознеси их, как мечи.
 Яркий зной, как тяжкий молот,
 Подними и опусти,
 Побеждая мрак и холод
 Загражденного пути.
 Тем, кто в длительной печали
 Гордой волей изнемог,
 Озари святыи дали
 За усталостью дорог.
 Кто в объятых сна немого
 Позабыл завет любви,
 Тех горящим блеском снова
 К новой жизни воззови!..

Федор Сологуб.

ПЕСНЯ ШВЕИ.

Нынче праздник, за стеною
Разговор беспечный смолк.
Я одна с моей иглою
Вышиваю красный шелк.
Все ушли мои подруги
На веселый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.
Мне веселости не надо,
Что мне шум, и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.
Все, что юность мне сулила,
Все, чем жизнь меня влекла,

Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.
— Шей наряды и одежды
Для изнеженных господ.
Отвергай свои надежды,
Проклинай их злую ложь!
И в покорности я никла,
Трепетала словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!
Белым шелком красный мечу
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Раги вражеской и злой!

Федор Сологуб.

Я В ЭТОТ МИР ПРИШЕЛ.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре.
Я властелин.
Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто. Никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце,
В предсмертный час!

К. Д. Бальмонт.

ЧЕРЕМУХА.

Черемухой душистой с тобой опьянены,
Мы вдруг забыли утро, и вдруг вступили в сны.

И утро превратилось в моря без берегов,
Моря плавучих тучек, ветвей, кустов, цветов.

Цветы, деревья, травы, и травы, и цветы,
Моря цветов и красок, любовь, и я, и ты.

Лидо к лицу склонивши и руку в руку взяв,
Мы вдруг прониклись счастьем легко дрожащих трав.

Безмерным светом солнце светило с высоты,
И было изумленье, восторг, и я, и ты.

В нас царствовала вечность, в нас был короткий час.
И утро выростало для нас, для нас, для нас.

Мы были два сиянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

К. Д. Бальмонт.

Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой.

А. С. Грибоедов.

(«Горе от ума»).

ДВА ГОЛОСА¹⁾.

Скользят стрижи в лазури неба чистой,
 В лазури неба чистой горит закат —
 В вечерний час как нежен луг росистый!
 Как нежен луг росистый, и пруд, и сад!
 Вечерний час, предчувствие полночи,
 В предчувствии полночи душа дрожит,
 Пред красотой минутной плачут очи,
 Как горько плачут очи! Как миг бежит!

К. Д. Бальмонт.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть в русской природе усталая нежность,
 Безмолвная боль затаенной печали,
 Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
 Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
 Над зыбкой рекою дымится прохлада,
 Чернеет громада застывшего бора, —
 И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет сосна.
 Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
 Луга убегают далеко-далеко.
 Во всем утомленье глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
 В прохладную тишь деревенского сада, —
 Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
 И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила.
 И сделали ей незаслуженно-больно,
 И сердце простило, но сердце застыло,
 И плачет, и плачет, и плачет неволью.

К. Д. Бальмонт.

¹⁾ Образцовая вещь для дуэтной декламации. В. С.

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Легкий лист, на липе млея,
 Лунный луч в себя вобрал.
 Спит зеленая аллея,
 Лишь вверху поет хорал.

Это лунное томленье,
 С нежным вешним ветерком,
 Легкость ласк влагает в пенье
 Лип, загрезивших кругом.

И в истоме замиранья,
 Их вершины в сладком сне
 Слышат лунное сиянье,
 Слышат ветер в вышине.

Свет луны и ветер вешний,
 Бледный ландыш спит в тени,
 Грезя, видит сон нездешний,
 Дню хранит свои огни.

Полон зыблемого звона
 Легкой грезы и весны,
 С голубого небосклона
 Принимает луч Луны.

Лик Луны, любовь лелея,
 Мир чарует с высоты.
 Спит зеленая аллея,
 Спят деревья и цветы.

К. Д. Бальмонт.

Живое слово дороже мертвой буквы.

Из пословиц и поговорок
русского народа.

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ.

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России,
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.

Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!
Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.

Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.

Тебя желают обмануть
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.

Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То — зов сторожевого.
Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —

Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, рабочий!

К. Д. Бальмонт.

Хороша книга, да начетчики плохи.

Из пословиц и поговорок
русского народа.

ВЕСЕННИЙ КЛИЧ.

Река, ломая зимний лед,
Зальет крутые берега.
Чтоб стали пышными луга,
Весна прорвала водомет.
Веселый час, лети вперед!

В ком сердце живо, тот поймет,
Что вся Россия в этот час
Весною вольною зажглась,
И сердце к сердцу пламя льет.
Призывный клич, спеши вперед!

А если есть еще оплот,
Где мощь тюремная туга,
Рука с рукою — за врага!
В нас воля действия поет!
Вперед, душа! И меч, вперед!

К. Д. Бальмонт.

КИНЖАЛ.

Он вырван из ножен и блещет нам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэзия с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей — вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно-былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Над зовами к борьбе я хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть заслышавши призывный первый гром,
Я отзыв вам кричу, я вам слуга сегодня;
И чем опасней час и чем темней кругом,
Тем в песнях я свободней.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет
 Нежданно пробежал по этой верной стали;
 И снова я с людьми — затем, что я поэт,
 Затем, что молнии сверкали.

Валерий Брюсов.

КАМЕНЩИК.

Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
 Что ты там строишь? Кому?
 — Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
 Строим мы, строим тюрьму.

Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
 Кто же в ней будет рыдать?
 — Верно не ты и не твой брат богатый,
 Незачем вам воровать!

Каменщик, каменщик, долгие ночи
 Кто ж проведет в ней без сна?
 — Может быть сын мой, такой же рабочий,
 Тем наша доля полна.

Каменщик, каменщик, — вспомнит, пожалуй,
 Тех он, кто нес кирпичи.
 — Эй, берегись! Под лесами не балуй...
 Знаем все сами, молчи.

Валерий Брюсов.

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ.

Кричат афиши, пышно-пестрые,
 И стонут вывесок слова,
 И магазинов светлы острые
 Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материн,
 Льют бриллианты яркий яд,
 И над звездой червонцев серии
 Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
 Горящих улиц, — город жив.
 Киша бессчетными уродцами,
 Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
 Лучи синеют фонарей —
 Над мудрецами, проститутками,
 Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
 Меж пар кружащихся, звеня,
 Трамвай мечут молнии синие,
 Автомобили сноп огня.

Позор, под музыку колесную,
 Вознес смычок, как дирижер,
 И слил толпу многоголосную
 В единый и священный хор:

«Мы славим, прах, твое величество,
 Тебе ведем мы хоровод,
 Вкруг алтарей из электричества,
 Вонзивших копыя в небосвод!»

Валерий Брюсов.

ВОССТАНИЕ.

(Из Эм. Верхарна).

Улица, быстрым потском шагов
 Плеч, рук и голов,
 Катится, в яростном шуме,
 К мигу безумий,
 Но вместе —
 К свершеньям, к надеждам и к мести!
 Улица грязная, улица красная,
 Властная,
 В золоте пышном заката,
 В зареве ярком, окрасившем твердь.
 Вся смерть,
 Встала в призывах набата.

Вся смерть,
 Как ожившие дико мечты,
 Встала в огнях и неистовых криках!
 Головы чьи-то на пиках —
 Словно на стеблях цветы.

Гулы глухие орудий,
 Кашель чугуновых, безжалостных грудей
 Мерят печальные вздохи минут.
 Циферблаты разбиты на башнях высоких,
 Не льется на площади ровный их свет
 (Словно очи столицы смежили ресницы);
 Времени далее нет.
 Для сердец опьяненных, жестоких,
 Для толпы, свершающей суд!

Ярость великая, с пламенным ликом,
 С радостным криком,
 С кровью, бушующей в жилах,
 Встала на груди камней,
 Все она может! все она в силах!
 Одно лишь мгновенье
 Даст более ей,
 Чем целых веков тяготенье.

Все, что мечталось когда-то,
 Что гении в песне крылатой
 Провидели в темной дали,
 Что в души, как сев, западало,
 Чем души, как травы, цвели,
 Все встало,
 В миге, смешавшем, как сплав:
 Ненависть, силу, сознание прав!

Люди празднуют праздник кровавый,
 Люди проходят и красны и пьяны,
 Люди проходят по мертвым телам.
 Солдаты не знают, кто правый — неправый,
 Стучат, как всегда, барабаны,
 Но пальцы устали касаться к куркам.

Толпы народа проходят за толпами следом
 Сквозь ужас, под сенью веселых знамен,
 К началу новых времен,
 К победам.

Убивая, — творить, обновлять!
 С ненасытной природой вонзая
 Зубы в святую мишень!
 В великий безумный день
 Пряжу для жизни ликующей прясть
 Иль жертвой строительной пасть!
 Умирая, творить, обновлять!
 Горят мосты и строенья
 (Фасады из крови на фоне ночном),
 И в глубь каналов дрожат отраженья
 На самое дно уходящим столбом!
 Громадные тени больших колоколен
 Лежат, как преграды, по светлой земле.
 Огонь над домами, и весел и волен,
 Кидает пригоршнями искры во мгле.
 И черные дымы извивом могучим
 Летят, вне себя, к окровавленным тучам.

Чу! залп!

Смерть, машинально беря на прицел,
 Треском сухим разряжаемых ружей
 Валит в кровавые лужи
 Груды причудливо скорченных тел,
 Свиноец разрешает упорные споры;
 В небо, пред смертью, вонзаются взоры;
 Отблеск пожара на лицах их всех
 Бросает чудовищный смех!
 Торопясь, задыхаясь, вызывает набат
 (Так сердца перебоем стучат),
 Но часто настойчивый звук,
 Как голос, пресекшийся вдруг,
 Бессильно смолкает.
 И десяток пылающих рук
 Кресты колоколен ласкает.

Чу! залп!

Толпа — перед входами сумрачных мерий,
 Державших весь город под тяжкой пятой,
 Давивших порывы к мечте золотой,
 Качает, ломает тяжелые двери;
 Засовы трещат, и взлетают замки;
 Отдают из утроб сундуки,
 Рассчетные книги, счета и бумаги;
 Их факелы лижут своим языком, —
 И помнят о черном былом
 Лишь черного дыма зигзаги!
 Взвились над балконами красные флаги.
 И падал, кто-то руками раскинул в пространстве
 пустом!

Своеволие и буйство везде.
 Христос, в полумраке церкви,
 Сорванный кем-то с распятия,
 Повис на последнем гвозде,
 Простирая бессильно объятья.
 Лужами разлит елей;
 Кем-то разбиты спокойные стекла икон;
 Пол убелен
 Снегом причастья,
 И по ним проложили немало дорог
 Следы святотатственных ног.

Самоцветные камни убийств и возмездий
 Горят, словно взоры далеких созвездий.
 Город сверкает,
 Как исполин золотой, облеченный в багрец!
 Город во мглу простирает
 Свой, опоясанный пламенем, яркий венец!
 Поля и селенья, безмолвно простерты,
 Следят, не решаясь дышать,
 Как некто во глубинах громадной реторты
 Жизнь и безумие хочет смешать,
 Как дым, подымаясь из бури народной,
 Метет небосвод безответно-холодный.

Убивая, творя, обновляй,
 Иль пади и умри!
 Открой или руки о двери сломай, —
 Ты, искра в сиянье встающей зари!
 И что бы судьба ни судила, —
 Сквозь сонмы веков нас влечет,
 Спеша, задыхаясь, безвестная сила
 Вперед!

Валерий Брюсов.

Трибун.

(Из Э. М. Верхарна).

Как мощных вязов грубые стволы,
 Что деды берегли на площади соборной,
 Стоит он между нас, надменный и упорный,
 В себе связав безвестных сил узлы.

Ребенком вырос он на темных тротуарах
 Предместья темного, изъеденного злом,
 Где каждый человек с проклятьем был рабом,
 И жил, как под замком, в тюрьме укладов старых.

В тяжелом воздухе мертвящего труда,
 Меж лбов нахмуренных и спин, согбенных долей,
 Где каждый день за стол садилась и нужда...
 Все это — с коих пор! и это все — доколе!

И вдруг — его прыжок в шумящий мир борьбы,
 Когда народ, сломав преграды вековые,
 И кулаки подняв на темный лик судьбы,
 Брал приступом фасады золотые,
 И с гневом смешанный, шел дождь камней,
 Гася по окнам отблески огней
 И, словно, золотом усыпав мостовые!
 И речь его, похожая на кровь,
 На связку острых жал, разрозненных нещадно!
 И гнев его, и ярость, и любовь,
 То вместе свитые, то вьющиеся жадно
 Вокруг его идей!

И мысль его, неистово живая,
 Вся огневая,
 Вся слитая из воли и страстей!
 И жест его, подобный вихрю бури,
 В сердца бросающий мечты,
 Как сев кровавый с высоты,
 Как благородный дождь с лазури!

И стал он королем торжественных безумий:
 Выходил и выходит он, все выше, все вперед,
 И мощь его растет, среди восторгов, в шуме,
 И сам забыл он, где ее исход!
 Весь мир как будто ждал, что встанет он; согласно
 Трепещут все сердца с его улыбкой властной;
 Он — ужас, гибель, злоба, смерть и кровь;
 Он — мир, порядок, сила и любовь!
 В нем тайна воли одинокой,
 Кующей молоты великих дел, —
 И, полон гордости, что знают дети Рока,
 Он кровью вечности ее запечатлел.

И вот он у столба распутия мирового,
 Где старые пути иным рассечены,
 Которым ринутся искатели иного
 К блистательной заре неведомой весны!
 Он тем уже велик, что отдается страсти,
 Не думая, всей девственной душой,
 Что сам не знает он своей последней власти
 И молний, вверенных ему судьбой!
 Что он — загадка весь, с ненайденным решением,
 Что с головы до пят он погружен в народ,
 Что целен и упрям, живет его движеньем
 И с ним умрет.

И пусть, свершив свой путь, пройдя подобно грому,
 Исчезнет он с земли в день празднеств иль стыда,
 И пусть шумит за ним иль слава, иль вражда,
 Пусть новый час принадлежит другому!
 Не до конца его друзья пошли
 На пламенный призыв пророческого слова.
 И если он исчез, то — чтоб вернуться снова!

Его душа была в грядущем, там, вдали,
 В просторах моря золотого,
 Отлив, пришедший, в свой черед,
 Ее на дне не погребет!
 Его былая мощь — сверкает в океане,
 Как искр бессчетность на волнах,
 И в плоть и в кровь вошел огонь его мечтаний,
 И истины его — теперь во всех сердцах!

Валерий Брюсов.

КУЗНЕЦ.

(Из Эм. Верхарна).

Где выезд в поле, где конец
 Жилых домов, седой кузнец,
 Старик угрюмый и громадный,
 С тех пор, как, ярость затая,
 Легла руда под молот жадный,
 С тех пор, как дым взошел над горном,
 Кует и правит лезвия,
 Взнося удары над огнем упорным...
 Седой кузнец, немой старик,
 Своим терпением велик.

И знают жители селенья,
 Те, что поблизости живут
 И в сжатых кулаках таят ожесточенье,
 Зачем он принял этот труд,
 И что дает ему терпенье
 Сдавить свой гневный крик в зубах!
 А те, живущие в равнине, на полях,
 Чьи тщетные слова — лай пред кустом без зверя,
 То увлекаясь, то не веря,
 Скрывают страх —
 И с недоверчивым вниманьем
 Глядят в глаза, манящие молчаньем.

Кузнец стучит, старик кует,
 За днями день, за годом год.
 В свой горн он бросил крик проклятый
 И гнев глухой и вековой;
 Холодный вождь безвестных ратей,
 В свой горн горящий, золотой,
 Он бросил ярость, горесть, — злобы
 И мятежа гудящий рев,
 Чтоб дать им яркость молний, чтобы
 Им дать закал стальных клинков.

Вот он,
 Сомнений чужд и чуждый страха,
 Склоненный пад огнем, внезапно озарен,
 И пламя перед ним как ряд живых корон.
 Вот, молот бросивши с размаха,
 Его вздымает он, упрям и напряжен,
 Свой молот, вольный и блестящий,
 Свой молот, из руды творящий
 Оружие побед,
 Тех, что провидит он за далью лет!

Пред ним все виды зол, бесчисленных, всевозможных:
 Голодным беднякам — подарки слов пустых,
 Слепцы, ведущие уверенно других;
 Желчь отвердевшая — в речах пророков ложных:
 Над каждой мыслью — робости рога;
 Пред справедливостью — условий баррикады;
 И руки рабские, не ждущие награды
 Ни в шуме городском, ни там, где спят луга;
 И села, скошенные тенью,
 Что падают серпом от сумрачных церквей;
 И весь народ, привыкший к унижению,
 Упавший ниц под нищетой своей,
 Не мучимый раскаяньем напрасным,
 Сжимающий клинок, который станет красным;
 И право жить, и право быть собой, —
 В тюрьме законности, толкуемой неверно;
 И пламя радости, и нежности мужской;
 Погасшее в руках морали лицемерной

И отравляемый божественный родник,
 В котором жадно пьет сознание человека; —
 И после всяких клятв, и после всех улик,
 Все то же вновь и вновь, доныне и от века!

Кузнец, не веря в договоры,
 Давно замолк, давно молчит.
 Он — исступленный тот, который
 Вернется со щитом или упадет на щит!
 Он гордость, дар мужчины, смело
 Зубами воли сжав, не отдавал назад;
 Он может раздробить алмазы всех преград
 Одним хотением, не знающим предела,
 Способным в глубине веков
 Творить законы для миров!

И слушая, как снова, снова
 Струятся слезы всех сердец, —
 Невозмутимый и суровый,
 Седой кузнец,
 Он верит пламенно, что злобы неизменной
 Глухих отчаяний безмерная волна
 Однажды повернет к иному времена
 И золотой рычаг вселенной!
 Что должно ждать с оружием в руках,
 Когда родится Миг в чернеющих ночах!
 Что должно подавлять преступный крик разлада,
 Когда знамена ветер споров рвет;
 Что меньше надо слов, но лучше слушать надо,
 Чтоб Мига различить во мраке мерный ход;
 Что знаменьям не быть ни на земле, ни в небе,
 Но что безмолвные возьмут свой жребий!

Он знает, что толпа, возвысив голос свой
 (О, сила страшная, чей яркий луч далеко
 Сверкает на челе торжественного Рока),
 Вдруг выхватит безжалостной рукой
 Какой-то новый мир из мрака и из крови,
 И счастье вырастет, как на полях цветы,
 И станет сущностью и жизни, и мечты,
 Все будет радостью, все будет вновь!

И ясно пред собой он видит эти дни,
 Как если б, наконец, уже зажглись они:
 Когда содружества простейшие уроки
 Дадут народам — мир, а жизни — светлый строй;
 Не будут люди, злобны и жестоки,
 Как волки, грызться меж собой;
 Сойдет Любовь, чья благостная сила
 Еще неведома в последних глубинах,
 С надеждой к тем, кого судьба забыла;
 И брешь пробьет в пузатых сундуках
 (Где дремлет золото, хранимое напрасно)
 День справедливости, несдержанной и красной;
 Исчезнет в дни, когда умрут гордыни;
 Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы,
 И люди, лишь себя величающие ныне,
 Себялюбивые слепцы,
 Всем братьям расточат свои живые миги;
 И будет жизнь людей проста, ясна;
 Слова (их угадать еще не могут книги)
 Все разъяснят, раскроют все до дна,
 Что кажется теперь запутанным и темным.
 Причастны Целому, своим уделом скромным
 Сроднятся слабые: и тайны вещества,
 Быть может, явят тайну божества...

За днями день, за годом год
 Кузнец стучит, старик кует
 За гранью города, в тиши,
 Как будто лезвие души,
 Над красным горном наклонен,
 Во глубь столетий смотрит он,
 И их сверканьем озарен —
 Седой кузнец, немой старик,
 Тот, кто молчанием велик.

Валерий Брюсов.

БАНКИР.

(Из Э. м. Верхарна).

Он — в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
 Немного сгорбленный; порывистым пером
 Он пишет за своим заваленным столом,
 Но мыслью он не здесь, — там, на краю вселенной!

Пред ним Батавия, Коломбо и Капштадт,
 Индийский Океан и гавани Китая,
 Где корабли его, моря пересекая,
 То с бурей борются, то к пристани спешат;

Пред ним те станции, что строил он в пустынях,
 Те иглы рельс стальных, что он в песках провел.
 По странам золота и драгоценных смол,
 Где солнце властвует в просторах слишком синих;

Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
 И шахты темные его богатых копей,
 И звон его контор, знакомых всей Европе,
 Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;

Пред ним властители народов, побежденных
 Его влиянием: он может их рубез
 Расширить иль стеснить, иль бросить их в мятеж,
 По прихоти своих расчетов потаенных;

Пред ним и та война, что в городах земных
 Он, как король ведет, без выстрелов и дыма,
 Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
 Кровавые улыбки загадок роковых.

И в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
 Порывисто чертя узоры беглых строк,
 Своим хотениям он подчиняет Рок,
 И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!

О золото, что он собирает в разных странах;
 И в городах безумствующих, пьяных,
 И в селах, изнывающих в труде,
 И в свете солнечном, и в воздухе, — везде!

О золото крылатое! о золото парящее!
 О золото несытое, жестокое и мстящее!
 О золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
 О золото живое,
 Лукавое, глухое!
 О золото, что порами нужды
 Бессонно пьет земля с Востока до Заката!
 О злато древнее, краса земной руды,
 О вы, куски надежд и солнца! злато! злато!

Чем он владеет, он не знает,
 Быть может, башни превышает
 Гора накопленных монет!
 Но все холодный, одинокий,
 Он, как добычу долгих лет,
 С какой бы радостью глубокой
 Небес охране вековой
 Доверил самый шар земной!

Толпа его клянет, и все ему покорны,
 Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
 Всемирная алчба, сердец пожар упорный,
 Сжигает души всех, его ж душа — пуста.
 И, если он кого обманет, что за дело!
 На завтра тот к нему стучится вновь несмело.
 Его могущество, как ток нагорных вод,
 С собой влечет в водоворот
 (Как камни, листья и растенья)
 Имущество, богатство, сбереженья
 И малые гроши,
 Которые в тиши
 Копили бедняки, в поту изнемогая.

Так, подавляя все Ньягарами своей
 Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
 Над горами счетов весь погруженный в думы,
 Решает судьбы царств и участь королей.

Валерий Брюсов.

Не всякий, кто читает, в чтении силу знает.

Из пословиц и поговорок русского народа.

ДЕВУШКИ.

(Из Эм. Верхарна).

Идите, приходите,
 Сходитесь, расходитесь,
 Скрывайтесь, возвращайтесь,
 Бегите, не щадите ног;
 Там, в поле — тысячи дорог!

Идите, приходите,
 Все дни, все дни недели
 За делом и без цели;
 Скрывайтесь, возвращайтесь, —
 Но в воскресенье,
 Цветной корсаж надев и украшенья,
 Все собирайтесь,
 Все девушки соседних деревень,
 На перекресток, где трех старых грабин тень.

Там в нетерпенье
 Красавцы-парни ждут своих подруг,
 Ведите их на свежий луг,
 Танцуйте с ними
 Длинные кадрили.

Уходите, возвращайтесь,
 В танце есть водовороты,
 Изумленья, убеганья и притворства,
 Но, танцуя, выявляя статность, ловкость
 и проворство,

Прижимайтесь,
 Без заботы,
 Сердце к сердцу, к груди грудь!
 И, в объятье — как нибудь,
 Догадайтесь,
 Уходя вдвоем на свежий луг,
 Кто ваш будущий супруг!

Все это будет, а пока
 Идите, проходите,
 Неся на ферму ведра молока.

Уже — вечерний час и, позлащенным, стадо
Идет с мычаньем по следам быка,
В знакомый хлев, где мир и где прохлада...
День кончился... В мечтах прекрасных спите!

Валерий Брюсов.

ВЧЕРА ВО МГЛЕ НЕСЛИСЬ ТИТАНЫ.

Вчера во мгле неслись Титаны
На приступ молнийных бойниц,
И широко сшибались станы
Раскатом громких колесниц.

А ныне, сил избыток знойный
Пролив на тризне летних бурь,
Улыбкой осени спокойной
Яснеет холодная лазурь.

Она пришла с своей кошницей,
Пора свершительных отрад,
И златотканной багрянницей
Наш убирает виноград.

И долго Север снежной тучей
Благих небес не омрачит,
И пламень юности летучей
Земля, сокрыв, не расточит.

И дней незрелых цвет увядший
На пире пурпурном забвен;
И первый лист любезен падший,
И первый плод благословен.

Вячеслав Иванов.

В РЕСТОРАНЕ.

Никогда не забуду он был или не был
Этот вечер; пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи!

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко —
Ты сказала: и этот влюблен!

И сейчас-же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки.
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки.

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла словно сон мой легка
И вдохнула духи, задремали ресницы,
Зашептали тревожно шелка.

И из глубы зеркал ты мне взоры бросала —
И бросая кричала: — Лови!...
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

Александр Блок.

Первые усилия актера (чтеца) должны обратиться к изучению произношения. Это — азбука и вместе с тем высшая точка в искусстве.

Коклэн Старший.

(Знаменитый французский актер и чтец).

ПЕСНЯ ФАИНЫ.

Когда гляжу в глаза твои
 Глазами узкими змеи
 И руку жму, любя,
 Эй, берегись! Я — вся змея!
 Смотри: я миг была твоя
 И бросила тебя.
 Ты мне постыл! Иди же прочь!
 С другим я буду эту ночь!
 Ищи свою жену!
 Ступай, она разгонит грусть,
 Ласкает пусть, целует пусть!
 Ступай — бичом хлестну!
 Попробуй кто, приди в мой сад,
 Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
 Сгоришь в моем саду!
 Я — вся весна! Я вся — в огне!
 Не подходи и ты ко мне,
 Кого люблю и жду!
 Кто стар и сед, и в цвете лет
 Кто звонких больше даст монет,
 Приди на звонкий клич!
 Над красотой, над сединой,
 Над вашей глупой головой —
 Свисти мой тонкий бич!

Александр Блок.

Всякая фраза заключает в себе одно или два слова, в которых
 заключается вкратце резюмированный смысл всей фразы. Надо
 произносить эти слова таким образом, чтобы они могли быть вы-
 ставлены на вид, и постараться, чтобы мысль автора с силою про-
 никла в слух и ум слушателей.

Легува.

(Знаменитый французский чтец и писатель).

СЫТЫЕ.

Они давно меня томил:
 В разгаре девственной мечты.
 Они скучали и не жили
 И мяли белые цветы.

И вот в столовых и гостиных,
 Над грудой рюмок, дам, старух,
 Над скукой их обедов чинных,—
 Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
 На лицах желтые круги,
 Шипят пергаментные речи,
 С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует все, что сыто,
 Тоскует сытость важных чрев;
 Ведь опрокинуто корыто,
 Встревожен их прогнивший хлеб.

Теперь им выпал скудный жребий:
 Их дом стоит неосвещен,
 И жгут их слух мольбы о хлебе
 И красный смех чужих знамен.

Александр Блок.

СОЛОВЬИНЫЙ САД.

1.

Я ломаю слоистые скалы
 В час отлива на илстом дне,
 И таскает осел мой усталый
 Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
 Сложим в кучу — и к морю опять
 Нас ведут волосатые ноги;
 И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он отрадно,
 Что идет налегке хоть назад.
 А у самой дороги — прохладный
 И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
 Лишних роз к нам свисают цветы.
 Не смолкает напев соловьиный
 Что-то шепчут ручьи и листья...

Крик осла моего раздается
 Каждый раз у садовых ворот,
 А в саду кто-то тихо смеется,
 И потом — отойдет и поет.

И вникая в напев беспокойный
 Не гляжу, понукая осла,
 Как на берег скалистый и знойный
 Опускается синяя мгла.

2.

Знойный день догорает бесследно,
 Сумрак ночи ползет сквозь кусты,
 И осел удивляется бедный:
 Что, хозяин, раздумался ты?

Или разум от зноя мутится,
 Змечтался ли в сумраке я?
 Только все неотступнее снится
 Жизнь другая — моя не моя...

И чего в этой хижине тесной,
 Я, бедняк обездоленный, жду,
 Повторяя напев неизвестный,
 В соловьином звенящий саду?

Не доносится жизни проклятья
 В этот сад, обнесенный стеной.
 В синем сумраке белое платье
 За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
 Прохожу мимо этих ворот —

И она меня, легкая, манит
 И круженьем и пеньем зовет.

Я в призывном круженье и пенье
 И забытое что-то ловлю,
 И любить начинаю томленье,
 Недоступность ограды люблю.

3.

Отдыхает осел утомленный,
 Брошен лом на песке, под скалой,
 А хозяин блуждает влюбленный
 За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
 Но сегодня — таинственный путь —
 Вновь приводит к ограде тенистой,
 Убегающей в синюю муть.

И томление все безысходней,
 И идут за часами часы,
 И колючие розы сегодня —
 Опустились под тягой росы.

Наказанье-ли ждет или награда,
 Если я уклонюсь от пути?
 Как бы в дверь соловьиного сада
 Постучаться? И можно-ль войти?

А уж прошлое кажется странным
 И руке не вернуться к труду:
 Сердце знает, что гостем желанным
 Буду я в соловьином саду.

4.

Правду сердце мое говорило.
 И ограда была нестрашна.
 Не стучал я — сама отворила
 Непрístupные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
 Однозвучно запели ручьи,

Сладкой песней меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем —
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5.

Пусть укрыва от дольного горя
Утонувшая в розах стена,
Заглушить рокотание моря —
Соловьиная песнь невольна!

И вступившая в пенью тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг виденье... большая дорога
И усталая поступь осла.

И во мгле благовонной и знойной,
Обвиваясь горячей рукой,
Човторяет она беспокойно:
Что с тобою, возлюбленный мой?

Но вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша —
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6.

Я проснулся на мгlistом рассвете
Неизвестно которого дня.

Спит она, улыбаясь, как дети;
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик прозрачный от страсти красив!
Що далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
И шиши точно руки из сада
Уцепились за платье мое.

7.

Путь знакомый и прежде нединный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней сочечанье,
Тоший куст и скалу над водой...

Где же дом? И скользкой ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком.

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или все еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне.

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутой
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, он приподнялся,
Широко разевав клешни,

Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они.

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

Александр Блок.

ВЕСНА.

Все подсохло, и почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче, весенняя весть.
Я встревожен назойливым писком.
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
Нависая над улицей с риском,
Протирает оконные стекла.
Тут известку счищают ножом,
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью кружит за окном.
Окна настезь — и крик, разговоры.
И цветочный качается стебель,
И выходят на двор полотеры
Босиком выколачивать мебель.
Выполз кот и сидит у корытца,
Умывается бархатной лапкой.
Вот мальчонка в рубашке из ситца,
Прибежав, запустил в него бабкой.
В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
Облачка, как барашки, волнисты.
В синих далах блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
С громом ввозит тяжелые балки.

Андрей Белый.

В ВАГОНЕ.

Снова дорога. И с силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный
Однотонный,
Шум колес.
Шопот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... Работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Все стучит.
Ти-та... то-га...
Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит и стучит это
Тй-та-та... та-та-та... та-та-та, тй-та-та..

Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...
Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприютная, темная
Станция в поле... Огни ее —
Глазки усталые, томные,
Шепчет: «Иди»...
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито — отжито. Вынуто — вышито...
Тй-та-та... та-та-та... та-та-та... тй-та-та...

Чудится степь бесконечная...
 Поезд по степи идет.
 В вихре рыданий и стонов
 Слышится песенка вечная.
 Скользкие стены вагонов
 Дождик сечет.
 Песенкой этой все в жизни кончается,
 И бесконечно звучит и стучит это:
 Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Странником вечным
 В пути бесконечном
 Странствуя целые годы,
 Вечно стремлюсь я,
 Верую в счастье,
 И лишь в несчастье
 В шуме ночной непогоды
 Веет далекою Русью,
 Мысли с рыданиями ветра слетаются,
 С шумом колес однотонным сливаются,
 И безнадежно звучит и стучит это:
 Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Максимилиан Волошин.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР.

(Из Эм. Верхарна).

В дикой скачке тучи скачут...
 Тучи в пляске завились.

Эй, луна, берегись!

Мгла гудит и разрывает,
 И деревья на полях
 То застонут, то заплачут, —
 Выгибаются...

Эй, луна, берегись!

Желтый лик больной луны
 Мертвый пал в зеркальность пруда,
 Раздробясь о грань волны,
 Окруженный бледной просинью —
 Это ветер свадьбу правит с осенью.

Эй, луна, берегись!

Как тяжелый всадник, рвется ураган,
 В двери бьет размашисто и хлестко, —
 И гуляет буйный, распален и пьян,
 С рыжей осенью по дальним перекресткам

Эй, луна, берегись!

Этот лик святой и чистый,
 Звезд лампы, нимб лучистый —
 Здесь не к месту средь разгула
 Пьяного, тяжелого,
 Там, где осень с ветром потеряли голову
 В судоргах объятий
 Вздохи все короче.
 Беспредельность ночи...
 Да лишь лес кричит из вихря и тумана
 Под ударами ночного урагана.

Эй, луна, берегись!

Рыщут псы, и липнет грязь на лапах.
 От полей идет сырой и пьяный запах.
 И на юг, на север, на восток, повсюду
 Разлилось дыханье похоти и блуда,
 Как кошмар прерывистый и рдяный,
 Ветер с осенью распутною и пьяной —
 В буйных судоргах упали и сплелись.

Эй, луна, берегись!

И собаки воют, точно волки.

Максимилиан Волошин.

ЯЗЫЧНИЦА.

Я верила ему от колыбели:
 — Он добр, он добр, — мне говорила мать,
 Когда меня укладывали спать,
 Голодную, склонившись у постели.
 — Он справедлив, голубка, и над нами
 Взойдет заря и осчастливит нас...
 Ты запоешь, как птичка в ранний час
 Поет, резвясь, согретая лучами.
 Ты расцветешь, как ландыш белоснежный,
 Как василек на ниве золотой...
 Болезная, с горячею слезой
 Молись ему душою безмятежной.
 Я верила... В нужде изнемогая,
 Чуждаясь слов, зачем и почему,
 Несчастливая, я верила ему,
 Всю горечь зла в молитве забывая.
 Прошла пора. Мечтам моим бесплодным
 Увы! теперь не верю, как и снам.
 Я поняла: он не поможет нам,
 Рабам нужды, забитым и голодным.
 Он изваян жрецом честолюбивым,
 Одетый в шелк. И, золотом залит,
 Он бедняку страданием грозит;
 А рай земной он отдает счастливым.
 Повсюду зло... Кровь неповинных льется.
 И, с каждым днем мучительней, слышней,
 Несется стон измученных людей,
 Мольба-ж к нему бесплодной остается...
 Довольно лгать! Я не могу склониться
 В мольбе пред тем, кто близок богачу,
 А бедным чужд... Довольно! Не хочу
 И не могу я более молиться!

Нечаев.

В ДЕРЕВНЕ.

Милый внук, да правда ль это,
 Что лопочут у ворот;
 Не лукавит ли газета,
 Не пытаются ли народ?
 Разя можно и так скоро
 Вырвать с корнем? Нет, мой друг,
 У него сильна опора:
 Войска много — верных слуг
 Если шутят, то не гоже —
 Кровью пахнет этот смех,
 Знаю я... великий боже,
 Что нас ждет за это всех!
 Не забыть: в Москве на Пресне
 В буреломный пятый год
 Началось все дело с песни:
 Просыпайся, встань, народ
 Но хранители престола,
 Коронованной главы,
 Люди взяток, произвола,
 Ощетинились, как львы.
 Их огонь был част и меток,
 Песням посланный в ответ...
 Сколько женщин... малолеток
 Уложили — счета нет.
 На Москве-реке их в кучи
 Собирали, как дрова.
 Да, грозны ходили тучи.
 Жуть... Кружилась голова.
 Полежал и сам я в груди,
 Полумертвый и без ног;
 Помогли, спасибо, люди —
 Не прогневался, знать, бог.
 Говоря, взглянул в окошко,
 Гнев к минувему тая,

Обомлел: — Пимоня-крошка,
Ущипни! не сплю ли я?

Глянь, родной, как с крестным ходом,
Люди с пением идут.

И войска слились с народом,
Флаги красные несут!

Дед заплакал: — Русь святая!
Ты ль не чудо из чудес!

К свету, ширь-то, ширь какая,
Безграничнейшее небес!

Нечаяев.

МОЛИТЕСЬ ВЫ, РАБЫ.

Молитесь вы, рабы, трусливые душою,
С наивной верою пред божеством глухим,
Мы — дети новых дней: позорною мольбою
Мы нашей гордости во век не оскорбим.
Как были щедры вы на слезы и моления...
Но бог, ваш грозный бог, не слышал, не внимал
И вместо радости, любви и всепрощенья,
Карающий свой бич на вас же поднимал...
И в страхе неизменном, в животном рабском страхе,
Готовые всегда прощать и умолять,
Покорные бичу, валялись вы во прахе,
Покорные бичу, не смели вы роптать.
И вот, уж вы — мертвы... Разбиты ваши силы
Бежит живая мысль от мертвого чела,
Порывы и мечты так жалки, так унылы...
Свободная душа навеки умерла...

Мы — дети новых дней. Божественное пламя
Горит у нас в сердцах. Душа у нас свежа,
В мозолистых руках — воинственное знамя...

Мы проклинали ее — страдальческую долю,
Восстали, как один, и смело вышли в бой.
Борьба на жизнь и смерть, борьба за свет и волю, —
Вот гордый наш девиз, наш лозунг боевой!

Под тяжкою грозой не плачем мы, не стонем,
Над черной бездною без страха мы стоим.
И, сильные душой, колени мы не преклоним
Пред небом пасмурным, холодным и глухим.
Не верим в небо мы! Как часто и неожиданно
Оно, бездушное, обманывало нас.
Мы верим лишь в себя, мы верим в свет желанный,
В идею светлую, связавшую всех нас...

Молитесь же, рабы, трусливые сердцами,
Целуйте божий бич и ползайте в пыли:
Быть может, грозный бог и сжалятся над вами
И властною рукой сотрет с лица земли!
Мы — дети новых дней. Пусть ждут нас злые беды,
Пусть смертью раннею нам всем грозит судьба —
Так верим мы в себя, так страстно ждем победы...
Да здравствует рассвет! Да здравствует борьба!..

Г. Вяткин.

ДЕРЗОСТИ СЛАВА.

Жить в потемках мы устали,
Мы проснулись, мы восстали, —
Слишком долго боя ждали, —
Жаждем жизни молодой!

Прочь, беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных,
В наших домах, в наших горнах
Полосой сверкнул металл.

Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтоб металлу дать закал.

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь, — но дерзайте!
Пролетит веков гряда, —

Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда!

Евг. Тарасов.

ВЕСНА.

(Монастырская).

Звоны - стоны, перезвоны,
Звоны - вздохи, звоны - сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела.
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

Ах, ты поле, моя воля,
Ах дорога, дорога.
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка чиста четверга.

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась,
У высокого моста.
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый табой?
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой.

Звоны - стоны, перезвоны,
Звоны - вздохи, звоны - сны.
Высоки крутые склоны.
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря.

Сергей Городецкий.

РУСЬ.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнее, и что смелей!
Где сияет солнце жарче,
Где сиять ему милей?

Поле, поле! Все — раздолье,
Вся душа — кипучий ключ,
Вековой вспененный болото,
Напоенный горем туч.

Да, бедна ты и убога,
И несчастна и темна.
Горемычная дорога
Все еще не пройдена.

Но и нет тебя счастливей
На стремительной земле,
Нету счастья молчаливей,
Нету доли горделивей,
Больше света на челе.

У тебя в глуши родимой
Не народ, а яр-ремень,
Гнет стерпел невыносимый
В темной жизни деревень.

У тебя по черным хатам
Потом жилистой руки
Дням раздольным и богатым
Копят силу мужики.

У тебя по вешним селам
Ходят девушки-цветы,
Днем не смаяны тяжелым,
Правдой юности святы.

Горе горькое изжито!
Вся омытая в слезах,
Плугом тягостным разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта
Счастье добыто в боях!

Много воплей запедали
Горя русского певцы,
И терновые сплетали
Бедной родине венцы.

Стало небо загораться,
И пора уже, пора
Бодрой песне разыграться,
Звякнуть звонче серебра.

Из неволи, да на волю,
В золотые времена!
Покидай глухую долю,
Подошла твоя весна.

Здравствуй, миру засиявший
Алый свет, огонь-летун!
Над тобой горит восставший,
Небо заревом обнявший
Бог победы, яр Перун!

Сергей Городецкий.

ПОРОДА.

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной,
Был он для барыни равно, что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит, —
Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.

А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело:
— «Тьфу», — говорит, — «уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный спесу.
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: — «Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
Ума не приложу:
— За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду!»
«За что?» — ответил пес, скрывая в сердце злость:
«За то, что ты — мужичья кость
И должен чтить мою высокую породу!»

* * *
Забыл Аким: «По роду и удел!»
Так, ведь, Аким — престолярodie.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье.

Демьян Бедный.

СВЕЧА.

— «Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно».
Приказчик мечется, хлопочет,
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
— «Святители! Раззор!»

Чины небесные, арханделы и власти!

Спасите от лихой напасти!

Я добрым делом отплачу...

Сведу в лампадах пуд елею...

Под первый праздничек свечу

Вот с эту мачту закачу...

И сотельной не пожалею!»

То слыша, говорит приказчик Пантелею:

— «Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?

Да где же ты свечу такую раздобудешь?»

— «Молчи, дурак, — умнее будешь!» —

Хозяин отвечал сквозь слез: —

«Дай только вымолить скорей у неба жалость,

Чтоб я с моим добром остался невредим, —

А там насчет свечи мы после... поглядим...

Укоротим, пожалуй, малость!»

Демьян Бедный.

НА ЧТО ПОКОЙНИКУ САПОГИ?

(Случай в деревне Югостицы, Смоленской губ.)

Мужик, Исай Слепых, уже давно больнои,

Жить приказал на фоминой.

Покой ему, бедняге, вечный!

Вдова к попу — насчет убогих похорон.

А к слову — поп отец-Мирон,

Был не в пример другим на редкость поп сердечный,

Узнав от плачущей вдовы,

Что нечем будет ей платить за похороны,

Он молвил: — «Не у всех в кубышках миллионы.

Сам знаю я, твои недостатки каковы.

Да, много горестей узнаешь ты, вдовья...

А что до платы мне... так дело не в деньгах...

Покойный твой Исай, мне помнится, говей,

У исповеди... кхе!.. был в новых сапогах.»

* *

На следующий день несли в гробу Исая.

Поп, на ноги свои украдкой взгляд бросая

(Ух, чорт, и сапоги ж!), гнусил, распялив рот,

А сзади, по снегу, с гурьбой босых сирот,

Исаева вдова плелась босая.

Демьян Бедный.

КЛАРНЕТ И РОЖОК.

Однажды летом,

У речки, за селом, на мягком бережку

Случилось встретиться пастушьему рожку

С кларнетом.

— «Здорово!» — пропещал кларнет.

— «Здорово, брат» — рожок в ответ:

«Здорово! Как вижу, ты из городских.

Да не пойму, из бар или из каких?»

— «Вот это ново»,

Обиделся кларнет:

«Глаза вперед протри»

Да лучше посмотри,

Чем задавать вопрос мне неуместный.

Кларнет я, музыкант известный

Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож;

Но за талант я свой в места в какие вхож!..

Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы!

А все скажу, не утаю:

Под музыку мою —

Танцуют, батенька, порой князья и графы.

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь, под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут».

— «То так», — сказал рожок: «нам графы не сродни.

Одначе помяни:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут».

Демьян Бедный.

С О Н.

(Из хроники «Дерунов 1001-й».)

— «Мать богородица!.. С чего бы вся причина...

Аль торговал ты без почина?..

Гордеич... Батюшка... Очнись... Христос с тобой!»...

Купчиха плачется. Но в тяжком сне купчина

Ревет белугою: — «Ограбили... разбой...

У... воры... у... злодеи...

Вишь... грамотей...

Каки

Таки

Идеи!..»

Гордеич, почернев, сжимает кулаки.

— «Федосьюшка!» — купчиха с перепугу

Зовет прислугу:

— «Воды!» — Окаченный чуть не ведром воды,

Свалился наш купец с постели:

— «Тьфу! Сны какие одолели...

Впрямь не дожить бы до беды...»

— «Спаси нас, господи!» заохала купчиха.

— «Спасешься, мать, дождавшись лиха!

Сон, чую, не к добру!

Что снилось-то, смекай: как-будто поутру

Вхожу я в лавку...

Иду к прилавку...

Приказчиков — ни-ни...

Где, думаю, они?

Зову. Молчок. Я — в кладовую.

Ну, так и есть: все сбились в круговую —

Вот угадай ты — для чего?

Картишки? Пьянство? Ох, все б это ничего!

А тут — взобравшись на бочонок,

Приказчий журнал читает всем мальчонок,

Микитка... чоргов куль... сопляк,

Что из деревни нам зимой привез земляк.

— «Товарищи», — орет подлец: — «пора нам

Обресть лекарство нашим ранам!

Пора хозяйскую нам сбросить кабалу,
 Губившую наш ум, калечившую тело...
 Объединяйтесь! Спасенья час приспел!..»

.....
 Ну, знамо дело,

Я дальше не стерпел!

Грудь сперло. Затряслись не то, что жилы, — кости!

Не разбуди меня ты во-время, от злости

Я б, верно, окошел.

* * *

О басне не суди, читатель, по заглавью.

Что было «сном», то стало «явью»!

Вот только в басне нет конца:

Я после расскажу насчет судьбы купца.

Демьян Бедный.

М А Й.

Подмяв под голову пеньку,

Рад первомайскому деньку,

Батрак Лука дремал на солнцепеке.

— «Лука!» — будил его хозяин: — «а Лука?

Ты что ж? Всерьез? Аль так валяешь дурака?

С чего те вздумалось валяться, лежебоке?

Ну полежал и будет. Ась?

Молчишь? Оглох ты, что ли?

Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.

Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,

Какую прятал ты листовку?

Опять из города! Опять про забастовку!

Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...

Деревня им нужна... Мутить простой народ...

Ма-св-ки. Знаем мы маевку.

За что я к пасхе-то купил тебе поддевку?

За что?.. Эх, брат Лука...

Эй, милый, не дури... Одумайся... пока...

Добром прошу... Потом уже не жди поблажки...

Попробуешь, скотина, каталажки.
 До стражника подать рукой!..»
 Тут что-то сделалось с Лукой.
 Вскочил. Побагровел. Глаза горят, как свечи,
 — «Хозяин!» — вымолвил: — «запомни... это... Май!..»
 И, сжавши кулаки и разминая плечи,
 Прибавил яростно: — «Слышь? Лучше не замай!»
 Демьян Бедный.

ИЗ ПОЭЗИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

*

В. Александровский	М. Герасимов	Вл. Маяковский
+ П. Орешин	А. Поморский	Вас. Каменский
А. Блок	А. Гастев	+ Г. Лелевич
+ В. Кириллов	А. Безыменский	С. Городецкий
Вас. Князев	Ив. Доронин	Демьян Бедный
В. Брюсов	С. Есенин	В. Казин
И. Ионов		А. Жаров

ВОССТАНИЕ.

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что-то растет.
Кто-то огромный идет.
Черные куртки и кепки,
Плавают в сером тумане.
Втиснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах —
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там на крутых поворотах
Гаснут огни.
Плотно закрыты ворота —
Грязные пасти домов.
Чу! Топот шагов...
Это — они...
Ринулись тени.
Скрылись, пропали.
Ужас бегущих мгновений.
Лязг беспорядочной стали.
Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет,
Серое небо объемлет пожар.
Время не ждет —
Свет убивает кошмар.
В муках великое зреет.
Идет.
Выстрелы гудкие, четкие.
Стекла посыпались
на тротуар.
Пороха запах.
Стены короткие.
Странные крики. Пожар.

Прошное будущим стиснуто
в лапах.
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились.
Вспыхнула твердь.
.....
Рассвет.
В людей превращаются тени,
И тайны в глазах уже нет;
В них светится жажда
сражений,
Побед.
Справляет свой праздник
борьба.
Откуда-то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане.
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.
Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мускулы рук трепетали.
Рванулся
Вверх окровавленный флаг
Ждали:
Подступит ли враг?
Нет.
Не идет.
Так, развернутым строем,
Братья, вперед,
На гребни побед.
Мы старое сроем,

Раздавим.
И в этой борьбе
О себе,
Мы вечную память оставим.
Враг сломлен, разбит.

Сквозь полог туманный и
дымный
Лучи свои солнце струит,
А толпы—восторги и гимны.
. . . . .

В. Александровский.

ДЕРЕВНЯ.

(Отрывок из поэмы).

Там где-то пушки и винтовки
Дробили старые века.
А здесь страдания, как веревки,
Захлестывали мужика...

Там беспощадной диктатурой
Взрывали мировой покой,
Здесь за аршин мануфактуры
Платили телом и душой.

Опять в избе горит лучина,
Опять пужда глядит в глаза
И жили с думою единой:
— Не повернуть ли жизнь назад?

Но слишком много было взято
От солнца света и тепла,
Чтоб боль позорного возврата
Сердца ожившие не жгла...

Кто захлебнулся мутью горькой,
Тем был понятен зимний гром...
Там вдаль уверенно и зорко
Смотрел Московский Совнарком.

В. Александровский.

Эка понесла: ни конному ни пешему не догнать!

Из пословиц и поговорок
русского народа.

ПОЕЗД.

Шпалы гнутся, шпалы стонут,
Рельсы в светлом поле тонут.
Поезд мчится, мчится, мчится,
Даль струится, серебрится,
Ветер крутит, ветер бьет,
Ветер нижет и поет:

Эй, вы! Эй, ты, близкий-дальний,
Молот чокай в наковальню,
Молот чокай, сердце токай,
Путь веселый, путь широкий —
Вот он, вот он, впереди,
Только весело гляди.

Лесом, лугом, степью, полем...
Мы творим, куем и волим,
Мчимся выше, мчимся ниже,
К цели — ближе, ближе, ближе...
Мчатся годы, мчатся дни,
Ближе станции огни!

Эй, вы! Эй, вы, мчитесь, мчитесь,
Стройте, стройте и любитесь...
Стройте сами, будьте с нами,
Будьте сами мастерами,
Взвейте, вскиньте выше гор
Вашей силы семафор!

Все мы в поезде, в пути мы,
Все мы гайки, рельсы, дымы,
Мы в погоне, мы в вагоне,
В красном шуме, в красном звоне,
В быстрой скачке среди равнин
Все мы, все мы, как один!

Петр Орешин.

9-е ЯНВАРЯ.

1.

Шли темной массой ко дворцу
Со всех сторон, со всех окраин,
И ноги плыли по торцу,
И пот катился по лицу,
И праздничны звонки трамвая,
И ветер, флагами играя,
Шел в массах к царскому крыльцу.

2.

Шли темной массой по снегам,
По всем проспектам и каналам,
По улицам, по берегам
Невы и Мойки, по садам, —
Шли шагом мерным, чуть усталым,
И солнце медленно шагало
По непокрытым головам.

3.

Шли темной массой — от станка,
От доменных печей и стали,
От молота и верстака,
И от хозяйского пинка, —
И плечом к плечу. В любом квартале
Был слышен гул, и скрипом рвали
Дорогу желтые снега.

4.

Шли грозной массой, как леса,
От зноя, ветра и засушья.
В иконах — страх, темны глаза,
Горели знойно в небесах
Ряды хоругвей, ветер в уши,
И измотавшиеся души
Горели верой в чудеса.

5.

Шли темной массой. Явь — как сон:
Царь — правда, истина, защита!
И шли со всех, со всех сторон.
На милость шли и на поклон
К царю, — все головы открыты,
И над толпой блестел сердито
Крестом нагрудным поп Гапон.

6.

Шли гулкой массой. Впереди
Распахивалась тень Гапона,
Крестовский остров подходил
К Неве, изрытой взмахом льдин,
И мост, снежком посеребренный, —
Гудел и сыпал व्यюжным звоном
Снежок в перилах и в груди.

7.

Шли темной массой. Уж близка
Им к Зимней площади дорога.
Царев дворец, вдали — река,
Гербы над садом, и слегка
Идет снежок. Еще немного:
Шевелится в душе тревога,
Покорность, ярость и тоска.

8.

Но шел уверенно Гапон,
Безумный поп, и диким взглядом
Воцзался в ясный небосклон,
Так верен был он тьме икон, —
И массы, взвинченные гадом,
Не дрогнули бы под прикладом
Итти, куда укажет он!

9.

Шли плотной массой. Город тих.
Но он проснулся. В массах ропот.

Вокруг, везде, тайком от них —
 Мчат кони всадников лихих...
 Пронесся гулом страшный попот,
 И в желтый снег, под конский топот
 Летят свистки городских.

10.

Тяжелой массой подошли!
 Плечо в плечо, слоновье стадо,
 Запахло потом, пар валит
 От мокрых шей и от земли.
 ...И веру в милость и пощаду
 В сердцах покорных, как лампаду,
 Перед дворцом они зажгли!

11.

— Нас грабят, царь! Ты — нам отец,
 Ты нас поймешь, пришли мы сами!
 Мы — стадо темное овец, —
 Ты слышишь рабий бой сердец?
 Наш труд не в труд... Ты царь над нами!
 ...Так думали они сердцами
 Перед царем открыться, наконец.

12.

Но хмур дворец. Молчат орлы,
 Прибитые ко всем балконам.
 И вдруг дворцовые углы
 Качнулись, выплыли из мглы,
 Блеснули саблями и звоном
 Стальных штыков, и с тихим стоном —
 Вперед! — ружейные стволы.

13.

Выл ветер: что вам? — Нам — царя! —
 Темны шинели. — Дай царя нам!
 Мы шли к нему. Мы шли не зря!
 Грох на камни: дай царя!
 Балкон открылся. Рылом рьяным
 Рванулся Трепов: смерть смутьянам!
 Но массы-массы: дай царя!

14.

Гапон платком (платок был бел)
 Махнул... В ответ — платок с балкона.
 Вот первый залп уж прогремел,
 Вот залп второй, огонь вскраснел,
 И грянуло со всех балконов
 Для всех полков и батальонов:
 — Ребята, не жалеть патронов!
 Так я велю, так царь велел!

15.

Гапон исчез. Ружейный гром
 Со всех сторон по темным массам,
 Мужчин и женщин, всех — свинцом,
 Свинцовым огненным дождем
 Крошили злым и пьяным часом, —
 И снег от крови и от мяса
 Кровавым вспенился дымком.

16.

И не было спасенья там,
 В глубоких улицах, где роты
 Солдат неслись по головам,
 И разрезали пополам
 Казачьи сабли, в час охоты
 Ловили жертву пулеметы,
 И кровь адела по снегам.

17.

Недаром спаивали их,
 Солдат откормленных и серых,
 Казаков, гордецов молодых, —
 Рубили крепко, враз двоих,
 В царя расстреливая веру,
 И, дикости теряя меру,
 Кололи мертвых и живых.

18.

Земля стонала и рвала
 Поземку легкую над кровью.

А к вечеру метель пришла,
Звездой упала на тела,
Прильнула к вечному покою
Крылом отщепеня и с любовью
Им белый плат свой отдала.

Петр Орешин.

ДВЕНАДЦАТЬ.

1.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!
Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!
От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет.
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...
Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, матушка-заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!
Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!

И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.
А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вот и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?
Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!
Ай, ай!
Тяни, подымай!
Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подола,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:
... И у нас было собрание...
... Вот в этом здании...
... Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
... И меньше — ни с кого не брать...
Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2.

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...
В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину-б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

- А Ванька с Катькой в кабаке...
- У ей керенки есть в чулке!
- Ванюшка сам теперь богат...
- Был Ванька наш, а стал солдат!..
- Ну, Ванька, сукин сын, буржуй
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода
Эх, эх, без креста!

Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в святую Русь —

В кандовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3.

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх, ты, горе-горькое,
Сладкое житье!

Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4.

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Електрический фонарик
На оглобелях...

Ах, ах, поди!

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой,
Крутит, крутит черный ус,

Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах, ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5.

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце екнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согрени!
Будет легче для души!

6.

... Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...
Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!

Трах-тарарах—тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взведи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
...
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва,
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7.

И опять идут двенадцать
За плечами — ружьеца,
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Все быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,

Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я, сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?

— Верно душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!

— Поддержи свою осанку!

— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!

Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой.

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!

Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,

Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —

Гуляет нынче голытьба!

8.

Ох, ты, горе-горькое!

Скука скучная,

Смертная!

Уж я времечко

Проведу, проведу...

Уж я темечко

Почешу, почешу...

Уж я семечки
Полущу, полущу...

Уж я ножичком
Полосну, полосну...

Ты лети, буржуй, воробышком.
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...
Скучно!

9.

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!

— Петька! Эй, не завирайся!

От чего тебя упас

Золотой иконостас?

Бессознательный ты, право,

Рассуди, подумай здраво —
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 — Шаг держи революционный!
 Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

11.

... И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утратишь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.

Раздается
 Мерный шаг.

Вот — проснется
 Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет...

Вперед, вперед,
 Рабочий народ!

12.

... Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? Выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди.

Впереди — сугроб холодный.
 — Кто в сугробе — выходи!

Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощекочу!
 Старый мир, как пес паршивый,
 Провалился — поколочу!

... Скалит зубы — волк голодный,
 Хвост поджал — не отстает —
 Пес холодный — пес безродный...
 — Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
 — Приглядишься-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
 Лучше сдайся мне живьем.
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
 Откликается в домах...
 Только вьюга долгим смехом
 Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
 Трах-тах-тах!..

... Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим,
 Нежной постылью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос.

Александр Блок.

СКИФЫ.

Панмонголизм! Хоть имя дико
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев.

Миллионы — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да скифы — мы! Да, — азиаты мы,
С раскосыми и жадными очами.

Для вас — века, для нас — единый час,
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на восток,
Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рош далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны-ль мы, коль хрустнет ваш скелет,
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под узды
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И умирять, рабь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия.
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир!
Сзывает варварская лира!

Александр Блок.

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА.

Пророк грядущих радостных веков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:
Восстаньте, угнетенные всех стран!
Чудовищу, чье имя — капитал,
Ты, мудрый, дал испытать смертельный яд,
И старый мир от боли застонал,
Предчувствием мучительным объят.
Как молнии сверкающей излом,
Как солнце, побеждающее мрак,
В учении пленительном твоём
Открылся нам спасительный маяк.
Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись —
Навстречу им, как зарево зарниц,
Костры восстаний к небу поднялись.
Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой ли реял дух?!
Париж!.. Коммуна!.. Красный Петроград!..
Еще не раз взволнуют братский слух...
Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир великий, властный зов:
Восстаньте, пролетарии всех стран!

В. Кириллов.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ГИМН.

Славьте Великое Первое Мая,
Праздник труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая
Праздник свободы, весны и цветов.

Сестры, наденьте венчальные платья,
Путь разукрасьте гирляндами роз,
Братья, раскройте друг другу объятия —
Пройдены годы страданья и слез.

С фабрик, заводов и дымных окраин
Все выходите наш праздник встречать;
Шествуй, земли полновластный хозяин, —
Ты, пролетарская честная рать.

Громче — оркестры! Выше — знамена!
Славьте Великий Рабочий Союз!
Славьте всемирных борцов легионы,
Армию синих замасленных блуз.

Славьте Великое Первое Мая —
Праздник труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая,
Праздник свободы, весны и цветов!

В. Кириллов.

Прозой нельзя говорить на сцене так же, как на улице. Стихи нельзя молотить, как прозу. Говорить «естественно» и прозой и стихами значит говорить так, чтобы, не опускаясь ниже известного уровня, речь наша все-таки не казалась «не от мира сего».

Дж. Льюис.

ПЕСНЯ КОММУНЫ.

Нас не сломит нужда,
 Не согнет нас беда,
 Рок капризный не властен над нами;
 Никогда, никогда,
 Никогда! никогда!
 Коммунары не будут рабами!

Все в свободной стране
 Предоставлено мне,
 Сыну фабрик и вольного луга,
 За свободу свою
 Кровь до капли пролью,
 Оторвусь и от книг, и от плуга.
 Пусть британцев орда
 Спаряжает суда,
 Угрожая Руси кандалами —
 Никогда, никогда,
 Никогда! никогда!
 Коммунары не будут рабами!

Славен красный наш род.
 Жив свободный народ —
 Все идут под знамена Коммуны,
 Гей, враги — у ворот.
 Коммунары — вперед!
 Нестрашны нам лихие буруны.
 Враг силен? — Не беда!
 Пропадет без следа,
 Коли жаждет господства над нами:
 Никогда, никогда,
 Никогда! Никогда!
 Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
 Станут девушки в ряд,
 Будут дети и жены бороться;
 Всяк солдат — рядовой,
 Сын семьи трудовой,
 Все, в ком сердце мятежное бьется.

Нас не сломит нужда,
 Не согнет нас беда,
 Рок капризный невластен над нами;
 Никогда, никогда,
 Никогда! никогда!
 Коммунары не будут рабами!

Вас. Князев.

СЕРП И МОЛОТ.

Пусть гнал нас временный ущерб
 В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
 Нет, не случайно новый герб
 Зажжен над миром — Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудом,
 Меч вражий будет вновь расколот:
 Не даром мы, блестя серпом,
 Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
 Лети за грань, в планетный холод,
 Вселенский серп, сев истин жни,
 Толщ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил? Довольно лжи!
 Как в осень, плод поспелый золот.
 В единый сноп, серп, нас вложи,
 В единый доколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
 Дух человека свеж и молод.
 Точи для новой жатвы серп,
 Храни для новой битвы молот!

Валерий Брюсов.

НАМ ПРОБА.

Крестят нас огненной купелью,
 Нам проба — голод, холод, тьма,
 Жизнь вдруг свистит ледяной метелью,
 День к дню жмет горло, как тесьма.

Что-ж! Ставка — мир, вселенной судьбы.
 Наш век с веками в бой вступил.
 Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
 Лжец, кто дрожа вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибели.
 В прах, в кровь топчи любовь свою.
 Чем крепче ветер, тем многозыбней
 Понт в пристань принесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
 Где смерч, там ядра кажут путь: [↳]
 Стань, как гранит, влей пламя в вены,
 Вдвинь сталь пружин, как сердце в грудь.

Строг выбор: строй, рази иль падай!
 Нам нужен — воин, кормчий, страж!
 В ком жажда нег, тех нам не надо,
 Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли-б, как плети,
 Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
 Что, в свете молний, мир столетий
 Иных ты, смертный, видеть мог.

Валерий Брюсов.

Дарования Палестрины, Паганини, Амати и Буонаротти —
 в одном творце: вот дарование гениального чтеца ¹⁾!

Юрий Озаровский.

¹⁾ Автор назвал четырех гениальных художников Италии:
 1) композитора, 2) скрипача, 3) скрипичного мастера и 4) скульп-
 тора - архитектора - художника. В. С.

7-е НОЯБРЯ.

Столяры, слесаря, кузнецы,
 Вы, творцы
 Новой жизни, грядущей навстречу!
 Славьте радостный день годовщины —
 Мирового восстания предтечу...
 Пусть умолкнут станки,
 Не шумят исполины —
 Машины,
 Не снуют молотки!
 Выходите вы, жители темных предместий!
 Пусть под топоты ваших шагов
 Даже камни кричат о борьбе и о мести,
 Пусть до слуха врагов
 Лозунг наш долетит: «На часы, пролетарий!
 Длится с хищником злобным борьба!»
 Сестры, братья, сурова судьба
 К тем, кто красное знамя восстания
 Водрузил на земле...
 Много мук и страданья
 Стерегут нас во мгле,
 Но в последнем бою
 За свободу свою
 Победителем будет не шайка дворян,
 А рабочий — земли капитан.
 Вы, строители пышных дворцов,
 Синеглазые, крепкие люди,
 Выходите, пусть ветер Коммуны
 Ваши впалые груди
 Обвеет...
 Над громадой домов,
 Наше красное знамя, как кровь, пламенеет...
 Славьте день ноября —
 Это наша вторая заря.

Илья Ионов.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Ин-тер-на-ци-о-нал!
 На улицы, на площади спешите!
 Смотрите,
 Ведь даже неба свод
 От крика нашего в испуге задрожал...
 Для тех, кто день за днем,
 Как раб, как вол,
 Дорогой каторжною шел,
 Сжигаемый огнем
 Угроз, несчастий, бед, проклятий,
 Для тех, кто изнывал у паровых котлов,
 В колодцах шахт копался дни и ночи
 И все же с твердостью, как ни был рок суров,
 Носил святое звание — рабочий,
 Взойшла для тех заря...
 Перешагнув через моря,
 Минуя острова, леса и горы,
 Идут, идут, идут,
 Направив взоры
 К России — Мекке наших дней,
 Идут и новый свет несут.
 Мильонов ног вы слышите удары?
 То разных стран
 Перекликаются народы,
 Чтоб мир насилья старый
 Во имя счастья и свободы
 До основания сжег последний ураган.
 Грядите, блузники!
 Вы, обделенные на жизненном пиру,
 В ружье, товарищи!..
 На мировом смотре
 Для тех, кто вечно жил в труде,
 В нужде,
 Нет рас и каст, девиз один
 Теперь над нами властелин,
 Он нам равно всем запылал:
 Ин-тер-на-ци-о-нал!!!

Илья Ионов.

ПЕСНЯ КОММУНАРОВ.

Над нами гневный рок занес свой бич грозный,
 И бурный шквал нас хочет захлестнуть,
 Но пусть все тяжелей наш крестный путь терновый,
 Мы не дадим наш красный стяг свернуть,
 И грудью встретим мы своей судьбы удары,
 Мы — коммунары!

Мы вызов бросили законам умиравшим
 И новый строй для мира принесли,
 Сожгли мы, дерзкие, как сор, нам жить мешавший,
 Прошедшего гнилые корабли...
 И в свете их огней уклад хороним старый,
 Мы — коммунары!

Мы знаем: по земле безбрежно разольется
 Поток идей Коммуны Трудовой,
 Нависшая гроза над нами пронесется,
 И даль сверкнет пылающей зарей...
 Но вражьей силе мы готовим грозно кары,
 Мы — коммунары!

В дни схваток роковых не время для досуга!
 Пусть меч сверкнет в натруженных руках,
 Не знавших отдыха... Питомцы шахт и плуга,
 В ряды бойцов!.. На наших знаменах
 Горит уверенность: прорвутся сквозь пожары
 Лишь коммунары!

Илья Ионов.

Тембры — это все равно, что краски! И никогда не будешь хорошим чтецом, если не будешь уметь облекать слова во все цвета призм, если не будешь уметь рисовать голосом!

Легува.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ.

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты, —
Под дымным небом на заводе
Ковал железные цветы.

Их не ласкало солнце юга
И не баюкал лунный свет, —
Вагранок огненная выюга
Звенящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен, металла звон,
Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе, —
В мозолях мощная ладонь.
Неугасимый на заводе
Горел под блузою огонь.

Вздвухвал я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты
И, опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

М. Герасимов.

РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ.

На темных могилах, из щебня былого,
Из смеха и слез изнуренных сердец —
Мы, гордые, строим — мы, гордые, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.

Нас бодрость волнует. Крепки наши руки,
Мы знаем, как строить, хоть ночь так темна,
И камень за камнем — и камень за камнем
Встает за стеною стена...

Над нами нахмурилось темное небо...
Усталый упал не один уж боец...
Мы, гордые, строим, — мы, гордые, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.

Он встанет в тумане ночей молчаливых,
Как солнце разрежет миражи судьбы,
Железную ратью придем мы, придем мы,
Без слез, без цепей, не рабы...

Смелее, товарищ, не бойся кошмара.
И кто бы ты ни был, за нами иди...
И если ты веришь, в восходы ты веришь,
Ты камень в основу клади...

На темных могилах, из праха былого,
Из крови и слез изнуренных сердец,
Мы, гордые, строим, — мы, гордые, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.

Александр Поморский

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА.

Смотрите! — Я стою среди них: станков, молотков,
вагранок и горнов и среди сотни товарищей.
Вверху железный — кованный, простор,
по сторонам идут балки и угольнички.
Они поднимаются на десять сажен.
Загибаются справа и слева.
Соединяются стропилами в куполах и, как плечи великана,
держат всю железную постройку.
Они размашисты, они стремительны, они сильны.
Они требуют еще большей силы.
Гляжу из них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая железная кровь.
Я вырос еще.
У меня у самого вырастают стальные плечи и безмерно
сильные руки.
Я слился с железом постройки.
Поднялся.

Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а уже кричу:

— Слова прошу, товарищи, слова!

Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка дрожит нетерпением, а я поднялся еще выше, я наравне с трубами.
И не рассказ, не речь, а только одно мое железное я прокричу:

— Победим мы!

А. Гастев.

О ШАПКЕ.

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти!
Кто о женщине, кто о тряпке,
Кто о песнях прошедших дней,
Кто о чем,
А я о шапке,
Котиковой,
Моей.
Почему в ней такой я гордый,
Не глаза ведь под ней, а лучи,
Потому что ее
По ордеру,
По ордеру получил.
В девятнадцатый в Киев на отдых
Я усталый приехать смог
И покою два дня лишь отдав,
На третий в окопы лег.
Мы голодные жизнь творили.
Но знали: есть голод волк.
В этот день мы без пуха покорили
Таращанский девятнадцатый полк.
Да, о шапке!
И вот отсюда
Голодранцем в Москву припер,

И в Ц.К. получил, как чудо,
Ордер
На головной убор.
Ордер этот
В охапку,
В распределитель — путь,
Получил я там шапку летом,
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь!
А теперь сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин,
Я шагаю, знаменем подняв,
Шапку военных годин.
И теперь что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И о новых идущих днях,
И прочтя бюллетень о банкноте,
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думою грозовой:
Пусть катается кто-то на форде,
Проживает в десятке квартир,
Будет день!
Мы возьмем себе ордер
Не на шапку,
На мир!!

А. Безыменский.

Говорит, что цедилку цедит.

Из пословиц и поговорок
русского народа.

ПАРТБИЛЕТ.

Есть старенькие-старенькие мамы...
Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни,
Они вдруг в памяти, наполненной громами,
Мелькнут как чуждые, но теплые огни.

И вспомнится тогда не мать Санкюлотов,
Несущая сама винтовку и плакат,
А та, кому страшней, чем сто переворотов,
Что непослушный сын
Не выпил молока...

* *

Мама —
Она не становится хуже
С соской-ли ты, с бородой-ли.
Вечно в глазах ее мечется ужас
Перед сыновнею долей.

Мама —
Она постоянно грустит
И убивается вечно,
Ей не понять, что иные пути
Сотнями солнц расцвечены...

Помню, как много доставил ей мук я
В дебрях мальчишеских лет.
Помню, как с братом из детского лука
Расстреливал царский портрет.

Помню, как я объявил голодовку,
А голодать мне лишь час пришлось
(Так я впервые провел забастовку
За пачку отобранных папирос...)

Помню, я вырос, — а мама рыдала:
— Мальчик за книжкой ночи не спал...
Но перестала, узнав, что читал я
Трезвую книгу
«Капитал»...

* *

О, мама, мама, где твои примочки!
От трезвой книги протрезви скорей!
Ведь становился я от каждой строчки,
От слова каждого пьяней.

И вот теперь, за повод дней беру я,
За повод дней, что раньше нас влекли.
Иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, пьяный радостью властителей земли.

Но с тех же пор... как ноют грудь и плечи!
Я, бывший мальчиком самой весны резвей,
И пьяный юностью, простою, человечьей,
От строк безжалостных навеки протрезвел.

И вот умею я все видеть так, как надо.
Лучами глаз своих пронзить любой покров:
Провидеть в фабрике — веков грядущих радость,
Увидеть в золоте — сочащуюся кровь...

И знаю: не один за повод дней берусь я.
Тьма тем фабричных рук их к солнцу повели.
Иду, иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, трезвый мудростью властителей земли.

* *

И вот, недавно,
Заехал к маме
Из нового, ячейкиного дому.
Милыми, старческими глазами
Глянул в глаза мне тихонький омут.

Те же у матери радости, беды...
— Хлеб вздорожал, и посуда, и питки...
Только подчас мой отец за обедом
Говорит о высокой политике.

Мама вновь: молоко, яички...
Только буркнет мельком иногда:
— Знаешь, сын? Я сама большевичка,
Коммунисткой же быть... никогда!

Или вдруг просияет надеждой.
В уголке где-нибудь сидит
Над моею драной одеждой,
Бубнит:

— Капитал ты читал, — не нажил.
Ну, и не наживешь, поверь.
Но дорога тебе не одна же?
Побыл в партии — будет теперь...

Приезжай к нам, сыночек милый,
Убил ты ведь целых семь лет.
Придешь — варить будем мыло...
Брось... билет!

И однажды, при помощи брата,
Выкрала мой партбилет
И, его в закоулок запрятав,
Расцвела, как маков цвет.

Я же, дерзкий, голову старую
К мощной прижал груди:
— Мама, ты слышишь-ли эти удары?
Что там гудит?

Я глядел ей во след, ушедшей...
Ну, что ей увидеть, слепой?
Наверно, сочтет сумасшедшим...
Пьяным собой...

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что ношу партбилет не в кармане, —
В себе.

А. Безыменский.

Всякое истинное искусство, — живая речь собственного своего народа в собственное свое время.

Д. Ж. Рескин.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЧЕХАРДА

(Из поэмы «Комсомолия»).

Вот где, вот оно раздолье!
Лейся, ветер, вейся, снег!
Плачьте вместе над юдолью
Потерявших дверь к весне.

Эти двери — мы же сами,
Мы с заводом, мы в труде!..
Ну-ка, ветер, вместе с нами
Кувырайся в чехарде!

Вон глаза горят, как грозди,
Грозди солнц в оврагах тьмы,
Кто там спросит: кто здесь, что здесь?
Я и мы, и я, и мы,
И я, и мы, и я, и мы.
И я, и мы...

Стоп!
Ямы!

Бултых в сугроб
Лбами.

Перепалки, перебранки,
Смех и снег летит в глаза.
Эх, тальянки д'медны планки,
Тонки, звонки голоса!

Где вам, тонким, в перегонки
С гулким гонгом крикунов!
Миру рвем мы перепонки
Громким боем буйных слов.

Шире, шире, комсоглотка!
Грянь, грядущего труба!..
Миру стари — злобы водка,
Нам — и радость, и борьба!

А. Безыменский.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ШАМОВКА ¹⁾

(Из поэмы «Комсомолия»).

Утром ранним за винтовки,
 Днем в заводской трескотне,
 Вечерком же, в честь шамовки
 Собираются ко мне.

Парни хлебом (что такое?)
 Тычут в голову мою:
 То солома-ли с мукою
 Иль мука с соломою?

Колбаса или подметка?
 То тряпье иль полотно?
 Неподдельны лишь селедка
 И пшено, пшено, пшено...

Не смотрите, парни, косо.
 На пшенице и жизнь красна!
 Только лишь из «Наркомпроса»
 Не создашь «Нарком-пшеница».

За пшено хоть в битву ринусь...
 Но момент — и в нужный срок
 Запеваешь песню примус
 И товарищ котелок.

Каждый раз я с новой силой
 Этой песней упоен,
 Котелок! Дружище милый!
 Славу мы тебе поем.

Служишь всем ты нам задаром.
 Ты бываешь каждым днем
 И портфелем, и амбаром,
 И тарелкой, и ведром.

Ты стакан и ты шкатулка,
 Ты в походе, ты в труде,
 Ты в дежурстве в караулке,
 Ты всегда и ты везде.

¹⁾ Этот отрывок петь на мотив: «Из-за острова на стрежень».

Поклепи еще немножко
 И, как Стенькины челны,
 Поплывут к тебе все ложки
 На простор пшенной волны.

Комсомольская шамовка!
 А в сердцах стальной комок:
 Мы, завод, Ильич, винтовка
 И товарищ-котелок.

А. Безыменский.

ПЕСНЯ ШВЕЙНЫХ МАШИНОК

(Из поэмы «Комсомолия»).

Стукай, стукай,
 Многорукый,
 Стукай, гукай,
 Стукай, тки,
 Любый кто-то
 С лютой мукой
 Послан в роты
 И полки!
 Ну-ка, выстукай: «Здорово!
 Тут и серп и молоток»...
 Сердце в сердце вложит провод,
 Сердце в сердце включит ток.
 Стукай так, чтоб под шраннелью
 Петь могли бы... над тесьмой!
 Чтобы шорохи шинели
 Шелестели, что письмо...
 Труд и бой
 Земле порукой;

Победят
 Большевики!
 Стукай, стукай,
 Многорукый,
 Стукай, гукай,
 Стукай,
 Тки.

А. Безыменский.

АХ, КОМСОМОЛИЯ!

(Конец поэмы «Комсомолия»).

Ах, Комсомолия! Мы почки
Твоих стволов, твоих ветвей!
Люблю, люблю я уголочки
Любой провинции твоей.

Мы, Октября стальные дети,
Растем в тебе, чтоб вновь расти,
Чтоб в большевицком партбилете
Мандат на стройку дней найти.

Из нас бы каждый сердце вынул
Иль с радостью хоть где корпел,
Чтоб только быть достойным сыном
Огромной мамы — РКП!

Мы вырастем! Мы будем, будем
Расти опять и вновь расти,
Чтоб солнце потерявшим людям
Быть вправе указать пути,

И смерть ведь не поставит точки
Делам сегодняшних людей!
Ах, Комсомолия, мы почки
Твоих стволов, твоих ветвей!

Так совершай свой путь, о, Солнце!
Плывите через нас года!
Я буду сед, — но комсомольцем
Останусь, юный, навсегда!

Завод — отец. Ячейка — дом.
Семьша — книги, труд, ребята,
Мы в Комсомолии живем,
Стране великой и богатой.

А. Безыменский.

В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

(Из поэмы «Трахторный пахарь»).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Ой, вы, ели, ели, ели!
Что вы, ели, зашумели?
Иль боитесь, — вас подрежут?!
Вечер был сегодня свежий,
Пахли медом тополя.
На пригорке конопля
Разливалась черным дегтем.
По дорожке в синей кофте
Проходила комсомолка,
За овсами пела звонко,
Распевала за овсами,
За высокими лесами
Повторяло песню эхо.
У оврага речка смехом
Заливала берега.
На зеленые луга
Комсомолка наступала!
Грудь высокая купалась
В синих ливнях — в синих
травях.

Эх, подумаешь... так, право,
Травы были ей помеха-ль...
С пахоты в совхоз я ехал,
Ковылял усталый трактор,
Вспоминал широкий трактор он.
Под калиной, у дубравы
Поравнялся с кучерявой,
С кучерявой, чернобровой,
Я сказал:

— Сестра, здорово!..
Улыбнулась девчина,
В жизнь не ведал бы кручины,

Я с бедою хоть какою,
При улыбке вот такой.

. . . . .

2.

Ой, вы, ели, ели, ели!
Что вы, ели, зашумели?
Иль боитесь, — люди лихи?!
Вечер был сегодня тихий,
Тихо плыли облака,
Долетал издадека
Стук мотора льно-чесалки,
На пару кричали галки,
Тараторили шальные.
Отродясь такой весны я
Не припомню уж, пожалуй.
Лошадь поодаль бежала,
За холмом дымилась холкой.
Гурковала комсомолка,
Распустив по пояс косы,
Говорила про покосы,
За высокими просами,
Голубыми полосами,
К цвету бегала льняному.
Было так...
Иль мне, шальному,
И теперь все это снится?
Шла сторонкою девица.
За делянкою ржаною
Я сказал:

— Садись со мною.
Улыбалась девчина.
В жизнь не ведал бы кручины

Я с бедою, хоть какой,
При улыбке вот такой...

3.

Ой, вы, ели, ели, ели!
Что вы, ели, зашумели? —
Иль боитесь, — слабы
корни?!

Вечер был сегодня зорный,
Не забудешь этот вечер,
Ехал я из-под поречья,
Ехал рощей темной мимо,
Ехал с девушкой любимой,
С комсомолкой ехал нашей —
Кучерявой Машей.

4.

Так шел Степан.
В бору сосновом
Одну и ту же песню шел,
Во тьме ночной
Кричали совы,
В ложбине старый дуб
скрипел,

Он ждал ее —
Машуху ждал...
Она сказала:
— Я приду,
Когда у зыбкого пруда
На травы звезды упадут.
Когда у липовых аллей
Пройдет по саду
Сторож-месяц,
А на лужайке у полей
Задремлет робкое полесье.

Он ждал ее...
С хмельным задором,

Плясала хвоя,
Ветер дул,
У выжженного косогора
Качал полынь и лебеду,
И верилось ему,
И нет,
Что он любим любимой...
Ведь на позиции пять лет
Прошли любви мимо...

5.

Вот он в строю —
Красноармеец.
Кричит краском:
— А ну, братва,
Докажем,
Что и мы умеем
За наши постоять права!..
У леса жаркая стрельба,
Деревья гнутся,
Стонут люди...
Под рев неистовый орудий
Снаряды роют погреба.

За рядом —
Ряд,
За ротой —
Рота.
Дрожит нескошенный овес,
Повязли кони у болота,
Повозки сбиты под откос.

Была деревня,
Миг —
И нету...
Кричат испуганно грачи,
Как будто на деревню эту
Самум горячий наскочил,

Не взвидя солнечного света,
Бегут герои за холмы,
Кричит краском:
— За власть Советов
Умрем,
А не отступим мы!
Мелькают степи,
Речка,
Лог.
Бегут, бегут...
Бежит Степан,
Бежит...
И вдруг
В боку ожог
И он
Упал...

6.

Очнулся...
Шум у шалаша,
Три офицера спорят лихо...
Поднялся тихо,
Тихо, не дыша,
Пошел, переступая тихо.

Малина около,
Наряжен
Зарей малиновой курган.
В руках наган
(Как был заряжен),
Вперед, наган.

Обходит куст.
Звенит весна.
На сердце звон весенний
канул.

Вот и погоны,
Ордена,
Вино,
Стаканы.

Наган вперед,
Наделил...
«Стой!»
Три взгляда мутные
плеснулись.
Три выстрела...
В траве густой
Три офицера растянулись.

7.

Забуть картины эти как тут,
Запомнить как и где?..
Недаром ныне дюжий трактор
Военным танком загудел.

Скрывали вечер ли туманы,
Иль утро петухи будили, —
Картины эти у Степана
Из головы не выходили.

И верилось ему,
И нет,
Что он любим любимой...
Ведь на позиции пять лет
Прошли любви мимо...

8.

Она пришла передполуночью,
Уж спал совхоз,
Насупив брови крыши.
Плескались воды. На озерах
Чуть
Чуть шелестел камыш.

Из бора выходили вместе.
Горели светлячки во мху,
Был рад Степан своей невесте.
Была Машуха рада жениху.

Под голубой разлив
Густой пшеницы
Им у опушки
Кланялась сирень.
На лицах их,
На радостные лица
Ложилась сиреневая тень.

Шли ржами,
Ржами до рассвета,
До зорьки росным следом...
Эх,
Многое
Про ночьку эту
Могли бы ржи поведать!..

И в. Доронин.

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ.

Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь грозди
Соком вешним.
Я на днях,
На днях у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним.
Все было хорошо,
Так хорошо, —
И блузы синий цвет
И запах тополей.
Он из города
Ко мне пришел,
Я с полей.
Он сказал:
Вернусь я к покосу,
Будем травы
На лугах косить;
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил.
Ой, вы, ржи,
Зеленые вы ржи,
Мне бы с вами жить,
Озелениться мне бы;

Я люблю смотреть,
Как ваша ширь дрожит
Под солнечною гладью
Неба.
Жаворонок,
Выше,
Громче,
Громче,
Выше надо мной,
Сердце просит,
Сердце хочет
Захлебнуться
Майскою волной.
Знаю,
Скоро,
На широкой ниве
Будет серп мой
В золоте звенеть,
На деревне
Нет меня красивой,
На деревне
Нет меня дельней.
Ну, и пусть
Судачат
Бабы-
Дуры,
Будто норовлю

В коммуны я;
В огороде лебеду
Обходят куры,
Сплетен лебеду
Давно мне я.
Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина,

Наливайтесь грозди
Соком вешним,
Я намедни
Я намедни, у овина
Целовалась
С миленьким нездешним.
И в. Доронин.

ПОЛЕВАЯ ПЕСНЯ.

Эх, да что я,
Эх, да что я,
Все глотаю
В хате дым, —
Выйду в поле золотое,
Выйду к нивам молодым.
В поле ветер,
В поле ветер,
Дноет
И ночует.
Не хочу
Гнилушки клетки
Видеть,
Не хочу я.
Потолки —
Меня гнетут,
На просторе
Рос я:
У меня в груди цветут
Буйных ржей
Колосья.

Ой, ты, колос,
Спелый колос,
Спелый,
Да ядреный.
У моей Анюты голос,
Что черемух
Звонь.
Ты блести,
Блести росой,
День
Весенне-бравый,
Скоро
Острою косою
Выкосим дубравы.
Скоро,
Копны у ручья
По лугу раскинем.
Жаворонок,
Величай
Нас
Под небом синим.

И в. Доронин.

Помните всегда: каждое произведение требует совершенно
особой манеры исполнения.

Коклан старший.

НА ЛУГАХ.

Мнится,
Мнится, —
На лугах станки,
На лугах
Станки под солнцем.
Солнце!
Ткани шелковые тки,
Ткани расстилай
На лен-цвет.

На берегу
У речки-шептунхи,
В зелени
Динамо зацвела,
Тихи
Зори утренние,
Тихи,
Я в гостях у зорь
Не раз была.

Только зори
Все спешат куда-то,
Только зори
Торопятся
Ух, как...
Будто нива
У зорь недожата,
Иль машинного
Боятся стука.

По траве,
Да по зеленой травке
Шнырят,
Шнырят,
Серебристые лучи.

Эй,
Душа,
Ступай-ка,
Погуляй-ка,
Вон туда,
Где быстрые ручьи.

Слышу:
Уж коров
Подруги доят;
Зазвенели
Яблоки в садах,
Зазвенит
И сердце молодое,
Пригодубит
Ветерок когда.

Стой, мотор!
Приводы,
Не шумите!
С неба брызги,
Светлая вода,
Ветки сочные
Ко мне склонитесь,
Кончен час
Свободного труда!

Мнится,
Мнится,
На лугах станки,
На лугах
Станки под солнцем.
Солнце!
Ткани шелковые тки,
Ткани расстилай
На лен-цвет!

Ив. Доронин.

УТРО В ХАТЕ.

На печи,
В углу
За кирпичом,
Собирались на митинг
Тараканы;
На стене
Картинка с Ильичом,
Под божницею
Угодник драный.

За задоргой
Седая голова,
Как сноп гречишный,
Роняет зернами слова
Чуть слышно.

На задней лавке
Прялка с донцем,
Обняли друга по труду —
Куделю
А с улицы —
В раскрытое оконце
Бабочки солнечные налетели.
А с улицы
Пахнуло ветерком,
А с улицы ворвалось:
— Ти-ли-ли...

Заходило сердце челноком,
На душе
Лужайки зацвели.

А перед печью,
Где уголочков пыжики,
Ребятишки,
Словно чижики,
Про коммуны щебечут.

Даже Васька-кот,
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся
Утру голубому.

Здравствуй, утро,
Здравствуй, май,
Здравствуй, зелень вешняя,
В месяц май
Не вспоминай
Думушки давнишние.

Ну, и пусть
Настанет вечер,
День свечою догорит...
Ноши,
Ноши просят плечи,
Силу труд не уморит.

Ив. Доронин.

Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает.

М. Монтань.

(Известный французский мыслитель).

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ.

1.

Эй, вы, встречные,
 Поперечные,
 Тараканы, сверчки
 Запечные.
 Не народ, а дрохва
 Подбитая!
 Русь нечесанная,
 Русь немытая!
 Вы послушайте
 Новый вольный сказ,
 Новый вольный сказ
 Про жите у нас.
 Первый сказ о том,
 Что давно было.
 А второй про то,
 Что сейчас всплыло.
 Для тебя я, Русь,
 Эти сказы спел,
 Потому что был
 И правдив, и смел.
 Был мастак слагать
 Эти притчины,
 Не боясь ничьей
 Зуботычины.

* * *

Ой, во городе
 Да во Ипатьеве,
 При Петре было
 При императоре.
 Говорил слова
 Непутевый дьяк:
 «Уж и как у нас,
 Стал быть царь дурак.
 Царь дурак — батрак,
 Сопли жмет в кулак,

Строит Питер-град
 На немецкий лад.
 Видно, делать ему
 Больше нечего,
 Принялся он Русь
 Онемечивать.
 Бредет он князьям
 Брадье, усие,
 Как не плакаться
 Тут над Русию?
 Не тужить тут как
 Над судьбиною:
 Непослушных он
 Бьет дубиною».
 Услыхал те слова
 Молодой стрелец.
 Хвать смутьянщика
 За тугой косец.
 «Ты иди, ползи,
 Не кочурься, брат.
 Я свезу тебя
 Прямо в Питер-град.
 Привезу к царю:
 «Кайся, сукин кот,
 Кайся, сукин кот.,
 Что смущал народ».

2.

По Тверской-Ямской,
 Под дугою вбряк,
 С колокольцами
 Ехал бедный дьяк.
 На четвертый день,
 О полдневных пор,
 Прикатил наш дьяк
 Ко царю во двор.
 Выходил тут царь
 С высока крыльца,

Мах дубинкою,
 Подозвал стрельца.
 «Ты скажи, зачем
 Прикатил, стрелец?
 Аль с Москвы какой
 Потайной гонец?»
 «Не гонец я, царь,
 Не родня с Москвой.
 Я всего лишь есть
 Слуга верный твой.
 Я привез тебе
 Бунтаря-дьяка,
 У него, знать, в жисть
 Не болят бока.
 В кабаке на весь
 На честной народ
 Он позорил, царь,
 Твой высокий род».
 «Ну, — сказал тут Петр, —
 Вылезай-кось, вошь».
 Космы дьяковы
 Поднялись, как рожь.
 У Петра с плеча
 Сорвался кулак...
 И навек задрал
 Лапти кверху дьяк.
 У Петра был двор,
 На дворе был кол,
 На колу мочало,
 Это только, ребята,
 Начало.

3.

Ой, суров наш царь,
 Алексеич Петр.
 Он в единый дух
 Ведро пива пьет.
 Курит — дым идет
 На три сажени,
 Во немецких одеждах
 Разнаряженный.

Возговорит наш царь
 Алексеич Петр:
 «Подойди ко мне,
 Дорогой Лефорт.
 Мастер славный ты
 В Амстердаме был.
 Русский царь тебе
 Как батрак служил.
 Он учился там,
 Как топор держать.
 Ты езжай-кось, мастер,
 В Амстердам опять.
 Передай ты всем
 От Петра поклон,
 Да скажи, что сейчас
 В страшной доле он.
 В страшной доле я
 За родную Русь...
 Скоро смерть придет,
 Помирать боюсь,
 Помирать боюсь,
 Да и жить не рад:
 Кто-ж теперь блюсти
 Будет Питер-град
 Среде туманов сих
 И ценных болот
 Снится сгибший мне
 Трудовой народ,
 Слышу, голос мне
 По ночам звенит,
 Что на их костях
 Лег тугой гранит.
 Оттого подчас,
 Обступая град,
 Мертвецы встают
 В строевой парад.
 И кричат они,
 И вопят они.
 От такой крички
 Загашай огни.

Говорят слова:

«Мы всему дари!
 Попадешься, Петр,
 Лишь сумей—помри.
 Мы сдерем с тебя
 Твой лихой чупрын,
 Потому что ты
 Был собачий сын.
 Поблажал ты знать
 Со министрами.
 На крови для них
 Город выстроил.
 Но пускай за то
 Знает каждый дом;
 Мы придем еще,
 Мы придем, придем!
 Этот город—наш,
 Потому и тут
 Только может жить
 Лишь рабочий люд».
 Смолк наш царь
 Алексеич Петр,
 В три ручья с него
 Льет холодный пот.

* * *

Слушайте, слушайте,
 Вы, конечно, народ
 Хороший,
 Хоть метелью вас крой,
 Хоть порошей.
 Одним словом, миляги!
 Не дадите ли
 Ковшик браги?
 Человечий язык
 Чай не птичий.
 Славный вы, люди,
 Придумали
 Обычай.

4.

И пушки бьют,
 И колокола плачут.
 Вы, конечно, понимаете,
 Что это значит.
 Много было роз,—
 Много было маков.
 Схоронили Петра,
 Тяжело оплакав,
 И с того ль, что там
 Всякий сволок был,
 Кто всерьез рыдал,
 А кто глаза слюнил.
 Но с того вот дня
 Да на двести лет
 Дуракам царям
 Прямо счету нет,
 И все двести лет
 Шел подземный гул:
 «Мы придем, придем!
 Мы возьмем свой труд,
 Мы сгребем дворян,
 Да по плечи им!
 На фонарных столбах
 Перевешаем».

5.

Через двести лет,
 В снеговой октябрь,
 Затряслась Нева,
 Подымая рябь.
 Утром встал народ
 И на бурю глядь:
 На столбах висит
 Сволочная знать.
 Ай, да славный люд!
 Ай, да Питер-град!

Но с чего же там
 Пушки бьют, палат?
 Бьют за городом,
 Бьют из-за моря.
 Понимай, как хошь,
 Ты, душа моя.
 Много в эти дни
 Совершилось дел.
 Я пою о них,
 Как спознать сумел.

* * *

Веселись, душа
 Молодецкая.
 Нынче наша власть—
 Власть советская.
 Офицерика,
 Да голубчика
 Прикокошили
 Вчера в Губчека.
 Ни за Троцкого,
 Ни за Ленина,
 За донского казака,
 За Каледина.
 Гаркнул яблочко
 Молодой матрос:
 «Мы не так еще
 Подотрем вам нос!»

6.

А за Явором,
 Под Украйною,
 Услыхали мужики
 Весть печальную.
 Власть советская
 Им очень нравится,
 Да идут войска
 С ней расправиться.
 В тех войсках к мужикам
 Родовая месть.

И Врангель тут,
 И Деникин здесь,
 А на помощь им,
 Как лихих волчат,
 Из Сибири шлет отряды
 Адмирал Колчак.

* * *

Ах, рыбки мои,
 Мелки косточки!
 Вы крестьянские ребята
 Подросточки.
 Ни наготовой вас не взять,
 Ни рязанами,
 Вы гольем пошли гулять
 С партизанами.
 Красной Армии штыки
 В поле светятся,
 Здесь отец с сынком
 Могут встретиться.
 За один удел
 Бьется эта рать,
 Чтоб владеть землей
 Да весь век пахать.
 Чтоб шумела рожь
 И овес звенел,
 Чтобы каждый калачи
 С пирогами ел.

* * *

Ну, и как же ту злобу
 Не вынашивать?
 На Дону теперь поют
 Не по-нашему:
 «Пароход идет
 Мимо пристани.
 Буду рыбу кормить
 Коммунистами».
 А у нас для них поют:

«Куда ты котишься
В Вечка попадешь —
Не воротишься».

7.

От одной беды
Целых три растут, —
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича.
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят, —
Ой, ты, бедный люд,
Ой, ты, Питер-град!»

Но при всякой беде
Веет новую вал.
Кто-ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на этот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки пож.
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костями полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град,

И итти опять
В кабалу назад».

А за синим Доном
Станицы казачьей
В это время волк ехидный
По-кукушья плачет.
Говорит Краснов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю!
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

Ой, ты, атамане,
Не вожак, а сотский,
А на что-ж у коммунарв
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильнее и крепче,
Ветер полуденный,
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

8.

Если крепче жмут,
То сильнее орешь.
Мужику одно:
Не топтали-б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в них она.

Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девоч лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые,
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!»

Ой — ты синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.
И примяг овес,
И прибита рожь,
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

9.

Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночей не спят,
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгннуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

Тот и кровь струит
С лиц встревоженных,
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топаят.

Там под Лиговом
Страшный бой кипит,
Питер траурный
Без огней не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг преломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее,
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней;
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им «крой»!
Пушки бьют, палят...
Ай, да славный люд!
Ай, да Питер-град!

А за Белгородом
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана,
Бедный люд в Москву
Босиком бежит
И от стога и от рева
Вся земля дрожит.

Ищут хлеба они,
 Просят милости,
 Ну, и как же злобной воле
 Тут не вырасти?
 У околицы]
 Гуляй - Полевой
 Собиралися
 Буйны головы
 Да как стали жечь,
 Как давай палить, —
 У Деникина
 Аж живот болит.

Эх, песня,
 Песня!
 Есть-ли что на свете
 Чудесней?
 Хоть под гусли тебя пой,
 Хоть под тальяночку.
 Не дадите ли вы мне,
 Хлопцы,
 Еще баночку!

10.

Ах, яблочко,
 Уж ты подъедено.
 Бьют Деникина,
 Бьют Каледина.
 Цветочек мой,
 Цветик маковый.
 Ты скорей, адмирал,
 Отколчакивай.
 Там за степью гул,
 Там за степью гром,
 Каждый в битве защищает
 Свой отцовский дом.
 Курток кожаных
 Под Донцом не счесть,
 Видно много в Питере
 Этой масти есть.

* *
 В белом стане вопль,
 В белом стане стон:
 Обступает наша рать
 Их со всех сторон.
 В белом стане крик,
 В белом стане бред,
 Как пожар стоит
 Золотой рассвет.
 И во всех кабаках
 Огни светятся...
 Завтра многие друг с другом
 Уж не встретятся.
 И все пьют за царя,
 За святую Русь,
 В ласках знатных шлюх
 Забывая грусть.

* *
 В красном стане храп,
 В красном стане смрад,
 Вонь портяночная
 От сапог солдат,
 Завтра еле свет
 Нужно снова в бой,
 Спи, корявый мой!
 Спи, хороший мой!
 Пусть вас золотом
 Свет зари кропит.
 В куртке кожаной
 Коммунар не спит.

11.

На заре, заре,
 В дождевой крутень,
 Свистом ядреным
 Мы встречали день.
 Подымая вверх,
 Как тоску, глаза,

В куртке кожаной
 Коммунар сказал:
 «Братья, если здесь
 Одолеют нас,
 То октябрьский свет
 Навсегда погас.
 Будет крыть нас кнут,
 Будет крыть нас плеть,
 Всем весь век тогда
 В нищете корпеть».
 С горьким гневом рук
 Утерев слезу,
 Ротный наш с тех слов
 Сапоги разул,
 Громко кашлянув,
 — «На, — сказал он мне, —
 Дома нет сапог,
 Передай жене».

* *
 На заре, заре,
 В дождевой крутень,
 Свистом ядреным
 Мы сушили день.
 Пуля входит в грудь,
 Как пчелы ужал.
 Наш отряд тогда
 Впереди бежал.
 За ложиной — пруд.
 А за прудом — лог.
 Коммунар ничком
 В землю носом лег.
 Мы вперед, вперед!
 Враг назад, назад!
 Мертвецы пусть так
 Под дождем лежат.
 Спите, храбрые,
 С отзвучавшим ртом!

Мы придем вас всех
 Хоронить потом.

* *
 Вот и кончен бой,
 Машет красный флаг,
 Не жалея пят,
 Удирает враг.
 Удивленный тем,
 Что остался цел,
 Молча ротный наш
 Сапоги надел.
 И сказал: «Жене
 Сапоги не враз,
 Я их сам теперь
 Износить горазд».

12.

Вот и кончен бой.
 Тот, кто жив, тот рад.
 Ай, да вольный люд!
 Ай, да Питер-град!
 От полуночи
 До синя утра
 Над Невой твоей
 Бродит тень Петра,
 Бродит тень Петра
 И дивуется
 На кумачный цвет
 В наших улицах.
 На кумачный цвет,
 Нами вспененный,
 Супротив всех бар
 Знаком Ленина.
 В берег бьет вода
 Пенной индеею...
 Корабли плывут
 Будто в Индию.

Сергей Есенин.

ЛЕВЫЙ МАРШ.

Разворачивайтесь в марше.
 Словесной не место кляузе.
 Тише ораторы.
 Ваше
 Слово,
 Товарищ маузер.
 Довольно жить законом
 Данным Адамом и Евой.
 Клячу историю загоним.
 левой!
 левой!
 левой!

Эй! синемлузые,
 Рейте!
 За океаны!

Или
 У броненосцев на рейде
 Ступлены острые кили?
 Пусть, оскалась корокой,
 Вздывает британский лев вой.
 Коммуне не быть покоренной!
 левой!
 левой!
 левой!

Там
 За горами гора —
 Солнечный край непочатый!
 За голод,
 За мора море
 Шаг миллионный печатай.
 Пусть бандой окружат нанятой
 Стальной извиваются леевой —
 России не быть под Антантой.
 левой!
 левой!
 левой!

Глаз ли померкнет орлий?
 В старое ль станем паяться!
 Крепи
 У мира на горле
 Пролетариата пальцы!
 Грудью вперед бравой!
 Флагами небо оклеивай!
 Кто там шагает правой?
 левой!
 левой!
 левой!

В. Л. Маяковский.

1-е МАЯ.

Мы,
 Коллектив!
 Человечество!
 Масса!

Довольно маяться!
 Маем размайся!

В улицы.
 К ноге нога!
 Всякий лед
 под нами
 ломайся!

Тайте
 все снега!
 1-е мая —
 пусть
 каждый шаг,
 в булыжник ударенный,

Каждое радио,
 Парижем отданное,
 Каждая песня,
 Каждый стих —

Трубит
 Международный
 Марш солидарности!

1-е мая.

Еще

не стерто с земли
имя
последнего хозяина
последнего господина,

Еще не в музее последний трон,
Против черных,
против белых,
против желтых

воедино —

Красный фронт!

1-е мая.

Уже на трети мира
сломан лед.

Чтоб все

раскидали
зим груз,

Крепите

Мировой революции оплот,—

Серпа,

молота союз.

Сегодня

1-е мая,

Наше. Земля,

над миром растя,

Дружной,

плотней,

сильней смыкаем

плечи рабочих

и крестьян.

1-е мая

Мы!

Человечество!

Масса!

Довольно маяться —

в мае размайся!

В улицы.

Нога к ноге!

Весь лед

под нами

ломайся!

Тайте

все снега!

В. Л. Маяковский.

НАШ МАРШ.

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Дней бык — пег.

Медленна лет арба.

Наш бог — бег.

Сердце — наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?

Нас ли жалит пули оса?

Наше оружие — наши песни.

Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг дуг.

Выстели дно дням.

Радуга дай дуг.

Лет быстролетным коням.

Видите, скучно звезд небу!

Без него наши песни вьем.

Эй, Большая Медведица! требуй

Чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!

В жилах весна разлита.

Сердце, бей бой!

Грудь наша — медь литавр.

В. Л. Маяковский.

СКАЗОЧКА О КАДЕТЕ.

Жил да был на свете кадет;
в красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта на нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды преобладающий ветер,
в клочья шапочку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно какал у волков диэта:
вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

Вл. Маяковский.

Наиболее понятным в языке бывает не самое слово, а тон, ударение, модуляция, темп, с которым произносится ряд слов, — короче сказать, музыка, скрывающаяся за словами, страстность, скрывающаяся за музыкой, личность, скрывающаяся за страстностью, т.-е. все то, что не может быть написано...

Фр. Ницше.

(Знаменитый немецкий философ).

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ.

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учреждения.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание,
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься: —

«Не могут ли аудиенцию дать?
хожу со времени она».

— «Товарищ Иван Ваньч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.

Свет не мил.

Опять:

«Через час велели притти вам.

Заседают:

Покупка склянки чернил
Губкооперативом».

Через час:

ни секретаря,
ни секретарши нет —
голо!

Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
На верхний этаж семиэтажного дома.

«Пришел т. Иван Ваньч?»

— «На заседании
А-бе-ве-ге-де-кома». —

Взъяренный
 на заседание
 врываюсь лавиной,
 дикие проклятья дорогой изрыгая, —
 и вижу:
 сидят людей половины.
 О, дьявольщина!
 Где же половина другая?
 «Зарезали!
 Убили!»
 Мечусь оря. —
 От страшной картины свихнулся разум.
 И слышу
 спокойнейший голосок секретаря:
 «Они на двух заседаниях сразу.
 В день
 заседаний на двадцать
 надо поспеть нам.
 Поневолем приходится разорваться!
 До пояса здесь,
 а остальное
 там».

С волнения не уснешь.
 Утро раннее.
 Мечтой встречаю рассвет ранний:
 О хоть бы
 еще
 одно заседание
 относительно искоренения всех заседаний!

В. л. Маяковский.

Лучше ногою запнуться, нежели языком.

Из пословиц и поговорок
 русского народа.

ПИОНЕРСКИЙ МАРШ.

Давай сигнал!
 Тра-та-та-та,
 Тра-та-та-та!
 Чтоб каждый пригнал!
 Тра-та-та-та,
 Тра-та-та-та!

Эй, скорей
 С нами гореть!
 С нами —
 Знамя.

Мы у дверей.

Пустите!
 Слушайте!

Масса нас! Много!
 Товарищи, в ногу!
 Раз-два,
 Раз-два.

Мы, пионеры —
 Живые примеры.
 Всем,
 Всем,
 Всем!

Сознанием горды
 Наши ряды.
 Раз-два,
 Раз-два.
 Эй, молодежь!
 Октябрь даешь!
 Раз-два,
 Раз-два.

Эй молодежь!
 С нами идешь?
 Раз-два,
 Раз-два.

Мы — юные разведчики
 Коммуны мировой,
 Мы — красные советчики
 С прекрасной головой.
 Каждый — кирпич,
 Кирпич,
 Кирпич
 Мы все — кирпичи,
 Кирпичи,
 Великий Ильич
 Ильич,
 Ильич!
 Нас жить научи,
 Научи.
 Будь готов!
 Всегда готов!
 Мы готовы снать.
 Солдаты!
 Тра-та-та-та!
 Нам трубят!
 Зовут ребят
 Пойти на выставку.
 Сердца горят!
 Становитесь в ряд,
 Бросая мысль такую:
 Эй, дети мира!
 С нами! В дорогу!
 Будущего строй
 Крепи!
 Есть!
 Массы нас! Много!
 Товарищи, в ногу.
 Шагай,
 Пионерская честь!

В. а. с. Каменский.

ПОЖАР ПУГАЧЕВСКИЙ.

Черная чортова ночь
 Багровеет окровавленным заревом.
 Дымно. Ой, горячо!
 Ишь во всю силушку - мочь
 Жарит жарное жарево
 Сам Пугачев.

Жарь-пали!

Разъезжает на коне вороном,
 Посвистывает весело репел,
 Покрякивает задорный:
 Жги, ребята, помещичий дом
 И развей его пепел
 Во все стороны!

Жарь-пали!

Разъезжает на коне вороном,
 Подкашливает: кхе-кхе-е!
 Знай раскатывай бревно за бревном,
 Пока кровь на-лихе.

Шевелись!

Ох, и поздырнём!

Ну, крепостные, если вы босы,
 Берете-ко вилы да косы —
 Сила крестьянская, нам помощи —
 Пойдем добывать сапоги.

Пойдем, чтоли,
 Эй, голуби?

Ого-го! Дождались поры,
 Хватай топоры,
 Бери вилы, дубины,
 Правь именины.

Запевай!

Ой-да ой-е-ё!
 Ты не тронь ее —

Не тронь долю жгучую.
 А ты тронь того - о!
 Кто нас мучает — эх!

Ххо-хо!

Не робей, воробей,
 А насакивай — бей!
 Всех помещичков,
 Всех дворянчиков,
 Ты прибей — перебей — воробей!

Жар. Дым. Гарь. Огонь.
 Бегут мужики за дубинами.
 А конь вороной, его конь,
 Так и блестяет глазами-рубинами,
 Не страшится конь вражых погонь,
 Ни ружья, ни нова-меча.
 Знает конь вороной, его конь,
 Своего Емельяна Иваныча.

Ишь ты, игривый
 Смолёвая грива,
 Стой! — Тпррр!

В ненастную ночь или в полдень горячий
 В степи иль Уральских горах
 Буйным ветром — порывом проскачет,
 Будет первым в победных пирах.

Вот он какой,
 Этот конь вороной!
 Стой! Тпррр!

Жар. Дым. Пламя пышет.
 Пепел гуще, пепел выше.
 Суматоха, крик хмельной.
 Стелет искры пеленой.

Эх, уйди, не заступь!
 Огонь, жри, уминай!
 Возьму топор я, заступ,
 Уйду, не вспоминай.

Ну, ребяташки, тепло ли
 У господских у хором,

Тут, где нас кнутом пороли,
Разжились мы вдруг добром.

Разжирели!
Распожарились!

Сбухты - сбарахты
За здоровье Расей
Поешьте-ко:
Изжарили помещиков,
Как карасей.

Будет им пить да есть
Да нас лупить.
Месть им, месть!!

Пожар в разгаре.
Люди в угаре.
Воля в ударе.
Берегитесь, баре!
По почину Пугача
Начинаем мы сплеча!

Трахх!
Уххх! Маменьки!
Что делаем,
И сами не знаем!

Будет стуже,
Будет хуже,
А пока тепло, светло,
Засупонивай потуже,
Наше дело:
Конь, седло.

Поехали, так разъехались,
Не остановишь!
Грей коня!

Широки дворянские окрестности,
Идет мужицкая гроза.
Нам довольно крест нести,
Жги! Бунтуйся! Бей! Кромсай!

Эй, чернь!

Бабы, дети, крепостные,
Деревенские, лесные,
Весь обиженный народ,
Собирайся в злой поход!

Шагай - галди!

Надо в матушку - Расеюшку
Насовать нам Пугачей,
Чтоб крестьянскую затеюшку
Разуважить пошибчей!

Не жизнь — малина.
Не деньки, а пряники.
Ешь — не хочу
Кружись, пляши,
Шевели шалаши!

Ишь ты!
Будь ты!
Подь ты!

Чай, сахара
Едят комары
Комары, комарники
Господа - сударики

Дергай, дергай!

Арымар, хáрыбар
Пéрегар бар-быр.
Шпарь да, жги-да
Жарь да, жри да!
И-эхы-чи, да эхы-ча
Приехал ча, да ча!

Ой да ой-е-ё
Ты не тронь се.
Не тронь долю жгучую.
А ты тронь того — о!
Кто нас мучает — эх!

Вас. Каменский.

В СМОЛЬНОМ.

I.

С испугом плят старый Смольный
Глаза своих несчетных ламп.
Глядят с улыбкой недовольной
Ряды вельмож из старых рам.

Бурлит в каналах коридоров,
Как океан, людской хаос,
И мерит всех сверлящим взором
Застывший часовой - матрос.

И кто-то дряблый и сутулый,
К окну угрюмому прильнув,
Внимает пушечному гулу
И ловит залпов трескотню.

И вспышкой взгляда раздвигая
Людское море пред собой,
Герольд невиденного рая
И зачинатель мировой.

Гранитен, светел, неизменен,
Как рулевой средь бурных вод,
Еще вчера опальный Ленин,
К трибуне медленно идет.

II.

Немая тьма октябрьской ночи
Сквозь окна силится вползти,
Но Смольный пламенный клокочет,
Гудит, волнуется, блестит.

Присев в сторонке на кушетке,
Обдумывает сложный план,
Как волк бессильный в прочной клетке,
Трепещущий и бледный Дан.

И, отстегнув шинели ворот,
С приказом срочным в рукаве
Неестся посланец с «Авроры»
Назад — к надувшейся Неве.

А рядом, львиною прической
К стеклу оконному склонясь,
В минутном обмороке Троцкий,
Три ночи не смыкавший глаз.

Под окнами, пугая вышкой,
Усталый, сгорбленный старик,
Страдая гулкою одышкой,
Хрипит угрюмый броневик.

И в даль по телеграфным струнам
Летит известье в вышине:
«Сегодня Красная Коммуна
Родилась в буре и огне».

Г. Лелевич.

9-е ЯНВАРЯ.

Массой упорной и серой,
Слепы безумною верой,
По снегам, по холодному льду
Идут.

Николай чудотворец
Нам двери отворит.
Богородица мать
Нам поможет сама.
Под хоругвями между икон
Священник Гапон.
Он ведет. Он вождь.
Он с царем потолкует по-братски...

Впереди в черной тучи казацкой
Ждет свинцовый, ждет огненный дождь.

С детворой голодной вместе
 Вышла темная земля.
 — Мы по-божески! по чести!
 — Нешто будут в нас стрелять!
 — Нам ведь только хлеба нужно!
 — Нет нужде конца!
 — Нам бы только выйти дружно
 — Под крыльцо дворца!
 И ползут толпой слепую
 С дальней улицы, с реки
 Старой, рабскою тропкою...
 — Разве мы бунтовщики?

С утра на площади дворцовой
 Костры казацкие горят.
 И дождь унасть готов свинцовый
 По мановению царя.
 Мукдена пушечное мясо
 Казенной водкой взгорячив,
 Перед побоищем размяться
 Летят по снегу палачи.
 И валит, валит люд на площадь,
 Как в заготовленную клеть.
 Промчалась бешеная лошадь.
 Пали! Патронов не жалеть!

— Что там? — Это холостыми.
 Снова залп... — Не может быть!
 Кровь в снегу ручьями стынет
 В ужасе глядят рабы.
 Правда взор народный режет,
 Кровью на снегу горя.
 Люди закричали те же:
 — Прочь убийц! Долой царя

— Бей подлецов!
 — Прочь палачей!
 Шашкой в лицо.
 Крови ручей.
 — Братец! Казак!

Как же? В своих?
 Пуля в глаза.
 Шашкой двоих.
 Дети с ветвей
 Стаями птиц.
 Стаю детей
 Пулями вниз!
 Режут у стен.
 Эй, осади!
 Тут не Мукден,
 Тут победим!

Крича от ярости и гнева,
 Кровавя труппами снега,
 Бежит из огненного зева
 Народ, увидевший врага.
 В упор расстреляна икона.
 Из плена вырвались рабы!
 Нет! Ряса черная Гапона
 Не будет знаменем борьбы!
 Из алой крови побежденных,
 Борцов безвестных Января
 Растут победные знамена,
 Встает рабочая заря.
 Растет и зреет вместе с нами
 Посев кровавый Января.

Сергей Городецкий.

Высшее торжество чтеца состоит в том, чтобы заставить совершенно забыть о своей собственной особе, заслонить ее читаемой вещью. Зато, чем больше забывают о чтеце, когда он читает, тем шумнее о нем вспоминают, когда он окончит чтение.

Коклен старший.
 (Знаменитый французский
 актер и чтец).

КОФЕ.

Тебя собирала девушка нагая,
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу сделал рыжей луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плеткой
На пристани следил за упаковкой
Клейменных ящиков и кровью кроткой
Окрашивая тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цены.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыхая, зерна.
А там, на Яве, кровавые раны
На девушке горели, рыже-черной.

Вот отчего, когда кипит в фарфоре
С отливом золотистым черный кофе,
В мозгу встает желаний буйных море,
Душа тоскует вдруг по катастрофе.

Взорвать Европу! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий!
Не нужны солнцу океана стражи!

Отмстить за бешенство бичей ременных!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях, как на болотах Явы!

Сергей Городецкий.

ОБНОВЛЕНИЕ КУПОЛОВ.

На деревню к нам наемдн
С поля странница пришла.
Говорит: «в селе соседнем
Обновились купола».

Плачет, крестится, божится:
— «Обновились на виду!
Коли вру,—руки лишиться!
Пусть я с места не сойду»,

Раскудахтались старушки,
Попадья плясать пошла:
— «Чудо нам! На церковушке
Обновились купола».

Поп тоскует, чуть не плача,
С горя дует самоквас:
— «Эка, право, незадача:
Обновились не у нас!»

В лавке лавочник, потея,
Ухмыляется в кулак:
— «Тут нехитрая затея,
Только поп у нас дурак!»

Сплетня ходит, как по шпалам,
Очень даже далеко,
Потому еще немало
На деревне дураков.

Сплетня катится проворно,
Забегала в комсомол.
Комсомол, как крепкий жернов,
Эту сплетню умолол.

Собрались в клуб комсомольцы.
 Клуб частушки написал.
 Как на тройке колокольцы,
 Зазвенели голоса:

— «Как у нашего села
 Обновились купола.
 Не в церквах, на каланчах,
 А в народе, на плечах.

Прежде было: тычет в рыло
 Поп кадилом, а в затылок
 Сам урядник кулаком.
 Значит, купол — кувырком!

Нынче-ж наш народ неглупый,
 Он себе проветрил купол,
 Держит купол высоко,
 Смотрят книжки из висков!

Не на поьем теремочке
 Обновились куполочки, —
 Обновились купола
 На плечах всего села.

Нету выше колокольни,
 Нашей красной комсомольни,
 А с нее все тот же звон:
 Разум — жизни всей закон!

Топчет мальчик подорожник,
 На село несет «Безбожник»,
 Чтобы в наши купола
 Зорька разума взошла.

Ври, старушка-завирушка!
 И на ваших церковушках
 Купола мы обновим
 Красным знаменем своим!»

Сергей Городецкий.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА ¹⁾.

(Поэма).

Трум-ту-ту-тум,
 Трум-ту-ту-тум...
 Двигутся, движутся, движутся, движутся,
 В цепи железными звеньями нижутся,
 Поступью гулкою грозно идут...
 Грозно идут,
 Идут,
 Идут,
 На последний, на главный редут!

Главная улица в панике бешеной.
 Бледный, трясущийся, словно помешанный,
 Страхом смертельным внезапно ужаленный,
 Мечется — клубный делец накрахмаленный,
 Плут-ростовщик и банкир продувной,
 Мануфактурщик и модный портной,
 Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
 Мечется каждый, тревожно-взволнованный
 Гулом и криками, издали слышными,
 У помещений с витринами пышными,
 Среди облигаций меняльной конторы, —
 Русский и немец, француз и еврей,
 Пробуют петли, сигналы, запоры:
 — Эй, опускайте железные шторы!..
 — Скорей!..
 — Скорей!..
 — Скорей!..
 — Скорей!..
 — Вот их проучат, проклятых зверей,
 Чтоб бунтовать зареклися навеки!
 С грохотом падают тяжкие веки
 Окон зеркальных, дубовых дверей.
 — Скорей!..
 — Скорей!..

¹⁾ В некотором сокращении.

— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут?

Духом одним с этой сволочью дышите?

— Слышите!..

— Слышите!..

— Слышите!..

— Слышите!..

— Вот они!.. Видите?.. Вот они, тут!..

— Идут!

— Идут!..

С силами, зревшими в нем, необъятными,

С волей единой и сердцем одним,

С общею болью, с кровавыми пятнами

Алых знамен, подыхавших над ним,

Из закоулков,

Из переулков

Темных, размытых, разрытых, извилстых,

Гневно взметнув свои тысячи жилистых,

Черных, корявых, мозолистых рук,

Тысячелетьями связанный, скованный,

Бурным порывом прорвав заколдованный

Каторжный круг,

Из закоптелых фабричных окраин

Вышел на Улицу новый хозяин,

Вышел — и все изменилось вдруг:

Дрогнула, замерла Улица Главная,

В смутно-тревожное впав забытье, —

Воля стальная, рабоче-державная,

Властной угрозой сковала ее:

— Это — мое!..

Улица эта, дворцы и каналы,

Банки, пассажи, витрины, подвалы,

Золото, ткани, и снедь и питье, —

Это — мое!

Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,

Мрамор и бронзовых статуй литье, —

Это — мое!..

Всем ответила Улица Главная.

Стал богатырь. Загражден ему путь.

Хищных стервятников стая бесславная

Когти вонзила в рабочую грудь.

Прыснули злобные, пьяные шайки

Из полицейских, жандармских засад:

— Р-рысью!.. в атаку!

— Бери их в нагайки!

— Бей их прикладом!

— Гони их назад!

— Шашкою, шашкой, которые с флагами,

Чтобы вперед не сбирались ватагами,

Знали-б, ха-ха, свой станок и верстак,

Мать их растак!..

— В мире подобного нет безобразия!

— Темная масса!

— Татарщина!

— Азия!

— Хамы!

— Мерзавцы!

— Скоты!

Подлецы!

— Вышла на Главную рожа суконная!

— Высыпала им жандармерия конная.

— Славно работали тоже Дсицы.

Видели лозунги?

— Да, ядовитые.

— Чернь отступала, заметьте, грозя.

— Правда ль, что есть среди рабочих убитые?

— Жертвы?.. Без жертв, моя прелесть, нельзя.

— Впрок ли пойдут им уроки печальные?

— Что же, дорвутся до горшей беды.

Вновь засверкали витрины зеркальные,

Всюду кровавые смыты следы.

Улица, злого полна ликования,

Залита светом вечерних огней.

Чистая публика всякого звания

Шаркает, чавкает снова на ней.

Трум-ту-ту-тум.

Трум-ту-ту-тум.

Снова...
 Снова...
 Бьет роковая волна...
 Гнется гнилая основа...
 Падает грузно стена.
 — На!..
 — На!..
 — Раз-два,
 Сильно!!
 Раз-два,
 Дружно!!
 — Раз-два,
 В ход!!..
 Грянул семнадцатый год.
 — Кто там?
 Кто там
 Хнычет испуганно: — стой?
 — Кто по лихим живоглотам
 Выстрел дает холостой?
 — Кто там виляет умильно?
 К чорту господских пролаз!
 — Раз-два,
 Сильно!!
 — Еще
 Раз!!
 — Нам подхалимов не нужно!
 Власть — весь рабочий народ!
 — Раз-два,
 Дружно!!
 — Раз-два,
 В ход!!
 — Кто нас отсюдова тронет?
 Силы не сыщется той!..

.....
 Главная Улица стонет
 Под пролетарской пятой...

Э п и л о г.

Пусть наша Улица будет задворками
 Перед Проспектом иным, Мировым.

Разве не держится он лишь подпорками
 И обольщем, уже неживым?

Красного фронта всемирная линия
 Пусть перерывиста, пусть неровна,
 Мы ль разразимся словами уныния?
 Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте-ж на страже добытого муками,
 Зорко следите за стрелкой часов!
 Даль сотрясается бодрими звуками,
 Гролом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
 Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
 Это резервы идут закаленные.
 Трум-ту-ту-тум!
 Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
 В цепи железными звеньями нижутся,
 Поступью гулкою грозно идут,
 Грозно идут,
 Идут,
 Идут,
 На последний, всемирный редут!!

Демьян Бедный.

Во время чтения стихотворного размера, едва можно поверить, от какого незначительного оттенка звука зависит или высокая художественность, или полная бесцветность прочитанного. Голос певца едва ли более неразрывно связан с тактом и мелодией, чем голос актера во время декламации на сцене.

Дж. Льюис.

(Слова Коали Сиббер).

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА.

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
 Ду-ду, ду-ду!
 А я, старенький, иду, я все иду,
 Я все иду, —
 По дорожкам, по проселочкам плетусь,
 Плетусь, плетусь...
 Приюти, меня, прими, родная Русь,
 Родная Русь!
 Побреду я от деревни до села,
 И до села,
 Зазвоню я, дед, во все колокола,
 Колокола.
 Ой, ты, медь, ты медь певучая, гуди,
 Гуди, гуди.
 Всю Расеюшку набатом разбуди,
 Да разбуди.
 Как я гряну во все сорок сороков
 Да сороков, —
 Как я кликну на Москве всех батраков,
 Всех батраков:
 Гей, ты черный люд, рабочий, трудовой,
 Люд трудовой,
 Встань за вольную отчизну головой,
 Встань головой!
 Лютый ворог стал ногой в родной земле,
 В родной земле!
 Гей, не быть — не быть нам, братцы, в кабале,
 Да в кабале!
 Не потерим вновь татарской злой поры,
 Лихой поры.
 Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
 Да топоры!
 А чтоб вышли ваши косы все остры,
 Да, все остры, —
 Чтоб готовы были вы зажечь костры,
 Зажечь костры,
 И по первой по тревоге боевой,
 Да боевой

Заградить себя стеною огневой,
 Да огневой.
 То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
 И эх-ха-ха!
 Как мы красного им пустим петуха,
 Да петуха.
 Гей, ты Русь, ты Русь родная, вольный край,
 Наш вольный край,
 Боевую свою силушку собирай,
 Да собирай!

* *

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
 Ду-ду, ду-ду!
 А я, старенький, проселками иду,
 Иду, иду!..
 Ге-ей!!..

Демьян Бедный.

Эко диво: поглядишь — чистехонько, погладишь — гладехонько,
 а станешь читать — везде задевается (сказал дьячок).

Из пословиц и поговорок
 русского народа.

Понижение и повышение голоса — действительно самое трудное
 в декламации.

Дж. Льюис.

(Известный английский театраль-
 ный критик, автор книги: «Актеры
 и сценическое искусство»).

В МОНАСТЫРЕ.

Поползень втихомолочку
Нашел себе богомолочку.

Народная поговорка.

— «Здесь,—богомолке так шептал монах смиренный:
Вот здесь под стеклышком, внутри сего ларца,
Хранится волосок нетленный,—
Не знаю в точности, с главы, или с лица,
Или еще откуда—

Нетленный волосок святого Пуда.

Не всякому дано узреть сей волосок,
Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,
Чье сердце от страстей губительных свободно
И чье моленье к святителю доходно».

Умильно слушая румяного отца,
Мавруша пялила глаза на дно ларца.

— «Ах,—вся зардевшись от смущенья,
Она взмолилась под конец:—

Нет от святителя грехам моим прощенья.

Не вижу волоска, святой отец!»

Отец, молодушку к себе зазвавши в келью

И угостив ее чашкой с карамелью

И кисло-сладеньким винцом,

Утешил ласковым словом:

— «Ужотко заходи еще... я не обижу.

А что до волоска—по совести скажу:

В ларец я в этот сам уж двадцать лет гляжу

И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!»

Демьян Бедный.

Сила интонации—неизмерима, и самые картинные эффекты на свете не могут потрясти зал наравне с восклицанием, произнесенным с правильною интонацией.

Коклен старший.

НА ПАРАДЕ.

«Ешь начальство глазами».

(Одна из основных
заповедей царской армии).

У Красной площади, «любуйся» на парад
(Ох, не на царский,—на Советский!),

Пришипилась—облезлый бюрократ

И полинялый адвокат,

Когда-то «видный член» кадетский.

— «Нет, вы подумайте,—печалился кадет:

Тому назад всего, ну, так-ли много лет,

Также-ж молодцы, одетые в шинели,

Начальство прежнее глазами ели»...

— «Д-да,—

Прошамкал бюрократ: вот в том-то и беда,

Что ели, ели... да и съели».

Демьян Бедный.

ГОСПОДСКАЯ ТЕНЬ.

На Красной площади наметни три туза—

Помещик—без земли, заводчик—без завода

И хищник банковский, сидящий без дохода—

Час битый пялили глаза

На торжество рабочего народа.

Им в первомайский день с утра

Спокойно дома не сиделось:

Глазком прикинуть захотелось,

Измерить силу рати той,

Что их теснит своей железною пятой.

Налюбовавшись, пошли домой все трое.

— «Ну, как?»

— «Да так. Тоска».

— «Казенный юбилей».

День этот проходил куда как веселей
 При прежнем строе.
 Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.
 Как живописен был разгон
 Всей этой сволочи, собирающейся в шайки,
 Когда ее жандармский эскадрон
 Возьмет, бывало, всю в нагайки!
 Р-раз! Шляпа на боку!—Два! Лопнуло пальто!—
 Три! Шайки всей—как не бывало!
 В участок волокут толпу. А нынче — что?!
 Ушла поэзия. И красок ярких мало!»

* *

Не трудно угадать, как первомайский день
 Расписан был потом в газетах буржуазных.
 Буржуи с нами вкусов разных:
 Там, где нам солнышко, для них — сплошная тень.

Демьян Бедный.

ВОШЬ.

В углу, на стареньком бурнусе
 Домала в горе лапки вошь:
 — «За что ж меня? За что ж?..
 Ох, господи Исусе!»
 — «Ба!.. Слезы!.. — Рядышком уселась блоха:
 Чем стала жизнь твоя плоха?»
 — «Ох, — вошь тут пуще завздохала:
 Ты разве, блошка, не слыхала?..
 — «Про что? Скорее... Я спешу!»
 — «Про большевистские... злодейски планы...
 От вошегубства их... Ох, я едва дышу!..
 На вшей готовятся арканы!..
 — «Шу-шу!.. из всех щелей полезли тараканы:
 Шу-шу!.. — Шу-шу!.. — Шу-шу!.. — Шу-шу!..
 — «Что тут за шум?..
 — «Кого убили?»

— «Вошь, слышно, крепко оскорбили.»
 — «Кто оскорбил? Блоха? Держи ее! Лови!»
 — «Держи!»
 — «Лови!»
 — «Ах, чорт! Гляди-ж ты: ускакала»
 — «Ну погоди уже! Ответишь за разбой!»
 — «Скажи, что, вошенька, с тобой?
 Каких таких долгов блоха с тебя искала?»
 — «Ох! — вошь захныкала в ответ:
 Ох, братцы, таракашки!
 С блохою не дралась, — держали мы совет.»
 — «А мы-то думали... Так что-же вы, милашки,
 Тут шум затеяли такой?
 С чего ты слезы льешь рекой?»
 — «На большевистские я плакалась замашки.
 Объявлен...»
 — «Слушайте!»
 — «Шу-шу! — Шу-шу! — Шу-шу!»
 — «Объявлен нонеча у них поход на вшу.
 Сам Ленин объявил, — их главный воевода, —
 Что вшам пощады нет: вошь злейший враг народа!
 Белогвардейка вроде... н-да!»
 — «Ну, что ты, мать?»
 — «Да неужели?!»
 — «Вошь вне закона!»
 — «Ой, беда!»
 Тут таракашки — кто куда —
 Со страху все забились в щели,
 Оставив плакать вошь одну:
 — «Шут с нею! Втянешься из-за нее в войну!»

* *

Вот, где она помеха!
 Вошь, таракан, блоха!
 Поход... ах-ха-ха-ха! На вошь!.. ах-ха-ха-ха!..
 Друзья! Тут места нет для смеха!
 Вошь есть не просто вошь, а некий злой символ.
 Былых властителей жестокий произвол,
 Все издевательство господ над людом «черным»,
 Вся грязь российская, грязь тела и души,

Все, что губило Русь дыханием тлетворным,
 Все воплощение свое нашло — во вши.
 Помещик, телеса омыв душистым мылом,
 И накрахмаленным гордась воротником,
 Глумился походя над «пеумытым рылом»,
 Над «обовшивевшим и грязным мужиком».
 Помещик — ширился. Мужик — в хлеву теснился,
 Он с грязью свыкся и сроднился, —
 Вошь ближе всех была, ему родней,
 Он вспоминал о ней и в радости и в горе,
 В площадной ругани, в душевном разговоре, —
 Слагал пословицы и часто пел о ней:

— «Вошка парилася
 Да ударилася
 Ненароком
 Правым боком,
 Вывихнула ножку.
 Во тесовом во-гробу,
 Схоронили вошку
 Словно божию рабу».

Живя в грязи, мужик твердил, «что грязь — не сало.
 Помыл, она отстала»,
 Корой покрылся, горя мало,
 И темен и убог,
 Откуда знать он мог,
 Что там, где грязь, там вошь, а вошь плодит заразу,
 Разгул болячек и корост.

Когда случалось, что полдеревни сразу
 Переселялось от мора на погост,
 Мужик — он все сносил, он все сносил покорно,
 И сам, ложась до срока в гроб,
 Рукой холодною крестя холодный лоб,
 В суд божий веровал упорно:
 «Господь... карает... за грехи...»
 А утром, выпивши с помещиком две фляги,
 Поп слушал исповедь бедняги:
 — «Грехи, мой сын, грехи!» а сам в кулак: «хи-хи!..»
 Попу с помещиком «мужицкий грех» — потеха.
 Нам нынче не до смеха,
 Мы с шеи сбросили народных кровосийц,

Сановных палачей, потомственных убийц.
 Мы добиваем их остатки,
 Но потруднее этой схватки
 Нам будет долгий долгий бой
 Нам будет долгий долгий бой
 Вот с этой «божией рабой»,
 Вот с этой вошью, серой, грязной,
 С наследьем жизни безобразной,
 Той жизни, что теперь, — где наспех, наугад,
 Где по продуманному плану, —
 Все язвы выводя, леча за раной рану,
 Мы общей силою на новый строим лад.
 И наша ли вина, что в деле новой стройки
 Не обошлось... без вошебойки?!

Демьян Бедный.

ОСЕННЯЯ ВЕСНА.

Мутна осенняя Москва:
 И воздух, и прохожих лица,
 И глаз оконных синева,
 И каждой вывески страница.
 И каждая полоса
 На темени железном зданий,
 И проволочные волоса,
 Распущенные в тумане.
 Осенняя Москва мутна.
 Осенняя... И вдруг знамена.
 И вспыхивает она,
 И вспыхивает, удивлена,
 Что вот — не видно небосклона,
 А вон в руках кипит весна.

Василий Казин.

Нужно всегда сообразовать и соразмерять свой голос не только с величиною, но и с акустическими качествами зала, в котором приходится говорить.

Легува,

КАМЕНЩИК.

Бреду я домой, на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось, до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич,
Утро тоже вносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Василий Казин.

РАБОЧИЙ МАЙ.

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе —
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.
Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.
А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка.
Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

Василий Казин.

ЗАВОД.

В чаду грохочущих наречий,
В зигзагах молний и лучей
Горит завод широкоплечий
Румянцем алых кирпичей!..

Величествен и целомудрен:
В глазах отвага и закал!
Из труб развеивает кудри
К сплывшим в небе облакам!..

Как ширится полдневный запах,
Растет работа и борьба...
О, солнце, неумолчно капай
С его обветренного лба!

В закат — убийственнее града,
Весенней тучи грозовой,
Раскидывает молча взгляды
Из-под нахмуренных бровей!..

В предутренней скороговорке
Весна с распахнутым нутром
Напрасно разливает гром —
Любовный лепет из-за горки:

Ответом — шумное дыхание
Его карнизов и низов —
Завод в певучем содроганье
Разнокалиберною бранью
Пересыпает горизонт.

Александр Жаров.

Хорошо пунктировать — это значит размеривать и сдерживать свое произношение, различать разные части фразы, избегать замешательства, происходящего от впутывания слов одно в другое... Это помогает другим понимать и заставит себя самого понимать.

Легува.

ЛЕДОХОД.

Я—делегат небесной рати
И от весеннего Цека!
Я, солнце — нынче председатель
И на земле и в облаках!

Вчера работали на поле,
Теперь с апрелем мы вдвоем
Пришли освободить на волю
Ручьево-реченский район!

Осеребренные руины
Лучами всюду запали.
Несите, бронзовые льдины,
Стремясь в расплавленный залив!

Умойтесь волнами разлива,
Пускаясь в быстрый ледоход!
Промчитесь стройно и игриво
Под флагом песен и свобод!..

Дворцы зимы живей громите,
С голов отряхивайте снег!..
Товарищи, — на митинг!..
Первый вопрос — о весне!

Александр Жаров.

Точно так же, как язык произведения — будь это стихи, или изящная проза — очищен от несообразностей и несовершенств простых записок небрежной обыденной речи, так и декламация должна быть мерна, музыкальна и задумчива.

Дж. Льюис.

Когда читаешь поэта, нужно его читать как поэта. Так как существует размер, то дайте его чувствовать! Так как существуют рифмы, то не скрывайте и их! Когда стихи уподобляются живописи и музыке, будьте, читая их, живописцем и музыкантом!

Лэгуэ.

СТО ТЫСЯЧ¹⁾.

(Для коллективной декламации).

— Там за решетками, за стенами
скованными
вьется красное знамя —
— Чье это знамя?
— Наше знамя!
— С кем вы, откликнетесь?
— С вами! С вами!
— Кто вы, чей голос в битвах неистов?
— Мы — рабочие, мы — коммунисты!
Мы прорывали буржуям глотки,
Шли капитал поставить к стенке...
Будет время — сорвем решетки,
Будет время — пробьем застенки.
— Сколько вас, — в голоде, пытках, муках
Голос восстаний над миром висит?
— Сто тысяч!
Сто тысяч!
Сто тысяч!
— Руку, товарищи, руку!
— Наши семьи ночуют под небом,
Наши дети горе пьют.
— Семьям вашим поможем хлебом.
Детям вашим дадим приют.
— Пусть погибнут и жены и дети.
Пусть погибнем в застенках мы, —
Только уверенность дайте в победе,
В скорой победе над царством тьмы!
Чаще давайте в тюрьму нам сигналы
Помощью, песней, приветом, борьбой:
Скорей подымайтесь на бой с капиталом,
Чтобы приблизить Октябрь мировой!
Пусть нашей крови потоки прольются,
Лишь бы к победе пришел наш класс.

¹⁾ Сто тысяч — это примерная цифра заключенных зарубежных коммунистов и цифра коммунистов призывников Ленинского набора.

— Знайте братья:
Жива Революция!
Живы мы, не забудем о вас!
Нет, не уймутся рабочие бури,
Наших рядов и бойцов не счесть.
Через решетки застенков и тюрем
Вам принесем революции весть.
Бой разгорается долог и жарок,
Всюду встает стальнорукий класс.
— Это для нас — самый лучший подарок,
Самая ценная помощь для нас!
Кто там у вас свой голос высит,
Битвам прямо глядя в лицо?
— Сто тысяч!
Сто тысяч!
Сто тысяч!

Ленинцев,
новых бойцов!
Выбили нас из строя фашисты,
Вышел из строя Ленин у нас.
Новых рабочих, борцов-коммунистов
Выдвинул класс.
Волна пролетариев и пролетарок
В партию Ленина мощно влилась.
— Это для нас — самый лучший подарок,
Самый ценный подарок для нас.
Будем теперь терпеливей и тверже,
Будем на мир глядеть веселей.
— Братья, товарищи!
Мы вас поддержим,
Ваших жен, матерей и детей!
Братья, в застенках и тюрьмах крепитесь!
Перед нами — Октябрь мировой впереди!
Не сдадитесь? Не сдадитесь?
— Не сдадимся! Выдержим!..
Все по-бе-дим!..

Александр Жаров.

В. И. ЛЕНИН

*

А. АРОСЕВ
Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ
Л. ТРОЦКИЙ
Н. АСБЕВ
С. ТРЕТЬЯКОВ
Н. ТИХОНОВ
М. А. П. П.
ИСБАХ
Л. СЕЙФУЛЛИНА
В. Л. МАЯКОВСКИЙ
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ
А. ЖАРОВ

ИЛЬЯ ИОНОВ
С. МАЛАХОВ
РОМАН
В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
В. Л. КИРИЛЛОВ
В. КАЗИН
Д. М. ПЕТРОВСКИЙ
Г. ШЕНГЕЛИ
В. Л. БРЮСОВ
С. ОГУРЦОВ
Д. М. СЕМЕНОВСКИЙ
Н. ПОЛЕТАЕВ

Н. ШУКЛИН
А. ИРКУТОВ
А. ПОМОРСКИЙ
Л. СТАЛЬСКИЙ
М. КОЛОСОВ
И. БЕХЕР
Э. МЮЗАМ
П. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ
ЛУ-МЕРТЕН
Э. НИЛЬСОН
О. КУЛЛЕРКУПП
М. БАРТЕЛЬ

НЕДАВНИЕ ДНИ.

(Отрывок).

Из аппаратной, где хрипели юзы и морзе, Ленин прошел в свой маленький кабинет. Сел в кресло и мелким бисером на квадратике бумаги написал:

«Феликс Эдмундович ¹⁾, я согласен. Договоритесь окончательно с Яковом Михайловичем ²⁾. Необходимо: 1) проделать всю операцию в кратчайший срок, 2) о деталях условиться с военными властями, 3) провести это завтра на Политбюро. С коммунистическим приветом Ленин».

Нажал кнопку. Вошел секретарь — молодой рабочий с простым и строгим лицом. Ленин сам запечатал записочку и передал ее секретарю. Потом, через другую дверь, вышел к телефонной будке. Говорил с Арзамасом. Слышалось только: «А что? Алло! Центр города еще в наших руках? Что в наших? Там Розенгольц? Слышу, слышу. Центр еще держится? Рабочие вооружены? Алло! С какой стороны? Лаишева? Хорошо. Звоните еще часа через два. До свидания!».

И опять через свой кабинет прошел в аппаратную, где хрипели юзы и морзе...

А в Лаишеве уже вешали «за большевизм», расстреливали, топили, пороли, отрубали уши...

А в Казани в номерах бывших Щетинкина по коридорам подходили друг к другу, советовались, как быть со штабом и золотом. Одни терялись. Другие ободряли.

А с Порохового, Алафузовского и Крестовникова заводов двигались темно-синие колонны рабочих к Казанской крепости.

И в Нижнем-Новгороде собирали огромные «Ильи Муромцы» для полетов над Казанью и Самарой.

¹⁾ Имя и отчество т. Дзержинского.

²⁾ Имя и отчество т. Свердлова, первого председателя ВЦИК, ныне покойного.

А у Московского Совета на площади стоял полк рабочих и красноармейцев, готовых к отправке на фронт и ждущих Ленина.

Звонили ему по телефону, он обещал «сейчас» и не ехал. Андронников, который отправлялся на фронт во главе этого отряда, взял автомобиль во дворе Московского Совета и переулками, чтоб не расстроить ряды полка, выехал в Кремль.

При самом въезде в Кутафью башню он чуть не столкнулся с автомобилем, в котором на правой стороне, прижавшись немного к боку, в угол, сидел Ленин в помятой черной шляпе. Увидев Андронникова, Ленин в момент перекинулся на другую сторону автомобиля и крикнул:

— Вы за мной? Я еду, еду.

Автомобили разминулись, но Ленин задержал свой, а Андронников, догнав его, пересел к Ленину.

Андронникову нравилось это песчаного цвета лицо, эти морщины, расходящиеся от носа, словно высеченные по камню, эти зрачки черные и огненные.

В общем, лицо такое простое. Если бы не глаза, то даже скучное. А в глазах есть противоречие: они и добрые и строгие, но под добротой и строгостью где-то глубоко таится смех. Такой веселый, солнечный, как у Пана. Впрочем, этого Андронников не сознавал и сейчас особенно был далек от того, чтобы ощущать что-либо подобное. Но это самое: и доброта, и строгость, и смех, и ум, сливаясь вместе во что-то особенное и вместе с тем простое-человеческое, кружилось, навевалось вокруг Андронникова. Этим особенным и простым человеческим Ленин словно обнимал Андронникова.

Вот отчего Андронников всегда становился втушик, когда его спрашивали: «А каков Ленин сам по себе?».

Помятую шляпу свою Ленин прихлопнул на самые уши, чтоб не сдуло, и опять погрузился в правый угол автомобиля.

— Как по вашему, возьмут Казань или нет? — спросил он Андронникова.

— Едва ли, удержим, — ответил Андронников.

— А как настроение?

— Да у нас хорошее настроение. Ребята понимают опасность.

Ленин сразу насторожился: прищурил немного левый глаз и приподнял правую бровь. Немного вбок, подставляя правое ухо, наклонился к Андронникову: если Ленин слушал, то всегда весь без остатка.

— Понимают, — говорил Андронников, — особенно рабочие. Впрочем теперь и красноармейцы.

— А как относится к созданию большой армии, настоящей?

— Хорошо. Ведь без этого не обойтись.

Автомобиль с переулка въехал во двор Совета.

Ленин из автомобиля, по привычке своей, словно вырвался: вбежал по лестнице и промелькнул в комнату президиума. Андронников не поспевал за ним.

Потом они оба вышли на балкон. Андронников был торжественен. Голубые глаза его блестели, все черты лица, слегка потемневшего от бессонных ночей и голодовки, стали более определенными. Новая кожаная куртка «на рыбьем меху» — военная обнова, — облегла его непривычно, неуклюже, но так блестела! Так хорошо, по-новому охватывала плечи, руки, грудь. И в духе Андронникова было большое обновление. Все вещи и люди перед ним были уже другими: свежими и новыми.

Рядом с ним стоял весь горячий «Ильич» и, перегибаясь через перила балкона, поворачиваясь немного вправо и влево, произносил речь. Говорил, исторгая слова из самой глубины своей сущности, отчего и звук голоса был сочным, нажитым той особенной жизненной силой, которая полной чашей льет в сердце уверенность. Все слова у Ленина обыкновенные. А попадет это слово в сердце, раскусишь его, в нем ядрышко. И от этого горячего Ленина, от его изборожденного песчаного лица, от простых глаз, не то огненных, не то коричневых, от всей плотной фигуры на Андронникова опять нашло то странное закружение, которое обнимало его по-особенному, человеческому, по-родному. Будто это старший брат его.

Среди речи Ленина Андронникову ударило вдруг в уши: «Дьявольски трудное дело управлять страной»... «Неужели

мы с ним и еще такие же управляем страной?» — подумал Андронников. «И вот такой, коричневый пиджачок на Ленине, помятая шляпа. А — власть! Все это такое родное, свое, — и власть!» Вспомнил Андронников, что металл так плавится: сначала горячий, мягкий, послушный ударам, согласный руке. А выплавится — станет холодный, режущий, всегда мощный, непобедимый. Вот и власть так — родилась из огня, из горяча. Потом охлаждается, чтобы быть непобедимой.

Ленин давно уже кончил. Говорил кто-то из полка, а в голове Андронникова все вертелось: «непобедимы, мы, мы — непобедимы».

Тем временем на площади уже скомандовали строиться и уходить. Андронников, немного растроганный, взволнованный, сел в свой автомобиль.

— Товарищ, — спросил его шоффер, — а что, как Владимир Ильич, вообще, так вообще, человек какой?

— Как и все: обыкновенный.

— Нет.

— Почему же «нет»?

— Да потому, что нет.

Вечером у приятелей горрайона были проводы Андронникова...

...За окном, незастывшими занавесками, притаилась тихая, черная московская улица. Тихая, черная, как лихая изменщица.

— Тррр, тррр... как бешеный, ворвался телефонный звонок во все уши.

Андронников сел близко к телефону.

— Слушаю, — сказал он. — Где, в Басманном? — спросил он, встрепетавшись, и побледнел. — А-а. В Замоскворечье, у Михельсона?.. Сейчас еду.

Оборвались звуки музыки, звуки слов. Оборвались мысли и чувства...

Андронников, нахлобучив фуражку, впопыхах успел только сказать:

— Ленина... стреляли...

А. Аросев.

КИРГИЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.

(Эпизод к роману «В степных просторах»).

Долго пылало раскаленное небо. Долго цеплялся за край земли багрово-огненный шар. Наконец, провалился куда-то совсем.

Шайтан ¹⁾ накинул на землю черную кошму.

Но все равно жарко и душно в степи.

Перемещались степные запахи — горькая полынь, парное молоко, кизячный дым и теплый навоз. Кружат голову.

Тяжело пыхтит скот. Медленно бродят черные тени людей около костров. Звенят кузнечики в траве, и стонут перепела. А высоко над землей разбрелись небесные овцы. Должно быть, от кизячного дыма моргают яркими трепещущими глазами.

Широким кругом сидят люди на корточках. Строчат белой слюной по горячей золе. Лениво и тихо беседуют.

Пронеслась кровавая метель по степи. Давно миновала. Затихла. И так же, как с восходом солнца пропадает едкий запах полыни, так же скоро миновала едкая горечь обид. Ее сменила надежда на лучшую мирную жизнь.

Только у старого Мусы остался в душе легкий осадок полыни. Но хорошо знает Муса, что все тяжелое и страшное позади. Ему тоже хочется рассказать об этом тяжелом прошлом и о том, как хорошо теперь заживет киргизский народ в вольных степных просторах.

Когда джигиты посмотрели в его сторону, старый Муса начал:

— Вот, слушайте... Когда бог построил мир, он собрал всех царей. И каждого поочередно спрашивал:

— Доволен ты землей, которую я дал твоему народу?

Цари падали на колени и говорили:

— Благодарю тебя, великий аллах! Земля, которую ты дал нам, хорошая. И народ мой доволен ею.

Когда очередь дошла до киргизского хана, он тоже упал на колени и сказал:

¹⁾ Шайтан — черт.

— Я тоже благодарю тебя, аллах, за ту землю, которую ты дал мне. Земля хорошая. Хаять нельзя. Но мне обидно, что ты дал нам одну бессную равнину. Нет возможности окинуть ее глазом и нет бугорка, с которого я мог бы следить за тем, что делается на моей земле.

Подумал бог и сказал своим строителям:

— Соберите все, что осталось у вас от постройки земли. И сделайте посреди степи место, на котором были бы леса, горы и озера. Пусть будут его леса — самыми тенистыми, пусть будут его горы — самыми красивыми и пусть будет вода в его озерах — самая чистая и прозрачная. Когда верблюд искушается в его озерах, он будет белый, как снег.

Так и сделали строители, как велел бог.

Тогда позвал бог еще раз хана и сказал:

— Я сделал так, как ты просил. Но ты должен помнить, что земля, которую я дал, принадлежит не тебе одному, а всему киргизскому народу. Ты будешь жить на этой земле и будешь править киргизским народом по закону, который я дам тебе. А чтобы ты не нарушал закон и не притеснял народ, я пошлю в степь могучего орла. Он будет жить на самой красивой и высокой горе и оттуда будет следить за тобой. Если ты будешь нарушать закон и будешь притеснять народ, орел будет наказывать тебя так, как я вешу.

Упал хан на колени и сказал:

— Великий аллах! Я все сделаю, что ты сказал в законе.

Но когда вернулся хан в степь, он не сдержал своего слова. С первого дня стал нарушать закон.

Чтобы увеличить богатства своего сына и сделать его более знатным, хан отбирал у джигитов ¹⁾ скот и брал себе. Чтобы лучше укрепить свою власть, хан отбирал землю у бедных родов и отдавал ее баям ²⁾. Позабыл хан, что орел летает над степью и видит все дела хана.

Пришло время наказания.

¹⁾ Джигит — хороший, храбрый человек; казак.

²⁾ Бай — богатый человек.

В тот день, когда солнце пылало над степью, а маленький сын хана играл на поляне — среди гор и лесов, орел спустился на землю, схватил когтями ханского сына, улетел с ним на высокую гору и там, на глазах хана, стал клевать сердце ребенка.

Клекот орла и крик маленького хана гудели по всем четырем сторонам степи.

Как медведь, заревел хан от горя. Собрал со всей степи лучших стрелков — джигитов и приказал им стрелять в орла. Но гора была так высока, что ни одна стрела не долетала до орла. Тогда позвал хан на помощь белого царя. А белый царь послал в степь русских. Они пришли с огнем и свинцом. Они убили могучего орла. Но было уже поздно: орел выклевал сердце ханского сына. Прекратился ханский род.

С тех пор гора, на которой жил могучий орел, стала называться: «Ок-жетнес» ¹⁾.

А русские огнем и свинцом покорили киргизский народ и построили на всех четырех концах степи четыре города: один на востоке, другой — на западе, третий — на севере, четвертый — на юге.

Долго летели из городов в степь — огонь и свинец. Долго стонал киргизский народ под властью белого царя.

Но пришел в степь славный батырь Кенисара, сын Аблая. Поселился в глухой и темной пещере у высокой и синей горы. Оттуда поднял против русских всю степь. Поднял Кенисара храбрых джигитов и обездоленных джатаков ²⁾. Хорошо дрался славный батырь Кенисара с русскими. Совсем близко была пора свободы для киргизского народа. Но ушел Кенисара к богатым узбекам. Полюбил дочь кокандского хана. И позабыл про борьбу родного народа.

Гулять стал Кенисара. Много кумыса пил Кенисара. Много красивых девушек было около Кенисары. И рука Кенисары поднималась против родного народа.

А узбеки и ханы приготовили ловушку. Продали Кенисару — русским. Погиб Кенисара. Надолго пропала

¹⁾ «Ок-жетнес» — стрелой не достанешь.

²⁾ Джатак — обедневший киргиз.

свобода киргизского народа. Опять пришла власть белого царя. Опять загудели — стон и плач киргизского народа по всем четырем концам степи. Долго гудели.

А на землю пришел большой батырь Ленин.

Долго ходил по земле Ленин. Долго смотрел по всем четырем сторонам земли, — слушал стоны и плач людей.

Пришло время. И услышал большой батырь Ленин стон джигитов и плач джатаков. И так же, как ночью пылают костер в степи, так запылало сердце Ленина.

Тогда собрал большой батырь Ленин всех своих храбрых комиссаров. И сказал:

— Пойдите в степь. Прогоните белого царя и его чиновников. Отдайте всю степь тем, кому она принадлежала. И сделайте так, чтобы не было в степи ни бедных, ни богатых: чтобы все люди стали равными. Потому что я принес всем людям новый закон. А чтобы баи поскорее забыли привычки царских чиновников, вместе с вами я пошлю в степь молодого могучего орленка. Он будет жить на горе «Ок-жетпес» и оттуда будет следить за тем, чтобы никто не смел нарушать новый закон. А если баи нарушат закон, я прикажу молодому орленку наказать их и выгнать совсем из степи.

Так сказал большой батырь Ленин. И так сделал. Теперь степь вольная. И никто не может нарушить новый закон, потому что на высокой горе «Ок-жетпес живет» молодой и могучий орленок.

Феоктист Березовский.

В период болезни Ленина мы смело шли по намеченному пути, улучшая свое хозяйство и укрепляя Республику — теперь с утратой вождя проявим еще большую энергию для окончательной победы.

Из лозунгов МК РКП.

Идея Ленина — Советская власть, закрепленная в Союзе Республик, — победит во всем мире.

Из лозунгов МК РКП.

ЛЕНИНА НЕТ.

Ленина нет. Нет больше Ленина. Темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов, оборвали эту жизнь. Медицина оказалась бессильной свершить то, чего от нее со страстностью ждали, требовали миллионы человеческих сердец. Сколько бы среди них отдали не задумавшись свою кровь до последней капли, только бы оживить, возродить работу кровеносных сосудов великого вождя — Владимира Ильича, единственного, неповторимого.

Но чудо не свершилось там, где бессильной оказалась наука.

И вот Ленина нет. Слова эти обрушиваются на сознание, как гигантская скала в море.

Можно ли верить? Мыслимо ли признать это?

Сознание трудящихся всего мира не захочет понять этого. Ибо страшно силен еще враг, долог путь, не закончена великая работа — величайшая в истории. Ибо Ленин нужен мировому рабочему классу, как может быть никогда не был нужен человеческой истории.

Более десяти месяцев длился второй приступ, более тяжкий, чем первый. Кровеносные сосуды, по горькому выражению врачей, все время «играли». Это была страшная «игра» с жизнью Ильича. Можно было ждать и улучшения, почти полного восстановления, но можно было ждать и катастрофы. Мы все ждали выздоровления, а пришла катастрофа. Дыхательный центр мозга отказался служить поддержкой центру гениальной мысли.

И вот нет Ильича.

Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство поражает прежде всего при вести о смерти учителя — вождя.

Как пойдем вперед? Найдем ли дорогу? Не собьемся ли с пути? Ибо Ленина, товарищи, с нами нет!

Ленина нет, но есть «ленинизм»! Бессмертное его учение, его работа, его методы, его пример живет в нас, в той партии, которую он создал в том первом рабочем государстве, которое он возглавлял и направлял.

Наши сердца поражены сейчас потому такой безмерной скорбью, что по великой милости истории мы родились современниками, потому что жили и работали вместе с ним. Наша партия есть «ленинизм», наша партия есть коллектив воли трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина, то, что составляет лучшую часть лучшего из нас.

Как пойдём вперед?

С фонарем «ленинизма» в руках.

Найдём ли дорогу?

Коллективной мыслью, коллективной волей партии — найдём.

И завтра, и послезавтра, и через неделю, и через месяц мы будем спрашивать себя: неужели Ленина нет? Ибо невероятно чудовищным произволом природы долго ещё будет казаться его смерть.

Пусть страшный укол, который мы чувствуем сейчас, будут каждый раз чувствовать наши сердца при мысли о том, что Ленина больше нет, пусть он станет для каждого из нас напоминанием, предостережением, призывом. Твоя ответственность повысилась, будь достоин твоего воспитателя, твоего вождя! Скорбя, в трауре, в горе сомкнем наши ряды и сердца, сомкнем их для новых боев! Товарищи-братья, Ленина больше нет! Прощай, Ильич! Прощай, наш вождь!

Л. Троцкий.

Ленин любит сравнивать нашу революцию с быстро мчащимся локомотивом. Наш локомотив мчится, поистине, головокружительно быстро. Но зато машинист там управляется с локомотивом на славу, и зорек его взгляд и рука его тверда, рука его не поколеблется ни на одну секунду, даже при самых крутых поворотах.

Г. Зиновьев.

На смерть вождя ответим ещё большей сплоченностью, железной дисциплиной и выдержкой.

Из лозунгов МК РКП.

РЕКВИЕМ.

Если день смерк,
Если звук смолк, —
Все же бегут вверх
Соки сосновых смол.

С горем наперевес,
Горло бедой сжав,
Фабрик и деревень,
Заговори шаг.

Тяжек и глух гроб,
Скован и смят смех,
Низко ль пригнуть смогло
Горе к земле всех...

Если умолк один,
Даже и самый живой,
Тысячами родин,
Жизнь, отмети за него.

С горем наперевес,
Зубы бедой сжав,
Фабрик и деревень,
Ширься, гуди, шаг.

Ближе плечом к плечу.
Нашей ли широте,

Пасынкам ли лачуг
Жаться, осиротев.

Стой, спекулянт-смерть,
Хрипый твой вой — лжив,
Нашего дня не сметь
Трогать: он весь жив.

С горем наперевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень,
Ширься, гуди, шаг.

Станем на караул,
Чтоб не взошли враги
На самую дорогую
Из наших могил.

Если день смерк,
Если смех смолк,
Слушайте ход вверх
Жизнью гонимых смол.

С горем наперевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень,
Ширься, сплошной шаг!

Н. Асеев.

Советская власть обеспечила братский трудовой союз — запомним завет Ильича, упрочим этот союз.

Из лозунгов МК РКП.

Угнетенные народы всего мира, под знаменем Коминтерна свергайте империализм!

Из лозунгов МК РКП.

МЫ ПОМНИМ.

Цехи, конторы, трюмы
 Свел один паралич.
 Владимир Ленин умер,
 Кончился старый Ильич.
 Одна тугая гримаса
 Свела суровые рты
 От угольных дыр Донбаса
 До приисков Читы.
 Читали, а губы бледнели
 С двух сумасшедших слов,
 У чуждых людей на панели
 Плечи плачем трясло.
 Мука ломала колени.
 Муку не сбросишь швыргом.
 Умер Владимир Ленин,
 Рабочий предсовнарком.
 Боль такая бывает,
 Когда умирает сын.
 Гудки от края до края
 Завыли...
 Это от моря до моря
 Встало плечом к плечу —
 Одно беспартийное горе
 В последний черед к Ильичу.
 Идут. Точно взорваны шлюзы,
 Где он от утра до утра
 Под колоннами Дома Союзов
 Принимает последний парад.
 По-детски Владимир — Воля.
 По взрослому Воля — Октябрь.

Это он на земле не позволил
 Вертеться у хищи в когтях.
 Мы попуры и седоголовы.
 Страшно прятать в послед-
 ную клеть
 Самого молодого
 Из всех людей на земле.

* *

Не плакать, не плакать, не
 плакать,
 Не плакать об Ильиче.
 Пусть плачут слезами плака
 Глаза плавильных печей.
 Дрожь, просеки моторы!
 Вдвое завойте станки!
 В цехи, в поля, в конторы,
 Рабочие и мужики!
 Ни дряби, ни хмури, ни лени!
 Лени к рычагу рука!
 Ленин

Мы помним,
 Ленин,

Твой боевой приказ.
 Вейся знамен пламя!
 Туже рабочий нажим!
 Ленин
 всегда с нами!
 Ленин
 всегда жив!

С. Третьяков.

Могила Ленина — колыбель свободы человечества.

Из лозунгов МК РКП.

САМИ¹⁾.

1.

Хороший сагиб у Сами и умный,
 Только больно дерется стэком;
 Хороший сагиб у Сами и умный,
 Только Сами не считает человеком.
 Смотрит он на него одним глазом,
 Никогда не скажет: спасибо;
 Сами греет для бритвы ему тазик
 И седлает пони для сагиба.
 На пылинку ошибется Сами —
 Сагиб всеведущ, как Вишну,
 Бьют по пяткам тогда тростниками
 Очень больно и очень слышно.
 Но отец у Сами не даром
 В Беджапуре был скороходом,
 Ноги мальчика бегут по базарам
 Все уверенней год от году.

2.

Этот год был очень недобрым:
 Круглоухого мышастого пони
 Укусила черная кобра,

¹⁾ Вести о Ленине проникают во все уголки земного шара. Одни изрыгают проклятие, когда слышат имя Ленина, другие произносят его с любовью и надеждой.

Сами — индусский мальчик, находится в услужении сагиба (сагиб — господин, хозяин), с ним обращаются жестоко, — за каждую провинность бьют палками. Сами, шатаясь по базарам, услышал весть о Ленине. Он не знал хорошо, кто такой Ленин, но понял, что «Ленин» стоит за всех угнетенных. Сами бежит от злого сагиба к далекому «Ленину». Заблудившись в горах и индусских джунглях, он, испарянный, возвращается обратно. На вопрос сагиба: где был? — Сами гордо бросает: «Я хотел пробраться к «Ленину», который всем дает корочку хлеба и который всех сагибов погубит». За это его вышвыривают на улицу. Но Сами уже никогда не позволит бить себя жестким стэком (хлыстом).

Вишну — главное индусское божество. Беджапур и Рохилькенд — местность и город в Индии, черная кобра — одна из ядовитейших змей; пони — порода низкорослых лошадей; Амритсар — базар; ноги — религиозные фанатики.

И злой дух кричал в телефоне.
 Раз проснулся сагиб с рассветом,
 Захотел он читать газету,
 Гонг надменно сказал об этом,
 Только Сами с газетою нету.
 И пришлось для бритья ему тазик
 Поручить разогреть другому,
 И чего не случилось ни разу—
 Мул не кормлен вышел из дому.

3.

Через семь дней вернулся Сами,
 Как отбитый от стада козленок,
 С исцарапанными ногами,
 Весь в лохмотьях, от голода тонок.
 Синяка круглолобая глыба
 Сняла, как на золоте проба;
 Один глаз он видел сагиба,
 А теперь он увидел оба.
 — «Где ты был, павиан безхвостый?» —
 Сагиб раскачался в качалке.
 Отвечал ему Сами просто:
 — «Я боялся зубов твоей палки
 И хотел уйти к властелину,
 Что браминов и раджей выше;
 Без дорог заблудился в долинах,
 Как котенок слепой на крыше».
 — «Ты рожден, чтобы быть послушным,
 Греть мне воду, вставая рано,
 Бегать с почтой, следить за конюшней,
 Я властитель твой, обезьяна».

4.

— «Тот, далекий живет за снегами,
 Что к небу ведут, как ступени,
 В городе с большими домами
 И зовут его люди — Ленин.
 Он дает голодным корочку хлеба,

Даже волка может сделать человеком,
 Он большой сагиб перед небом
 И совсем не дерется стэком.
 Сами из магражского рода,
 Но свой род для него уронит—
 Для бритья будет греть ему воду,
 Бегать с почтой, чистить его пони...
 И за службу даст ему Ленин
 Столько мудрых советов и рупий,
 Как никто не давал во вселенной,—
 Сами всех сагибов погубит».

5.

— «Где слышал ты все это, несчастный!»
 Усмехнулся Сами лукаво:
 — «Там, где белым бывать опасно:
 В глубине амритсарских лавок.
 У купцов — весь мир на ладони
 Они знают все мысли судра
 И почему в Рахилькенде кони,
 И какой этот Ленин мудрый».
 — «Уходи», — сказал англичанин.
 И Сами ушел с победой,
 А сагиб заперся в своей спальной
 И не вышел даже к обеду.

6.

А Сами стоял на коленях,
 Маленький, тихий и строгий
 И молился далекому «Ленин»,
 Непонятному, как ноги.
 Чтоб услышал его малые просьбы
 В своем городе, до которого птице
 Долететь не всегда удалось бы,—
 Даже птице быстрее зарницы,
 И она б от дождей размокла,
 Слоп бежал бы и сдох от бега,
 И разбилась бы в бурах, как стекла,
 Огненная сагибов телега.

7.

Так далек был этот Ленин,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно
Точно маслом намазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовонный полные ведра.
Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком,
Никогда его больше не ударит
Злой сагиб своим жестким стэгом.

Николай Тихонов.

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ И ЛИ-ЧАНЕ.

В Пекине люди из разных стран,
В Пекине так много улиц.
По улицам долго бродил Ли-Чан,
Забитый китайский кули.

Потом на полях. Надсмотрщик зол.
Что ни день больно бьет Ли-Чана.
С тех пор, как Ли-Чан на поля пришел,
Не спина у него, а рана.

На полях, где растет ароматный чай,
Раз повеяло теплым ветром.
Коренастый прохожий в полях невзначай
Потерял листок газеты.

И один из рабочих, избитый, больной,
Прочел про страну такую,
Где правят своею свободной страной
Не мандарины, а кули.

И там, на смятом, газетном листе,
Что лежал на дрожавших коленях,
Нарисован был старший свободных тех,
И имя стояло: Ленин.

И бедные кули на чайных полях
С тех пор ежедневно, ночью,
Слагали десятки прекрасных саг,
Как Ленин сумеет помочь им:

О том, что должен пасть мандарин,
Что с полей риса и чая
Ленин созовет в мятежный Пекин
Кули всего Китая.

Днем под солнцем. Днем под хлыстом.
Ночью — в кругу на коленях,
Мечтали долго. Шептались о том,
Кто в России зовется: Ленин.

И глядели на старый измятый лист,
На прищуренный глаз портрета.
Долго глядели, забывши хлыст,
На измятый лист газеты.

Выгнан Ли-Чан. Снова попал
В Пекин, неудобный город.
Много улиц. Течет толпа.
Ли-Чана грызет голод.

Вдруг слышит Ли-Чан газетчика крик,
И в крике слышит волнение:
Умер самый большой большевик, —
Умер в России Ленин.

Ли-Чан качнулся. Ли-Чан побледнел,
Потемнело в глазах Ли-Чана,
Ли-Чан на ступеньку дома присел,
Ли-Чана глаза в тумане.

Умер Ленин. Как же они?
Как же китайские кули?
Неужто всю жизнь таскать свои дни
Под хлыстом и угрозой пули.

Умер Ленин. Тот, что с листа
Подал к восстанью знак им.
Никогда не плакал Ли-Чан от хлыста,
А теперь Ли-Чан заплакал.

М. А. П. П.

МОСКВА НОЧЬЮ.

Не в бой идет рабочая Москва,
 Не возмущеньем переулки взмыты.
 Хрустят, звенят заснеженные плиты
 Под мерный шаг и скудные слова.
 Не для отпора, череду колонн
 Собирают молча площади ночные.
 Склонились шелестя знамена боевые.
 Их красный пламень черным окрашен.

* *

С вождем прощается Москва,
 А вождь — в гробу.

* *

Привезли его — в первом часу.
 Отнесли его — к серому дому.
 Слабым простим слезу,
 Твердым — их боль до надлому.
 Привезли его — в первом часу,
 Отнесли его — к серому дому.
 Этому дому нужно крепко стоять,
 Его ступеням — не стереться:
 Миллионы по ним пройдут,
 Миллионы с бьющимся сердцем.
 Коридорам его — не гудеть,
 Его зеркалам — не светиться:
 Ведь может Москва разглядеть,
 Как за ночь худеют лица.
 Нам унынье не к лицу,
 Слезы — не в привычке.
 Стой, как следует борцу,
 На военной перекличке.
 Умер вождь, но живо дело...
 Начал он, докончить нам.
 Товарищи, смело
 По его стопам!

Нашу волю, что Лениным скована,
 Не раскуешь.
 Шагает взволнованно
 Молодежь.
 Твердо идут рабочие,
 Тихо проходят дети...
 Эти скорбные ночи —
 Фундамент столетий.

* *

Не в бой Москва к плечу плечом,
 Не на торжественное собрание,
 В Колонном Зале скорбное прощанье,
 Последнее прощанье с Ильичем.

М. А. П. П.

ЖИВ ИЛЬИЧ.

Товарищ, тверже! Спину не гни!
 Зорче заглядывай вдаль.
 Помни: попрежнему ярки огни,
 Не потускнела звезда.
 Шагом твердым руби, руби
 Через ухаб, сугроб.
 Больше к заветам его любви —
 Меньше будет печалить гроб!
 Тот не боец, кто юныи распушит.
 Или слезой изольет печаль,
 Для Ильича не надо грусти, —
 Верить надо в завет Ильича!
 Пусть не туманит взора прах,
 Не наполняет сердце страх,
 Да пронесется единый клич:
 Умер, но жив Ильич!..

М. А. П. П.

Ленин — солнце грядущего!

Из лозунгов МК РКП.

В ИЗБЕ.

Старые копченые палати.
 Едим запахом пропитана изба.
 Шубы, кафтанишки, валенки и лапти,
 Шапки мужиков, платочки баб.
 Нынче к вечеру газету
 Сельсовет из волости привез.
 Секретарь прибавил в лампу свету,
 Оседлал очками нос.
 И прочел отчетливо и громко:
 «В шесть часов и пятьдесят минут
 Умер председатель Совнаркома!..»
 И внезапно — тишина и жуть.
 Тишина, в которой смерть и жизнь —
 Неразлучными друзьями.
 Словно полные колосья у межи,
 Мужики косматыми поникли головами.
 — Эх, знать, сила силу бьет с плеча...
 — Братцы, милые, да правда ль это?
 Правда ль, что не стало Ильича?
 Може брешет нам газета?

* * *
 Эх, учитель, нам поверить как?
 Твоя жизнь и смерть — легендой стала.
 Но уж если слезы потекли у мужика,
 Значит, правда — Ильича не стало.

М. А. П. П.

Ленин умер, но осталась созданная им коммунистическая партия — сплотим теснее вокруг нее наши ряды.

Из лозунгов МК РКП.

И БУДЕТ ЖИТЬ ИЛЬИЧ!

Отец и мать с утра ушли к заводу,
 Оттуда — на вокзал — последний раз встречать...
 И Ваську тянет... тянет... тянет за ворота,
 Туда... увидеть Ильича.

Со стенки он всегда глядел, слегка прищурясь,
 И Васька знал, что он совсем не злой.
 Свой детский лоб по взрослому нахмутив,
 Слезинку стер из глаз рубашечнойолой.

Он знал, что он из лучших самый лучший,
 И горе маленьким умом сумел постичь,
 И Васькино сердце тяжело мучит,
 Что умер тот прищуренный Ильич.

И Ваську давит горькая забота,
 И горе сводит Васькин детский лоб,
 И Ваську тянет, тянет за ворота,
 Туда, где старшие несут тяжелый гроб.

Рабочие в шеренгу у вокзала
 Последний раз стянулись пред вождем.
 Морщина каждый лоб сильнее взрезала,
 И каждый лоб был горем взбожден.

Встречать вождя. Встречать последней встречей,
 Потом... потом... глухую боль стереть,
 Сказать ему простой, рабочей речью:
 «На Пресне мы, в Замоскворечьи, —
 На фабриках — Ильич не может умереть».

Качался красный гроб... Заплаканный Бухарин,
 Держинский, Каменев, Калинин, Рудзугак,
 Крестьянин-делегат и кто-то старый-старый —
 Вокруг вождя в сплотившихся рядах.

И вдруг... меж них... как будто строй разомкнут,
 Среди седых вождей, седых большевиков
 Пробился русской детской головенкой
 К нему, к родному, Васька Ермаков.

Под детским лобиком забота унялася —
 По-своему сумев вождя постичь,
 И этот маленький заводский Вася
 Пришел сказать: люблю тебя, Ильич!

Высокий, ясный лоб не мыслит в красном гробе,
 И жизни Ильичу из гроба не настичь,
 Но маленький Васюткин детский лобик
 Впитает Ильича. И будет жить Ильич!

И с б а х.

МУЖИЦКИЙ СКАЗ О ЛЕНИНЕ.

И сухошавая серолицая хуторянка, с пеплом седины на выбившихся из-под бабьей повязки волосах, с выцветшими черными глазами, рассказала не спящим сказку про Ленина. Как Ленин с царем народ поделил:

— «Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал. «Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Известного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И грозит этот самый человек: на царя Миколая приду, всех царевых солдатом одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородия и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пушу, слово такое есть у меня». Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплеснул, громким голосом воскричал: «Отпишите скорейча человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленину, пусть не ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, генералов моих, начальников, офицеров-благородия, а за то отдам я человеку тому полцарства моего!» Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обгочили перья вострые, отписали тому Ленину: «Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколая со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаева без бою, без ругани». И мало ли, много ли, а в скорости прислал ответ письменный тот человек, чину-звания неизвестного, без

пашпорту, а по прозванию Ленин. И отписывает Ленин царю-Миколашке: «Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь-Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерниям, ни по уездам, ни по волостям. А вот как; прописываю я тебе, на какую дележку с тобой я согласен, и чтоб без никаких больше разговоров. Забирай ты себе, царь-Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородия со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аплетами, с супругами благородными, с детьми их белокоственными. Господинов-помещиков со всем их богатством, с одеждой шелковой и бархатной, с посудой серебряной позолоченной, с супругами ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною, и из банков пушай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казною, и с машинами, и со всем их заводским богатством. А мне отдавай всю черную кость: мужиков, солдатом, фабричных, с немудрящей ихней шарборой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для нахотьбы». Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: «Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие. И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость безо всякого способа. А на тую казну мы себе другую черную кость найдем, из тех нанятых в солдаты заберем, и будем жить опять в покое да в богатстве». Набежали тут опять к царю спешно-спешно, с задышкою, многие люди ученые, обгочили перья вострые, отписали тому Ленину царевое согласие. А насчет надсмешки и не гукнули, чтоб не одумался, не пошел на них с тайным словом своим. И мало ли, долго ли, а в скорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужикам и фабричным. А царь с костью белую уж подальше отъехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий крестьянский человек и говорит им: «Товарищи, здрав-

ствуйте». Куда глаз хватил, всех за ручку подержал и объявил громким голосом: «Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только вы меня слушайтесь,—я всем наукам обученный и своих товарищей на худое не выучу». Солдаты по солдатей своей выучке сейчас: «Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь». Фабричные, городской народ — грамотный, со споровкою, тож ему не прекословили. А мужики изобиделись, что в расчете просчитался он, зашумели, загалдели, задвигались: «За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились». Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: «Не галдите, не корите, забирайте землю-скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Не хватило бы казны той про вас, как есть вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А нащел того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю, еще неполное. Не докумекал маленечко. Но есть у меня другое, достоверное на всю черную кость по всей земле. Как скажу его, пигде белая кость не найдет себе ни солдат, ни работничков. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять». И мало ли, долго ли, а в скорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И отписывает в том известии Миколашка-царь: «Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородия, как кони стоялые, без солдат наших. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уж поканчивают, одежду из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои,—без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики мои все машины посбивали, перепортили. Как нету споровки у них, по-книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймаётся, под твою руку прёт, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородия, чтоб отбить

нам назад к себе всю черную кость». И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородия команду на солдата кричать, войски туды-сюды передвигивать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в их жила тонкая. И не долго им на белом свете выстоять»...

Л. Сейфуллина.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Тенью истемпя весенний день
 Выклеен правительственный бюллетень.
 Нет!
 Не надо!
 Разве молнии велишь:
     — не литься! — ?
 Нет!
     не оковать язык грозы!
 Вечно будет
     тысячестраничный
 Грохотать
     набатный
                     ленинский язык.
 Разве гром бывает немотою болен?!
 Разве сдержишь смерчь —
     чтоб вихрем не кипел?!
 Нет
     Не ослабеет ленинская воля
 В миллионосильной воле Р. К. П.
 Разве жар
     такой
                     термометрами меряется?
 Разве пульс
     такой
                     секундами гудит?!
 Вечно будет Ленинское сердце
 Клокотать
     у революции в груди.

Нет!
 Нет!
 Н-е-т!
 Не хотим,
     не верим в белый бюллетень!
 С глаз весенних сгинь навязчивая тень.

В.л. Маяковский.

КОМСОМОЛЬСКАЯ.

Смерть —
 не сметь!

Строит,
     рушит,
         крит
             и рвет,
 Тихнет,
     кипит
         и пенится,
 Гудит,
     говорит,
         молчит
             и ревет —
 Юная армия:
     ленинцы.
 Мы
     новая кровь
         городских жил.
 Тело нив.
 Ткачкой идей —
     шить.
 Ленин —
     жил,
 Ленин —
     жив,
 Ленин —
     будет жить!
 Залили горем,
     Свезли в мавзолей

Частицу Ленина,
                     тело;
 Но тленью не взять —
                     ни земле,
                     ни золе —
 Первейшее в Ленине —
                     дело.

Смерть,
     косу положи!
 Приговор лжив.
 С таким
     небесам
     не блажить.

Ленин —
     жил,
 Ленин —
     жив,
 Ленин —
     будет жить!
 Ленин —
     жив
         шаганьем Кремля, —
 вожди
     капиталовых пленников.
 Будет жить,
     и будет
         земля
 гордиться именем:
     Ленина.

Еще
     по миру
         пройдут мятежи.
 Сквозь все межи
 Коммуне
     путь проложить.
 Ленин —
     жил,
 Ленин —
     жив,

Ленин —
будет жить.
К ведению смерти,
старой карги,
Гонимой в могилу
и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
товарищи.

Тверже
печаль держи!
Грудью
в горе прилив!
Нам
не ныть.
Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить!
Ленин рядом.
Вот!
Он!

Идет
и умрет с нами.
И снова,
в каждом рожденном рожден, —
Как сила,
как званье,
как знамя.

Земля,
под ногами дрожи.
За все рубежи!
Слова —
взвивайтесь кружить.

Ленин —
жил,

Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить!
Ленин ведь
тоже
начал с азов, —
Жизнь
мастерская геньина: —
С низа лет
с класса низов —
Рвись
разгромадиться в Ленина!
Дрожите дворцов этажи.
Биржа нажив!
Будешь,
битая
выть.

Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить!

Ленин
больше
самых больших,
Но даже
и это
диво.

Создали
всех времен малыши, —
Мы,
малыши коллектива.
Мускул
узлом вяжи.
Зубы ножи —
в знанье!
Вонзай крошить!

Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить.
Строит,
рушит,
крит
и рвет.
Тихнет,
кипит
и пенится.
Гудит,
молчит,
говорит
и ревет —
Юная армия —
..ленинцы.
Мы —
новая кровь
городских жил.
Тело нив,
трапкой идей —
нить.
Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить!

В. л. Маяковский.

Ленин установил братский союз рабочего и крестьянина; — укрепить этот союз — наша священная обязанность.

Из лозунгов МК РКП.

ТОВАРИЩ ЛЕНИН.

Он нам важен не как личность. В нем слилась для нас свобода,
В нем слилось для нас стремление, в нем — веков борьбы
града...

Он немислим без рабочих, он немислим без народа,
Он немислим без движения, он немислим без труда!..
Царство гнета и насилия мы поставим на колени!
Мы — строители Вселенной! Мы — любви живой струя!..
Он нам важен не как личность, он нам важен не как гений,
А как символ: «Я не Ленин, но вот в Ленине — и я!..»

А. Безыменский.

ПАРТБИЛЕТ.

Весь мир гробастуют рабочие ручища,
Всю землю шупают — в руках чего-то нет.
— Скажи мне, Партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил: «Партбилет.
Один лишь маленький, а сердце задрожало,
И в сердце дрогнула последняя тропа.
Вчера я только лишь в руках его держала,
Но смерть ударила, и партбилет устал.
Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Ужели нет его, и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерял,
А в теле Партии зияющий провал».
Я слушал Партию и боль ее почувал,
Но сталью мускулов наполнилась рука.
— Эй, слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я.
Тебя приветствует рабочий от станка!
Пусть сердце сдавлено и боль неимоверна,
Тебе на помощь я пошлю миллионный вал.
Вал пролетариев под знаком Коминтерна
Заполнит в Партии зияющий провал.
И первый я иду. Я — из страны Советов,
Ты слышишь, Партия? Даю тебе ответ:
Пройдут лишь месяцы, сто тысяч партбилетов
Заменят Ленинский потерянный билет.

А. Безыменский.

БОЕВАЯ ЛЕНИНСКАЯ.

Труд, труби, труд, труби
Труд, труби
В трубу!

Бей, барабан, бей, барабан,
Бей, барабан,
Борьбу!

Жалких слов бесстыдную ораву
Враг наш выбросил, радость жуя,
Эй, пролетарии! Грянемте славу,
Славу Ленину,
Свергающему буржуа.

Знаем мы, что ленинское сердце
В каждом восставшем рабочем живет.
Мы еще увидим
Ленина в красноармейце,
Штык вонзающем
В панский живот.
Мы его увидим
В траурной мессе,
Месса о каждом свергнутом короле,
Или в рабе,
Сжигающем поместье
На потрясаемой в битве земле.

Ленин жив
Во вражеской брани,
В каждой стачке, в уличной борьбе.
Мы его увидим
В каждом восстаньи,
В каждой битве под знаком РКП...

Если б знали — бились лбом бы
Сотни поющих ныне подлиз.

Ох, как грохнут буйные бомбы,
Волей Ленина
Брошенные в капитализм!
Сколько Лениных, сколько знакомых,
Сколько будет
Живых Ильичей
Во всеместных наших ревкомах,
Завоеванных
Без
Речей!

Нынче он — ленинизм —
В рабкоре
Или в пониженных ценах сапог, —
Будет день:
Сегодняшнее горе
В радость революции вылетит Восток.
Нынче он
В работающем тресте,
В деле смычки, в мелочи любой, —
Будет день:
Вселенское поместье
Мы построим нашей борьбой.

Нынче Ленин — молнией
И громом
На бесхозяйственность в наших рядах, —
Завтра он —
Всемирным Совнаркомом
Подымает ленинский стяг.

Пролетарии! Слезы льются?
В даль глядите:
Вам, крича,
Машет Ленин.
— Всемирную революцию
Воздвигай
Над гробом Ильича!

Пой, греми рабочим восстаньем!
Болью боль — борьба борьбой.

Это мы сегодня с тобой
 Боевую
 Ленинскую грянем:
 — Труд, труби!
 Труд, труби!
 Труд труби
 В трубу!
 Бей, барабан!
 Бей, барабан!
 Бей, барабан,
 Борьбу!

А. Безыменский.

РАЗГОВОР С СОЛНЦЕМ.

(В. И. Ленину).

Виснет, виснет весна на скате.
 По карнизам лучи шуршат.
 Солнце,
 Старый и добрый приятель,
 Поговорим по душам!

Знаю, знаю — в партийном стаже
 Ты меня переросло...
 Вот посмотрим, что ты расскажешь
 Парой пежных и нужных слов!

Ты молчишь? Ну так что-ж? Изволь: я
 Сам скажу, как в застенке тьмы
 Ты томилось в глухом подпольи,
 В ледяных подвалах зимы...

Как потом, когда надо рушить
 Льды — в потоки, зимы — в прах,
 Золотило штыки и души
 На бесчисленных фронтах!..

Вдруг — окошко в багряных пятнах.
 И в глаза мне — червонная пыль.
 Ах, так значит, примчался к закату
 Запыхавшийся автомобиль.

И помчал, и помчал за вечер,
 За Юпитер, за Марс... на доклад.
 А ко мне, а ко мне на плечи
 Грузно взваливался закат...

Прощай, а завтра на росе,
 Я думаю, ты будешь радо
 Зайти на миг в РКСМ
 Для инструкторного доклада!

Прощай, но в голубых потьмах,
 В ночах,
 Мигающих и сонных,
 Не забывай о сыновьях,
 Твоею лаской обожженных!

По утру в реки и ручьи
 С горячей, тепловою данью
 Гони, гони свои лучи
 На коллективное купанье!

Да не забудь зайти на площадь
 И лучевой рассыпать град
 На флаги, на людские рощи!
 И лучевой рассыпать град
 На человеческую юность!..

Над первомайскою трибуной
 Ты —
 Будешь принимать парад!

Александр Жаров.

Рабочие и крестьяне! Пойдем все по стопам Ленина и будем
 твердо хранить его за сты!

Из лозунгов МК РКП.

Дело Ленина переживет столетия.

Из лозунгов МК РКП.

ВОЖДЯ НЕ СТАЛО: СОМКНИТЕСЬ, ЗВЕНЬЯ!

Тесней, отряды!
Сомкнитесь, звенья!..
В рабочем мире
Промчался клич:
Учитель умер. Умер Ленин!
Вождя не стало, ушел Ильич!..

— Ленин умер? Не верим!..
Взгляд Ильича погас?!
Докажем, пионеры,
Что Ленин жив средь нас!

Мир тревогой пенится.
Слушай грозный зов:
Будь готов
Стать ленинцем.
— Готов!

Знамена, рейте!
Вот наша клятва:
Ильич был — сеятель.—
Мы — снимем жатву!

Вождя не стало.
Мы будем верны
Словам призывным
Его знамен!
К борьбе готовьтесь,
Эй, пионеры!..
— Заветы Ленина —
Вот наш закон!..

Не верим, что умер Ленин.
Мы это не можем постичь!
В сердцах молодых поколений
Бессмертен,
Бессмертен Ильич!..

Мир тревогой пенится.
Слушай грозный зов:
Будь готов
Стать ленинцем!..
— Готов!!!

Страх сомнений, сгинь!
Тревог в дыму нет.
Мы все по-ленински
Пойдем к Коммуне!

Дружней, отряды,
Смыкайте звенья!
Мы вырастаем,
Как лес в дождях!
Вождя не стало. Умер Ленин!..
Но вечно жив для нас
Пример вождя!..

В нашем последнем «прости» —
Крик не умолкнет дерзкий!..
Ленина
Мы возрастим
В крепких рядах пионерских!

Мир тревогой пенится.
Слушай грозный зов!
Будь готов
Стать Ленинцем!
— Готов!!!
— Всегда готов!!!

Александр Жаров.

Коммунистическая партия до сих пор была сильна поддержкой рабочего класса — теперь долг каждого рабочего еще сильнее поддерживать свою партию.

Из лозунгов МК РКП.

Ленин вывел нас на верную дорогу к коммунизму. Смелее вперед, без страха и сомненья!

Из лозунгов МК РКП.

КРАСНЫЙ КОРМЧИЙ.

(Владимиру Ильичу Ленину).

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке боевой
Стоит и держит путь свой звездный
Мятежный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные
Под ветром свежим паруса...
Смешались с плеском волн стальные
Команды красной голоса.

Плывут к земле обетованной
Язвы наших славных дней,
И блещет им в дали туманной
Колхида прелестью своей.

Глаза горят у рулевого...
Надвинув серый капюшон,
Колосса он ведет стального
Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская,
В мечтах о вольности морей,
Не спит команда боевая
У огнеопасных батарей.

Фрегат ли, бриг бежит навстречу,
Пылая жалкою враждой,
Он гибнет сразу в жаркой сечи
И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозой,
То в тучах небо, то ясно,
Но неизменную рукою
Все управляется судно.

Уже над водною пустыней
Сверкнув, как выстрел, с корабля
Прогрохотал в просторе синем
Многоязычный крик — «Земля».

Завыли зычные сирены,
Как чайки, взмыли вымпела,
Дождавшись светлой перемены,
Заря свободная взошла.

И кормчий, светом озаренный,
По успокоенным волнам
Повел стальные легионы
К далеким, чудным берегам.

Илья Ионов.

ЛЕНИН.

I.	И опять
Комната.	Засочился раной
Лент телеграфных аршины.	Обезумевший аппарат.
Аппарат.	И над бьющейся головой
У стола затаенный свет.	человека
Как всегда...	Поднялся телеграф
А теплые губы машины	И
Шопотом:	Рухнул, крича,
— Нет...	На колени.
— Нет...	— Ильича!!
— Нет...	И услышала проводов про-
Нет!!	сека
И с губ, перекошенных в	— Ильича!!
вене,	— Ленина!
В грохоте,	Ленина!
Вое,	Ленин!!!
Шуме	
Вырвалось:	II.
«Нет... Ленина!	Мерным
Ленин... Умер!!!»	Тяжелым боем
Телеграфист шагнул,	Билось железное сердце
Покачнулся пьяный	Заводов
И такую же весть	В свисте и скрипе ветра,
Передал в ветра.	Деревня
	Закопалась старушкой.

И вдруг...
Пушкой
Бабахнула весть:
— Слу-
шай-
те,
го-ро-да...
— Бе-да!!

И глуше:
— Де-рев-ня...
слу-шай:
— Ленин!..
— Спокойствие!
Месть!
— Не рыдать!
И города
В свист и в тяжелую тьму
По одному:
— Есть!
— Есть!
— Есть!

Городов не счесть,
Но в городах — завод
И,
Как осенние воды,
Заводы —
В грохоте человеческой реки.
И у каждой рабочей руки,
У руки из живого мяса,
Котлом паровым —
В воздух
И в дым
Лопнуть готовые вены.
Дрогнули стены...
Казалось:
Минуга... Минута...
Один,
И другой,
И третий,

Встретив
Зрчками зрчки,
Отойдет
И... встанут, крутятся, станки,
Перестанут
Шуршать
Приводы.
И встанут заводы,
И под дыханьем смерти
Мертвые подымутся города
И вокзалы.
Казалось:
И... З...
Задымила первая фабрика,
Другая,
Шагая
Железными каблучками
О камень
Тронулись по дорогам трамваи
Хромая,
Пошли паровозы,
Грузовики,
Пешеходы.
К станкам подойдя,
Стали, бледнея, люди,
И груди
Вздохнули не в такт мехам.
Только —
Отдан приказ глазам.
Только!
Глазами приказ отдан:
На пол завода,
Ни слезы!
Ни дождя!
Будь медным,
Это рабочие
Выполняли победно
Последний
Приказ вождя.
Сергей Малахов.

НЕТ. СЕГОДНЯ СТИХОВ НАМ МАЛО.

Нет. Сегодня стихов нам
мало,
Хочется кровью кричать:
Не стало,
Не стало,
Не стало
Нашего Ильича!
Сомкнулись глаза навеки,
Глядевшие в глубь веков;
Мысли иссякли реки,
Нас мчавшие далеко.
Сомкнулись навеки губы —
В них были слова, как
ножи...
Пойте печально, трубы:
Ленина кончилась жизнь.

Нет Ильича...
Эта мысль нам
Слишком горька... гони
прочь ее...
Не Ильичева ли лысина
Вон у того рабочего?
Не Ильич ли глядит из глаз
Всякого красноармейца?
Ильич не умер! Он в нас!
В каждом сердце имеется!
Он в делах, он в мыслях,
в словах
Пролетария всякого,
В рабочих он жив головах,
И алеет в сердцах гордый
стяг его.

Роман.

В. И. ЛЕНИН.

Стальное имя мир зажгло
И просквозило мрак и тени;
Гроза на красное крыло
То имя вывесила; Ленин.

Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой.

Гроза растет везде, везде.
 Нет в мире мертвого покоя,
 Где люди высохли в труде,
 Там блещет имя огневое.

Громом орудий и т. д.

Уже текут со всех сторон
 Народы на призывы грома...
 Потомки не забудут звон
 Стального имени Наркома...

Громом орудий и т. д.

В. Александровский.

Маркс — весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если бы он даже не был основателем Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас... Наоборот, Ленин весь в революционном действии, его научные работы — только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем III Интернационала.

Л. Троцкий.

Гений Ленина подсказал партии единственный правильный выход: опереться в натиске на капитализм и войну, на союз рабочего класса с крестьянством, и мудрой политикой обеспечить революционному, героическому, но малочисленному рабочему классу поддержку крестьянских резервов страны.

Е. Преображенский.

ТРАУРНЫЙ МАРШ.

Песен моих кумачевое пламя
 В черный огонь перелейся. Встань
 Там, у оврага его, скорбное знамя!
 Сердце, траурный марш барабань!

К алому гробу, войско поэта!
 Верные рифмы, стройся в ряды!
 Были в победах, будем и в этом
 Жутком параде народной беды.

Знаю — достойной песни не сложим:
 Образ вождя величав и высок...
 Время — художник любовно положит
 Тот огневой и последний мазок.

Песни мои, встречавшие звоном
 Семь нагруженных огнем кораблей,
 Взвейтесь прощальным, траурным стоном
 Над неизбывной печалью полей.

Черной тревоги сегодня не скроем, —
 Это умолк мировой набат,
 Осиротевшим, рыдающим строем
 Выйдем к нему на последний парад.

Полчищ народных любовное море
 Гроб твой поднимет — багряный челнок,
 Дум величавых бессмертные зори
 Смерть не загаснет, не скроет песок...

Вот оно крепкое красное пламя
 Верных, вскормленных тобою орлят.
 Звездною конницей движется время,
 Красные птицы в небе парят.

Гроб отдадим мы, но знамя не сменим,
 Пусть же узнает и друг и враг:
 В битвах грядущих не дрогнут колени —
 Ленино сердце — наш пламенный стяг!

Вл. Кириллов.

ЛЕНИН.

В чьем сердце не биение — бой!
 Чье сердце — красное, живое знамя!
 О, буревестник мировой,
 Бушующий миллионными руками!
 О зоркий вождь, ты на высотах гор,
 Где пролетарии — вулканы, скалы, кражи, —
 Где пролетарии твой взор,
 Твой взор поставили на страже.
 Историю, работницу времен,
 Упавшую перед парадным ходом,
 Циклоном толп влеком и вдохновен,
 Стремительно повел заводом.
 И вот грохочет Новый Год —
 Короны падают, как звезды ночью пылкой,
 И содрогается громоотвод,
 Воздвигнутый над биржей-Учредилкой.
 Сигнальным Октябрем
 Россия вспыхнула, и в муках бури
 Коммуну мы куем, куем
 Тяжелыми молотами диктатуры.
 Европы грудь
 Вздывается в мозолистом восстаньи,
 Готова глубоко вдохнуть
 Советов свежее дыханье.
 Несется и трясет гроза
 Зевоту Будды, Браммы и Шамана,
 И отряхает раб раскосые глаза
 От векового сонного тумана.
 Вселенная меняется лицом,
 Вселенная на капитал восстала
 Широким огненным кольцом
 Рабочего Интернационала.
 В чьем сердце не биенье — бой!
 Чье сердце — красное, живое знамя!
 О, буревестник мировой,
 Бушующий миллионными руками!

В. Казин.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ.

— Шоффер, поворачоти в Москву...
 — Я не могу, тов. Ленин, —
 Мне не велели... — Берегут,
 Все думают, что я болею...
 Повороты к Кремлю — веди:
 Ужели путь туда потерян?
 Я вождь пролетариата... — Есть.
 Шоффер не смеет больше спорить:
 Он сердцем чует — это честь
 Быть в заговоре с великаном.
 Протягивает к рычагу
 Окрепшую вельем руку.
 Сирены встречных берегут,
 Автомобиль берет заставу,
 Летит, точно корабль в снегу,
 Его восторг мотором правит,
 Он повторяет ропот губ:
 «Это последнее восстанье,
 Это последнее свиданье,
 Последнее прости Кремлю».

Охвачен радостью по горло
 От ног до кончика штыка,
 Что видит снова Ильича,
 Тот простоватый постовой,
 Что будет годы после гордо —
 Старик в кругу своих внучат —
 Рассказывать, что он сказал
 Ему последнее «свободно».

— Ко ВЦИК'у — стой.
 И сходит тихо
 Ильич, вбегает бодро вверх;
 Стучат машинки, спорят, пишут, —
 Горит работой мозга Кремль.
 Работой и весельем дышит...

Он вспоминает тот апрель,
 Когда писал рабочим письма
 Горящие... Вот это дверь —
 За ней он годы просидел,
 Но показались мгновеньем.
 Еще бы час такой иль день,
 Покрытый подписями — Ленин!
 На стенке старый бюллетень:
 Температура, сердцебиенье...
 Он точно птица прилетел
 И выпорхнул под шопот: «Ленин»... —
 Его узнали... Вновь шоффер,
 Волнуясь, как заговорщик,
 Летит сквозь уличную дверь,
 Опознанный Москвою, в Горки.
 Он обернулся у заставы;
 Ильич, оборотясь, глядел,
 Как в дымке Кремль и город таял,
 И на мгновенье, точно тень,
 Мелькнула по крутой щеке,
 И взор взглянул мгновенной раной.
 Но гордый въехал в Горок двор
 И спрыгнул так легко, как прежде:
 — Теперь меж нами разговор —
 И улыбнулся другу нежно:
 Спасибо, означал тот взор.
 Не бред и не болезнь, а правда —
 Не спится Кремль, а плещет флагом
 И машет молниенной грозой, —
 Прибоем катится на Запад...
 Какую северною сагой
 Распеть последний этот день,
 Когда перед его глазами
 Стоял несокрушимо Кремль?!

Д. М. Петровский.

КАПИТАН.

(На смерть Ленина.)

В черном шторме возник красный корабль,
 «Революция» — имя ему!
 Он врывается в зыбь, разрывает ветр
 И стремится, стремится сквозь тьму.
 Как литые из стали напряглись паруса,
 Как струна, каждый вант звенит,
 И кинжалом вонзается в грудь небес
 Упорный и острый бушприт.
 Он должен поплыть по всем морям,
 Зайти в каждый порт, —
 Всех обездоленных, всех рабов,
 Принять к себе на борт,
 И с ними опять через моря
 К земле коммунизма плыть,
 И успокоенные паруса
 В гавани Счастья спустить.
 Но зыбь свирепствует, шторм ревет,
 В трюме открылась течь,
 И едва у матросов хватает рук,
 Чтобы на помпы налечь,
 У матросов едва хватает рук,
 Чтобы шкоты крепить, —
 А ветер такой, что любой трос
 Лопается, как нить.
 Но страха нет в матросских глазах,
 Их взор — бодростью пьян:
 На тонком мостике, у руля,
 Стоит сам Капитан.
 В пальцы его впаян штурвал,
 Взгляд его раскален,
 И куполом властным огромный лоб
 В черную бурю взнесен.
 Он знает — куда, он знает — когда
 Повернуть тяжелый штурвал.
 Он умеет форштевнем разрезать вдруг
 Пополам любой вал.

В рупор матросам умеет он
 Крикнуть бодрый приказ, —
 И в ответ непреклонным огнем горят
 Миллионы мятежных глаз.
 Ибо команда и Капитан
 В своем порыве — одно,
 И общее сердце миллионов людей
 В его груди зажжено.
 Ветер — ничто, зыбь — ничто,
 Подкралась смерть вдруг,
 И зашатавшийся Капитан
 Выпустил руль из рук...
 На мостике тонком лежит в гробу,
 Покрыт штормовым плащом,
 Но и сквозь веки и мертвый взор
 Все тем же полон огнем.
 И матросы, как раньше, все на местах,
 Все на своем посту,
 Как прежде, корабль непреклонно идет
 Сквозь бурю и темноту.
 Пусть Капитана с ними нет, —
 Руль помнит его нажим,
 Тысяча юнг' станет к рулю,
 И руль покорится им.
 Ведь в рубке старая карта лежит,
 На которой сам Капитан
 Наметил румб и означил путь
 К берегам Счастливых Стран.

Г. Шенгели.

С именем Ленина в сердцах напряжем свою волю к победе
 над буржуазией и власти над миром.

Из лозунгов МК РКП.

Вместе с пролетариатом Ленин готовил восстание для того,
 чтобы восставший пролетариат взял власть.

Л. Каменев.

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА.

Не только здесь, у стен Кремля,
 Где сотням тысяч — страшны, странны
 Дни без вождя. Нет, вся земля,
 Материки, народы, страны,
 От тропиков по пояс льда,
 По всем кривым меридианам,
 Все роты в армии труда,
 Разрозненные океаном, —

В тревоге ждут, что будет впредь,
 И, может быть, иной — отчаян:
 Кто поведет? Кому гореть,
 Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он? —
 Воль миллионных воплощенье,
 Веков закрученный циклон,
 Надежд земных осуществленье?

Пусть эти воли не сдадут.
 Пусть этот вихрь все так же давит.
 Они нас к цели доведут,
 С пути не сбьются нас — заставят.

Но не умалим дела дел!
 Завета грудного не сузим!
 Как он в грядущее глядел,
 Так мир сплотим и осоюзим!

Нет «революций», есть — одна
 Преображенная планета!
 Мир всех трудящихся! И эта
 Задача — им нам задана!

Валерий Брюсов.

Не говоря о будущем, можно смело сказать, — никогда в таком
 количестве и столь глубоко не переживало человечество потери
 отдельного человека.

М. Калинин.

ЛЕНИНСКИЙ ДОПРИЗЫВНИК.

Разве солнце погаснет в веках?
 Разве юность ненастьем печалится,
 Если над миром
 Ленинская рука
 К новым победам тянется?
 По старому, ну-ка, целься.
 Наша жизнь, наша явь впереди.
 Не умрет комсомольское сердце
 У Коммуны в груди.

Знаю: веселый малый,
 Глаза весны веселей,
 Сердце игрой небывалой
 Струилось с ранних дней.
 И лет всего девятнадцать,
 Девятнадцать зеленых лет, —
 Он песней готов смеяться
 На целый свет.

А сколько Гришутке забот,
 Сколько собраний, ячеек!
 Знать:

Комсомол и завод
 Ему всего милее.
 Утром заводская глотка
 В синюю высь заорет,
 Завьет отцовы обмотки —
 И айда на завод.
 За городом вспыхнет восход,
 Крыльями зорь забьется,
 И вот грозовый завод
 Песенным хмелем льется.
 Любит Гришутка завод
 И неугомонную весель,
 Где каждая гайка поет
 Разливами ленинских песен.
 Скажет мать: — Гришутка,
 Дома побудь хоть миг.

Господи, господи, ну-тка!
 Сынок-то — оторва, большевик!
 — Полно, матка, понять ли тебе
 Комсомольское буйство? Понять ли,
 Если жизнь только в борьбе
 Растворяет свои объятья?
 Дело твое, матка,
 Бить пред иконами лбом,
 А мне — без оглядки
 Надо лететь в Райком.
 Комсомольцу печалей нету,
 Наше сердце — ленинский цвет.
 Знаешь, матка, партанкету
 Скоро заполнит свет.
 Чуешь, матка, кипеть, кипеть
 Сердцу, которое жизнью согрето.
 Мне сегодня в РКП
 Лететь за партбилетом.

Он любит в небе голубом
 Горячий день и весень эту,
 Когда и солнце
 В Мировом Райкоме
 Заполнит
 Партанкету.

Серафим Огурцов.

Ленина нет, но есть ленинизм.

Л. Троцкий.

Величайшие заслуги Ленина перед русской революцией состоят в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской схемы революции, отдающей рабочее дело на съедение буржуазии.

И. Сталин.

ПАМЯТИ ВОЖДЯ.

Зерно в сырой могиле сгнив,
Ростком из праха проколосось.
И на привольи летних нив
Зазолотился спелый колос.

Вождь угнетенных спит в земле,
В глубоком трауре — народы.
Но, опочив в могильной мгле,
Он шлет живым живые всходы.

Пусть отняла его у нас
Непрощенная злая гостья,
Нам ведомо, что каждый час
Рождает новые колосья.

Придет пора всемирных жатв,
Начало Третьего Завета —
И под серпами задрожат
Колосья Золотого Лета.

Дмитрий Семеновский.

Замечаю, что, говоря о Ленине, невольно хочется говорить обо всем — пожалуй, иначе и не может быть, потому что говоришь о человеке, стоящем в центре и выше всего.

М. Горький.

Пришел он к рабочим не как надменный учитель, он пришел как товарищ, он не только творил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорил ему рабочий.

Н. Крупская-Ульянова.

Гениальный стратег и тактик пролетарского движения... Ленин, как вождь пролетарской революции, это — олицетворение марксизма в действии.

К. Радек.

НЕ ВЕРИМ.

Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Великий командарм.
И как всегда любимый,
Движением руки
Ведет неотвратимые
Рабочие полки.

Стоит ли ночь глухая
Или гремит гроза,
Сверкают, усмехаясь,
Ленинские глаза.
Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Товарищ командарм!
Николай Полетаев.

ЛЕНИНУ — ПОЧЕТНОМУ ТАРТАЛЬЩИКУ
ГРОЗНЕНСКИХ ПРОМЫСЛОВ.

Нефть сегодня жирней и черней.
Тартальщики стиснули зубы.
Желонки кричат о разорванном дне
И плещутся нефтью грубо.

Пена бежит желтоватой каймой,
Заслонки в заржавленной пене,
И видится взгляду по нефти густой
Знакомое имя: Ленин.

Промысел горем железным убит.
Бьется мотор нефтекачки.
А темное знамя на вышке дымит
И по ветру горе маячит.

На тысячи метров впереди назад
Бросаются вниз желонки.
Серебряный веет упрямо канат
И гонит... Без усталости гонит...

Умер тартальщик вчера,
Кончил работу и слег
В то время, когда умирал
За промыслами гудок.

Черная нефть без конца
Брызжет из темных скважин.
Вышек толпится сад
И темною дышит сажей.

Черные дни. Промысла
 Нефтью сырою пропахли.
 Нефть словно смерть тяжела.
 Тяжела, как ночная вахта.

Надо всю нефть откачать...
 Бегут без конца барабаны.
 А гудки в переключке кричат:
 Ленин — Ульянов.

Н. Шуклин.

НА СМЕРТЬ ИЛЬИЧА

(Коллективная декламация-марш.)

Пионеры!	Пионеры!
Ленина нет!	Ленина нет!
Бросьте над миром клич...	Бросьте над миром клич, --
Пионеры!	Пионеры!
Умер наш дед!	Умер наш дед!
Умер наш дед!	Умер наш дед!
Ильич!	Ильич!

Что-же? Дальше пойдем —
 Смена старых бойцов.

Лозунг —
 Помни о нем!
 Помни о нем!
 И будь готов.

Наших отрядов шаг
 Будет звучать сильнее,
 Выше поднимем стяг,
 Дети его детей!

Пионеры!
 Ленина нет!
 Бросьте над миром клич!
 В битву!
 Так звал наш дед!
 Наш дорогой
 Ильич.

А. Иркутов.

Для встречи последней шли,
 Тихо было в рядах.
 Наши отцы несли
 Гроб на своих руках.
 Редкий слезы не лил.
 Море голов вокруг...
 Пионеры!
 Для нас он был
 Вождь!
 Учитель!
 Друг!

Больно сжималась грудь,
 Скорбь была горяча...
 Это последний путь,
 Последний путь Ильича...

НАМЯТИ ВОЖДЯ.

Тише!
 Тише!
 Обнажите головы!
 Теснее сомкните ряды!
 Я буду говорить о мертвецах Коммуны!
 Слушайте! Слушайте!

Там за красной чертой революций
 Кричите, спорьте, торжествуйте,
 С пеной у рта
 Брызгайте, как воду, яд на газетные строки.
 Бейте в бубны, трубите в трубы!
 Погасла звезда угнетенных народов
 Востока, Запада, Юга и Нового Света...
 Вождь умер.
 Но громче гремит Революция!
 Слушайте! Слушайте!

Пусть скорбью обольется народное сердце,
 В серую мглу устремляется грустный взор,
 Но крепче сжимает винтовку рука.
 Теснее, теснее ряды —
 Вождь умер,
 Но громче гремит Революция!
 Слушайте! Слушайте!

Сегодня толпы толп,
 Миллионы миллионов
 В Индии, Китае, Афганистане
 Со скрежетом скорби и боли
 Вложат ленты патронов в пулеметы.
 Вождь умер, —
 Но громче гремит Революция!
 Тише! Тише!
 Обнажите головы,
 Теснее, теснее ряды!
 Я говорю о мертвецах Коммуны.

А. Поморский.

* * *

До конца,
на посту — умереть.
Разве мало было героев?
В кумачевой советской заре
разве мало горячей крови?

Скажем вот, —
пожилой машинист,
жизнь пропарился около топки,
проводил запотелые дни
в раскаленной стальной коробке.

И — сгорел.
Словно кокс на огне.

А ведь поезд-то мчался быстро,
пожирая десятки дней,
что старик у топки выстрадал!

Позабыли,
не знаем имен.
Только знаем, что было много.
Кровь покрыла клочья знамен,
трупы устлали дорогу.

Но — великий,
великий погиб!
Кто бросал в движенье годы,
революций воздвиг шаги —
свою жизнь как солдат отдал.

Как солдат.
Как солдат на посту,
часовой рабочей вселенной,
под станков и орудий стук
умер Владимир Ленин.

Машинист.
Машинист бурных дней,
паровоза времен — революции,
у которого в топке, в огне,
живые сердца бьются.

Он сгорел, словно кокс на огне.
Пусть весь мир грустит над могилой —
маховые колеса дней
завертелись с удвоенной силой.

Л. Стальский.

ТРИНАДЦАТЬ¹⁾.

I.

Ваньке тринадцать, и сказываются тринадцать во всем. Словно тринадцать крохотных бесов прыгают они на Ванькиных радостях и тихо жмутся при его грусти. И сам Ванька маленький, щуплый, похожий на облезлого котенка, кажется меньше своих тринадцати. Это не он радостно шмыгает по отделениям, визжит и пожимает руку каждому встречному, когда от их фабрики в Московский Совет проходит коммунист, и не он в испуге свистит и тоненьким голоском кричит «долой», когда какой-нибудь меньшевик пытается «околпачить» его товарищей.

Это — тринадцать.

Сам Ванька тих и скромн, скромн и робок.

И когда — случается — сгущается над фабрикой гроза закрытия, всем нутришком своим чует Ванька, как тревожатся его тринадцать, и от этого выступают серые ложбинки на поклатом детском лобике, и уже не звенят в коридорах бубенчики его гортани. Тихой тенью бродит синяя промасленная блуза и не знает, куда податься.

К директору — трусит Ванька, хоть и знает, что директор — красный, свой директор — рабочий и коммунист.

Угнетает, что-то, обстановка в кабинете. Веет от нее великой строгостью, и кажется, что вот-вот раздавят Ваньку маленького надвигающиеся стены, а на стенах — «говорите кратко», «время деньги», и еще много картонок

¹⁾ В сокращении.

понаклеено, и сам старый Ленин, Владимир Ильич, дорогой и близкий промеж них, улыбаясь, спрашивает:

— Ванька, зачем пришел? Такой-сякой, не мешай директору!..

И надо, значит, по коридору во двор, и через двор в ремонтную, рядом во флигель, где на маленькой двери прописью скромно:

Здесь помещается ячейка РЛКСМ.

Ваньке тринадцать, а в уставе четырнадцать. Так и сказано: «Членом союза может быть каждый рабочий-подросток в возрасте от четырнадцати».

А покамест можно с совещательным. Ах... как не хочется быть совещательным — больно обидно: Гришка-то, ведь член решающий, в одном классе и в одной мастерской... Федька, Сенька, Васька-длинный тоже — чем они?..

— Вся беда в тринадцати.

И когда, бывает, на собрании выносят резолюцию, и целый лес рук над белокурым мхом голов, — так и хочется, хочется поднять руку заодно со всеми, а боязно — вон, кажется, каждый смотрит и говорит: «Ванька, не забудь устава».

Ночью в темной затхлой комнате спит Ванька с братом Митрием в одной кровати. Спит Митрий сладко, крепко, широко ноздрит горячим носом, обдает вокругдыханьем потным и горьким.

Смотрит Ванька долго на решающее лицо брата, жадно ловит перебой сердца, дышит спертым воздухом и потихоньку:

— Митрий, а Митрий...

— Чего?

— Я об счет ячейки...

— Ну, чего, опять со школой?.. Завтра... завтра...

— Нет, я не об этом...

— Все равно — завтра: спать надо...

— Почему это так с четырнадцати?

— Что с четырнадцати?

— В уставе...

— В каком уставе?

— В релексемовском...

— В релексемовском потому, чтобы шпингалеты, как ты в союз не лезли. Понял?

— Понял. Только, Митрий... чем я хуже других?

Голос у Митрия злой и брюзгливый:

— Нельзя... Знаешь ведь, сукин сын, что нельзя, а тоже лезет...

Заправил и никаких... Спи вот лучше и нечего арана заливать...

«У... у... сволочь», — корчатся мысли, дерзкие, злые. Тяжело башке и даже грудь сдавило.

— Ладно, Митрий, ладно, а еще активист...

Поздно ночью веет по округе ветер, пляшет, словно бесшабашный комсомолец. Мигают звезды разными оттенками — кто согласен, кто не согласен, и кончается сбранье под утро.

И когда уж нет ветра и нет звезд, и густой туман заволакивает аудиторию неба, — черный кожаный Петра дергает тоненький нерв фабрики, и орет фабрика во всю фабричную глотку:

— У... у... у...

Медленно подымается в доме мать. Слышно, как возится она за перегородкой, сводится рот от сладкой зевоты:

— Ох-ох-ох-ох!.. Грехи наши тяжкие...

Белые ползут по стенкам тени, светлыми барашками карабкаются по карнизам — путаются в бороде у Маркса. И уже знает Ванька, что сейчас проснется отец и скажет мягко: «Мать, а мать, самоварчик бы», а потом громче: «Эй, комсомол, слышь — старуха-то по нас убивается». И кажется Ваньке — будто нарочно это отец про комсомол... Знает ведь, что безбилетный Ванька.

Утром урчит самовар, как старый резец по железу, утром на стеклах окон соки ушедшей ночи. Отец и Митрий пьют и смотрят в сизую муть, толкуют о партработе. Мать приглядывает за Ванькой: руки жилистые — в подбородок, глаза умильные, ласковые:

— Пей, пей, Ванюшка, с хлебом, сынок. Исхудал ты совсем в Релексеме вашем.

В сердце у Ваньки кипятком обида. Ах... как противна мать с ласками, с заботами, как хочется вести разговор с отцом и братом.

II.

Время — большущий ливерс¹⁾ — ткёт нескончаемое кружево дней. Белыми красным полем тянется, поматываясь на вселенский вал. А тысячи живых людей катушками выматывают силы, тонкими нитями тянутся, вылетаясь в движущееся кружево жизни. Кто измотался — вон из машины. Новые свежие катушки с шелковой розовой прижей ждут в сырьевом отделе.

Федор Иванович — товарищ Родин, учитель политграмоты, говорит, что двигается жизнь к коммунизму. И обслуживают ливерс жизни лучшие люди рабочего класса — коммунисты. Крепкой стальной гребенкой, спаянные друг к другу, чешут они миллионы нитей, направляют их в сложнейшие узоры. А над всем первый ткач — Владимир Ильич; Троцкий с Калининым — первые подручные.

Трудно бывает подчас катушкам, трудно стальной гребенке, трудно дельным подручным, но труднее всех главному ткачу. Двигутся, ворчат колеса, в пене чавкают маховики, мерно вздрагивают провода, шелестят ремневые дороги. Носится нитяная пыль, оседает на лице и блузе, отравляет тело. Вот, вот взвизгнет, лопнет что-либо, и остановится гигантская машина. Только не дрогнет крепкая пружина лба; верно щурится прожектор — глаз; стойко держатся подручные.

Ночью в черной затхлои комнате спит Ванька вместе с братом Митрием в одной кровати. Спит Ванька. Снится ему, будто причалил к ливерскому отделению паровоз огромной мощности. «Ух» — рывкнул, дернул, и пошел, пошел к Москве-реке, а Москва-река и не река вовсе — море социальной революции. Паровоз, не думая, — на волны. Плещут волны через крышу, заливают нутро паровоза. Полыхает пламя топки, обжигает жадные языки моря, и шипят, шипят тяжелые поленья.

А у топки кочегаром Ванька.

Пузырями, пузырями кожа; набегают белыми буграми лизуют их и разрывают волны. «Ах... уйтить бы от собачьей

топки, прыгнуть бы в объятья волнам, освежить бы тело», — только слышит Ванька:

— Что, устал, Назаренко?

Глянул. Видит — Ленин.

Пена в сердце. Бесы в пене. Эх... и пляшут сучьи дети.

— Нет... не устал, товарищ Ленин...

— А как думаешь, доведем до коммунизма?

— Доведем, Ленин.

— Ну, тогда, валяй, братец, — отселе недалече...

— Есть, Ленин.

Пузырями, пузырями кожа; набегают белыми буграми, лизуют их и разрывают волны.

Вдруг — стоп... остров.

На острове лето. Струится солнце. Ластится ветерок. Цветут дома. Выходят люди.

— Здравствуйте, Ленин, а это кто с вами?

— Это комсомолец Назаренко.

— Нет, не комсомолец я, Ленин: по уставу не хватает года.

— Ах, вот как!

И вдруг вынимает Ленин новенький комсомольский билет и подает Ваньке. Видит Ванька в нем свою фамилию, имя... Ах...

— Ванька, а Ванька...

— Что, Ленин?

Продирает сонные глаза и видит Митрия.

— Что, где билет, билет?..

— Какой билет?

— Союзный билет.

— Чей?

— Мой.

— Откуда?

— Ленин дал...

И вдруг понял Ванька, что снился Ленин — и больше нет ничего.

С горечью рассказал Митрию.

Тронуло Митрия:

— Вижу, Ванька, будешь ты комсомольцем, что надо. Только мы с тобой теперь в одном положении — тебе

¹⁾ Ливерс — главная машина на кружевной фабрике.

в комсомол, а мне в партию... Так же, как и ты страдаю, молод, говорят.

Тихим звоном отозвались в сердце слова брата.

— Верно, верно, Митрий, нам как раз по году не хватает; давай уговор — в будущем годе сразу вступить.

— Есть такое дело.

Шелестели языками до рассвета.

Снова урчит самовар, как старый резец по железу. Снова на стенах окон соки ушедшей ночи. Отец и Митрий молча слушают Ванькин сон.

— Ох-ох-ох!.. — крестится мать, — ну и сны же у тебя, сынок...

Робко подкладывает Ваньке хлеба.

Ванька совсем не видит матери, не замечает отца и брата:

— И вот стоит — это он самый и говорит: «как думаешь, товарищ Назаренко, доведем до коммунизма?» — Доведем, говорю, товарищ Ленин.

М. Колосов.

ЛЕНИН.

Несем задумчиво, покойный Ленин,
У гроба твоего почетный караул.
И кровь рабочих в жилах каждого народа бьет быстрее,
Рабочих кровь быстрее бьется.
При имени твоём, о Ленин:
В Европе, в Америке, в Азии, в Африке,
На Севере, Юге, Востоке и Западе,
Во всех четырех странах света,
Во всех четырех частях мира,
Ленин —

Всюду, где есть угнетатели и угнетенные,
Всюду, где есть бедствующие, эксплуатируемые,
обездоленные и беззащитно изнасилованные,
Всюду, где люди принуждены продавать себя,
голодать и друг друга безбожно предавать,
Всюду, где люди обречены с колыбели
на унижительную барщину,

Всюду, где люди должны стрелять в своих братьев...
Где?!

Всюду, где подлинные создатели жизни не захватили
еще власть.

Каждый народ посылает сегодня одного Красного солдата
к твоему гробу, Ленин.

И из каждого Красного солдата вырастает скоро
по Красной армии, Ленин.

Рабочие помянут тебя не словами,
Рабочие устали от избытка слов,
Рабочие помянут тебя делом, Ленин!

Вперед, о Красный фронт!!!

Твоя мысль была простой и граненой, как кристалл.
Трезвой и скромной. И таким живешь ты в сознаньи
Борющихся рабочих армий.

Друг всех рабочих мира, товарищ Ленин,
Своей мыслью указал ты им путь.

Ведь мысль была для тебя оружием.

Отныне с оружием в руках следуют за тобою
Миллионы пролетариев.

Одетый в свой простой рабочий костюм,
Лежит в гробу Ленин.

И вот еще живой призыв его к нам:

— «Вы — народы земли!
Разбейте цепи! Вперед! Марш!
Германия, вперед!

Проснись от рабского ига!

Красный барабан бей!

Красная труба, труби!

Боевые ряды пролетариев,

Соединяйтесь!

Вверх по ступеням к дворцам фабрикантов!

Вперед на приступ крепостей правительства!

Завоюйте себе землю!

Завоюйте себе машины!

Завоюйте себе фабрики!

Завоюйте себе вашу родину!

Завоюйте, наконец, весь мир!!!»

Молчание твое, покойный Ленин,

Не есть безмолвье мертвеца...

Нет — это команда, это призыв к бою,
Рабочие массы всех стран, смыкайте ряды!
Сплоченным строем! Вперед! Марш!

Иоганнес Бехер
(Германия).

ЛЕНИНА НЕТ.

Гудки, гудите! Шлите стоны выше!
Ревите, пушки! Воздух, вой в ответ
Оркестром горя. — Если он не слышит,
Россия слышит, а за ней весь свет.

Мир должен знать и чувствовать до боли,
Что капитан оставил свой штурвал,
Из бурных волн он вывел нас на волю,
За плуг и молот — меч в руке держал.

Машины, возвестите это людям!
Пусть пламя горна к небу шлет лучи.
И опалит кровавым знаком груди...
Нет Ленина... Вселенная, молчи!

Поймите, люди! Впрочем, как понять им,
Что лишь предчувствуем: скончался Моисей,
Который дал свободу русским братьям
По морю Красному их вывел из цепей.

Кто им в пустыне указал дороги,
Тельца золотого сбросил под откос
И дал скрижали — символ долга строгий
В походах их он перед нами нес.

Скончался вождь. Он толпы угнетенных
Зарей свободы пробудил от сна,
Он звал с собой неверием смущенных
«Там, впереди желанная земля!»...

Скончался Ленин! — Серп склоняет молот
В благоговении пред его лицом —
Пусть не скует вам руки скорби холод:
Разбейте цепь, сжимавшую кольцом.

Кончайте строить то, что строил Ленин,
Ломайте рабство, — вот его завет!
Пока народы жребий свой не сменят,
Народу Ленина — свободы полной нет!

Пойдем вперед всегда его путями!
Вот наша клятва! — Скорбный хор — сильнее!
Скончался Ленин. — Кольхайся, зима!
Гремите, пушки! Молот, громче бей!

Трещите, ружья! Лайте же, сирены!
В колокола звоните, корабли!
Пускай ваш шум пройдет по всей вселенной,
Чтоб — все светила услышать могли!

Народы все предались скорбной думе.
Уста замолкли. Голос мощный нем,
Что стены рушил. Ленин!.. Ленин умер!
Но его дело ярко светит всем!

Эрих Мюзам
(Германия).

Ленин — знамя будущего. Под этим знаменем угнетенное человечество победит мир гнета и нищеты.

Из лозунгов МК РКП.

Умер Ленин, но дело его живет. Оно — воля мирового рабочего класса к победе над старым миром порабощения.

Из лозунгов МК РКП.

Не уныние и панику должна вселить в нас утеря вождя, а энергию и волю для осуществления великих задач рабочего класса.

Из лозунгов МК РКП.

ЛЕНИН..

Он входит. Как он вошел — не видали. Его едва можно разглядеть.

Он точно в засаде за своим столом.

Плешивый, выпуклый лоб властвует над всем.

Несомненный азиат.

Скулы и глаза его выдают.

Маленькие, глубоко сидящие глаза, широко расставленные монгольские брови, лоб, нос.

Нос, — больше, чем кажется, с сильными приплюснутыми ноздрями, резко очерченными у щек.

Подлинно нос реалиста.

Под ним, в бесцветной щетине усов и жидкой бородке, — то, что называют — его улыбкой.

Ленин не улыбается. Так же, как и не косит. По моему, он только часто прищуривает глаз.

Можно действительно не сомневаться, что он улыбается только тогда, когда он раздражается мелким смехом.

За собирающимся в морщины лбом все в движении.

Подлинный Ленин только в кино. Ни один из его портретов не похож на него.

Идите же воздвигать статую Протею.

Глаза словно делают усилие, чтобы раскрыться до конца, рот слегка кривится, расширяя ноздрю и вырисовывая правую скулу, а сквозь насмешливые губы проскальзывает едва уловимое словцо.

Порой все лицо сжимается, глаза почти совсем закрываются, скулы подтягивают кверху бороду и мясистый рот раскрывается.

Сменяющиеся выражения то удивительной молодости, то усталости человека, несущего на своих плечах новый мир.

Изумительное мастерство мимики.

И потом руки...

Довольно длинные пальцы подпирают лицо: указательный — вдоль переносицы, средний — у зубов.

Его руки — не ширмы. Они ничего не прячут, они участвуют в мимике лица. Они подчеркивают ее...

Поль Вайян-Кутюрье
(Франция).

ЗАВЕТ ЛЕНИНА.

Быстрее пульс, яснее взгляд!
Уж полночь движется назад,
И бьет в набат народ во тьме.
Так прочь тоску, дружнее смех!
Там впереди — денницы свет! —
Таков был Ленина завет.

Но это — смерть! Пусть будет так,
Хотя для тысяч это мрак.
Шли, шли последний свой привет...
Ведь страх далек и чужд всем нам,
Эй, подтянуться всем рядам! —
Таков был Ленина завет.

Один удар — и тишина...
Но силен враг, близка война.
Так будь готов, забудь покой,
Смотри же в оба, часовой,
И новый бой — врагам ответ, —
Таков был Ленина завет.

И сотоварищу в пути
Ты помоги себя найти,
Чтоб службы, красной службы честь
По доброй воле мог он несть...
И самолюбия в том нет —
Таков был Ленина завет.

Не презирай своих небес,
Пока земля дика, как лес,
И украшай всемерно свет,
Широко думай, ближе цель,
В начале знай, что ждет в конце. —
Таков был Ленина завет.

Лу-Мертен
(Швейцария).

ПЕЧАЛЬ.

Печали весть разносится далеко!
Склонились головы в тоске глубокой,
Иль началась гражданская война?
Нужда ли вновь подымлет знамена?
Увы, смысл слов прост и обыкновенен!
Товарищи, сегодня умер Ленин!

Из храбрецов храбрейший взят судьбою,
Боролся долго он со смертью злою!
Он не увидит наше торжество,
И алый день взойдет не для него!
В борьбе он был суров и неизменен,
Товарищи, сегодня умер Ленин!

Чей ум еще был столь же чист и светел?
Тебя народ везде ликуя встретил,
Безропотно пошел он за тобой, —
За волю и за хлеб ты начал бой,
Но зов твой смолк. Судьбы удар мгновенен!
Товарищи, сегодня умер Ленин!

Но знай, живет твое, как прежде, дело!
Мы над твоей могилой скажем смело,
Что мы должны одни продолжить бой,
Тот славный бой, что начат был тобой.
Для тружеников твой завет бесценен!
Твой подвиг завершат они, о, Ленин!

Эйнер Нильсон
(Швеция).

Он не боялся ошибок, он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество.

М. Томский.

Маркс мог в самых острых чертах наметить лицо, Ленин завершил это дело.

Н. Бухарин.

НА МОГИЛЕ ЛЕНИНА.

Где найду я слова и звуки,
Чтобы возвеличить твою
память.
От нас ушел коммунар.

Е. Тентер.

Друзья, товарищи во всей вселенной,
Судьбы удары яростно разят,
Печали весть нас потрясла мгновенно.
Как мощный электрический разряд.
У нас сердца вдруг перестали биться,
Народ бродил в тоске по площадям,
И притаилась каждая столица,
Внимая грустно радио-вестям.
Донесся плач к нам из глухих селений,
И вопль печальный множества людей,
Ушел от нас неповторимый гений.
Великий летчик пламенных идей.

Увы, как трудно в этот миг поэтам
Найти слова, чтоб в них тоску излить.
Надгробный вопль смягчить каким советом?
Чем равновесие восстановить?
Чем успокоить этот хор печальный,
Так стройно управляемый тоской?
Когда-нибудь вслед бури социальной
На нашу землю снизойдет покой,
И новое начнется созиданье,
По-новому поэты запоют —
Из рода в род они передадут
О Ленине великое преданье.
Теперь, увы, наш дорогой товарищ,
Над свежей могилой мы стоим,
Как будто бедняки среди пожарниц
Беспомощно по сторонам глядим.
Ты был в истории гигантом мысли,
Великий друг рабочих и рабов
Над тучами, что в октябре нависли,

Ты не прервал ни дел, ни мудрых слов.
Ты был велик в великой катастрофе,
И нити глубочайших философий
Должны скреститься были на тебе,
В Америке и в Азии повсюду
Пришла пора трудящемуся люду
Вздыхнуть о злобной и скупой судьбе.

Ты засиял нам первою зарею,
Когда вся даль была покрыта мглою,
В суровом осенении ветров,
Как новый вождь; народ твой триумфально
Тебя встречал и был итти готов
Повсюду за тобою беспечально.
Блестящую победу одержал
Ты над одной шестой земного шара,
Как лодман опытный, ты направлял
Нас к пристани, но новой, а не старой!
И ввел судно, когда на океан
С неожиданной силой грянул ураган.

Вождь, уходя, оставить нам успел
Свое ученье ясное, простое,
Мы над его могилой дорогою
Закончим ряд его великих дел.
Докажем мы, что власти капитала
Пришел конец...

Пора настала.

Желтеют нивы и луга цветут,
Союз рабочих ныне обеспечен,
И знаем мы теперь, он будет вечен,
И горе тем, кто угнетает труд,
Исчезнут скоро и разврат и голод.
По миру загремит веселый молот,
Гудок фабричный всех объединит,
И будет петь иной поэт-строитель,
И новый строй все страны примирит,
Свершится то, чего хотел учитель.

Пройдут века, исполненные гроз,
Но грозы принесут нам избавленье;

Как тот завет, что он с собой принес...
Героя имя не поддастся тленю,
Людской поток течет из разных стран
К могиле той, где дремлет великан.

Исследователь чуткий и философ
Пойдет к стенам Московского Кремля,
Оттуда шли разгадки всех вопросов,
Которыми томилась вся земля.
Потомок наш венков плести не будет,
Но лучше нас он многое поймет,
И Ленина вовек он не забудет,
И песнь о нем прекрасную споет.

Оскар Куллеркупн
(Эстония).

ЛЕНИН ЖИВ.

Печальная весть облетела весь свет,
Дошла до рабочих Парижа и Праги,
И знает уж Лондон, Берлин, Копенгаген,
Что Ленин скончался, что Ленина нет.

С надрывом вздымается воплем ответ
У всех, где пожаром сердца пламенеют,
У Вены, Капштадта, Москвы и Бомбея:
— «Ведь Ленин скончался! Ведь Ленина нет!»

Одесса с тоскою шлет Риму привет:
— «Отец наш в гробу, он лежит перед нами,
И толпы рабочих стоят со слезами, —
Вождя обездоленных, Ленина — нет!»

В Мадриде не слышно лихих кастаньет,
В печали поникли Афины и Ницца,
С вопросом приходят другие столицы:
— «Что плачете, братья?» — «Нет Ленина, нет!»

И чувят опасные рифы на дне
Средь бурного моря китайские кули,
Которых душили, давили и гнули, —
Ведь Ленин скончался! Ведь Ленина нет!

И крик раздается горячий, как бред,
 В тех странах, где в рабстве народы все сжаты,
 У негров, малайцев, метисов, мулатов —
 — «Наш Ленин скончался, его уже нет!»

Замолкли столицы, свой гнев затаив,
 И траурный полог на них опускался,
 Вдруг голос средь скорби и мрака раздался:
 — «Что? Ленин скончался? — Неправда! Он — жив!»

Макс Бартель
 (Германия).

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕНИНЕ.

Еще в конце ноября мелькала надежда на выздоровление Ленина. Старая Клара Цеткин вся преобразилась, рассказывая нам, что «старик» — лучше, а Крупская, преданная жена и товарищ Ленина, извещала о том, что со дня на день «старик» становится все сильнее и подвижнее, что он уже опять читает газеты и скоро снова встанет в ряды партии.

Русские газеты тоже писали о наступающем выздоровлении. Печатались новые портреты, фотографии Горюх — больной в кресле, лицо в морщинах, но глаза ясные и в углу рта насмешливая улыбка.

И вот, товарищ Ленин умер. Торжественно лежит он на погребальном пьедестале, в белом зале Московского Дома Союзов, бывшего Благородного Собрания, горят факелы, друзья и рабочие держат почетный караул. Золотая Москва в черном трауре. Уже вырыта бессмертная могила у Кремлевской стены. Те, что пришли сюда раньше него, — московские пролетарии Ноябрьской революции, Джон Рид, с криком борьбы перешедший от сытой буржуазии на сторону рабочих, погибший в Швейцарии от пули убийцы Вацлав Воровский и многие другие, неизвестные, без фамилии и имени, — ждут его, вождя и отца, единственного, неподкупного, верного товарища. Ленин умер. Умолк его честный голос. Мы его больше никогда не увидим, никогда не услышим, никогда не почувствуем крепкого

пожатия его руки, никогда не остановим на себе его ясного взора.

Для всех, кто его видел, слышал, говорил с ним, — эти часы незабываемы. Мне вспоминается лето 1920 года, Второй Всемирный Конгресс, где я впервые увидел Ленина; плотный человек, в неизменной фуражке, татарские черты лица, человек без всякой позы и тщеславия, — «простой, но смелый оратор» — «хладнокровный борец», как писал о нем однажды Радек. Делегаты приехали из Москвы в Петроград. Здесь на месте главного сражения за пролетарскую революцию должен был открыться Конгресс, и он был открыт с блеском и славой, с изумительным воодушевлением, на который способен только русский пролетариат. Перед Зимним Дворцом проходили стотысячные толпы: рабочие, работницы, крестьяне, матросы и красноармейцы. Над ними развивались красные знамена. С недостроенной трибуны, у старого дворца говорили иностранные товарищи. Гул музыки и хора заглушил говоривших.

К подмосткам идет Ленин... Площадь волнуется. Крики восторга стотысячной толпы. Залпы приветствий несутся вверх к этому незаметному человеку, занятому своей фуражкой, ожидающему, когда успокоится эта буря любви и почитания. Потом говорит Ленин. Ясно, без пафоса, без жестов приветствует он в лице петроградских рабочих победоносную революцию. Площадь колышется, освещенная горячими лучами солнца. У ног Ленина стоят крестьяне пригородных деревень, в деревенских одеждах и лаптях. Толпа молчит, как заколдованная. Взоры всех устремлены вверх, и все с жадностью глотают слова Ленина. Русский народ стоял на том безбрежном пространстве, где в 1905 году лилась кровь пролетариата, навсегда освобожденного в 1917 году матросами и рабочими, и где теперь свободный народ кидал сотни тысяч своих взоров на апостола своей воли.

Вдруг речь оборвалась. Без пафоса и эффекта Ленин спустился вниз в толпу своих друзей. Толпа еще стоит в благоговейном молчании, как вдруг она опять всколыхнулась, руки машут в воздухе, приветствия переходят в экстаз: «Ленин», «Товарищ Ленин», — раздаются голоса и сли-

ваются в стотысячный хор в ритмичном возгласе: «Ленин! Товарищ Ленин! Ле-нин! То-варищ Ле-нин!»! Но Ленина уже нет, он уже ушел среди попутных переговоров. А огромные волны восторга все еще катятся через широкую площадь, омывая камни и красный фасад старого Царского дворца, и как крики чайки раздаются еще возгласы: «Ленин! Товарищ Ленин!»! Но напрасно зовут они и напрасно стараются иностранные товарищи успокоить разбушевавшееся море... Всемирный Конгресс был открыт в Таврическом дворце — бывшей Думе. Зала и галерея полны. Беспокойство переходит в ликование. Идет Ленин. Он проходит через ряды делегатов в президиум. Все встали, — будто кресла жгут, когда входит Ленин. Иностранные товарищи прорвали блокаду, многие нелегально миновали границу, многим пришлось проехать через весь земной шар, и вот, наконец, — идет Ленин, их вождь, товарищ и друг. Нет, не шапкой махать: товарищ Ленин, мы любим, любим тебя! «Ленин! Товарищ Ленин!», — совсем так же, как рабочие и крестьяне на той огромной площади. На минуту трубные звуки заглушили крики и приветствия, но сейчас же они разразились снова, раздалась песня, могучее пение, «Интернационал», и только когда все это смолкло и улеглись разбушевавшиеся страсти, мог говорить Ленин, — холодно и ясно, твердо и неумолимо, как молот, который безжалостно бьет и бьет.

Мы слышали тебя, товарищ Ленин! Мы тебя хорошо слышали. Тебя понял пролетариат всего мира. Хотя теперь перед стеной Кремля желтой землей и запорошены твои уста, но голос твой из святой могилы будет и теперь и всегда звучать для всех обездоленных, для угнетенных всей земли, для белых, черных, желтых и красных народов, он будет трубным гласом, призывающим их к единению и братству, — он будет молотом, безжалостным молотом, разбивающим их цепи.

Макс Бартель

(Германия).

ИЗ РАССКАЗОВ ДО ОКТЯБРЯ

*

И. ТУРГЕНЕВ
И. ГОНЧАРОВ
Л. ТОЛСТОЙ
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
Г. УСПЕНСКИЙ
И. ГОРБУНОВ
АНТ. ЧЕХОВ

М. ГОРЬКИЙ
Л. АНДРЕЕВ
В. ВЕРЕСАЕВ
А. СЕРАФИМОВИЧ

П Е В Ц Ы

(Отрывок).

— Яков, начинай...

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впилась в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же наконец Яков открыл свое лицо, оно было бледно, как у мертвого. Глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел.

Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас.

Мы взглянули друг на друга, а жена Николая Ивановича так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним быстро замирающим колебанием, за вторым третий, и понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня: «Не одна во поле дороженька пролежала» пел он, и всем нам сладко становилось и жутко.

Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый, он даже сначала отзывался чем-то болезненным. Но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость... и какая-то увлекательно-беспечная грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песня росла, разливалась.

Яковом, видимо овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью. Голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней

дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся.

Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоско-песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку; она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу. Я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел — совершенно позабыв и своего соперника и всех нас, но видимо поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым и страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и несомненно широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие сдержанные рыдания внезапно поразили меня. Я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Николай Иванович потушился, Моргач отвернулся; Ободуй, весь разнеженный, стоял глупо разинув рот; серый мужичок тихоенько всхлипывал в уголку, с горьким шопотом покачивая головой, и по железному лицу Дикого Барина, из-под совершенно наведенных бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза. Рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, — если бы Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке, словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждало, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взглядом обвел всех кругом — и увидал, что победа была его...

— Яша, — проговорил Дикый Барин, положил ему руку на плечо и — смолк. Мы все стояли, как оцепенелые.

И. С. Тургенев.

Чем выше восходит разум, тем проще становится речь.

Фр. Дельсарт.

ДВА ПОМЕЩИКА.

(Отрывок).

Мы вышли на балкон, сели и начали разговаривать. Мардарий Аполлоныч взглянул вниз и вдруг пришел в ужасное волнение.

— Чьи это куры? Чьи это куры? — закричал он: — чьи это куры по саду ходят?.. Юшка! Юшка! поди, узнай сейчас, чьи это куры по саду ходят?.. Чьи это куры? Сколько раз я запрещал, сколько раз говорил!

Юшка побежал.

— Что за беспорядки! — твердил Мардарий Аполлоныч: — это ужас.

Несчастные куры, как теперь помню, две крапчатые и одна белая с хохлом, преспокойно продолжали ходить под яблонями, изредка выражая свои чувства продолжительным крехтаньем, как вдруг Юшка, без шапки, с палкой в руке, и трое других совершеннолетних дворовых, все вместе дружно ринулись на них. Пошла потеха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бегали, спотыкались, падали; барин с балкона кричал, как иступленный: «лови! лови! лови, лови! лови, лови, лови! Чьи это куры, чьи это куры?» — Наконец, одному дворовому человеку удалось поймать хохлатую курицу, придавив ее грудью к земле, и в то же самое время через плетень сада, с улицы, перескочила девочка лет одиннадцати, вся растрепанная и с хвостинкой в руке.

— А, вот, чьи куры! — с торжеством воскликнул помещик: Ермила кучера куры! Вон, он свою Наталку загнать их выслал... Небось, Параша не выслал, — присовокупил помещик вполголоса и значительно ухмыльнулся. — Эй, Юшка! брось куриц-то; поймай-ка мне Наталку.

Но, прежде чем захыхавшийся Юшка успел добежать до перепуганной девчонки, — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и несколько раз шлепнула ее по спине...

— Вот так, а вот так, — подхватил помещик: те, те, те! те, те, те!.. А кур-то отбери, Авдотья, — прибавил он

громким голосом и с светлым лицом обратился ко мне: какова, батюшка, травля была, ась? Вспотел даже, посмотрите.

И Мардарий Аполлоныч расхохотался.

Мы остались на балконе. Вечер был, действительно, необыкновенно хорош.

Нам подали чай.

— Скажите-ка, — начал я, — Мардарий Аполлоныч, ваши эти дворы выселены вон там, на дороге, за оврагом?

— Мои... а что?

— Как же это вы, Мардарий Аполлоныч? Ведь это грешно. Избенки отведены мужикам скверные, тесные; деревца кругом не увидишь; сажалки даже нету; колодезь один, да и тот никуда не годится. Неужели вы другого места найти не могли?... И, говорят, вы у них даже старые конопляники отняли?

— А что будешь делать с размежеванием? — отвечал мне Мардарий Аполлоныч. У меня это размежевание вот где сидит. (Он указал на свой затылок). И никакой пользы я от этого размежевания не предвижу. А что я конопляники от них отнял и сажалки, что-ли, там у них не выкопал, — уж про это, батюшка, я сам знаю. Я человек простой, — по-старому поступаю. По-моему: коли барин — так барин, с коли мужик — так мужик... Вот что.

На такой ясный и убедительный довод отвечать, разумеется, было нечего.

— Да притом, — продолжал он, — и мужики-то плохие, опальные. Особенно там две семьи; еще батюшка покойный, дай ему бог царство небесное, их не жаловал, больно не жаловал. А у меня, скажу вам, такая примета: коли отец вор, то и сын вор; уж там как хотите... О, кровь, кровь — великое дело!

Между тем воздух затих совершенно. Лишь изредка ветер набегал струями и, в последний раз замирая около дома, донес до нашего слуха звук мерных и частых ударов, раздававшихся в направлении конюшни. Мардарий Аполлоныч только что донес к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чай, — но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и, ставя

блюдечко на стол, произнес с добрейшей улыбкой и как бы неволью вторя ударам: «Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!»

— Это что такое? — спросил я с изумлением.

— А там, по моему приказу, шалунишку наказывают... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вот, что наемни за обедом нам служил. Еще с такими большими бакенбардами ходит.

Самое лютое негодование не устояло бы против ясного и кроткого взора Мардария Аполлоныча.

— Что вы, молодой человек, что вы? — заговорил он, качая головой. — Что я злодей, что ли, что вы на меня так оставились? Любяй да наказует: вы сами знаете.

Через четверть часа я простился с Мардарием Аполлонычем. Проезжая через деревню, увидел я буфетчика Васю. Он шел по улице и грыз орехи. Я велел кучеру остановить лошадей и подозвал его.

— Что, брат, тебя сегодня наказали? — спросил я его.

— А вы почему знаете? — отвечал Вася.

— Мне твой барин сказывал.

— Сам барин?

— За что же он тебя велел наказать?

— А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас нету — ни, ни. У нас барин не такой; у нас барин... такого барина в целой губернии не сыщешь.

— Пошел! — сказал я кучеру. «Вот она, старая-то Русь!» думал я на возвратном пути.

И. С. Тургенев.

Высокое искусство требует возможно большей тщательности исполнения, так как она способствует приближению к истине, а приближение к истине — необходимое условие совершенства. Правило это не имеет никаких исключений или ограничений.

Д. Ж. Рескин.

«ОБЛОМОВ.

(Захар и Обломов — отрывок из романа).

В начале пятого часа Захар осторожно, без шума, отпер переднюю и на цыпочках пробрался в свою комнату; там он подошел к двери барского кабинета и сначала приложил к ней ухо, потом присел и приставил к замочной скважине глаз.

В кабинете раздавалось мерное храпенье.

— Спит; — надо будить: скоро половина пятого. Ку!

Он вошел в кабинет.

— Илья Ильич! А Илья Ильич! — начал он тихо, стоя у изголовья Обломова.

Храпенье продолжалось.

— Эко спит-то — словно каменщик! Илья Ильич!

Захар слегка тронул Обломова за рукав.

— Вставайте: пятого половина.

Илья Ильич только промычал в ответ на это, но не проснулся.

— Вставайте же, Илья Ильич! Что это за страм! — говорил Захар, возвышая голос.

Ответа не было.

— Илья Ильич! — твердил Захар, потрогивая барина за рукав.

Обломов повернул немного голову и с трудом открыл на Захара один глаз, из которого так и выглядывал паралич.

— Кто тут? — спросил он хриплым голосом.

— Да я; вставайте!

— Поди прочь! — проворчал Илья Ильич и погрузился опять в тяжелый сон.

Вместо храпенья стал раздаваться свист носом. Захар потянул его за полу.

— Чего тебе?

— Вы велели разбудить себя.

— Ну, знаю. Ты исполнил свою обязанность и пошел прочь! Остальное касается до меня...

— Не пойду, — говорил Захар, потрогивая его опять за рукав.

— Ну же, не трогай! — кротко заговорил Илья Ильич и, уткнув голову в подушку, начал было храпеть.

— Нельзя, Илья Ильич, — говорил Захар: — я бы радехонек, да никак нельзя.

И сам трогал барина.

— Ну, сделай же такую милость, не мешай!

— Да, сделай вам милость, а после сами же будете гневаться, что не разбудил.

— Ах, ты боже мой! Что это за человек! — говорил Обломов. — Ну, дай хоть минутку соснуть; ну, что это такое, одна минута? Я сам знаю...

Илья Ильич вдруг смолк, внезапно пораженный сном.

— Знаешь ты дрыхнуть! — говорил Захар, уверенный, что барин не слышит. — Вишь дрыхнет, словно чурбан осиновый. Зачем ты на свет-то божий родился? Да вставай же ты! Говорят тебе... — заревел было Захар.

— Что? Что?

— Что, мол, сударь, не встаете?

— Нет, ты как сказал-то — а? Как ты смеешь так — а?

— Как?

— Грубо говорить.

— Это вам во сне померещилось... ей-богу во сне...

— Ты думаешь, я сплю. Я не сплю, я все слышу...

А сам уж опять спал.

— Ну, — говорил Захар в отчаянии. — Ах, ты головушка! Что лежишь, как колода? Ведь на тебя смотреть тошно. Поглядите добрые люди... Тьфу!..

— Вставайте, вставайте! — вдруг испуганным голосом заговорил он. — Илья Ильич, посмотрите-ка, что вокруг вас делается...

Обломов быстро поднял голову, поглядел кругом и опять лег с глубоким вздохом.

— Оставь меня в покое! — сказал он важно. — Я велел тебе будить меня, а теперь отменяю приказание — слышишь-ли? Я сам проснусь, когда мне вздумается.

— Вставайте, вставайте! — во все горло завопил Захар и схватил Обломова обеими руками за полу и за рукав.

Обломов вдруг неожиданно вскочил на ноги и ринулся на Захара.

— Постой же, вот я тебя выучу, как тревожить барина, когда он „почивать хочет!“ — говорил он.

Захар со всех ног бросился от него, но на третьем шагу Обломов отрезвился совсем от сна и начал потягиваться зевая.

— Дай... квасу... — говорил он в промежутках зевоты.

Тут же из-за спины Захара, кто то разразился звонким смехом. Ха... Ха... Оба оглянулись.

— Штольц! Штольц! — с восторгом кричал Обломов, бросаясь к гостю.

— Андрей Иваныч! — осклабясь говорил Захар.

Штольц продолжал покатываться со смеха: он видел всю происходившую сцену.

И. А. Гончаров.

Так в чем же заключается истинный талант?

В серьезном изучении внешних симптомов чужой души, в воздействии на чувствительность тех, кто его слушает и на него глядит, в умении обмануть нас искусственным воспроизведением этих симптомов.

А чувствуют ли они (актеры) в эту минуту что-нибудь или не чувствуют — нам в действительности нет никакого дела, тем более, что это сокрыто от наших глаз! Тот кто, поэтому, изучил лучше и с большим совершенством передавать эти внешние черты наилучшим образом задуманного идеального образа, тот и есть самый великий актер.

Лидро.

(«Парадокс об актере»).

Потому так редко и встречаем хорошую игру, что немногие актеры достаточно работают мозгами.

Дж. Льюис.

(Из книги: «Актеры и сценическое искусство»).

ФРАНСУАЗА.

Ночь была теплая, летняя. Марсель был весь освещен, на улицах пахло одной из кухонь, со всех сторон слышались говор, грохот колес и веселые крики.

Матросы с корабля «Богородица Ветров» месяца четыре не были на суше и теперь, сойдя на берег, робко, по-двое шли по городу, как чужие, отвыкшие от городов люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайšie к пристани, как будто чего-то искали. Четыре месяца они не видали женщин... и их мучила похоть. Впереди их шел Селестин Дюкло, здоровенный парень и ловкий. Он всегда водил других, когда они сходили на берег.

Долго матросы толкались по темным улицам, которые как стоки, все спускались к морю и из которых несло тяжелым запахом подвалов и чуланов. Наконец Селестин выбрал один узкий переулок, в котором горели над дверями выпуклые фонари, и вошел в него. Матросы, зубоскала и напевая, шли за ним.

* *

Матросы сидели в большой зале трактира. Каждый из них выбрал себе подругу и уже не расставался с ней весь вечер: такой был обычай в трактире. Три стола были сдвинуты вместе, и матросы прежде всего выпили вместе с женщинами, потом они поднялись и пошли с ними наверх. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ног по деревянным ступенькам, пока они ввалились через узкие двери и разбрелись по отдельным комнатам. Из спальных комнат они сходили вниз опять пить, потом опять шли наверх.

Гульба шла в развал. Все полугодное жалованье пошло за четыре часа разгула. К 11 часам они все уже были пьяны и с налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что. Кто пел, кто кричал, кто стучал кулаком по столу, кто лил себе в глотку вино. Селестин Дюкло сидел среди товарищей. С ним сидела крупная, толстая, краснощекая девка. Он выпил не меньше других, но не был еще совсем пьян; у него в голове бродили кое-какие мысли. Он разнежился и искал, о чем бы заговорить со

своею подругой. Но мысли приходили ему и тотчас уходили, и он никак не мог поймать их и высказать.

Он смеялся и говорил:

— Так, так-то... так-то... И давно уже ты здесь?

— Шесть месяцев, — отвечала девка.

Он кивнул головой, как будто одобрял ее за это.

— Ну, что же, и хорошо тебе?

Она подумала.

— Привыкла, — сказала она. — Надо же как-нибудь. Все же лучше, чем в прислугах или в прачках.

Он одобритительно кивнул головой, как будто и за это он одобрял ее.

— И ты не здешняя?

Она покачала головой в знак того, что не здешняя.

— Дальняя?

Она кивнула.

— А откуда?

Она подумала, как будто припоминала.

— Из Перпеньяна я, — проговорила она.

— Так, так, — проговорил он и замолчал.

— А ты что же, моряк? — спросила теперь она.

— Да, моряки мы.

— Что же, далеко были?

— Да не близко. Всего насмотрелись.

— Пожалуй и вокруг света ездили?

— Не то что раз, чуть не два объехали.

Она как будто раздумывала, припоминая что-то.

— Я чай, много встречали кораблей? — сказала она.

— А то как-же.

— Не попадалась вам «Богородица Ветров»? Такой корабль есть.

Он удивился, что она назвала его корабль, и вздумал пошутить.

— Как же, на прошлой неделе встретили.

— Правду, в самом деле? — спросила она и побледнела.

— Правду.

— Не врешь?

— Ей-богу, — побожился он.

— Ну, а не видал там Селестина Дюкло? — спросила она.

— Селестина Дюкло? — повторил он и удивился и испугался даже. Откуда она могла знать его имя?

— А его разве знаешь? — спросил он.

Видно было, что и она чего-то испугалась.

— Нет не я, а женщина тут одна его знает.

— Какая женщина? Из этого дома?

— Нет, тут поблизости.

— Где же поблизости?

— Да недалеко.

— Кто же она такая?

— Да просто женщина, такая-же, как я.

— А зачем же он ей нужен?

— Почему же я знаю. Может, землячка его.

Они пытливо смотрели в глаза друг другу.

— Хотелось бы мне повидаться с этой женщиной, — сказал он.

— А зачем? Сказать что хочешь?

— Сказать...

— Что сказать?

— Сказать, что видел Селестина Дюкло.

— А ты видел Селестина Дюкло? И жив он и здоров?

— Здоров. Да зачем он тебе?

— А коли увидишь его, ты ему скажи... Нет не надо.

— Да что?

— Нет, ничего.

Он смотрел на нее и тревожился все больше и больше.

— Да ты-то знаешь его? — спросил он.

— Нет, не знаю.

— Так зачем же он тебе?

Она не отвечала, вдруг вскочила, побежала к конторке, за которой сидела хозяйка, взяла лимон, разрежала его, надала соку в стакан, потом налила туда воды и подала Селестину.

— На, выпей-ка, — сказала она и села, как и прежде сидела, ему на колени.

— Это зачем? — спросил он, взяв от нее стакан.

— Чтоб хмель прошел. Потом скажу. Пей.

Он выпил и утер рукавом губы.

— Ну, говори, я слушаю.

— Да ты не скажешь ему, что меня видел, не скажешь от кого слышал то, что скажу?

— Ну, хорошо, не скажу.

— Побожись.

Он побожился.

— Ей-богу?

— Ей-богу.

— Так ты ему скажи, что его отец умер и мать его померла, брат тоже помер. Горячка была. В один месяц все трое померли.

Дюкло чувствовал, что вся кровь его стеснилась у сердца. Несколько минут просидел он молча, не зная, что сказать, потом выговорил:

— И ты верно знаешь?

— Верно.

— Кто ж тебе сказал?

Она положила ему на плечи руки и посмотрела прямо ему в глаза.

— Побожись, что не разболтаешь.

— Ну, побожился. Ей-богу.

— Я сестра ему.

— Франсуаза, — воскликнул он.

Она пристально посмотрела на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская слов:

— Так это ты — Селестин?

Они не шевелились, замерли, как были, смотрели в глаза друг другу.

А вокруг них остальные орали пьяными голосами. Звон стаканов, стук ладонями и каблуками и пронзительный визг женщин перемешивались с гамом песен.

— Как же это так? — тихо, так тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорил он.

Глаза ее вдруг налились слезами.

— Да так, померли. Все трое в один месяц, — продолжала она. — Что же мне было делать? Осталась я одна. В аптеку, да к доктору, за похороны троих... продала, что было вещей, расплатилась и осталась, в чем была. Поступила в прислуги к барину Кашо, — помнишь, хромою такой? мне только что 15 лет минуло; мне ведь и 14 не было, когда ты-то уехал. С ним согрешила... Дура ведь наша

сестра. Потом в пьяньки поступила к потариусу, — он тоже. Сначала взял на содержание, жила на квартире. Да недолго. Бросил он меня, я три дня не евши жила, никто не берет, и поступила вот сюда, как и прочие, — говорила она, и слезы ручьем текли у нее из глаз, из носа, мочили щеки и вливались в рот.

— Что ж это мы наделали? — проговорил он.

— Я думала, и ты тоже умер, — сказала она сквозь слезы. — Разве это от меня, — прошептала она.

— Как же ты меня не узнала? — также шопотом сказал он.

— Я не знаю, я не виновата, — продолжала она и еще пуще заплакала.

— Разве я мог узнать тебя? Разве ты такая была, когда я уехал? Ты-то как не узнала?

Она с отчаянием махнула рукой.

— Ах! Я их столько, этих мужчин, вижу, что они мне все на одно лицо.

Сердце его сжималось так больно и так сильно, что ему хотелось кричать и реветь, как маленькому мальчику, когда его бьют.

Он поднялся, отстранил ее от себя и, схватив своими большими матросскими ланамц ее голову, пристально стал глядываться в ее лицо.

Мало-по-малу он узнал в ней наконец ту маленькую тоненькую и веселенькую доточку, которую он оставил дома с теми, кому она закрыла глаза.

— Да, ты Франсуаза, сестра, — проговорил он. — И вдруг рыдания, тяжелые рыдания мужчины, похожие на икоту пьяницы, поднялись в его горле.

Он опустил ее голову, ударил по столу так, что стаканы опрокинулись и разлетелись вдребезги, и закричал диким голосом.

Товарищи удивились и обратились к нему. «Вишь, как надулся», сказал один. «Будет орать-то», сказал другой. «Эй, Дюкло. Что орешь? Идем опять наверх», сказал третий.

Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он шатаясь

подошел к матросу, обнимавшему девку, и ударил рукой между ним и девкой, разделяя их.

— Прочь. Разве не видишь, она сестра тебе. Все они кому-нибудь сестры. Вот и эта, сестра Франсуаза. Ха-ха-ха-ха... — зарыдал он рыданиями, похожими на хохот, и он зашатался, поднял руки и грянулся лицом на пол. И стал кататься по полу, колотясь о него руками и ногами, хрипя как умирающий.

Л. Н. Толстой.

Кто при чтении не имеет организованного дыхания и организованного голоса, тот «тратит, — по выражению известного учителя чтения Эри. Поссарта, — основной свой капитал, вместо того, чтобы жить на проценты».

Вас. Сержников.

(Из книги: «Техника речи»).

Знаменитую певицу Патти как-то спросили: «Какие звуки являются самыми правильными и красивыми? — «Естественные», ответила она.

Читай не так, как пишется (орфографически), а так, как произносится (орфоэпически).

Вас. Сержников.

Никогда не выдавать, что вы вперед знаете, — вот условие не только чтения, но и вообще игры: «Пусть кажется, что вы думаете, пусть не кажется, что вы знаете», говорил знаменитый французский актер Самсон.

С. Волконский.

(«Выразительное слово»).

Никогда не выдыхайте всего воздуха, наполняющего легкие!

Гальма.

(Гениальный французский актер).

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА ¹⁾.

На предпоследней станции, когда кондуктор пошел отбирать билеты, я, собрав свои вещи, вышел на тормоз, и сознание того, что близко, вот оно, решение, еще усилило мое волнение. Мне стало холодно, и я стал дрожать челюстями так, что стучал зубами. Я машинально с толпой вышел из вокзала, взял извозчика, сел и поехал.

Сколько я ни стараюсь вспомнить теперь, я никак не могу вспомнить моего тогдашнего состояния: что я думал, чего хотел — ничего не знаю. Помню только, что у меня было сознание того, что готовится что-то страшное и очень важное в моей жизни. Я подъехал к крыльцу. Был первый час. Несколько извозчиков стояло у крыльца, ожидая седоков по освещенным окнам (освещенные окна были в нашей квартире, в зале и гостиной). Не отдавая себе отчета о том, почему есть еще свет так поздно в наших окнах, я в том же состоянии ожидания чего-то страшного взшел на лестницу и позвонил. Лакей, добрый, старательный и очень глупый — Егор — отворил. Первое, что бросилось в глаза, — в передней была на вешалке рядом с другим платьем шинель. Я бы должен был удивиться, но не удивился, потому что ждал этого. «Так и есть», сказал я себе, когда я спросил Егора, кто здесь, и он назвал мне Трухачевского. Я спросил: есть ли еще кто-нибудь? Он сказал: никого-с. Помню, как он ответил мне это с такой интонацией, как будто хотел порадовать меня и рассеять сомнения, что есть еще кто-нибудь. — А дети? — Слава богу, здоровы. Давно спят-с.

— Не надо, не надо, — сказал я Егору, хотевшему идти в гостиную, — а ты вот что: ты пойдешь скорее, возьми извозчика и поезжай... вот квитанция, получи вещи. Он пошел по коридору за своим пальто. Боясь, что он спугнет их я проводил его до его каморки и подождал, пока он оделся. В гостиной, за другой комнатой, слышен был говор и звук ножей и тарелок. Они ели и не слышали звонка. Я выпустил Егора, запер за ним дверь, и мне стало

¹⁾ Отрывок-финал, рассказ Позднышева в сокращении.

жутко, когда почувствовал, что остался один и что мне надо сейчас действовать.

Первое, что я сделал, я снял сапоги и, оставшись в носках, подошел к стене над диваном, где у меня висели ружья и кинжалы, и взял кривой дамасский кинжал, ни разу не употреблявшийся и очень острый. Я вынул его из ножен. Ножны, я помню, завалились за диван, и помню, что я сказал себе: надо после найти их, а то пропадут. Потом я снял пальто, которое все время было на мне, и, мягко ступая, в одних носках, пошел туда.

И, подкравшись тихо, я вдруг отворил дверь.

Помню выражение их лиц. Я помню это выражение потому, что выражение это доставило мне мучительную радость. Это было выражение ужаса. Он сидел, кажется, за столом, но, увидав или услышав меня, вскочил на ноги и остановился спиной к шкафу. На его лице было одно очень несомненное выражение ужаса. На ее лице было тоже выражение ужаса, но с ним вместе было и другое. Если бы оно было одно, может быть, не случилось бы того, что случилось, но в выражении ее лица было, — по крайней мере так показалось мне, — было еще огорчение, недовольство тем, что нарушили ее увлечение любовью и ее счастье с ним.

На мгновение я остановился в дверях, держа кинжал за спиной.

В это-то мгновение он улыбнулся и до смешного равнодушным тоном начал:

— А мы вот музицировали...

— Вот не ожидали! — в то же время начала она, повинуясь его тону. Но ни тот, ни другой не договорили: то же самое бешенство, которое я испытал неделю тому назад, овладело мной. Опять я испытал эту потребность разрушения, насилия и отдался ему.

Она не договорила. Я бросился к ней, все еще скрывая кинжал, чтобы он не помешал мне ударить ее. В ту минуту, как я бросился к ней, он увидал, и чего, я никак не ожидал от него, он схватил меня за руку и крикнул: «Опомнитесь, что вы!.. Люди!..»

Я вырвал руку и молча бросился к нему. Он вдруг побледнел, как полотно, до губ, глаза сверкнули как то

особенно, и, чего я никак не ожидал, он шмыгнул под фортепиано, в дверь. Я бросился было за ним, но на левой руке моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще сильнее повисла и не выпускала меня. Неожиданная эта помеха, тяжесть и ее отвратительное мне прикосновение еще больше разожгли меня. Я размахнулся изо всех сил левой рукой и локтем попал ей в самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Я повернулся к ней. Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрела на меня. В лице ее был страх и ненависть ко мне, к врагу, как у крысы, когда поднимают мышеловку, в которую она попалась.

— Опомнись! Что с тобой? Ничего нет... Клянусь!..

Я бы помедлил, но эти последние слова, по которым я заключил обратное, т.-е. что все было, вызывали ответ.

— Не лги, мерзавка! — завопил я, и левой рукой схватил ее за руку, но она вырвалась. Тогда я схватил ее левой рукой за горло, опрокинул навзничь и стал душиить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обеими руками за мои руки, отдирая их от горла, и я изо всех сил ударил ее кинжалом в левый бок, ниже ребер.

Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, — это вздор, неправда. Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить. Всякую секунду я знал, что я делаю. Я знал, что ударю ниже ребер и что кинжал войдет. Поступок сознавался с необычайной ясностью. Я слышал и помню мгновенное противодействие корсета и еще чего то и потом погружение ножа во что-то мягкое. Она схватилась руками за кинжал, обрезала их, но не удержала.

— Няня! он убил меня!

Услышавшая шум няня стояла в дверях.

— Не надо волноваться, надо знать, что я делаю, — сказал я себе. Няня кричала, звала девушку. Я прошел коридором и, послав девушку, пошел в свою комнату. Что теперь надо делать? — спросил я себя и тотчас же понял что. Войдя в кабинет, я прямо подошел к стене, снял с нее револьвер, осмотрел его, — он был заряжен — и положил на стол. Потом достал ножны из-за дивана и сел на диван.

Долго я сидел так. Я ничего не думал, ничего не вспоминал. Слышал, как приехал кто-то. Я встал, запер дверь, достал папироски и спички и стал курить. Я не докурил папироски, как меня схватил и повалил сон. Я спал верно часа два. Меня разбудил стук в дверь. «Это полиция, — подумал я, просыпаясь. Ведь я убил, кажется». В дверь постучались еще. Я подошел к двери и отодвинул задвижку. Это была сестра жены, добрая, глупая вдова.

— Вася, она умирает! Иван Захарыч сказал. — Вася, поди к ней, — сказала она.

— «Пойти к ней?» — задал я себе вопрос, и тотчас же ответил, что надо пойти к ней. Что, вероятно, всегда так делается, что когда муж, как я, убил жену, то непременно надо идти к ней.

Я подошел к двери, и горничная изнутри отворила мне и вышла. Первое, что бросилось мне, было ее светло-серое платье на стуле, все почерневшее от крови. На нашей двуспальной постели лежала она с поднятыми коленями. Она с трудом подняла на меня глаза, из которых один был подбитый, и с трудом, с запинками проговорила:

— Добился своего, убил... Детей... я тебе... не отдам... Она возьмет...

Я взглянул на детей, на ее с подтеками разбитое лицо, и в первый раз забыл себя, свои права, свою гордость, в первый раз увидел в ней человека. И так ничтожно мне показалось все то, что оскорбляло меня, вся моя ревность, и так значительно то, что я сделал, что я хотел припасть лицом к ее руке и сказать: прости! Она слабо оттолкнула меня.

— Зачем все это? зачем?

— Прости меня, — сказал я.

— Прости? Все это вздор!... Только бы не умереть!... Только всех и его!.. Ушел... Ну, убивай, убивай, я не боюсь...

Бред продолжался уже все время. Она не узнавала никого. В тот же день к полудню она умерла. Меня, прежде этого, отвели в тюрьму. И там, просидев одиннадцать месяцев, дожидаясь суда, я обдумал себя и свое прошедшее и понял его.

Я начал понимать только тогда, когда увидел ее в гробу... Только тогда, когда я увидел ее мертвое лицо, я понял, все, что я сделал. Я понял, что я, я убил ее, что от меня сделалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигде, ничем нельзя... У! У! У!

— Ну, простите!..

Л. Н. Толстой.

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА ¹⁾.

Я лежала как будто в забытьи, но сон не смыкал глаз моих. Тоска моя возрастала все более и более. Наконец, уже поздно ночью, я услышала, как отворилась наша дверь. Я увидела батюшку. Мне показалось, что он был страшно бледен. Он сидел на стуле возле самой двери и как будто о чем-то задумался. В комнате была мертвая тишина.

Я долго смотрела, но батюшка все еще не двигался с места; он сидел неподвижно, все в том же положении. Наконец, он вдруг очнулся... поднял голову... и встал со стула. Он стоял несколько минут посреди комнаты, как будто решаясь на что-нибудь; потом подошел к постели матушки... прислушался... и, уверившись, что она спит, отправился к сундуку, в котором лежала его скрипка.

Он отпер сундук, вынул черный футляр и поставил на стол; потом снова оглянулся кругом; взгляд его был мутный и беглый, такой, какого я у него никогда еще не замечала.

Он было взялся за скрипку, но, тотчас же оставив ее, воротился и запер двери. Потом, заметив отворенный шкаф, тихонько подошел к нему, увидел стакан и вино, налил и выпил. Тут он в третий раз взялся за скрипку, но в третий раз оставил ее и подошел к постели матушки. Цепenea от страха, я ждала, что будет.

Он что-то очень долго прислушивался, потом вдруг откинул одеяло с лица и начал ошупывать его рукой. Я вздрогнула. Он нагнулся еще раз, приложил к ней

¹⁾ Отрывок, в сокращении.

голову, но когда он приподнялся в последний раз, то как будто улыбка мелькнула на его страшно побледневшем лице. Он тихо и бережно накрыл одеялом спящую, закрыл ей голову, ноги... я начала дрожать от неведомого страха. Мне стало страшно за матушку, за ее глубокий сон! Как молния пробежала страшная мысль в уме моем.

Кончив все приготовления, он снова подошел к шкафу и вынул остатки вина. Он весь дрожал, подходя к столу. Его узнать нельзя было: так он был бледен. Тут он опять взял скрипку. Я видела эту скрипку и знала что она такое, но теперь ожидала чего-то ужасного, страшного, чудесного и вздрогнула от первых ее звуков. Батюшка начал играть. Но звуки шли как-то прерывисто; он поминутно останавливался, как будто припоминая что-то; наконец, с растерзанным, мучительным видом положил свой смычок и как-то странно поглядел на постель. Там его что-то все беспокоило. Он опять пошел к постели. Я не пропускала ни одного движения его и следила за ним. Вдруг он поспешно начал чего-то искать под руками. Мне пришло в голову: отчего же так крепко спит матушка? Отчего же она не проснулась, когда он руками ощупывал ее лицо? Наконец, я увидела, что он стаскивал все, что мог найти из нашего платья, взял салоп матушки, свой старый сюртук, халат, даже мое платье, которое я скинула, так что закрыл матушку совершенно и спрятал под набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни одним членом.

Она спала глубоким сном! Наконец, он взял скрипку и с каким-то отчаянным жестом ударил смычком... Музыка началась. Но это была не музыка... Нет... Это была не такая музыка, которую мне потом удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем темном жилище... Я слышала стоны, крик человеческий, плач, целое отчаяние выливалось в этих звуках и, наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в котором было все, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске, — все это как будто соединилось разом... Я не могла выдержать; я задрожала, слезы брызнули

из глаз моих, и, с страшным, отчаянным криком бросившись к батюшке, я обхватила его руками. Он вскрикнул и опустил свою скрипку. С минуту стоял он, как потерянный. Он схватил скрипку, взмахнул ею надо мною... еще минута, и он, может быть, убил бы меня на месте...

— Папочка! Папочка!

— Ах! Так ты еще осталась со мною!

— Папочка! не пугай меня, ради бога! Мне страшно!

Ай!

Он тихо опустил меня на пол и с минуту безмолвно смотрел на меня, как будто узнавая и припоминая что-то.

— Не смотри так, папочка! Уйдем отсюда! Уйдем скорее! Убежим!

— Да, убежим! Убежим! Пора! Пойдем, Нечка! Скорей! Скорей!

И он засуетился, как будто только теперь догадался, что ему делать. Торопливо озирался он кругом и, увидев на полу матушкин платок, поднял его и положил в карман, потом увидел чепчик, — и его тоже поднял и спрятал на себе, как будто снаряжаясь в дальнюю дорогу и хватывая все, что было ему нужно.

— Все-ли? Все-ли? Все-ли готово? Скорей! Скорей!

Он взял меня за руку, и мы были уже пошли, но вдруг батюшка остановил меня. Он долго тер себе лоб, как будто вспоминая что-то, что еще не было сделано. Наконец, он как будто нашел, что ему было надо, отыскал ключи, которые лежали у матушки под подушкой, и торопливо начал искать чего-то в комод. Наконец, он воротился ко мне и принес несколько денег, отысканных в ящике.

— Вот, на, возьми это, береги! Не теряй же, помни, помни!

Он мне положил сначала деньги в руку, потом взял их опять и сунул мне за пазуху.

— Нечка! Дочка моя, я позабыл... Что такое? Что это надо? Да, да, нашел, вспомнил!.. Поди сюда, Нечка!

Он подвел меня к углу, где был образ, и сказал, чтоб я стала на колени.

— Молись, дитя мое, помолись! Тебе лучше будет!..

Я бросилась на колени, упала на пол и пролежала несколько минут, как бездыханная.

— Папа, а мама? Что с мамой? Где она? Где моя мама?

Он взял меня за руку, подвел к постели, разметал набросанную грудку платя и открыл одеяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодевшая и посиневшая. Я, как бесчувственная, бросилась к ней и обняла ее труп. Отец поставил меня на колени.

— Поклонись ей, дитя! Простись с нею...

Я поклонилась. Отец поклонился вместе со мною.

— Это не я, Неточка, не я, — говорил он мне, указывая дрожащей рукою на труп. — Слышишь, не я; я не виноват в этом.

— Папа, пойдем! Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! Ну, теперь в путь! Слава богу, слава богу, слава богу, теперь все кончено!

Мы сошли с лестницы и прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. Было холодно: я дрогала до костей и бежала за батюшкой, судорожно уцепившись за полы его фрака. Скрипка у него была под мышкой, и он минутно останавливался, чтобы придержать под мышкой футляр.

Мы шли с четверть часа; он повернул по скату тротуара на самую канаву и сел на последней тумбе. Наконец, совершилось все, о чем я мечтала уже целый год. Мы ушли из нашего бедного жилища... Но того ли я ожидала? О том ли я мечтала? То ли создалось в моей детской фантазии? Всего более мучила меня в это мгновение матушка. Зачем мы ее оставили? Одну? — Папочка!

— Что такое?

— Зачем мы, папочка, оставили там маму? Зачем мы бросили ее? Папочка! Воротимся домой? Позовем к ней кого-нибудь.

— Да, да! Да, Неточка, так нельзя; нужно пойти к маме, ей там холодно. Поди к ней, Неточка, поди; поди... а я тебя здесь подожду... Я ведь никуда не уйду.

Я тотчас же пошла, но едва только взойшла на тротуар, как вдруг будто что-то кольнуло меня в сердце. Я обер-

нулась и увидела, что он уже сбежал с другой стороны и бежит от меня, оставив меня одну, покидая меня в эту минуту! Я закричала сколько во мне было силы и в страшном испуге бросилась догонять его. Я задыхалась: он бежал все скорее и скорее... я уже теряла его из виду. Мучительное ощущение разрывало меня: мне было жалко его; сердце мое пыло и болело, когда я представляла, как он бежит, без шинели, без шляпы, от меня, от своего любимого дитяти... Мне хотелось догнать его только для того, чтоб еще раз крепко поцеловать, сказать ему, чтоб он меня не боялся, что я не побегу за ним.

— Папочка! Папочка! — но вдруг поскользнулась на тротуаре и упала у ворот дома. Мгновение спустя, я лишилась чувств...

Ф. М. Достоевский.

Искусство дыхания состоит не в том, чтобы набирать как можно больше воздуха, а в том, чтобы уметь использовать его во время речи и пения.

Вас. Серезников.
(Из книги: «Техника речи»).

Что это такое, спрашивается, талантливый актер? Это талантливый копировщик, комический или трагический, в уста которого поэт вкладывает свои речи.

Дидро.
(Из книги: «Парадокс об актере»).

Очень важно никогда не давать всю свою силу. Помните изречение Дельсарта: «Как бы ни был силен голос, он должен быть ниже той силы, которая его оживляет».

С. Волконский.
(Из книги: «Выразительное слово»).

КАРАСЬ ИДЕАЛИСТ.

Карась с ершом спорил. Карась говорил, что можно на свете одной правдой прожить, а ерш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтобы не слухавить. Что именно разумел ерш под выражением «слухавить» — неизвестно, но только всякий раз, как он эти слова произносил, карась в негодовании восклицал:

— Но ведь это подлость!

На это ерш возражал:

— Вот ужo увидишь!

Карась рыба смиренная и к идеализму склонная: недаром его монахи любят. Что касается до ершей, то эта рыба уже тронутая скептицизмом и притом колючая.

Каким образом случилось, что карась с ершом сошлись — не знаю; знаю только, что, однажды сошедшись, сейчас же заспорили. Поспорили раз, поспорили другой, а потом и во вкус вошли, свидания друг другу стали назначать.

Первым всегда задирал карась.

— Не верю, не верю, чтобы борьба и свара были нормальным законом, под влиянием которого будто бы суждено развиваться всему живущему на земле, и глубоко убежден, что счастье — не праздная фантазия мечтательных умов, но рано или поздно делается общим достоянием!

— Дождись! — иронизировал ерш.

— И дождусь! и не я один, все дождутся! И будет свет, будет!

— Значит, и такое, по-твоему, время придет, когда и шук не будет?

— Каких таких шук?

— Ах, фофан ты, фофан! Мировые задачи решать хочешь, а о шухах понятия не имеешь!

— В жизни первенствующую роль добро играет, — разглагольствовал карась: — зло — это так, по недоразумению допущено, а главная жизненная сила все-таки в добре замыкается.

— Держи карман!

— Ах, ерш, какие ты несообразные выражения употребляешь! «Держи карман!» — разве это ответ?

— Да тебе, по-настоящему, и совсем отвечать не следует. Глупый ты — вот тебе и сказ весь!

— Нет, ты послушай, что я тебе скажу: что зло никогда не было зиждущей силой — об этом и история свидетельствует. Потому, что ведь, в сущности, что такое история? История — это повесть освобождения, это рассказ о торжестве добра и разума над злом и безумием. Сравни, что некогда было, с тем, что есть. Возьми хотя бы нашу, рыбную породу. Прежде нас во всякое время ловили, и преимущественно во время «хода»; а нынче именно во время «хода»-то и признается вредным нас ловить. Прежде нас, можно сказать, самыми варварскими способами истребляли; а нынче — шабан! Неводы, да верши, да уды — больше, что б ни-ни!

— А тебе, видно, не все равно, каким способом в уху попасть?

— В какую такую уху? — удивился карась.

— Ах, прах тебя побери... Карасем зовется, а об ухе не слышал! О чем же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь, что каждому карасю впереди уготована уха? Брысь! Заколю!

Ерш ошетикивался, а карась быстро опускался на дно. Но через сутки друзья-противники опять сплывались и новый разговор затевали.

— Намеднись в нашу заводь шука заглядывала, — объявлял ерш. — Приплыла, заглянула, молвила: «что-то будто уж слишком здесь тихо! должно быть тут карасям вод?...» И с этим уплыла.

— Что же мне теперь делать?

— Изготавливаться — только и всего. Ужо, как приплывет она; ты чешую-то да перья подбери поплотнее, да прямо и полезай ей в хайло!

— Зачем же я полезу? Да за что же меня есть, коли я не провинился?

— Слушай, дурья порода! едят-то разве «за что?» Разве потому едят, что казнить хотят? Едят потому — есть хочется, только и всего. И ты, чай, ешь. Не попусту посомто в иле роешься, а ракушек вылавливаешь. Сказывай:

какую такую они вину перед тобой сделали, что ты их ежеминутно казнишь?

Вопрос был так прямо и так неприятно поставлен, что карась сконфузился и слегка даже покраснел.

— Но ракушки — ведь это...

— Ракушки — ракушки, а караси — караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями — щуки. И ракушки ни в чем не повинны, и караси не виноваты, а и те и другие должны ответ держать. Хоть ты сто лет об этом думай, а ничего другого не выдумаешь.

Спрятался после этих ершовых слов карась в самую глубь тины и стал на досуге думать. Думал-думал и, между прочим, ракушек ел да ел. Наконец однакож додумался.

— Я не потому ем ракушек, что они виновны, — объяснил он ершу: — а потому я их ем, что они, эти ракушки, самой природой мне для еды предоставлены.

— Кто же тебе это сказал?

— Никто не сказал, а я сам, собственным наблюдением дошел. У ракушки не душа, а пар; ее ешь, а она и не понимает. Да и устроена она так, что никак невозможно, чтобы ее не проглотить. Потяни рылом воду, ан в зобу у тебя уж видимо-невидимо ракушек кишит. Я и не ловлю их — сами в рот лезут. Ну, а карась — совсем другое. Караси, брат, они десяти вершков бывают, — так с таким стариком еще поговорить надо, прежде нежели его съест. Надо, чтоб он серьезную пакость сделал — ну, тогда, конечно...

— Вот, как щука проглотит тебя, тогда ты и узнаешь, что надо для этого сделать.

Проходили дни за днями, а диспутам карася с ершом и конца не видать.

— Надобно, чтобы рыбы любили друг друга — ораторствовал карась: — чтобы каждый за всех, а все за каждого — вот когда настоящая гармония осуществится.

— Желал бы я знать, как ты с своей любовью к щуке подъедешь...

— Я, брат, подъеду! — я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

— А нутка, скажи!

— Да просто спрошу: знаешь ли ты, мол, щука, что такое добродетель?

— Огорошил! нечего сказать! А хочешь? я тебе за этот самый вопрос иглой живот пронорю?

Повторяю, дни проходили за днями, а карась все бредил. Припускал да припускал, как вдруг к нему головель с повесткой: на завтра, дескать, щука изволит, в заводь прибыть, так ты, карась, смотри! чуть свет ответ держать явись!

Карась однакож не обробел: он знал, что у него магическое слово есть и очень на это слово надеялся.

Приплыла на утро щука, как пить дала. Смотрит на нее карась и дивится: каких ему про щуку сплеток ни плели, а она — рыба, как рыба! Только рот до ушей, да хайло такое, что как раз ему карасю пролезть.

— Слышала я, молвила щука: — что очень ты, карась, умен и разглагольствовать мастер. Хочу я с тобой диспут иметь. Начинай.

— Об счастье я больше думаю. Чтобы не я один, а все были счастливы. Чтобы всем рыбам во всякой воде свободно плавать было.

— Гм!.. и ты думаешь, что такому делу статься возможно?

— Не только думаю, но всечасно сего ожидаю.

— Например: плыву я, а рядом со мною... карась?

— Так что же такое?

— В первый раз слышу. А ежели я обернусь да карася-то съем?

— Такого закона, ваше высокостепенство, нет; закон говорит прямо: ракушки, комары, мухи и мошки да послужат для рыб пропитанием. А кроме того, позднейшими разными указами к пище сопричислены: водяные блохи, науки, черви, жуки, лягушки, раки и прочие водяные обыватели. Но не рыбы.

— Маловато для меня. Головель! неужто такой закон есть?

— В забвении, ваше высокостепенство! — ловко вывернулся головель.

— Я так и знала, что не можно такому закону быть. Ну, а еще ты чего всечасно, карась, ожидаешь?

— А еще ожидаю, что справедливость восторжествует. Сильные не будут теснить слабых, богатые — бедных. Ты, щука, всех сильнее и ловче — ты и дело на себя по сильнее возьмешь, а мне, карасю, по моим скромным способностям, и дело скромное укажут. Всякий для всех, и все для всякого, — вот как будет!

— Так ты полагаешь, что я работать стану, и ты от моих трудов лакомиться будешь?

— Все друг от дружки... от общих взаимных трудов...

— Понимаю: «друг от дружки», а между прочим и от меня... гм! думается однакож, что ты это зазорные речи говоришь. Головель! как по-нынешнему такие речи называются?

— Социализмом, ваше высокостепенство!

— Так я и знала. Давненько я уж слышу: бунтовские, мол, речи карась говорит! Только думаю: дай лучше сама послушаю... Ан вот ты каков!

Как только щука умолкла, карася со всех сторон обступили головы и взяли под караул.

Вечером, еще не успело солнышко сесть, как карась в третий раз явился к щуке на диспут. Но явился уже под стражей и притом с некоторыми повреждениями. А именно: окунь, допрашивая, покусал ему спину и часть хвоста.

Но он все еще бодрился, потому что в запасе у него было магическое слово.

— Хоть ты мне и супротивник, — начала опять первая щука: — да, видно, горе мое такое: смерть диспуты люблю! Будь здоров, начинай!

При этих словах карась вдруг почувствовал, что сердце в нем загорелось. В одно мгновение он подобрал живот, затрепыхался и, глядя щуке прямо в глаза, во всю мочь гаркнул:

— Знаешь ли ты, что такое добродетель?

Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

А ерш выплыл вперед и торжественно провозгласил:

— Вот они, диспуты-то наши, каковы!

М. Е. Салтыков-Щедрин.

ВАНЯ И МИША ¹⁾.

В передней сидят два мальчика: Ваня и Миша, и ждут барыню из гостей. Скоро полночь, а барыня все не едет; в окна, по временам, показывается что-то белое; мелькнет, мелькнет и опять скроется. Это сылет снег, а мальчики думают, что показывается голова мертвеца, и вздрагивают. Ваня — мальчик крешкий, быстрый, черноволосый и черномазый. Он уверяет Мишу, что ничего не боится. Миша, в противоположность Ване, мальчик слабенький, нервный, с белокурой головкой и большими синими глазами. Он часто поглядывает на потолок и, увидевши мрак, вздрагивает и пожимается. В ту минуту, как мы с ними знакомимся, они ведут оживленный, но несколько странный разговор.

— Холодным-то ножом-то, чай, больно?

— Это только раз больно, а потом ничего!

— А помнишь, как повар Михай зарезался! Тоже сначала все хвастался: зарежусьже, зарежусь! а как полоснул ножом-то по горлу, как потекла кровь-то...

— Ну что ж, что повар Михай! Михайка и вышел дурак! Небось вылечился потом; а для чего вылечиваться? Все одно — наказали дурака; а мы уж так полыснем, чтобы не вылечиться!

— Ты ножи-то приготовил, Ваня?

— Когда не приготовил! Еще с утра выточил! Только ты у меня смотри! чур не отступаться.

Миша вздохнул в ответ. Глаза его остановились на нагоревшей свечке.

— Что разве снять со свечки... в последний раз?

— Что с нее снимать-то? А я тебе вот что скажу, Мишутка: коли мы это теперича сделаем, так беспреречно в рай попадем, потому что теперь мы маленькие, и грехов у нас нет! А заместо нас попадет в ад Катерина Афанасьевна!

— Катерину Афанасьевну, стало быть, мучить будут?

¹⁾ В сокращении.

— Еще как, брат, мучить-то! не роди ты, мать земля! Первым делом на железный крюк за ребро повесят, вторым делом по горячей плите голыми ногами заставят ходить, потом сковороду раскаленную языком лизать, потом железными кнутьями по голой спине бить... да столько, брат, мученьев-то, что и сказать страсти!

— Да ведь она не стерпит, Катерина Афанасьевна-то?

— Что ей, чорту экому, делается! Стерпит! Там, брат, Мишутка, на это не посмотрят! Там, брат, терпи! а не можешь терпеть... Так все-таки терпи!..

Разговор на минуту смолк. Вдруг на улице завyla собака.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почувал!

— Ну чтож что почувал! Известно почувал! А ты небось и трусу спраздновал!

— Нет, Ваня, я не боюсь!.. Я так только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствует?

— А оттого, что собака — друг человека!..

— А что, Ваня, кабы утопнуть?

— Чудак ты, Мишутка! да ты мне скажи сперва, какая нынче вода? Лето нынче что-ли?

— Да, нынче вода холодная... Чай, в воду-то бултыхнешься так и не стерпишь!

— Вот то-то-ж и есть! Утопнуть-то надо в прорубь лезть, барахтаться станешь, еще вылезешь пожалуй! Что одних мученьев-то примешь... пойми ты! А с ножом ловко! Ножом как польснул себе раз, тут тебе и конец!

— И бить больше никто не будет?

— И бить не будет! «Возьмут твою душу ангелы и понесут к престолу божьему!»

— А бог ничего?

— А бог спросит: «Зачем вы, рабы божии, предела своего не дождались? Зачем, скажет, вы смертную муку безо времени приняли! А мы ему все скажем! Мы все скажем, как нас Катерина Афанасьевна мучила, как нам жить тошненько стало; как нас день-деньской все били, все-то били, все-то тиранили!..»

Миша потупился в ответ. Невольно накипевшие на сердце слезы горячими ключами хлынули из глаз. В зале загудели часы.

— Скоро барыня приедет.

— Дождись, скоро! Эх, теперь бы вот соснуть лихо.

— Нет, уж не спи, Ваня, Христа ради не спи.

— Боишься небось?

— Боюсь...

Водворилось молчание. Мальчики пристально вглядывались в трепещущее пламя свечи.

— А знаешь ли что, Мишутка? Пойдем-ка мы, обойдем все комнаты?.. Посмотрим!..

Мише тотчас же мелькнуло: «в последний раз»!..

— Пойдем, Ваня!..

Ваня взял свечку и пошел вперед.

— Вот это, брат, зала.

— Зала! повторил за ним Миша.

— Ну кланяйся, брат, теперь на все четыре стороны!

Миша поклонился на все четыре стороны; Ваня исполнил вместе с ним то же самое.

Таким образом обошли они все комнаты и везде простились. — «Знаешь ли что, Мишутка, зажжем-ка мы теперь лиминацию. Ведь колдовка-то, чай, еще не скоро приедет!»

— Зажжем!.. согласился Миша, и на лице его сверкнула детски-радостная улыбка. Зажгли иллюминацию действительно блестящую. Миша изъявил согласие быть гостем, Ваня изъявил согласие быть хозяином, но едва успели хозяин и гость усесться с ногами на диван, едва успел хозяин предложить гостю обычный вопрос о здоровье, как в передней раздался сильнейший трезвон, хозяин и гость бросились тушить свечи, но впотьмах дело не спорилось. Раздался еще трезвон, более сильный и более нетерпеливый. Наконец свечи кое-как были потушены. Бросились в переднюю. Через дверь еще Ваня слышал, как барыня сердиться изволили: «Это все мальчишки, мерзавцы. Вот уже погоди»!..

В это время Ваня отпер наружную дверь.

— Братец Никанор Афанасьевич дома? был первый вопрос барыни.

— Никак нет-с...

— Кто же свечи в зале зажигал?

— Никто не зажигал-с...

— Мерзавец!..

Сильный ударшиб Ваню с ног.

— Кто свечи в зале зажигал?

— Никак нет-с, едва-едва прошептал Миша.

— Долго-ли вы мучить-то нас будете?.. каким-то естественным голосом закричал Ваня, и никто не успел моргнуть глазом, как он вскочил с пола и впился ногтями в рот и нос Катерины Афанасьевны. Ваню насилу отняли от нее. Он словно замер и заоченел весь.

Утром ночной сторож был разбужен проезжими мужиками, они слышали стоны в лесу и почтительно докладывали об этом. Спустились в овраг и нашли двух мальчиков. Ваня был бездыханен, Миша — еще жив. Неверная, трепещущая рука в несколько приемов полыснула ножом по горлу, но робко и нерешительно. Жажда жизни сказала и восторжествовала.

М. Е. Салтыков-Щедрин.

Жесты, чтобы быть эффектными, должны иметь смысл; они должны быть редки.

Дж. Льюис.

(Из книги: «Актеры и сценическое искусство»).

Что служит главной причиной утомления голоса? — Неправильное дыхание.

Вас. Серезников.

(Из книги: «Техника речи»).

Первой работой каждого чтеца должна быть забота о том, чтобы его слышали и понимали.

Вас. Серезников.

(Из книги: «Техника речи»).

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ¹⁾.

Павел Владимирович находился в неопианной тревоге. Он лежал в антресолях совсем один и в то же время слышал, что в доме происходит какое-то необычайное движение. Всякое хлопанье дверьми, всякий шаг в коридоре отзывались чем-то таинственным. После общей беготни, после громкого говора голосов вдруг наступила мертвая тишина. Что-то неизвестное страшное обступило его со всех сторон. Дневной свет сквозь опущенные гардины лился скупо, и так как в углу перед образом теплилась лампадка, то сумерки, наполнявшие комнату, казались еще темнее и гуще. Павел Владимирович вематривался-вематривался, и ему почудилось, что там, в этом углу, все вдруг задвигалось. Одиночество, беспомощность, мертвая тишина — и посреди этого тени. Ему казалось, что эти тени идут, идут, идут... В неопианном ужасе, раскрыв глаза и рот, он глядел в таинственный угол и не кричал, а стонал. Он не слышал ни скрипа лестницы, ни осторожного шарканья шагов в первой комнате — как вдруг у его постели выросла ненавистная фигура Иудушки.

— Зачем? Откуда? Кто пустил?

Иудушка стоял у постели, вематривался в больного и скорбно покачивал головой.

— Больно?

Иудушка приблизился к образу, встал на колени, умилился, сотворил три земных поклона, встал и вновь очутился у постели.

— Ну, брат, вставай! бог милости прислал! сказал он, таким радостным тоном, словно, и в самом деле «милость» у него в кармане была.

— Ах, брат, брат! Какая ты бяка сделался! А ты вот возьми, да приободришься! Встань да и побегии! Труском-труском — пусть-ка мол, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали. Фу-ты! Ну-ты!

— Иди, кровопивец, вон! отчаянно крикнул больной.

¹⁾ Отрывок из романа. Гл. II. По родственному. Иудушка и умирающий брат. С некоторыми сокращениями.

— А-а-ах! Какое ты слово сказал! А-а-ах, грех-то какой! И как это язык у тебя, дружок, повернулся, чтобы этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчик, даже очень стыдно! Постой-ка я лучше тебе подушечку поправлю.

— Вот так! вот теперь славно! Лежи себе хорошенько.

— Уйди... Ты!

— Ах, как болезнь-то тебя, однако, испортила! Даже характер в тебе — и тот какой-то строптивый стал! Уйди, да уйди — ну как я уйду! Вот тебе испить захочется — я водички подам; вон лампадка не в исправности — я лампадочку поправлю, маслица деревянного подолью. Вот ты меня бранишь, а я за тебя богу помолюсь. Я ведь знаю, что ты это не от себя, а болезнь в тебе говорит. Я, брат, привык прощать, я всем прощаю. Вот и сегодня еду к тебе, встретился по дороге мужичок и что-то сказал. Ну, что ж! И Христос с ним! Он же свой язык осквернил! А я... да не только не рассердился, а даже перекрестил его — право!

— Ограбил мужика?

— Кто? Я-то? Нет, мой друг, я не граблю, это разбойники по большим дорогам грабят, а я — по закону действую. Лошадь его в своем лугу поймал — ну и ступай, голубчик, к мировому. Коли скажет мировой, что травить чужие луга дозволяется — и бог с ним! А скажет, что травить не дозволяется — нечего делать! Штраф пожалуйста! По закону я, голубчик, по закону.

— Иуда-предатель! Мать по миру пустил!

— Ну перестань же, перестань! Вот я богу помолюсь: может быть ты поспокойнее будешь...

С последними словами он действительно стал на колени и с четверть часа воздевал руки и шептал. Исполнивши это, он возвратился к постели, с лицом успокоенным, почти ясным.

— А ведь я, брат, о деле с тобой поговорить приехал. Ты меня вот бранишь, а я о душе твоей думаю. Скажи пожалуйста, когда ты в последний раз утешение принял?

— Господи! да что же это!.. уведите его! Улитка! Агашка! Кто тут есть? стонал больной.

— Ну, ну, ну! успокойся, голубчик! знаю, что ты об этом говорить не любишь! Да, брат, всегда ты дурным

христианином был и теперь таким же остаешься. А не худо, ах, как бы не худо в такую минуту о душе-то подумать! Ведь душа-то наша... ах, как с ней осторожно обращаться нужно, мой друг! Церковь-то что нам предписывает? Приносите, говорит, моления, благодарения... А еще: христианския кончины живота нашего безболезненны, нестыдны, мирны — вот что, мой друг! Послать бы тебе теперь за батюшкой, да искренно, с раскаянием... Ну, ну! не буду! не буду!

Павел Владимирович лежал весь багровый и чуть не задышался. Если бы он мог в эту минуту разбить себе голову, он несомненно сделал бы это.

— Вот и насчет имения — может быть, ты уж и распорядился? — хорошенькое, очень хорошенькое именище у тебя, нечего сказать. Земля даже лучше, чем в Головлеве: с песочком суглиночек-то! Ну, и капитал у тебя... Вот сегодня еду к тебе и говорю про себя: должно быть у брата Павла капитал есть! А впрочем, думаю, если и есть у него капитал, так уж, наверное, он насчет его распоряжение сделал!

Больной отвернулся и тяжело вздыхал.

— Не сделал? Ну, и тем лучше, мой друг! По закону — оно даже справедливее. И ведь как это хорошо, голубчик! Ни свары, ни зависти, ни кляуз... закон!

— Уйди, ради Христа... уйди!

— Ну, ну, ну, успокойся! уйду! Знаю, что ты меня не любишь... Стыдно, мой друг, очень стыдно родного брата не любить! Так ты, значит, не делал распоряжений — и прекрасно, мой друг! А? Что? Надоед я тебе! Ну, ну, так и быть, уйду! Дай, только богу помолюсь!

Он встал, сложил ладони и наскоро пошептал.

— Прощай, друг! не беспокойся! Почивай себе хорошенько — может, и даст бог!.. Я, брат, постельного себе к обеду приготовить просил... рыбки солененькой, да грибов, да капуста — так уж ты меня извини! Что? Или опять надоед? Ах, брат, брат!.. Ну, ну, уйду! Главное, мой друг, не тревожься, не волнуй себя — спи себе да почивай! — хрр... хрр... шутливо поддразнивал он, решаясь наконец уйти.

— Кровопивец!!

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ ¹⁾.

В один из первых дней после моего приезда в уездный городок, когда мы с доктором, отобедав, отдыхали — один в одной, другой в другой комнате — в пустом зале вдруг раздался голос:

— Иван Иванович, а Иван Иванович!

— Что вам! — отвечал мой приятель из своего кабинета.

— Да мне бы два словечка хотелось...

— Что такое, какие словечки, — направляясь к окну, говорил мой приятель. — Здравствуйте, отец дьякон!.. Какие словечки?

— Доброго здоровья!.. Да я было хотел...

— Вы вот что скажите прежде всего, бросили вы пить или нет, и принимаете ли железо?

— Бросаю.

— Бросаете? Прекрасно... Ну, а железо?

— Да вот я об этом и хочу с вами потолковать.

— Что же такое?

— Да вступает ли?

— Что вступает ли? Куда вступает?

— Да железо-то... Точно ли, мол, вступает в это... как его...

— В кровь, что ли? В организм?

— Вот, вот... в это самое... Точно ли мол...

— Ах, отец Аркадий, или как там вас, отец вы или кто, уж не знаю... Сколько раз я вам говорил... да! да! вступает! Именно вступает в кровь. За каким чортом, спрашивается, я вам его прописывал? Ну, скажите, ради

¹⁾ В этом рассказе выведен тип алкоголика — бывшего дьякона, в жизни которого случилась катастрофа на почве душевной болезни (разлада), приведшая его к пьянству. Виновницей этой катастрофы была одна сельская учительница, открывшая дьякону глаза на всю мерзость его эгоистического существования. Будучи за пьянство уволен со службы, дьякон попал в уездный городок, где и обратился к доктору, ища у него излечения, не только больного тела, но и больного духа. (Рассказ приводится в сокращении). В. С.

бога, за каким чортом? Вы пили, кровь у вас теперь — не кровь, а сусло... Понимаете? Сусло, а не кровь!..

— Позвольте, господи помилуй! Да разве я об этом? Конечно, пьешь... Сусло! Я и сам знаю, что сусло.

— Ну так что же тут? о чем же тут разговаривать? Принимайте железо и все!

— И то есть уж в самый корень вступит?

— Я не знаю, что это за корень... Вам куда надо-то?..

— Да по мне бы в самую настоящую точку...

— Еще куда?.. в корень, в точку, еще куда?

— То-есть, чтобы в самую, например, в жилу...

— Так говорить нельзя... Помилуйте!.. Знаете, отец дьякон, этакое разговора сам чорт не разберет... Что это значит? — в самую точку... Где самая жила, а где не самая? Ведь это просто чорт знает что такое!

Дьякон и сам засмеялся.

— Чорт ее знает, в самом деле, плетешь языком невесть что!

— Ей богу, ведь это невозможно!.. В точку, да в жилу...

— Ха-ха-ха!..

— Ей богу, невозможно!

После незначительного молчания, разговор возобновился вновь.

— Я вам говорю, что железо вступает в кровь! Раз!

— Так!

— Поправляет и укрепляет нервы.

— Два! Далее!

— Да чего-ж вам еще?

— А в душу?

— Что в душу?

— Да в душу-то вступает ли?

— Нет, отец Аркадий, это невозможно!.. Это... Так вы хотите, чтоб я вам душу возобновил, что ли? Так? Да?

— Да какой же мне, помилуйте, расчет его пить, ежели оно только обдало болезни ходит, там, в эти в нервы в разные, а в самую значит суть-то и нет!

— Нет! Ради бога, оставьте. Я не могу больше разговаривать так... Делайте, что хотите!..

— Не сердитесь, бога ради, Иван Иванович. Я больше не буду... Только я вас еще хотел спросить об одном.

- Сделайте милость, спрашивайте.
- Извольте видеть... Теперь вы говорите порошки там, нервы, например, органы и все такое — ведь это физика?
- То-есть как физика? Я не понимаю, что вы хотите сказать?
- То-есть материя, но не дух, вот как я думаю.
- Порошки-то не дух?
- Не порошки, а например, все прочее, весь состав...
- А-а, ну хорошо, ну материя. Ну?
- Ну, а дух, я говорю, следовательно — часть особая, извольте видеть?
- Положим особая. Дальше?
- А дальше, вот я и сомневаюсь, чтобы оно на пользу было... Например для духа...
- Это, кажется, вы опять начинаете старую песню?
- Нет! Ей богу, нет! Иван Иванович! Сделайте одолжение! Не о порошках...
- Так об чем же в таком случае?
- Два словечка. Я спю минуту объясню вам... Как материя имеет на свою пользу разные специи, так равно и дух их имеет...
- Все?
- Все.
- Очень приятно, по крайней мере коротко.
- И так как...
- Да ведь все?
- Только еще полслова. И так как для тела, следовательно, есть разные порошки или примочки, то для духа они пользы не дают. То следовательно... Дух имеет свои например...
- Примочки?
- Примочки не примочки, а тоже средства...
- В этом я вам не могу помочь.
- А чтение, например? Как вы думаете? Ежели, например, основательное чтение? Ведь я думаю, оно восстанавливает?
- Конечно...
- Ей-ей? Ну и отлично... Иван Иванович! Будьте отцом родным! батюшка!

- Что такое?
- Одолжите книжечек! Сделайте милость!
- Какие есть, берите, хоть сейчас...
- Я сейчас и железо сейчас...
- Заходите.
- Скоро в комнату вошел тщедушный, худенький человек в истасканном подряснике, и робко, на цыпочках направился вслед за Иваном Ивановичем в его кабинет; проходя залом, он обернулся в мою сторону, и я увидел прежде всего крайне странные не то восторженные, не то испуганные, даже сумасшедшие глаза, ярче всего выдававшиеся на худом, бледном, еще не старом лице с жидкими, длинными, белокурыми волосами и маленькой бородкой, которую он беспрерывно щипал.
- Вам какие книги надо?
- Да лишь бы пофундаментальнее.
- Ну вот, выбирайте... Вот журнал не хотите ли?
- Нет, это все мимолетное.
- А вам надо не мимолетнего? Да?
- Да уж что-нибудь по... того, поздоровей...
- Поздоровей вам? Не хотите ли взять вот Шлоссера: это, я думаю, будет довольно здорово...
- Это что такое Шлоссер?
- История.
- Мне бы только, Иван Иванович, с самого начала... чтонибудь...
- Да вот, что тут? «Греки»... вот тут с самого начала...
- То-есть, как вы говорите — с самого начала? С самого начала только греческая история.
- Только одна греческая... А вам что же?
- А раньше греков нет ли чего?
- Разумеется есть. Вот, история Индии... Это раньше греков.
- А еще чего не было ли раньше?
- Только уж я не знаю, что ж бы вам такое? А не хотите ли «до человека».
- Это книга такая?
- Книга... Понимаете... До! Уж тут самый корень.
- Вот, вот, вот! До! Это самое и есть. Ну, дай вам бог здоровья. Сейчас примусь! Вот это мне и нужно,

А то что ж мне, ей богу, — журналы там? Уж ежели поправляться, так уж надо все заново...

Дьякон поспешно вышел из кабинета и направился к бане, держа под самым носом развернутую книгу.

Глеб Успенский.

БЕЗОТВЕТНЫЙ

(Сцена в деревне).

— Калина Митрич, скажи ты мне, отчего я так много доволен?

— Может выпимши...

— Стаканчик выпил, это верно! А ты мне скажи, отчего я так много доволен?

— Ну, от стаканчика и доволен...

— Стаканчик один — ничего! А я очень рад!.. Видишь — птичка сидит, и я рад!.. Пушай сидит, голубушка!.. Оттого я много доволен, что хороший я очень человек!.. Такой хороший человек, — по всей деревне и людей таких нет. Чаю я не пью...

— А стаканчик-то...

— В первой от роду!.. Силком влили!.. Давайте, говорит, мы Мите стаканчик поднесем. Священник заступился: «что вы, говорит, непьющему человеку»...

— То-то я смотрю... тихий ты человек, голосу твоего никогда не слыхал, а теперь разговаривать стал...

— Оттого я много доволен, что всех я люблю!.. Рыбу я ловить люблю... В лесу, чтобы мне ночью — первое это мое удовольствие!.. Выйду я в лес, когда почка развернется, да и стою... Тихо! Дух такой здоровый!.. Мать ты родная моя, как я лес люблю!.. Ежели теперича в лесу ночью гроза...

— Не боишься?

— Люблю!.. Как начнет это она сосны выворачивать — страсть!.. А опосля того подымется всякая разная птица, на разные голоса...

— Охотник ты большой!..

— Большой я охотник!.. По нашему лесу вплоть до вантеевской мельницы я все гнезда знаю. А как меня рыба уважает!.. Ух, как она меня уважает! Но только за мою эту охоту великое мне наказание было!.. И как это, Калина Митрич обидно!.. Хороший я человек, чаю я не пью...

— Так за что же?

— Жил я на фабрике и свободное время — сейчас я в лес. Там народ — кто в трактор, кто — куда, а я в лес. И сижу это я в лесу и таково мне хорошо — лучше требовать нельзя. Вдруг, братец ты мой, откуда ни возьмись, двое. «Какой ты есть человек? По какому случаю?» Птиц, говорю, наманиваю. Поволокли меня к становому. Помилуйте, говорю, за что же? Ни в чем я не причинен. Ах, Калина Митрич, как мне это обидно... Вышел становой и сейчас меня обыскивать: Сознавайся, говорит тебе, лекше будет! — Ты фальшивую монету делал? Никак нет, говорю... За что вы, ребята, его взяли? Не можем, говорят, знать: сидит в овраге и взяти... Зачем, говорит, ты в овраге сидел? Птиц, говорю, люблю, ваше благородие. Вот тебе, говорит, двугривенный, ступай на все четыре стороны. Веришь ты богу, Калина Митрич, как мне это обидно!.. Иду мимо церкви, хотел положить этот самый двугривенный в кружку, а уж под вечер было, сейчас меня опять судить; ты, говорят, у храма божьего кружки ломать хочешь... Пустите, говорю, голубчики: сейчас меня судили... Вот двугривенный становой дал. Человек я безответный, смиренный! Отпустили... Ну, и как же мне это обидно!..

И. Ф. Горбунов.

В искусстве (актера, чтеца) все эффекты заранее подготовлены. Без точного расчета нельзя было бы удержаться в границах.

Дж. Льюис.

(Из книги: «Актеры и сценическое искусство»).

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

(Сцена. Около воздушного шара толпа народа).

- Скоро полетит?
- Не можем знать, сударь. С самых вечереи надувают; раздуть, говорят, невозможно.
- А чем это, братцы, его надувают?
- Должно кислотой какой... Без кислоты тут ничего не сделаешь.
- А как он полетит — с человеком?
- С человеком... Сам немец полетит, а с им портной.
- Портной!?
- Портной нанялся лететь... Купцы наняли...
- Портной!
- Пьяный?
- Нет, черевый, как следует.
- Портной!.. Зачем же это он летит?
- Запутался человек, ну и летит. Вестимо от хорошего житья не полетишь, а, значит, завертелся...
- Мать его там, старушка, у ворот стоит, плачет... На кого ты, говорит, меня ты оставляешь.
- Ничего, говорит, матушка, слетаю; опосля тебе лучше будет. Знать, говорит, мне судьба такая, чтобы, значит, лететь.
- Давай мне теперича, при бедности моей, тысячу целковых, да скажи: Петров, лети!..
- Полетишь?
- Я-то?
- Ты-то?
- Ни-за-что! Первое дело — мне и здесь хорошо, а второе дело — ежели теперича этот портной летит, самый он выходит пустой человек!.. Пустой человек!.. Я теперича осьмушечку выпил бог даст — другую выпью и третью, может, по грехам моим... а лететь мы не согласны. Так ли я говорю? — Не согласны!..
- Где же теперича этот самый портной?
- А вон ему купцы водки подносят.
- Купец убогаторит, особливо ежели сам выпивши.
- Все пьяные... Уж они его и угощали и целовать пробовали — все делали. А один говорит: — ежели, бог даст, благополучно прилетишь, я тебя не забуду.

- Идет, идет... Портной идет...
- Кто?
- Постронись, братцы...
- Портной идет...
- Это он самый и есть?
- Он самый...
- Летишь?
- Летим; прощайте.
- Нас прости, Христа ради, милый человек.
- Прощай, брат!.. Кланяйся там... Несчастный ты человек, вот я тебе что скажу! Мать плачет, а ты летишь... ты хоть бы подпоясаясь...
- Это дело наше...
- Но только ежели этот пузырь ваш лопнет, и как ты оттедова турманом... в лучшем виде... только пятки за-сверкают...
- Смотри-ка, братцы, купцы его под руки повели; сейчас, должно, сажать его будут...
- Ты что за человек?..
- Портной...
- Какой портной?
- Портной с Покровки, от Гусева. Купцы его лететь наняли.
- Лететь! Гриненко, сведи его в часть.
- Помилуйте...
- Полетел голубчик!..
- Да, за этакие дела...
- Народ-то уж очень избаловался, придумывает что чудней!..
- Что это, мошенника повели?
- Нет, сударь, портного...
- Что же, украл он что?
- Никак нет, сударь... Он, изволите видеть... бедный он человек... и купцы его наняли, чтобы сейчас, значит, в шару лететь.
- На воздушях...
- А квартальному это обидно показалось...
- Потому — беспорядок...
- И как это возможно без начальства лететь?..

И. Ф. Горбунов.

НЕДОБРОЕ ДЕЛО.

— Кто идет?

Ответа нет. Сторож не видит ничего, но сквозь шум ветра и деревьев ясно слышит, что кто-то идет впереди него по аллее. Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю и сторожу кажется, что земля и небо и он сам со своими мыслями слились во что-то одно громадное непроницаемо-черное. Итти можно только ощупью.

— Кто идет? — повторяет сторож и ему начинает казаться, что он слышит и шепот, и сдержанный смех. — Кто тут?

— Я, батюшка... отвечает старческий голос.

— Да кто ты?

— Я... прохожий!

— Какой такой прохожий? — сердито кричит сторож, желая замаскировать криком свой страх. — Носит тебя здесь нелегкая! Таскаешься, леший, ночью по кладбищу!

— Нешто тут кладбище?

— А то что же? Стало быть, кладбище. Не видишь?

— О-хо-хо-хх... царица небесная! — слышится старческий вздох. — Ничего не вижу, батюшка, ничего... Ишь, темень-то какая, темень. Зги не видать, темень-то, батюшка! О-хо-хо-ххх...

— Да ты кто такой?

— Я странник, батюшка, страный человек.

— Черги этакие, полуношники... Странники тоже! Пьяницы... — бормочет сторож, успокоенный тоном и вздохами прохожего. — Согрешил с вами! День-деньской пьют, а ночью носят их нелегкая. А словно как будто я слышал, что тут ты не один, а словно вас двое-трое.

— Один, батюшка, один. Как есть один... О-хо-хо-хх, грехи наши...

Сторож натывается на человека и останавливается.

— Как же ты сюда попал? — спрашивает он.

— Заблудился, человек хороший. Шел на Митриевскую мельницу и заблудился.

— Эва! Нешто тут дорога на Митриевскую мельницу? Голова ты баранья! На Митриевскую мельницу надо иттить

много левей, прямо из города по казенной дороге. Ты спьяна-то лишних версты три сделал. Надо быть, налился в городе?

— Был грех, батюшка, был... Истинно, был, не стану греха таить. А как же мне теперь-то иттить?

— А иди все прямо и прямо по этой аллее, пока в тупик не упруешься, а там сейчас бери влево и иди пока все кладбище пройдешь, до самой калитки. Там калитка будет... Отопри и ступай себе с богом. Гляди, в ров не упади. А там за кладбищем иди все полем, полем, полем, пока не выйдешь на казенную дорогу.

— Дай бог здоровья, батюшка. Спаси царица небесная, и помилуй. А то проводил бы, добрый человек! Будь милостив, проводи до калитки!

— Ну, есть мне время! Иди сам.

— Будь милостив, заставь бога молить. Не вижу ничего, не видать зги, ни синь-пороха, батюшка... Темень-то, темень! Проводи, сударик!

— Да, есть мне время провожаться! Ежели с каждым нянчиться, то этак не напровожаешься.

— Христа ради проводи. И не вижу, и боюсь один кладбищем иттить. Жутко, батюшка, жутко, боюсь, жутко, добрый человек.

— Навязался ты на мою голову, — вздыхает сторож. — Ну ладно, пойдем!

Сторож и прохожий трогаются с места. Они идут рядом плечо-о-плечо и молчат. Сырой, пронзительный ветер бьет им прямо в лицо и невидимые деревья, шумя и потрескивая, сыплют на них крупные брызги... Аллея почти вплотную покрыта лужами.

— Одно мне невдомек, — говорит сторож после долгого молчания, — как ты сюда попал? Ведь ворота на замок заперты. Через ограду перелез что ли? Ежели через ограду, то старому человеку этакое занятие — последнее дело!

— Не знаю, батюшка, не знаю. Как сюда попал, и сам не знаю. Навождение. Наказал господь. Истинно, навождение, лукавый попутал. А ты, батюшка, стало-быть, тут в сторожах?

— В сторожах.

— Один на все кладбище?

Напор ветра так силен, что оба на минуту останавливаются. Сторож, выждав, когда ослабеет порыв ветра, отвечает:

— Нас тут трое, да один в горячке лежит, а другой спит. Мы с ним чередуемся.

— Так, так, батюшка, так. Ветер-то, ветер какой! Чай, покойники слышат! Гудет, словно зверь лотой... Ох-хо-хо-хх...

— А ты сам откуда?

— Издалече, батюшка. Вологодский я, дальний. По святым местам хожу и за добрых людей молюсь. Спаси и помилуй, господи.

Сторож ненадолго останавливается, чтобы закурить трубку. Он приседает за спиной прохожего и сожигает несколько спичек. Свет первой спички, мелькнув, освещает на одно мгновение кусок аллеи справа, белый памятник с ангелом и темный крест; свет второй спички, сильно вспыхнувшей и потухшей от ветра, скользит как молния, по левой стороне и из потемок выделяется только угловая часть какой-то решетки; третья спичка освещает и справа и слева белый памятник, темный крест и решетку вокруг детской могилки.

— Спят покойнички, спят родимые! — бормочет прохожий, громко вздыхая. — Спят и богатые, и бедные, и мудрые, и глупые, и добрые, и лютые. Всем им одна цена. И будут спать до гласа трубного. Царство им небесное, вечный покой.

— Теперь вот идем, а будет время, когда и сами лежать будем, — говорит сторож.

— Так, так. Все, все будем. Нет того человека, который не помрет. О-хо-хо-хх. Дела наши лютые, помышления лукавые! Грехи, грехи! Душа моя окающая, ненасытная, утроба чревоугодная! Прогневал господи и не будет мне спасения ни на этом ни на том свете. Завяз в грехи, как червяк в землю.

— Да, а умирать надо.

— То-то, что надо.

— Страннику, чай, легче помирать, чем нашему брату, — говорит сторож.

— Странники разные бывают. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдут свою душу, а есть и такие, что по кладбищу ночью путаются, чертей тешат... Да-а! Иной, который странник, если пожелает, хватит тебя по башке топорищем, а из тебя и дух вон.

— Зачем ты такие слова?

— А так. Ну, вот, кажись, и калитка. Она и есть. Отвори-ка, любезный!

Сторож ощупью отворяет калитку, выводит странника за рукав и говорит:

— Тут и конец кладбищу. Теперь иди все полем и полем, пока не упрешься в казенную дорогу. Только сейчас тут межевой ров будет, не унади... А выйдешь на дорогу, возьми вправо и так до самой мельницы...

— О-хо-хо-ххх, — вздыхает странник, помолчав. — А я теперь так рассуждаю, что мне незачем на Митриевскую мельницу иттить... За каким лешим я туда пойду! Я лучше, сударик, здесь с тобой постою...

— Зачем тебе со мной стоять?

— А так... с тобой веселей...

— Тоже, нашел себе весельщика! Странник ты, я вижу, любишь шутки шутить...

— Известно, люблю, — говорит прохожий, слегка хихикая. — Ах ты, милый мой, любезный! Чай долго теперь будешь вспоминать странника!

— Зачем мне тебя вспоминать?

— Да так обошел я тебя ловко... Нешто я странник? Я вовсе не странник.

— Кто же ты?

— Покойник... Из гроба только что встал... Помнишь слесаря Губарева, что на масляной завесился? Так вот я самый и есть Губарев.

— Ври больше!..

Сторож не верит, но чувствует во всем теле такой тяжелейший и холодный страх, что срывается с места и начинает быстро нащупывать калитку.

— Пстой, куда ты? — говорит прохожий, хватая его за руку. — Э-э-э... ишь ты какой. На кого же ты меня покидаешь?

— Пусти! — кричит сторож, стараясь вырвать руку.

— Стой-ой! Велю стоять и стой... Не рвись, пёс поганый! Хочешь в живых быть, так стой и молчи, покуда велю. Не хочется только кровь проливать, а то давно бы ты у меня издох, паршивый... Стой!

У сторожа подгибаются колена. Он в страхе закрывает глаза и, дрожа всем телом, прижимается к ограде. Он хотел-бы закричать, но знает, что его крик не долетит до жилья... Возле стоит прохожий и держит его за руку... Минуты три проходит в молчании.

— Один в горячке, другой спит, а третий странников провожает, — бормочет прохожий. — Хорошие сторожа, можно жалованье платить! — Не-ет, брат, воры всегда проворней сторожов были! Стой! Стой, не шевелись...

Проходит в молчании пять, десять минут. Вдруг ветер доносит свист...

— Ну, теперь ступай, — говорит прохожий, отпуская руку. — Иди и бога моли, что жив остался.

Прохожий тоже свистит, отбегает от калитки, и слышно, как он прыгает через ров. Предчувствуя что-то очень недоброе и все еще дрожа от страха, сторож нерешительно отворяет калитку и, закрыв глаза, бежит назад. У поворота на большую аллею он слышит чьи-то торопливые шаги, и кто-то спрашивает его шипящим голосом:

— Это ты, Тимофей? А где Митька?

А пробежав всю большую аллею, он замечает в потемках маленький, тусклый огонек. Чем ближе к огоньку, тем страшнее делается и тем сильнее предчувствие чего-то недоброго.

«Огонь, кажись, в церкви, — думает он. — Откуда ему быть там? Спаси и помилуй, владычица! Так оно и есть!»

Минуту сторож стоит перед выбитым окном и с ужасом глядит в алтарь... Маленькая восковая свечка, которую забыли потушить воры, мелькает от врывающегося в окно ветра и бросает тусклые, красные пятна на разбросанные ризы, поваленный шкафчик, на многочисленные следы ног около престола и жертвенника...

Проходит еще немного времени, и воющий ветер разносит по кладбищу торопливые, неровные звуки набата...

Ант. Чехов.

ЗАГАДОЧНАЯ НАТУРА.

Купэ первого класса.

На диване, обитом малиновым бархатом, полулежит хорошенькая дамочка. Дорогой бахромчатый веер трещит в ее судорожно сжатой руке, *pinse-nez* то и дело спадает с хорошенького носика, брошка на груди то поднимается, то опускается, точно ладья, среди воли. Она взволнована...

Против нее на диванчике сидит губернаторский чиновник особых поручений, молодой начинающий писатель, помещающий в губернских ведомостях небольшие рассказы, или как сам он называет «новеллы» — из великосветской жизни... Он глядит ей в лицо, глядит в упор, с видом знатока. Он наблюдает, изучает, улавливает эту эксцентрическую, загадочную натуру, понимает ее, постигает... Душа ее, вся ее психология, у него, как на ладони.

— О, я постигаю вас! — Ваша чуткая, отзывчивая душа ищет выхода из лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете победительницей! Да!

— Опишите меня, Вольдемар! Жизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное — я несчастна. Я страдалица во вкусе Достоевского... Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту бедную душу. Вы — психолог. Не прошло и часа, как мы сидим в купэ и говорим, а вы уже постигли меня всю, всю!

— Говорите! Умоляю вас, говорите!

— Слушайте. Родилась я в бедной чиновничьей семье. Отец добрый малый, умный, но... дух времени и среды... *vous comprenez*, я не виню моего бедного отца. Он пил, играл в карты... брал взятки... Мать же... Да что говорить! Нужда, борьба за кусок хлеба, сознание ничтожества... Ах, не заставляйте меня вспоминать! Мне нужно было самой пробивать себе путь... Уродливое институтское воспитание, чтение глупых романов, ошибка молодости, первая роковая любовь... А борьба со средой? Ужасно! А сомнения? А муки зарождающегося неверия в жизнь, в себя?.. Ах! Вы писатель и знаете нас, женщин. Вы поймете... К несчастью, я наделена широкой натурой... Я ждала счастья,

и какого! Я жаждала быть человеком! Да! Быть человеком — в этом я видела свое счастье!

— Чудная! — лепечет писатель, целуя руку около браслета. — Не вас целую, дивная, а страдание человеческое! Помните Раскольниковов? Он так целовал.

— О, Вольдемар! Мне нужна была слава... шум, блеск, как для всякой, — к чему скромничать? — недюжинной натуры. Я жаждала чего-то необыкновенного... не женского! И вот... и вот... подвернулся на моем пути богатый старик — генерал... Поймите меня, Вольдемар! Ведь это было самопожертвование, самоотречение, поймите вы! Я не могла поступить иначе. Я обогатила семью, стала путешествовать, делать добро... А как я страдала, как невыносимы, низменно-пошлы были для меня объятия этого генерала, хотя, надо ему отдать справедливость, в свое время он храбро сражался. Бывали минуты... ужасные минуты! Но меня подкрепляла мысль, что старик не сегодня, завтра умрет, что я стану жить, как хотела, отдаюсь любимому человеку, буду счастлива... А у меня есть такой человек, Вольдемар! Видит бог, есть!

— Но вот старик умер... Мне он оставил кое-что, я свободна как птица. Теперь-то и жить мне счастливо... Не правда ли, Вольдемар? Счастье стучится ко мне в окно. Стоит только впустить его, но... нет! Вольдемар, слушайте, заклиная вас! Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться его подругой, помощницей, носительницей его идеалов, быть счастливой... отдохнуть... Но как все пошло, гадко и глупо на этом свете! Как все подло, Вольдемар. Я несчастна, несчастна, несчастна! На моем пути опять стоит препятствие! Опять я чувствую, что счастье мое далеко, далеко! Ах, сколько мук, если-б вы знали! Сколько мук!

— Но что же? Что стало на вашем пути? Умоляю вас, говорите! Что же?

— Другой богатый старик.

Изломанный веер закрывает хорошенькое личико. Писатель подтирает кулаком свою многотумную голову, вздыхает и с видом знатока-психолога задумывается. Локомотив свищет и шикает, краснеют от заходящего солнца оконные занавесочки...

Ант. Чехов.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ.

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же ты на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах, ты господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были. Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю

за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съезжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съезжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира.

— Я, ваше превосходительство... очень приятно! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с!

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чиновничье почтение!

— Помилуйте... Что вы-с, — захихикал тонкий, еще более съезживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... в роде как бы живительной влаги... Это, вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил, жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

А. П. Чехов.

Всякий истинный гений не стремится ли к совершенству? Правильно есть столб, указывающий дорогу к совершенству.

Фр. Дельсарт.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК.

Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонка в пестрядиной рубахе и лаганных портках. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже нечесанных, путанных волос, что придает ему еще большую, паучью суровость. Он бос.

— Денис Григорьев! — начинает следователь, — подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чаво?

— Так ли все это было, как объясняет Акинфов?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

— Чаво?

— Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

— Коли-б не нужна была, не отвинчивал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего ж тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гаск грузила делаем...

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климовские мужики, то-есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты живца, или вышоловка на крючок сажашь, то нешто он пойдет ко дну без грузила? Вру... — усмехается Денис. — Чорт ли в нем, в живце-то, ежели поверху плавать будет. Окунь, щука, налим завсегда на донную идет, а которая ежели поверху плавает, то ту разве

только шилишпер схватит, да и то редко: — в нашей реке не живет шилишпер... Эта рыба простор любит.

— Для чего ты мне про шилишпера рассказываешь?

— Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете. У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдет ловить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

— А то что же? Не в бабки ж играть.

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю, гвоздик... какойнибудь...

— Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не найти... И тяжелая, и дыра есть...

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился, или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило. Ты людей убил-бы.

— Избави господи, ваше благородие. Зачем убивать? Нешто мы некрещенные, или злодеи какие? Слава-те господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси помилуй, дарица небесная... Что вы-с?

— А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение.

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

— Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил господь, а тут крушение... людей убил... Ежели-б я рельсу унес, или положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу — гайка.

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Денис зевает и крестит рот.

— В прошлом году здесь сошел поезд с рельсов, — говорит следователь. — Теперь понятно, почему...

— Чего изволите?

— Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошел поезд с рельсов... Я понимаю.

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие давал. Вы вот и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия, хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди, а потом тащи! Сказано — мужик, мужицкий ум... Запишите также, ваше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

— Когда у тебя делали обыск, то нашли еще одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и когда?

— Это вы про ту гайку, что под красным сундучком лежала?

— Не знаю, где она у тебя лежала, но только нашли ее. Когда ты ее отвинтил?

— Я ее не отвинчивал, ее мне Игнашка, Семена кривого сын, дал. Это я про ту, что под сундучком, а ту, что на дворе в санях, мы вместе с Митрофаном вывинтили.

— С каким Митрофаном?

— С Митрофаном Петровым... Нешто не слышали? Невода у нас делает и господам продает. Ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять...

— Послушай... 1081 статья уложения о наказаниях говорит, что за всякое с умыслом учиненное повреждение железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт, и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастье... понимаешь? знал! А ты не мог не знать, к чему ведет это отвинчивание... он приговаривается к ссылке в каторжные работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди темные... нешто мы понимаем?

— Все ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачем врать? Спросите по деревне, коли не верите... Без грузила только уклейку ловят, а на что хуже пискаря, да и тот не пойдет тебе без грузила.

— Ты еще про шилишпера расскажи, — улыбается следователь.

— Шилишпер у нас не водится... Пушаем леску без грузила поверх воды на бабочку, идет головль, да и то редко.

— Ну молчи...

Наступило молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зеленым сукном и усилненно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне иттить? — спрашивает Денис после некоторого молчания.

— Нет. Я должен взять тебя под стражу и отослать в тюрьму.

Денис перестает мигать и, приподняв свои густые брови, вопросительно глядит на чиновника.

— То-есть, как-же в тюрьму? Ваше благородие! Мне некогда, мне надо на ярмарку; с Егора три рубля за сало получить...

— Молчи, не мешай...

— В тюрьму... Было-бы за что, пошел-бы, а то так... здорово живешь... За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчет недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина непременно члена спросите... Креста на нем нет, на старосте-то...

— Молчи!..

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что староста набрехал на учете, это я хоть под присягой... Нас три брата: Кузьма Григорьев, стало-быть, Егор Григорьев, и я, Денис Григорьев...

— Ты мне мешаешь... Эй, Семен! — кричит следователь. — Увести его.

— Нас три брата, — бормочет Денис, когда два дюжих солдата берут и ведут его из камеры. — Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай.. Судьи!.. Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, а не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...

Ант. Чехов.

ДЛИННЫЙ ЯЗЫК.

Наталья Михайловна, молодая дамочка, приехавшая утром из Ялты, обедала и, неугомонно треща языком, рассказывала мужу о том, какие прелести в Крыму. Муж, обрадованный, глядел с умилением на ее восторженное лицо, слушал и изредка задавал вопросы.

— Но, говорят, жизнь там необычайно дорога? — спросил он между прочим.

— Как тебе сказать? По моему, дороговизну преувеличили, папочка. Не так страшен чорт, как его рисуют. Я, например, с Юлией Петровной имела очень удобный и приличный номер за двадцать рублей в сутки. Все, дружок мой, зависит от умения жить. Конечно, если ты захочешь поехать куда-нибудь в горы... например, на Ай-Петри... возьмешь лошадь, проводника, — ну, тогда, конечно, дорого. Ужас, как дорого! Но, Васечка, какие там го-оры! Представь ты себе высокие, высокие горы, в тысячу раз выше, чем церковь... Наверху туман, туман, туман... Внизу громаднейшие камни, камни, камни... И пинии... Ах, вспомнить не могу!

— Кстати, без тебя тут я в каком-то журнале читал про тамошних проводников-татар... Такие мерзости. Что, это в самом деле какие-нибудь особенные люди?

Наталья Михайловна сделала презрительную гримаску и мотнула головой.

— Обыкновенные татары, ничего особенного... Впрочем, я видела их издалека, мельком. Указывали мне на них, но я не обратила внимания. Всегда, папочка, я чувствовала предубеждение ко всем этим черкесам, грекам... маврам!

— Говорят, дон-жуаны страшные?

— Может быть! Бывают мерзавки, которые... — Наталья Михайловна вдруг вскочила, точно вспомнила что-то страшное, полминуты глядела на мужа испуганными глазами и сказала, растягивая каждое слово: — Васечка, я тебе скажу, какие есть безирравственные! Ах, какие безирравственные! Не то, чтобы, знаешь, простые или среднего круга, а аристократки — эти надутые боитиши! Просто ужас, глазам своим я не верила! Умру не забуду! Ну

можно ли забиться до такой степени, чтобы... Ах, Васечка, я даже и говорить не хочу! Взять хотя бы мою спутницу, Юлию Петровну. Такой хороший муж, двое детей... принадлежит к порядочному кругу, корчит всегда из себя святую и — вдруг, можешь себе представить... Только, папочка, это, конечно, *entre nous*... Дашь честное слово, что никому не скажешь?

— Ну, вот еще выдумала. Разумеется, не скажу.

— Честное слово? Смотри же! Я тебе верю. Представь ты себе такую вещь... Поехала эта Юлия Петровна в горы. Была отличная погода! Впереди едет она со своим проводником, немножко позади — я. Отъехали мы версты три-четыре, вдруг, понимаешь ты, Васечка? Юлия вскрикивает и хватается себя за грудь. Ее татарин хватается ее за талию, иначе бы она с седла свалилась. Я со своим проводником подъезжаю к ней. Что такое? В чем дело? Ох, кричит, умираю! Дурно! Не могу дальше ехать! Представь мой, испуг! Так поедете, говорю, назад! — «Нет, (говорит, Natalie, не могу я ехать назад! Если я сделаю еще хоть один шаг, то умру от боли! У меня спазмы!» И просит, умоляет ради бога меня и моего Сулеймана, чтобы мы вернулись назад и привезли бы ей бестужевских капель, которые ей помогают.

— Постой... Я тебя не совсем понимаю. Раньше ты говорила, что видела этих татар только издалека, — а теперь про какого-то Сулеймана рассказываешь.

— Ну ты опять придираешься к слову! Терпеть не могу подозрительности! Терпеть не могу! Глупо и глупо!

— Я не придираюсь, но... зачем говорить неправду? Каталась с татарами, ну, так тому и быть, бог с тобой, но... зачем вилить?

— Гм... вот страшный! Ревнует к Сулейману! Воображаю, как это ты поехал бы в горы без проводника! Воображаю! Если не знаешь тамошней жизни; не понимаешь, то лучше молчи! Молчи и молчи! Без проводника там шагу нельзя сделать.

— Еще-бы!

— Пожалуйста, без этих глупых улыбок! Я тебе не Юлия какая-нибудь... Я ее и не оправдываю, но я... пссс! Хоть я и не корчу из себя святой, но еще не настолько

забылась. У меня Сулейман не выходил из границ... Не-ет! Маметкул, бывало, у Юлии все время сидит, а у меня, как только бьет одиннадцать часов, сейчас: «Сулейман, марш! Уходите!» И мой глупый татарка уходит. Он у меня, папочка, в ежовых был... Как только разговорится насчет денег или чего-нибудь, я сейчас: «Ка-ак? Что-о? Что-о-о?» Так у него вся душа в пятки. Ха-ха-ха... Глаза, понимаешь, Васечка, черные-пречерные, как у-уголь, морденка татарская, глупая такая, смешная. Я его вот как держала! Вот!

— Воображаю...

— Глупо, Васечка! Я ведь знаю, какие у тебя мысли! Я знаю, что ты думаешь... Но, я тебя уверяю, он у меня даже во время прогулок не выходил из границ. Например, едем мы в горы или к водопаду Учан-су, я ему всегда говорю: «Сулейман, ехать сзади! Ну!» И всегда он ехал сзади, бедняжка...

— Но Юлия! Ах, эта Юлия! Я понимаю, Васечка, отчего не пошалить, отчего не отдохнуть от пустоты светской жизни? Все это можно... шали, сделай милость, никто тебя не осудит, но глядеть на это серьезно, делать сцены... нет, как хочешь, я этого не понимаю! Вообрази, она ревновала! Ну, не глупо ли? Однажды приходит к ней Маметкул, ее пассия... Дома ее не было... Ну, я зазвала его к себе... Начались разговоры, то да се... Они, знаешь, препотешные! Незаметно этак провели вечер... Вдруг, влетает Юлия... Набрасывается на меня, на Маметкула... делает нам сцену... фи! Я этого не понимаю, Васечка...

Васечка крикнул, нахмурился и заходил по комнате.

— Весело вам там жилось, нечего сказать!

— Ну, как это глупо! Я знаю, о чем ты думаешь! Всегда у тебя такие гадкие мысли! Не стану же я тебе ничего рассказывать. Не стану!

Дамочка надула губки и умолкла.

Ант. Чехов.

Наибольшая сила выражается в тех картинах, где кратчайшим путем достигнут самый совершенный результат.

Дж. Рескин.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ.

(О горящем сердце Данко.)

С моря поднималась туча — черная, тяжелая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С ее вершины срывались клочья облаков, неслись вперед ее и гасили звезды одну за другой. Море шумело. И в степной дали, теперь уже черной и страшной, как бы притаившейся и скрывшей в себе что-то, — вспыхивали маленькие голубые огоньки. Это были очень странные голубые огни, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня старуха Изергиль.

— Вот те? Голубые?

— Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки. Ну-ну!.. Я уже вот не вижу их больше.

— Откуда эти искры?

— Эти искры от горящего сердца Данко! Был на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнем... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про все это.

— Жили на земле старину одни люди, где — не знаю. Знаю, что большие непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних вглубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, — то подымался смрад и от него люди гибли один за другим! Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обнявши друг друга могучими ветвями. Эти деревья стояли молчаливо и неподвижно, как каменные: днем в сером сумраке и еще плотнее сдвига-

лись вокруг тех людей по вечерам, когда загорались костры. А еще страшней было в лесу, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям, что укрылись в нем от врагов. Это были все-таки сильные люди и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, — но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали бы с ними из жизни и заветы те. И потому они сидели и думали... Но ничто, — ни работа, ни женщины — не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют их тоскливые думы, что сосут сердце как змеи. И ослабли от дум люди... Страх родился среди них и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче, и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар себя и волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни...

Но тут явился Данко и спас всех один!

Данко — это один из тех людей, молодой красавец! Красивые всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Что мы тратим силы на думу, на тоску! Вставайте! Пойдем в лес и пройдем сквозь, ведь имеет же он конец? Идемте! Ну! Гей!..

— Веди ты нас!

Тогда он повел...

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветавшими только на миг.

— Повел их Данко. Дружно все пошли за ним: верили в него. Трудный путь это был. Все гуще становился лес, все меньше было сил. И вот они стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то.

Остановились они и под торжествующий шум леса, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

И молнии и гром подтвердили их приговор.

— Вы сказали: «веди»! — и я повел. А вы? что сделали вы в помощь себе? Вы только шли, шли себе, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они.

Данко смотрел на тех людей, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. И вот его сердце вспыхнуло ярким огнем желания спасти их.

— Что сделаю я для людей?

И вдруг Данко разорвал руками себе грудь, вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно же пылало так ярко, как солнце. И ярче солнца.

— Идем! — крикнул Данко, и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним любопытные и очарованные. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди и сердце его все пылало! пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в целое море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река. Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя, гордый, умирающий смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и умер.

Тихо шептали удивленные деревья, оставшиеся позади, и трава, смоченная кровью Данко, вторила им.

Люди же радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно рассыпавшись в искры, угасло...

Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой.

М. Горький.

9-е ЯНВАРЯ.

Толпа напоминала осенний темный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури; она текла вперед медленно.

Глаза блестели возбужденно, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь самим себе.

Говорили негромко, серьезно, как бы оправдываясь друг перед другом.

— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тронется...

Подавляющее большинство людей представляло себе, что идет к силе, коя властна сделать все, что необходимо для облегчения тягостной жизни народа, но едва ли много было таких, которые верили, что сила захочет сделать это.

Неверие старались скрыть и не могли. В толпе замечалось слишком много тревоги, смутного беспокойства.

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

— Товарищи! Не обманывайте себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздраженными вскриками толпы.

— Ты, брат, молчи!..

— К тому же о. Гапон...

— Он знает, как надо...

Переливаясь из улицы в улицу, масса людей быстро росла, и этот рост внешний постепенно вызывал ощущение внутреннего роста, будил сознание права народа-раба просить у власти внимания к своей нужде.

— Мы тоже люди как никак...

— «Он», чай, поймет, мы просим...

— Должны понять!.. Не бунтуем...

— Опять же о. Гапон...

— Ах господи!

— Да погоди ты, брат!..

— Гоните его прочь дьявола!..

— О. Гапон лучше знает, как...

— Не надо нам красных флагов! — кричал сильный человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, притягивая к себе внимание.

— Мы к отцу идем!..

— Так!

— Верим ему!..

— Не даст в обиду!..

— Красный цвет — цвет нашей товарищи!

— Нет силы, кая освободит народ, кроме силы самого народа.

— Не надо!..

— «Он» поймет.

— Вот человек... ах ты...

— Ежели до него допустят...

— Смутьяны, черти!..

— О. Гапон с крестом, а он с флагом...

— Молодой еще, но тоже чтобы командовать...

— Мы желаем мирно!..

— Гони его с флагом!

Теперь уже двигались быстро, без колебаний и с каждым шагом все более глубоко заражали друг друга единым настроением, хмелем самообмана.

Вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной стеной солдаты, под окнами дворца на площади располагалась конница.

Со всех сторон на солдат напирала плотной массой люди!

— Расходись, господа!

— Почему вы не пускаете?

— Куда?

— К царю!

— Да я же говорю — нет его!

— Царя нет?

— Ну, да. Сказано вам нет и ступайте!

— Совсем нет царя? иронически настойчиво допрашивал..

— За такие слова... берегись! — В городе нет его.

— Нигде нет его!

— Кончился!..

— Расстреляли вы его дьяволы!

— Вы думали народ убиваете?

— Народ не убьете, его на все хватит...

— Вы царя убили... понимаете?

— Отойди, господа! Не разговаривай.

— Нет, врешь... Я поговорю.

В другом месте старичок с бородкой клином воодушевленно говорил солдатам.

— Вы люди, мы тоже! Сейчас вы в шинелях, завтра — в кафтанах. Работать захотите, есть понадобится. Работы нет, есть нечего. Придется и вам, ребята, так же вот как мы...

— Стрелять, значит, в нас будете!

— Убивать вас за то, что голодаете вы, а?

Иные брали солдат за руки, горячо говоря им что-то.

Солдаты слушали молча, лица кривились неопределенными гримасами, и нечто жалкое робкое являлось на них.

— Не трог ружье! сказал один из них молодому парню в мохнатой шапке. А тот тыкал солдата пальцем в грудь и говорил:

— Ты солдат, а не палач... Тебя позвали защищать Россию от врагов внешних, заставляют расстреливать народ. Пойми! Народ это и есть Россия!

— Мы не стреляем!

— Гляди вот стоит Россия, русский народ! Он желает видеть своего царя...

Кто-то перебил речь и крикнул.

— Не желает!

— Что в том худого, что народ захотел поговорить с царем о своих делах? Ну скажи, а?

— Не знаю я! — сказал солдат, сплевывая.

— Не велено нам разговаривать...

Один солдатик вдруг ласково спросил стоявшего перед ним:

— Земляк, — не рязанский будете?

— Псковский... а что?

— Так... Я вот — рязанский и, широко улыбнувшись, забюк передернул плечами.

Солдаты не возбуждали злобы, не раздражали — они были просто тупы, несчастны, иззябли.

— С четырех часов утра стоим! — говорили они. — Просто беда!

— Ложись и — помирай...
 — Уйти бы вам, а? И мы бы в казармы в тепло пошли...
 — Сколько время-то? Было около двух часов.
 — Чего вы беспокоитесь? Чего ждете? — говорил фельдфебель.

— Нечего ждать!.. Вот только войско из-за вас страдает...

— Стрелять будете в нас? — спросил его молодой человек в башлыке.

— Прикажут — будем!

Это вызвало взрыв укориженных замечаний, ругательств, насмешек.

— За что? За что?

— Не слушаете приказаний начальства.

— Солдаты! — говорил плотный мужчина с большой бородой и голубыми глазами.

— Кто вы? Вы — дети русского народа. Обеднел народ, забыт он, оставлен без защиты, без работы и хлеба. Вот он пошел сегодня просить царя о помощи, а царь велит вам стрелять в него. Убивать.

— Солдаты! Народ, — отцы и братья ваши, — хлопчат не только за себя, но и за вас. Вас ставят против него, против народа, толкают на отцеубийство, братоубийство. Подумайте! Разве вы не понимаете, что против себя же идете?

— Отойди!.. офицер услышит.

Офицер, — высокий, белобрысый немец с большими усами, — медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил!

— Ра-азайдись!.. на-ашел прочь! Что? На-агавари!.. я тебе пагаварю!.. Остановясь на фланге, офицер крикнул:

— Смирно-о!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись! — сказал офицер и не торопясь вынул из ножен пашку.

Разойтись было физически невозможно, — толпа густо залила всю площадь, а из улицы, в тыл ей все шел и шел народ.

На офицера смотрели с ненавистью.

Публика шумела, ее раздражало его спокойствие, слишком нечеловеческое, чтобы быть уместным в эти

минуты. В нем чувствовалось явное презрение к людям, к народу.

— Этот — скомандует!

— Мясник!..

— Он без команды готов рубить...

— Ишь, вытащил селедку-то...

— Эй барин! Убивать готов?

Фельдфебель взглянул на офицера, вздрогнул, побледнел и тоже быстро вынул саблю.

Вдруг раздалось тревожное, зловещее пение рожка. Публика смотрела на горниста — он так странно надул щеки и выкатил глаза, рожок дрожал в его руке.

Несколько темных фигур бросились на землю и прижались к ней, иные закрывали руками лица, а человек с большой бородой распахнул на груди пальто и стоял впереди всех, глядя на солдат голубыми глазами, и говорил им что-то неслышное, утонавшее в хаосе криков.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной сторожевой позе, вытянув к толпе штыки.

Чей-то голос громко с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и нервно дрогнули.

Испуганно сорвавшийся залп...

Люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падением мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулей за решеткой сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами.

Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и упала около него.

— Проклятые... крикнул кто-то. Толпа, отступая, ахала, проклятья, ругательства и крики боли сливались в пестрый вихрь со свистом, уханьем и стонами.

Одни молча и озабоченно носили раненых, подбирали трупы, другие точно во сне и точно издали смотрели на их работу, ошеломленно в странном бездействии. Многие кричали солдатам слова упреков, ругательства и жалобы,

размахивали руками, снимали шапки, зачем-то кланялись, грозили чьим-то страшным гневом...

С земли поднялся бородатый голубоглазый человек и снова начал говорить, весь вздрагивая:

— Меня не убили... Это потому, что я говорил вам святую правду...

Несколько человек тоже, перебивая его речь, кричали, уговаривали, упрекали, беззлобно с тоской и состраданием.

Старались и хотели заставить солдат понять позор и гадость их невольной роли.

Офицер вынул из чехла револьвер, внимательно осмотрел его и пошел к этой группе людей. Она сторонилась от него не спеша.

Голубоглазый, бородатый человек не двигался, встречая офицера словами горячей укоризны, широким жестом указывая на кровь вокруг.

— Чем это оправдать, подумайте?

Нет оправданий!

Офицер вытянул руку. Выстрела не было слышно, был виден дым, он окружил руку убийцы раз, два и три. После третьего раза человек согнул ноги и упал. К убийце бросились со всех сторон, — он отступая совал ко всем свой револьвер... Какой-то подросток упал под ноги ему, он ткнул его пашкой в живот. Кто-то бросил офицеру шапкой в лицо, бросали комьями окровавленного снега. К нему подбежал фельдфебель и несколько солдат, выставив вперед штыки, тогда нападавшие разбежались. Победитель грозил саблём вслед им, а потом вдруг опустил ее и еще раз воткнул в тело подростка, ползавшего у его ног, теряя кровь.

Неслись крики:

— Палач!

— Мерзавец!

Он начал приводить в порядок свои усы.

— Ребята... Конница!

— Беги!

Стена солдат поколебалась и растворилась как две половины ворот; танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик командира, над головами конницы звилась, прорезав воздух, сабля.

Толпа стояла и качалась, волнуясь, ожидая, не веря.

Стало тише.

— Ма-а-ри!

Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать. Солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, порою был слышен свист стали и удар ее об кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон.

— А-а-а!...

Ржали лошади, страшно оскалив зубы, взмахивая головами...

Народ загнали в улицы... и как только топот лошадей исчез вдаль, люди остановились, задыхаясь...

— Что же это, братцы, а?..

— Убийство идет, православные.

— Вот так правительство!

— Рубят, а? Конями топчут...

Толпа медленно, но неуклонно изменялась, перерождаясь в народ...

Несли раненых, убитых, пахло теплой кровью, раздавались стоны, возгласы.

— Якову Зимину — прямо в лоб...

— Спасибо батюшке-царю!

— Да-а... встретил...

Раздалось несколько крепких слов. Даже за одно из них четверть часа тому назад толпа разорвала бы человека.

Маленькая девочка бежала и кричала всем:

— Не видали маму? Большая такая?

— Значит, народ отбросили теперь?

— Убийцы проклятые... что сделали? Сожалели об убитых людях и, догадываясь, что убит также один тяжелый, рабский предрасудок, осторожно молчали о нем, не произнося больше царяющего уха имени его, чтобы не тревожить в сердце тоски и гнева.

В улицу въехала батарея артиллерии. Солдаты сидели на лошадях и передках, задумчиво смотрели вперед, через головы людей.

Толпа мялась, уступая дорогу, окутываясь угрюмым молчанием. Звенела упряжь, грохотали ящики, пушки,

кивая хоботами, внимательно смотрели в землю и как бы нюхали ее.

Где-то раздался треск выстрелов. Люди замерли, прислушиваясь.

И вдруг по улице пробежал внезапный трепет оживления.

— Где — где?

— На острове...

— Вы слышите?

— Да неужели?

— Честное слово. Оружейный магазин захватили...

— Спилили телеграфные столбы, построили баррикаду...

— Н-да-а... вот как?

— Много их?

— Много!

— Эх... хоть бы отплатили за кровь невинную!..

— Идем туда!

— Иван Иванович, идемте, а

— Н-да-а... это, знаете...

Над толпой выросла фигура человека и в сумраке звучно загудел призыв:

— Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь, на труд? Кто хочет умереть в бою за будущее — иди на помощь!

Одни шли к нему, и среди улицы образовалось плотное ядро, другие спешно отходили куда-то прочь.

— Вы видите, как раздражен народ.

— Вполне законно, вполне.

— Безумства будут... ай-ай-ай!

— Н-да-а...

Люди таяли в сумраке вечера и несли с собой полупроснувшееся сознание драмы своей жизни, бесправной, бессмысленной жизни рабов...

— Сегодня с нас взяли кровью обязательство: — отныне мы должны быть гражданами...

— Мы не забудем этот день! ¹⁾

М. Горький.

¹⁾ Рассказ дан в сокращенном и приспособленном к чтению с эстрады виде. В. С.

РАЗГОВОР ПТИЦ.

В саду за окном моей комнаты по голым ветвям акаций прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых пташек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, и я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

Чик-чирик, — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам: — вот и снова мы дождались весны. Не правда ли? Чик-чирик. Чик-чирик.

— Фа-акт, фа-акт, грациозно потягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она еще и пуганая, как большинство ворон. Она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь благотворительное для старых голубей. Я знаю воробья: хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, по в сущности эта птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку: «Я умру, умру от разочарования, если ты не поделишь со мной любовь мою».

— А знаете, сударыня, чижики прилетели, — сообщает воробей.

— Фа-акт.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут... Ужасно беспокойные птицы. И синицы явились за ними... как всегда, хе-хе-хе. Вчера, знаете, я спросил в шутку одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию,

общественному положению собеседника. Я надворный воробей...

Но тут из-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал: «Внимательно прислушиваясь по долгу службы к разговорам всех, населяющих воздух, воду и недра земли, тварей и неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики громко щебечут о всем и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы».

— Чик-чирик, — воскликнул воробей, беспокойно поглядывая на доносителя.

А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказал воробей. — А насчет обновления всей природы это... конечно приятно... если происходит с разрешения тех сил, коим надлежит это ведать.

— Фа-акт, — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон: — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, из которых они утоляют жажду, якобы мутны, некоторые из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так, — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно. Я тоже был молод и тоже мечтал о ней. Разумеется скромно мечтал... Но потом это прошло. Явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе и, знаете, м-м-м, более необходимая воробью... хе-хе-хе...

— Э-гм, раздалось внушительное кряхтенье. На ветвях липы явился действительный статский снигирь, он мило-стиво раскланялся с птицами и заспорил.

— Э-гм... замечаете ли вы, господа, в воздухе пахнет чем-то? Э?..

— Весенний воздух, ваше-ство, — сказал воробей. — Н-да.

А ворона только скосила голову на бок и каркнула звуком нежным, как блеянье овцы.

— Н-да... вчера за винтом тоже говорил один потомственный почетный филин... чем-то, говорит, пахнет... А я отвечаю: заметим, понюхаем, разберем. Резонно! Э?

— Точно так, ваше-ство...

— Вполне резонно, чик-чирик, — согласился почтительно старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждет.

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— Заря своей улыбкой нежной гасит в небе звезды... ночь бледнеет, ночь трепещет, и, как лед на солнце, тает тьмы ночной покров тяжелый... Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды встречи света и свободы.

— Это что за птица? — спросил снегирь прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство, — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство, — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и прохрипел:

— М-м... какой серый прохвост. Он что-то там... насчет солнца, свободы прошелся, кажется?

— Так точно, ваше-ство, — подтвердил ворон; — занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, ваше-ство...

— Предосудительно... и... глупо.

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей — глупо-с. Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами к ней зывали?

— Фа-акт, — фа-акт, — вдруг крикнула ворона.

Воробей смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то-есть как?

— Тихо сказал: да здравствует свобода, и тотчас громко прибавил: в пределах законности!

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи надворным воробьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значителен в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить...

— Фа-акт. Фа-акт.

А по улице текли ручьи — и пели тихую песню о реке, куда они вольются в конце пути и о своем будущем:

— Широкие быстрые волны нас примут, обнимут — и в море с собой унесут, и снова быть может нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великодушное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкою бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.

М. Горький.

ВЕЛИКАН.

Вот пришел великан, большой, большой великан. Такой большой, большой. Вот пришел он, пришел. Такой смешной великан. Руки у него толстые, огромные, и пальцы растопырены, и ноги тоже огромные, как деревья, такие толстые. Вот пришел он... и упал! Понимаешь, взял и упал! Зацепился за ступеньки и упал! Такой глупый великан, такой смешной — зацепился и упал! Рот раскрыл — и лежит себе, и лежит себе, такой смешной, как трубочист. Ты зачем пришел сюда, великан! Ступай, ступай отсюда, великан. Додик такой милый, такой славный, славный; он так тихонько прижался к своей маме, к ее сердцу — к ее сердцу — такой милый, такой славный. У него такие хорошие глазки, милые глазки, ясные, чистые, и все так его любят. И носик у него такой хороший, и губки, и он не шалит. Это прежде он шалил — бегал, кричал, ездил на лошадке. Ты знаешь, великан, у Додика есть лошадка, хорошая лошадка, большая с хвостом, и Додик садится на нее и ездит, далеко, далеко, на речку ездит, в лес ездит. А в речке рыбки, ты знаешь, великан, какие бывают рыбки? Нет, ты не знаешь, великан, какие бывают рыбки? Нет, ты не знаешь, великан, ты глупый, а Додик знает: такие маленькие, хорошенькие рыбки.

Солнышко светит в воду, а они играют, такие маленькие хорошенькие, такие быстрые. Да, глупый великан, а ты не знаешь... — Какой смешной великан! Пришел и упал! Вот смешной! Шел по лестнице — раз-раз, — зацепился за порожек и упал! Такой глупый великан! А ты не ходи к нам, великан, тебя никто не звал, глупый великан. Это прежде Додик шалил и бегал — а теперь он такой славный, такой милый, и мама так нежно-нежно — его любит. Так любит — больше всех любит, больше себя, больше жизни. Он ее солнышко, он ее счастье, он ее радость. Вот теперь он маленький, совсем маленький, и жизнь его маленькая, а потом он вырастет большой, как великан, и у него будет большая борода и усы большие, большие, и жизнь у него будет большая, светлая, прекрасная. Он будет добрый и умный, и сильный, как великан, такой сильный, такой умный и все его будут любить и все будут смотреть на него и радоваться. Будет в его жизни горе, у всех людей есть горе, но будут и большие, светлые, как солнце, радости. Вот войдет он в мир, красивый и умный, и небо голубое будет сиять над его головой, и птицы будут петь ему свои песенки, и вода будет ласково журчать. И он взглянет и скажет: «как хорошо на свете — как хорошо на свете»...

Вот... вот... вот... Этого не может быть. Я крепко, я нежно, нежно держу тебя, мой мальчик. Тебе не страшно, что тут так темно? Посмотри, вон в окнах свет. Это фонарь на улице, стоит себе и светит, такой смешной. И сюда посветил немного, такой милый фонарь. Сказал себе: дай и туда посвечу немножко, а то у них так темно — темно. Такой длинный, смешной фонарь. И завтра будет светить — завтра. Боже мой, завтра! Да, да, да. Великан. Конечно, конечно. Такой большой, большой великан. Больше фонаря, больше колокольни, и такой смешной: пришел и упал! Ах, глупый великан, как же ты не заметил ступеньки! Я вверх смотрел, мне внизу не видно — говорит великан басом, понимаешь, таким толстым, толстым голосом. Я вверх смотрел! А ты вниз лучше смотри, глупый великан, тогда и будешь видеть. Вот Додик мой милый, милый, и такой умный, он вырастет еще больше, чем ты. И так будет шагать — прямо через город, прямо через

леса и горы. Он такой будет сильный и смелый, он ничего не будет бояться, ничего. Подошел к речке — и перешагнул. И жизнь у него будет такая большая, и светлая, и прекрасная, и солнышко будет сиять, милое, родное солнышко. Выйдет себе утречком и светит, такое милое... Боже мой!..

— Вот... Вот пришел великан — и упал. Такой смешной-смешной — смешной же!

Так глубокой ночью говорила мать над умирающим ребенком. Носила его по темной комнате, и говорила, и фонарь светил в окно — а в соседней комнате слушал ее слова отец и плакал.

Л. Андреев.

РАССКАЗ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ.

(Гл. 12. «Их привезли»). (

Старательно бежали вагончики.

Несколько лет подряд Сергей Головин жил с родными на даче по этой самой дороге, часто ездил днем и ночью и знал ее хорошо. И если закрыть глаза, то можно было подумать, что и теперь он возвращается домой — запоздал в городе у знакомых и возвращается с последним поездом.

— Теперь скоро, — сказал он. Никто не пошевелился, не ответил, и только Цыганок быстро, раз за разом сплюнул сладкую слюну. И начал бегать глазами по вагону, ощупывать окна, двери, солдат.

— Холодно, — сказал Василий Каширин тугими, точно и вправду замерзшими губами (и вышло у него это слово так: — хо-а-дна).

Таня Ковальчук засуетилась.

— На, платок, повяжи шею. Платок очень теплый.

— Шею? — неожиданно спросил Сергей и испугался вопроса. Но так как и все подумали то же, то никто ничего не сказал, или... все сразу сказали одно и то же слово.

— Ничего, Вася, повяжи, теплее будет, — посоветовал Вернер. Потом обернулся к Янсону и нежно спросил:

— Милый, а тебе не холодно, а?

— Вернер, может быть, он хочет курить? Товарищ, вы, может быть, хотите курить? — спросила Муся. — У нас есть.

— Хочу.

— Дай ему папиросу, Сережа, — обрадовался Вернер. Но Сергей уже доставал папиросу.

И все с любовью смотрели, как пальцы брали папиросу, как горела спичка и изо рта Янсона вышел синий дымок.

— Ну, спасибо, — сказал Янсон. — Хорошо.

— Как странно! — сказал Сергей.

— Что странно? — обернулся Вернер. — Что странно?

— Да вот: папиросы.

Он держал папиросу, обыкновенную папиросу, между обыкновенных живых пальцев и бледный, с удивлением, даже как будто с ужасом смотрел на нее. И все уставились глазами на тоненькую трубочку, из конца которой крутящейся голубой ленточкой бежал дымок, относимый в сторону дыханьем, и темнел, набираясь, пепел. Потухла.

— Потухла, — сказала Таня.

— Да, потухла.

— Ну, и к черту! — сказал Вернер, нахмурившись и с беспокойством глядя на Янсона, у которого рука с папиросой висела, как мертвая.

Вдруг Цыганок быстро повернулся, близко лицом к лицу наклонился к Вернеру и, выворачивая белки, как лошадь, прошептал: «Барин, а что, если б конвойных... того... по-пробовать»...

— Не надо, — также шопотом ответил Вернер, — «выпей до конца».

— А для ча? В драке-то оно все веселее, а? Я ему, он мне, — и сам не заметил, как порешили. Будто и не помирал.

— Нет не надо, — сказал Вернер и обернулся к Янсону: — Милый, отчего не куришь?

Вдруг дряблое лицо Янсона сморщилось, словно кто-то дернул за ниточку, приводящую в движение морщинки, и все они перекошились. И как сквозь сон, Янсон заплакал без слез, сухим, почти притворным голосом:

— Я не хочу курить... аг-ха! аг-ха! аг-ха! Меня не надо вешать! аг-ха! аг-ха! аг-ха! — Около него засуети-

лись. Таня Ковальчук, обильно плача, гладила его по рукаву и поправляла свисшие крылья облезлой шапки.

— Роденькой ты мой, миленький, да не плачь! Да, роденький же ты мой! Да несчастенький же ты мой! — Муся смотрела в сторону. Цыганок поймал ее взгляд и оскалился.

— Чудак его благородие! Чай пьет, а пузо холодное! — сказал он с холодным смехом, но у самого лица стало иссиня черное, как чугун, и ляскали большие желтые зубы.

Вдруг вагончики дрогнули и явственно замедлили ход. Все, кроме Янсона и Каширина, привстали и так же быстро сели опять.

— Станция, — сказал Сергей.

Поезд остановился.

Во сне выходили из вагона, разбивались на пары, нюхали особенно свежий лесной весенний воздух. Во сне тупо и бессильно сопротивлялся Янсон, и молча выволакивали его из вагона. Спустились со ступенек. — Разве пешком? — спросил кто-то почти весело. — Тут недалеко, — ответил другой кто-то так же весело.

Потом большой, черной, молчаливой толпой шли среди леса по плохо укатанной, мокрой и мягкой весенней дороге. Из леса от снега несло свежим крепким воздухом. Нога скользила, иногда проваливалась в снег, и руки невольно хватались за товарищей. И громко дыша, трудно по целому снегу двигались по бокам конвойные.

Чей-то голос сердито сказал:

— Дороги не могли прочистить — кувыркайся тут в снегу.

Кто-то виновато оправдывался:

— Чистили, ваше благородие... Ростепель только. Ничего не поделаешь.

Сознание возвращалось, но не полно, отрывками, странными кусочками. То вдруг мысль деловито подтверждала: — действительно, не могли дороги прочистить — ..., то снова угасало все, и оставалось одно только обоняние: нестерпимо-яркий запах, воздух леса, тающего снега; то необыкновенно ясно становилось все — и лес, и ночь, и дорога, и то, что их сейчас, сию минуту повесят...

Обрывками мелькал сдержанным шопотом разговор:

— Скоро четыре. Говорил, рано выезжаем... Светает в пять.

— Ну да, в пять. Вот, и нужно было...

В темноте на полянке остановились.

В некотором отдалении, за редкими, прозрачными по зимнему деревьями, молчаливо двигались два фонарика. Там стояли виселицы.

— Калошу потерял, — сказал Сергей Головин.

— Ну? — не понял Вернер.

— Калошу потерял — холодно.

— А где Василий?

— Не знаю. Вон стоит.

Темный и неподвижный стоял Василий.

— А где Муся? — Я здесь. Это ты, Вернер?

Начали оглядываться, избегая смотреть в ту сторону, где молчаливо и страшно понатно продолжали двигаться фонарики. Налево обнаженный лес как будто редел, проглядывало что-то большое, белое, плоское, и оттуда шел влажный ветер.

— Море, — сказал Сергей Головин, внюхиваясь и ловя ртом воздух, — там море.

Муся звучно отозвалась: — Мою любовь, широкую, как море...

— Ты что, Муся?

— Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега.

— Мою любовь, широкую, как море... (подчиняясь звуку голоса и словам) — повторил задумчиво Сергей.

— Мою любовь, широкую, как море... — повторил Вернер. И вдруг весело удивился: — Муська! как ты еще молода!

Вдруг близко у самого уха Вернера послышался горячий задыхающийся голос Цыганка: — Барин, а барин!.. Лес-то!.. а... Господи! что же это... А там это-то что, где фонарики — вешалка что ли?.. Что же это, а?..

Вернер взглянул: Цыганок маялся предсмертным томлением.

— Надо проститься, — сказала Таня Ковальчук. — Поги. Еще приговор будут читать, — ответил Вернер. — А где Янсон? — Янсон лежал на снегу, и возле него с чем-то возились. Вдруг остро запахло нашатырным спиртом. —

Ну, что там, доктор? Вы скоро? — спросил кто-то нетерпеливо.

— Ничего, простой обморок. Потрите ему уши снегом.

— Он уже отходит. Можно читать.

Свет потайного фонарика ужал на бумагу и белую без перчаток руку. И то и другое немного дрожало. Дрожал и голос.

— Господа!.. может быть приговор не читать? Ведь вы его знаете? Как вы?.. — Не читать. — За всех ответил Вернер, и фонарик быстро погас. От священника также все отказались, и темный широкий силуэт молча и быстро отодвинулся вглубь и исчез.

Повидимому рассвет наступал: снег побелел, потемнели фигуры людей, и лес стал реже, печальней и проще.

— Господа, идти надо по двое. В пары становитесь, как хотите, но только прошу поторопитесь. — Вернер указал на Янсона, который уже стоял поддерживаемый двумя жандармами.

— Я с ним, а ты, Сережа, бери Василия. Идите вперед.

— Хорошо. — Мы с тобою, Мусечка? — спросила Ковальчук. — Ну, поцелуемся. — Быстро поцеловались. Цыганок целовал крепко, так, что чувствовались зубы, Янсон мягко и вяло полураскрытым ртом. Впрочем он, кажется, не понимал, что делает. Когда Сергей Головин и Каширин уже отошли на несколько шагов, Каширин вдруг остановился и сказал громко и отчетливо, но совершенно чужим незнакомым голосом: — Прощайте, товарищи! — Прощай, товарищ! — крикнули ему. Ушли. Стало тихо. Фонарики за деревьями остановились неподвижно. Ждали крика, голоса, какого-нибудь шума. Но было дико там, как и здесь. Неподвижно желтели фонарики.

— Ох, боже мой!.. — тихо прохрипел кто-то. Оглянулись. Это в предсмертном томлении маялся Цыганок. — Вешают!..

— Как же это так! Господа, а?.. Мне-то одному что-ли?.. Компанией-то оно веселей... господи!.. что же это?! — Схватил Вернера за руку сжимающими и распадающимися, точно играющими пальцами. — Барин, милый, хоть ты со мною, а?.. Сделай милость, не откажи. — Вернер страдая ответил: — Не могу, милый, я с ним. — Ах, ты, боже мой!..

Одному, значит! Как же это!.. господи! — Муся шагнула вперед и тихо сказала: — Пойдемте со мной. — Цыганок отшатнулся и дико выворотил на нее белки: — С тобою?! — Да! — Ишь ты! Маленькая какая... А не боишься? А то уж я один лучше, чего там...

— Нет, не боюсь. — Цыганок оскалился: — Ишь ты! А я ведь разбойник. Не брезгуешь? А то лучше не надо. Я сердиться на тебя не буду. Муся молчала и в слабом озарении рассвета лицо ее казалось бледным и загадочным. Потом вдруг быстро подошла к Цыганку и, закинув руки ему за шею, крепко поцеловала его в губы. Он взял ее пальцами за плечи, отодвинул от себя, потряс и громко чмокая, поделова! в губы, в нос, в глаза... — Идем. — Вдруг ближайший солдат как-то покачнулся и разжал руки, выпустив ружье. Но не наклонился, чтобы поднять его, а постоял мгновение неподвижно, повернулся круто и как слепой зашагал в лес по цельному снегу.

— Куда ты? — испуганно шепнул другой: — стой!.. Но тот все так же молча и трудно лез по глубокому снегу. Должно быть наткнулся на что-нибудь, взмахнул руками и упал лицом вниз. Так и остался лежать. — Ружье подыми! Кислая шерсть! А то я подыму! — грозно сказал Цыганок. — Службы не знаешь. — Вновь хлопотливо забегали фонарики. Наступала очередь Вернера и Янсона. — Прощай, — барин! громко сказал Цыганок. — На том свете знакомы будем. Увидишь когда — не отворачивайся. Да водички когда испить принеси — жарко мне там будет! — Прощай. — Я не хочу — сказал Янсон вяло. Но Вернер взял его за руку и несколько шагов осторожно провел сам. Потом видно было — он остановился и упал на снег. Над ним нагнулись, подняли его и понесли, а он слабо барахтался в несущих его руках. Отчего он не кричал? Вероятно забыл, что у него есть голос. И вновь неподвижно остановились желтеющие фонарики. — А я, значит, Мусечка, одна, — печально сказала Таня Ковальчук. — Вместе жили — и вот...

— Танечка, милая!.. — Но горячо вступился Цыганок, держа Мусю за руку, словно боясь, что еще могут отнять, он заговорил быстро и деловито: — Ох, барышня, тебе одной можно, ты чистая душа, ты, куда хочешь, одна можешь... Поняла? А я что?.. Невозможно мне одному! Ты,

куда, скажут, лезешь, душегуб?! Не поняла?.. — Поняла. Что ж, идите. Дай я тебя еще поцелую, Мусечка. — Двинулись Муса и Цыганок. Женщина шла осторожно, оскользаясь и по привычке поддерживая юбки. И крепко под руку, остерегая и нащупывая ногою дорогу, вел ее к смерти мужчина. Огни остановились. Тихо и пусто было вокруг Тани. Молчали солдаты, все серые в бесцветном и тихом свете начинающегося дня... — Одна я... вдруг заговорила Таня и вздохнула. — Умер Сережа, умер и Вернер, и Вася... Одна я... Солдатики, а солдатики... одна я, одна!.. — Над морем всходило солнце. Складывали в ящик трупы. Потом повезли. Плыли трупы назад, по той же самой дороге, по которой сами, живые, пришли сюда.

И так же был мягок и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух.

Так люди приветствовали восходящее солнце.

Л. Андреев.

Живая сила всякой истинной школы искусства, великой или малой — это любовь к природе.

Дж. Рёскин.

Искусство чтения требует прежде всего организованного дыхания, организованного голоса и организованного произношения.

Вас. Сержников.

(Из книги: «Техника речи»).

Нет ничего более враждебного друг другу, чем искусство и случайность.

С. Волконский.

(Из книги: «Художественные отклики»).

ЗВЕЗДА ¹⁾

(Восточная сказка).

Это случилось в давние времена, в далеком, неведомом краю.

Над краем эгим царил вечная, черная ночь; гнилые туманы поднимались над болотистой землею; люди рождались, росли, любили и умирали в сыром мраке. Но иногда дыхание ветра разгоняло тяжелые испарения земли, и тогда с далекого неба смотрели яркие звезды. Наступал всеобщий праздник. Люди, в одиночку сидевшие в своих темных, как погреба, жилищах, сходились на площадь и пели гимны небу, отцы указывали детям на звезды и учили, что в стремлении к ним — жизнь и счастье человека. Звездам молились жрецы, звезды воспевали поэты; ученые изучали пути звезд, их число, величину и сделали важные открытия: оказалось, что звезды медленно, но непрерывно приближаются к земле; десять тысяч лет назад, как говорили совершенно достоверные источники, с трудом можно было различить улыбку на лице ребенка за полтора шага; теперь же всякий легко различал ее за три шага. Было вне всякого сомнения, что через несколько миллионов лет небо засияет яркими огнями, и на земле наступит царство вечного, лучезарного света. Так долгие годы шла жизнь людей, тихая и безмятежная, согреваемая кроткою верою в далекие звезды.

Однажды звезды на небе горели особенно ярко. Люди толпились на площади, в немом благоговении возносясь душою к вечному свету. И вдруг из толпы раздался голос.

— Братья! — Как светло и чудно там, в высоких небесных равнинах, а у нас здесь — как сыро и мрачно! Томится душа моя, нет ей жизни и воли в этой вечной тьме. Что нам до того, что через миллионы лет жизнь наших дальних потомков озарится непреходящим светом! Нам, нам нужен этот свет, нужен больше воздуха и пищи, больше матери и возлюбленной. Кто знает, — быть может, есть

¹⁾ В сокращении.

путь к звездам, быть может, мы в силах сорвать их с неба и водрузить здесь, среди нас, на радость всей земле! Пойдемте же искать этот путь, пойдемте искать света для жизни!

В собрании воцарилось молчание.

— Кто говорил это? — шепотом спрашивали люди друг друга.

— Это — Адеил, юноша безрассудный и непокорный.

И опять некоторое время было молчание.

— Милый юноша! — заговорил, наконец старый Тсур, учитель умных, свет науки. — Всем нам понятна твоя тоска, — кто в свое время не болел ею? Но невозможно человеку сорвать с неба звезду: край земли кончается глубокими провалами и безднами, за ними крутые скалы, и нет через них пути к звездам. Так говорит опыт и мудрость.

— Не к вам, мудрые, обращаюсь я, — возразил Адеил. — Ваш опыт бельмами покрывает глаза ваши, и мудрость ваша ослепляет вас. К вам взываю я, молодые и смелые сердцем, к вам еще не раздавленным дряхлою старческою мудростью!

Одни сказали:

— Мы бы рады пойти, но мы — свет и радость в очах родителей наших и не хотим причинить им печали.

Другие сказали:

— Мы бы рады пойти, но мы только что начали строить наши дома и хотим раньше закончить их.

Третьи сказали:

— Привет тебе, Адеил! Мы идем с тобою!

И поднялись многие юноши и девушки и пошли за Адеилом, — пошли в темную, грозную даль, и тьма поглотила их...

Прошло много времени. Об ушедших не было никаких вестей. Матери оплакали своих безрассудно погибших детей, и жизнь потекла попрежнему.

Но вот, однажды, над темным горизонтом небо слабо осветилось мелькающим, трепетным светом.

— Что это там? — удивленно спрашивали люди, толпясь на улицах и площади.

— Такой свет может быть только от вечной небесной звезды, — задумчиво произнес старый жрец Сатзой.

— Но как могла она спуститься на землю? — возразил Тсур, учитель умных, свет науки. — Нет нам пути к звездам, и нет звездам пути к нам.

А небо все светлело и светлело, и вдруг вдали, над горизонтом, показалась ослепительно яркая точка.

— Звезда! Идет звезда! — радостным кликом пронеслось по всему городу.

Яркие, как день, лучи гнали перед собою гнилые туманы; разорванные, взлохмаченные туманы метались и прилипали к земле, а лучи били по ним, рвали их на части и вгоняли в землю.

И люди спешили навстречу двигавшейся к ним звезде.

По дороге тихим шагом шел Адеил и высоко держал за луч, сорванную с неба звезду. Он был один.

— Где же остальные?

— Все погибли. — Погибли в провалах и безднах, прокладывая пути к небу.

Ликующая толпа окружила звездоносца. Девушки осыпали его цветами, отовсюду неслись восторженные клики:

— Слава Адеилу! Слава принесшему свет!

Он вошел в город и остановился на площади, высоко в руке держа сияющую звезду. И по всему городу разлилось ликование.

Прошли дни. Попрежнему ярко сияла на площади звезда в высоко поднятой руке Адеила. Но давно уже прекратилось в городе ликование. Люди ходили сердитые и хмурые, потупив взоры и старались не смотреть друг на друга. Когда им приходилось идти через площадь, глаза их при виде Адеила загорались мрачною враждою.

Не слышно было песен, не слышно было молитв.

И вот с воплем выбежал на площадь человек:

— Долой звезду! Долой проклятого звездоносца! Братья, разве не души всех вас вопят моими устами: долой звезду, долой свет — он лишил нас жизни и радости! Мы мирно и безмятежно жили во мраке, любили наши милые жилища, нашу тихую жизнь. И смотрите, — пришел свет, —

и нет отрады ни в чем. Посмотрите на землю, — она вся покрыта кровавою грязью. Откуда эта кровь? Но она липнет к рукам, ее запах преследует нас за едою и во сне. Мы больше не можем целовать наших возлюбленных: при свете адсидовой звезды они стали отвратительнее могильного червя: глаза их бледны, как у мокриц, мягкие тела покрыты пятнами и отливают плесенью. И друг на друга уж не можем мы больше смотреть, — не человека видим мы перед собою, а поругание человека... Невозможно жить! Долой звездоносца, да погибнет свет!

— Долой! — подхватила толпа. — Да живет тьма! Смерть звездоносцу!

И грозно заволновалась толпа, и двинулась на Адеила.

— Братья, стойте! — вдруг раздался голос старого жреца Сатзоя. — Тяжкий грех берете вы на душу, проклиная свет! Чему мы молимся, чем мы живем, как не светом? Но и ты, сын мой, — обратился он к Адеилу, — и ты совершил не меньший грех, снесши звезду на землю. К звездам человек должен стремиться лишь помыслами, а на земле тьма столь же священна, как на небе — свет. Раскайся же, сын мой, брось звезду, и да воцарится на земле прежний мир!

— А ты думаешь, если я ее брошу, — мир на земле не погиб уже навеки? — с усмешкою спросил Адеил.

Тогда выступил вперед старый Тсур, учитель умных, свет науки.

— Безрассудно поступил ты Адеил: — По законам природы жизнь развивается медленно и медленно приближаются к жизни далекие звезды. Но ты не захотел ждать, ты на свой страх сорвал звезду с неба и ярко осветил ею жизнь. И вот, вместо радости, ты принес на землю скорбь, вместо мира — войну. А ты мог бы и теперь можешь быть полезным жизни: разбей звезду, возьми из нее лишь маленький осколок, — и этот осколок осветит жизнь как раз настолько, сколько нужно для плодотворной и разумной работы над нею.

— Ты верно сказал, Тсур! — ответил Адеил. — Не радость принесла сюда звезда, — а скорбь, не мир, а войну. Не этого ждал я, когда по обрывистым скалам карабкался к звездам, когда вокруг меня обрывались и падали в бездну товарищи... Я думал: хоть один из нас достигнет цели

и принесет на землю звезду, и в ярком свете наступит на земле яркая, светлая жизнь. Но когда я стоял на площади, когда я при свете небесной звезды увидел вашу жизнь, я понял, что безумны были мои мечты; я понял, что свет был вам нужен лишь в недосягаемом небе, чтоб преклоняться перед ним в торжественные минуты жизни. На земле же вам всего дороже мрак, в котором можно прятаться друг от друга и, главное, быть довольным собою, своею темною жизнью. Впрочем, могу вас утешить: светить моей звезде не долго. Там, в далеком небе, висят звезды и светят сами собою! Но сорванная с неба, снесенная на землю звезда может светить, лишь питаясь кровью держащего ее. Я чувствую, что жизнь моя, как по светильнику, поднимается по моему телу к звезде и сгорает в ней; еще немного и жизнь моя сгорит целиком; и нельзя никому передать звезды; она гаснет вместе с жизнью несущего ее, и каждый должен добывать звезду вновь. И к вам обращаюсь я, честные и смелые сердцем, к вам, которые, познав свет, уже не захотите жить во мраке. Идите в далекий путь и несите сюда новые звезды. При их неугасающем свете невозможна станет такая жизнь, какая теперь; высохнут болота, и исчезнут черные туманы, ярко зазеленеют деревья. И жизнь станет великою и чистою, и прекрасна будет она при лучезарном свете питаемых нашею кровью звезд. А когда, наконец, спустится к нам звездное небо и осветит жизнь, то оно застанет ее достойною света, и тогда уж не нужна будет наша кровь, чтоб питать этот вечный, непреходящий свет...

Голос Адеила оборвался; последние кровинки сбежали с его бледного лица, и он упал, а вместе с ним упала звезда, — упала, зашипела в кровавой грязи и погасла.

* *

Прошли годы. Попрежнему в сыром мраке родились, росли, любили и умирали люди; попрежнему мирною и спокойною казалась жизнь. Но глубокая тревога и неудовлетворенность подтачивали ее во мраке. Люди старались и не могли забыть того, что осветила мимолетным своим светом яркая звезда. Отравлены были прежние тихие радости, ложь въелась во все. Отец учил сына, что в стре-

млении к звездам — жизнь и счастье человека, — и вдруг у него мелькала мысль: «А ну, как в сыне и вправду загорится стремление к звездному свету, и он, подобно Адеилу, пойдет за звездой, и принесет ее на землю!» И отец спешил объяснить сыну, что свет, конечно, хорош, но безумно пытаться низвести его на землю, что были такие безумцы, и они бесславно погибли, не принесли пользы для жизни.

Этому же учили людей жрецы, это же доказывали ученые. Но напрасно звучали их проповеди: то и дело разносилась весть, что такой-то юноша или девушка ушли из родного гнезда. Куда? Не по пути ли, указанному Адеилом?

В. Вересаев.

ДВЕ БОЖЬИ МАТЕРИ ¹⁾.

На окраине огромного города, высоко над рекой, красиво белел большой дом. Внизу, на берегу, черно дымила фабрика. В третьем этаже белого дома, в громадных комнатах, залитых солнцем, жил хозяин фабрики с семьей. В полутемном подвале жил ткач с ткачихой той же фабрики.

У фабрикантши родилась дочка. У ткачихи тоже родилась маленькая. В великолепной спальне висел образ божьей матери в золотой ризе. Барыня верила в бога, но знала что божья мать хорошо нарисована на доске, а толку от нее никакого не будет, если у человека нет денег. У ткачихи, в запаутиненном углу тоже висела доска с почернелым ликом и глазами. Ткачиха с глубокой верой молилась, думала, что на нее смотрит сама божья мать живая.

У фабрикантши были вокруг ребенка няньки, мамки, горничные, и кормила молодуха, которая из-за нищеты с тоской бросила свое дитя в деревне умирать на кислой соске, набитой ржаным хлебом.

¹⁾ Образец вещи для дуэтной декламации. Рекомендую читать двум женским голосам, одному — о фабрикантше, другому — о работнице. Первую фразу читает голос фабрикантши, вторую — голос ткачихи, третью — опять голос фабрикантши и т. д. В. С.

Ребенок ткачихи целый день, надрываясь, кричал, голодный, в мокрых, вонючих пеленках, некому приглядеть — мать и отец целый день за гремучим станком на фабрике, и ни на минуту не замирала тоска по своем маленьком.

Дочка фабрикантши расцветала, как цветок, розовая, с перетянутыми ниточками ручками и ножками. И смотрели на нее нарисованные на доске глаза в золотой оправе.

Дочка ткачихи — желтенькая, со старушечьим личиком, кривыми ножками, как пожелтевшая травка в темноте погребца. И смотрело на нее почернелое лицо, нарисованное на потрескавшейся доске...

Заболела дочка фабрикантши. Налетели со всех сторон самые знаменитые доктора, профессора, платили им больше тысячи, и выпользовали девочку. Опять она, резвая и живая, щебетала, как птичка. И смотрела на нее хорошо нарисованная доска в золотой оправе.

Заболела дочка ткачихи, стало ей сводить ручки и ножки, почернело маленькое личико, повело посиневший ротик. Билась головой о доски измученная мать, рвала волосы, кидалась на колени и страстно молилась, мучительно сжимая грудь костлявыми руками и иступленно глядя на почернелую доску полными муки, слез, надежды, отчаяния глазами:

— Мати пресвятая, пречистая, заступнице! Спаси ты мне дочечку... вызволи ты мне дочечку... пушай поздоровет моя девочка... поставь ты ее на ножки... за что так она мучится?! Мати пресвятая...

Гудит гудок, бросает ткачиха, глотая слезы, больную крошку, бежит работать на фабрикантово семейство. Уходит и ткач на работу, а в глазах — тоска.

Умерла маленькая и лежала, как желтенький свернувшийся листик, а в углу висела черная доска.

Поп торопливо похоронил, стараясь поскорей отделаться и скороговоркой приговаривая:

— Пути господни неисповедимы... зато ей там хорошо будет... на том свете.

— Хоть бы она на этом, хоть бы часочек, один бы часочек, как следует, пожила, — захлебываясь выговорила мать. Поп прикрикнул:

— Не гневи господя. Господь каждому дает крест, и каждый должен нести его. А то гореть тебе в печи огненной.

Росла и расцветала дочка у фабрикантши, у ткачихи тлея в могиле, и никогда не заживала тоска у замученной женщины.

Попрежнему висели две божьи матери, одна — наверху, в вызолоченной оправе, хорошо нарисованная на доске, другая — в полутьме подвала, полопавшаяся, на почерневшей доске.

А. Серафимович.

Сначала пристальное внимание — потом действие.

А. Гастев.

(Центральный Институт Труда).

ИЗ РАССКАЗОВ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

*

А. Серафимович
А. Неверов
Л. Сейфуллина
Н. Никитин

Вс. Иванов
Б. Пильняк
М. Голодный

Д. Фурманов
В. Шишков
М. Волков
К. Федин

Ч У Д О.

В январскую стужу, привалившись к задку саней, ехал казак Наумыч в станицу.

Заиндевшая лошадь бежит споро. Кругом пустая степь, занесенная снегом. Наискосок, через дорогу, тянет злая поземка. Верст семнадцать осталось.

Вдруг Наумыч натянул вожжи. Лошадь стала.

— Что за притча?..

Шагах в десяти от дороги пар шел. Слез Наумыч, идет, проваливается по сугробам. Чудеса! В ложбине чернеет живая вода, снег кругом мокрый, а в воде лягушенки плавают, — оттаял.

— Али навождение?.. — перекрестился Наумыч.

Знает, кругом верст на двадцать капли воды нет, степь сухая, как кирпич, и от мороза даже воздух оледенел.

Побежал назад, ввалился в сани и погнал лошадь. А в станице прямо к попу.

— Так и так, батюшка, нонче мне навождение в степи было, благословите. Двадцать годов езжу по этому самому месту, капли-росинки никогда там не бывало, и называется «Сухой Лог», а тут прямо живая вода, а кругом мороз, а в ей лягушенки плавают.

Поп сунул ему в губы волосатую руку, выслушал, да как заревет боровом:

— Мать, дай ему стакан водки! Да вели Николаю запрягать вороных. Пошли за дяконом, за дячком; приготовьте облачение... А ты, мать, полезь на подловку, там в углу навалены иконы, выбери какую постарей божью мать, почерней какую. Да сама полезь, а то Палашка не сумеет. Да не забудь... того... — крикнул он в догонку, — энтото... бутылочку в сани поставить, — мороз больно здоров.

Попадья, вся в паутине, слезла с подловки и подала почерневшую доску.

— На вот. Только нос у ней маленько сколупнут.

Через полчаса поп в новой енотовой шубе, с ним здоровенный, похожий на быка, дьякон в волчьей, и в пальтишке, не попадавший зуб на зуб дьячок — быстро ехали на паре сытых вороных в степь.

Вот и ложок, и пар от него идет. Глядь, а с другой стороны на паре гнедых тоже трое жарят: поп с дьяконом и с дьячком из хутора, — пронюхали каналы.

Подскакали разом; выскочили попы, да к воде с иконами. И стали друг дружку пихать.

— Ты что же это в чужой приход, сивый мерин! А?!..

— Врешь, бабьятник, наш, хуторский тут юрт.

Вцепились друг другу в бороды. Дьяконы из саней на помощь поспешают. А у дьячков свое — кадило в сторонке раздувают.

Станичный дьякон скинул с правой руки волчину, да не крестясь, не молясь, ка-ак ахнет хуторского батюшку, — тот и ушел головой в снег.

Взревел по-бычьи хуторской дьякон.

— А-а, так ты нашего!..

Скинул тулуп, размахнулся — господи, благослови! И задрал ноги станичный поп, зад весь в снегу показал. Сошлись дьяконы, оба ражие, откормленные, с бычьими шеями и голоса рыкающие — быть бы большому бою, да бегут кучера, кричат:

— Батюшки!.. батюшки!.. народ едет...

А народ, действительно, ехал: со всех сторон зачернели сани. И как это быстро весть о чуде облетела станицу и хуторы.

Попы кряхтя, поднялись, и пошло: «господи помилуй»... и «аллилуйя» и «радуйся, невесто невестная»...

На другой день народу привалило еще больше. Везут безруких, хромых, слепых, иссохших, измученных, падучих, порченных, кликуш. И все с умилением, со слезами, пьют святую воду и прикладываются к явленным, быстро стынущим на воздухе; морозно: прилипают губы, больно отдирать. А кругом вздохи, крики, плач, визг, кликуши голосят.

— Матушки, царицы небесные! Да как же вы нас сподобили недостойных?! Хучь бы одна, а то сразу две — преподобная одигитрия, ды казанская божая мать...

А около попов растут кучи денег, печеного хлеба, яиц, сала, овчины, мешки с пшеницей. Пара вороных и гнедых не успевают отвозить. Так тянулось целых четыре дня. Измучились попы, до седьмого поту трудятся.

По области, по станциям, по хуторам, слова пошли о двух явленных, и как они исцеляют болящих. И те, кто приезжал, своими глазами видели явленные иконы в живой воде, как для болящих царицы небесные воду все прибавляют, — стало уж маленькое озерцо, и не мерзнет.

Удивляется народ, в страхе и умилении пьет воду, набирает в пузырьки, в бутылки и развозит по всей области.

На пятый день приехали на двух санях рабочие, хмурые, черные от въевшегося металла и масла. Вылезли, достали инструменты, подошли:

— Ну, будет вам тут турусы разводить...

— Вам чего надо? Тут явленные матушки, царицы небесные, одигитрия да казанская...

— Ма-атушки!.. по матушке бы вас всех... ишь сколько воды нашло. В станице, почитай, водопровод стал, без воды сидят. Труба лопнула, а вы воду лакаете, да еще с водосвятием. Ну пушайте, некогда нам тут с вами...

И принялись за работу. Развели костры, оттаяли землю, вырыли колодцы; открыли водопроводную трубу, заменили лопнувшую часть новой, опять засыпали землей и уехали.

Поднялась мятель, пустынная, одинокая, безлюдная.

А. Серафимович.

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык — это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительнее с этим могущественным орудием: в руках умелых оно в состоянии совершить чудеса.

И. С. Тургенев.

Как бы ни был силен голос, он должен быть ниже той силы, которая его оживляет.

Фр. Дельсарт.

ЗЕМЛЯ И НЕБО.

I.

О. Василий сказал хорошую проповедь. Народу в церкви было немного, больше старики, туговатые на ухо, но был и еще один человек — Парамон Лукьяныч Сережкин. Стоял впереди всех, около левого клироса, упорно смотрел на догорающую свечку, которую поставил Иисусу Христу. Теперь они — друзья с ним. Долго просил Парамон Иисуса:

— Помоги да помоги!

Иисус помог. Парамон съездил в Ташкент, привез девяносто пудов пшеницы. Стоял теперь теплый, благодушный, словно салом помазали сердце ему, говорил с Иисусом сонными, отяжелевшими глазами.

— Эдак вот, господи: ты мне, я тебе... И еще могу поставить, только от воров убереги...

О. Василий человек голодный. Совсем не несут православные. Так, яичко закатится иногда да сунет попику маслица кусочек добрая старушья рука. Кожаная стала душа у мужиков. И проповедь не хотел говорить — матушка разожгла накануне воскресенья. Режет тыкву и вскользь эдак, будто нехотя:

— Парамон Лукьяныч вернулся.

О. Василий тоже нехотя:

— Мало интересного.

Матушка еще словечко:

— Девяносто пудов привез.

Глаза у о. Василия сделались круглыми. Перевел пуды на большевистские деньги — разволновался. Двести семьдесят миллионов! Целую ночь обдумывал проповедь, в расеянность впал.

Утром опять обдумывал. За обедней решил окончательно: проповедь сказать необходимо — Парамон Лукьяныч здесь. Вышел в одной епитрахили, подрясник подмышками заштопан белыми нитками. Точно в жертву обрекли — стоит, не шелохнется.

— Братие христиане, верующие во единого господа нашего Иисуса Христа.

Торжественно начал сочиненную притчу об одном человеке, которому бог невидимо посылал. Человек этот был не скупой, помогал сирым и нищим, не поддавался наветам лукавого, и вот господь не скидывал его с рук. Украдкой посмотрел на Парамона. Парамон стоял выгнув шею, раздраженно думал:

— Узнал поп. Клянчить будет.

— Был в той стране великий голод, но господь не обидел праведного человека: собрал он девяносто пудов на полях своих, сказал:

— Раздам половину нищим!

Парамон поднял голову.

— Эге!

Даже проповеди не дослушал, креста не поцеловал. Крякнул в нутро, пошел из церкви, тяжело обиженный. Шел и думал.

— Агитацию ведет поп. Бедных травит.

Дома зашел в сени, где лежали мешки с пшеницей. Осмотрел крышу. Крепкая. Был маленький замок на двери — повесил большой конный.

— Ах, поп, поп! Вон чего выдумал — половину нищим.

О. Василий уходил из церкви точно побитый. Надо бы на крыльцо прямо к себе — мимо ударился: ослепила обида.

Матушка за чаем опять говорила, как будто вскользь:

— Пшеницу ташкентскую видела. Хорошая!

— Вообще, туркестанская пшеница... Я же знаю тамшний климат...

А сердце, как петушок обиженный.

— Прыг-прыг!

Чем отомстить мужику?

II.

Парамону Лукьянычу сон нехороший приснился.

Сняли большевики замок у сеней, потащили пшеницу голодным.

Сверху голос:

— Умрешь скоро, Парамон — тиф в тебе.

Закрыв глаза — покатылся в глубокую яму. Очнулся — сидит на кровати. Спину немножко больно. Голову клещами жмет. Во рту сухо. Выпил воды холодной — в жар

бросило. Встал среди ночи, пошел в сени. Замок тут. Хотел назад вернуться, а ноги сами сели на полу. Так под руки и увели в избу. На третью ночь опять сон нехороший приснился: смерть пришла.

— Здесь живет Парамон Сережкин?

— Нет! — крикнул Парамон, зарываясь в одеяло. Утром пошли за о. Василием — душу приготовить на страшный суд.

О. Василий головой покачал.

— Жалко, жалко...

А матушке шепнул легонько:

— Приготовь мешок побольше...

Парамон Лукьяныч лежал в новой рубашке, в новых штанах, с расчесанной головой, испуганно закрыл глаза: скоро его не будет. Исповедался не торопясь, подолгу морщил лоб, припоминая забытое. О. Василий вызывал душевную скорбь... Когда Парамон умолк, ласково спросил:

— Не имел ли сердца на иерея своего?

— Имел, — глухо сказал Парамон.

— Не гордился ли тщетою богатства земного?

— Грешник.

О. Василий улыбнулся, прикрыл Парамона подолом старенькой спитрахили.

— Ну теперь обязательно даст.

После исповеди угощали чаем. Вместо сахара положили черного ташкентского изюму. Парамон лежал с закрытыми глазами, легкий, очищенный от грехов, думал: «Куда душа пойдет?» Когда отвернулась Парамонова жена от стола, о. Василий сунул горсть изюму в карман. Лицо стало горячее, уши покраснели. Посмотрел на болящего.

— Парамон Лукьяныч, попробуй еще молебен отслужить о здравии. Господь скорее пошлет исцеление тебе. Жертву сделай... Парамон молчал.

— Ну и свинья бесчувственная!

Подошел к кровати, строго сказал:

— Молиться надо, Парамон Лукьяныч... бога просить...

А гордость-то выкинь... Я ведь все вижу.

Парамон неожиданно сел.

— Ты зачем проповедь говорил?

— Какую?

— Бедных хотел натравить?

— Парамон Лукьяныч!..

— Постой, постой. Я хотел два пуда дать тебе, теперь ничего не дам...

О. Василий вышел. Долго стоял у Парамоновых ворот.

— Ну, и свинья!.. Ну, и скотина бесчувственная! Большевика бы хорошего на тебя.

Вечером пришла Марфа, Парамонова баба. — Приди к нам, батюшка: Парамон Лукьяныч велел два пуда пшеницы насыпать тебе. Хуже ему стало, кабы не умер. Прощенья просит...

— Да я не сержусь! Разве я не понимаю? Чего взыскивать с больного человека?

— Молебен просит отслужить...

— Отслужу, отслужу. Обязательно! Я даже без просьбы хотел.

На третий день поехал за пшеницей. Парамон Лукьяныч сидел на кровати, привалившись головой к стене, старший сын Степан говорил ему:

— Мука три миллиона хорошая. Похуже — два с половиной. Увидя о. Василия, Парамон Лукьяныч сказал Степану:

— Иди, насыпь ему ведро пшеницы... Поменьше корое...

— Ведь ты два пуда обещал!

— Ну что же — обещал? Я мог и двадцать пудов обещать: я без памяти лежал... Тиф у меня был... Воспаление головы...

Александр Неверов.

Где чихнуть пришлось — запятая, где икнулось — двоеточие, а где табаку понюхать — точка.

Из пословиц и поговорок
русского народа.

Знаете, сказал я по многим примерам, если читающий держит публику более двадцати минут, то она уже не слушает. Полчаса ликакая даже знаменитость не продержится.

Ф. М. Достоевский.

ПО НОВОМУ.

I.

Мирон проснулся рано. В щели плетня под сараем смотрело туманное утро, тело зябко прохватывало холодком. Рядом с телегой лежала корова, отдуваясь поздрями. В темноте под крышей сонно разговаривали куры.

Вышел Мирон со двора, посмотрел из-под ладони на улицу. Прислушался к редкому скрипу ворог.

Перекинув уздечку через плечо, торопливо пошел на выгон за лошадь. Через полчаса ехал верхом на маленькой острозадой кобыле, по-ребячьи болтая босыми ногами. Лошадь, выкидывая задние ноги, брала на скачок, пробовала рысью. Фыркала, спотыкалась, трясла головой. Хвост и грива, положенная на обе стороны, были забиты репьями.

Редкая свалывшаяся челка на лбу, тоже в репьях, походила на огромный букет, хлопающий по глазам. Мирон, подпрыгивая, взмахивал руками. Навстречу попадались бабы, выгонявшие коров. Капля, шли овцы, звонко кричали ягнята. Пересекая дорогу им, вылетали собаки, хватили лошадь за хвост. Овцы шарахались в стороны, бабы ругались, Мирон улыбался веселой улыбкой.

— Прискакал? — спросил подошедший шабер.

— Прискакал.

— Что больно рано?

— Так уж эдак.

Пустил лошадь к колоде, сбегал к Ивану, живущему через восемь дворов. Заглянул к Игнату, постучал в окно к Шалферову. С Тереньковым встретился в переулке. Шел Тереньков с гумна, тащил прошлогодней мякины в лукошке.

— Значит, едем? — спросил Мирон.

— А что?

— Так, ничего.

— Что бегаешь!

— Не сидится. Зуд во мне пошел.

Дома долго кружился около телят, щупал прогнившие лубки, осматривал колеса. Дружески разговаривал с лошадь, хлопающей губами в колоде.

— Вот и на нашей улице праздник. Теперь и мы поживем. Чувешь?

В избе шебутилась жена, Мирон и ей сказал.

— Моложе я стал лет на пятнадцать.

— Что это?

— Больно уж хорошо. Дух радоваться. И тебе легче будет там, ты не сумлевайся.

— Дай бог!

Мирон поднял палец.

— Постой на бога шибко не надейся — это старая шутка. Мы хотим по новому, без всяких чудес.

— Как же без бога-то?

— У нас другой будет. Вот здесь.

Мирон показал на грудь.

— Этому не надо ни попов, ни кадилов.

II.

Жил он на птичьих правах в двухоконной избе. Осенью ее проливали дождями, зимой продувало ветрами, заносило сугробами. Сидел Мирон с ребяташками, как хорек в норе, выглядывая в подмороженные окна. Мужик он здоровый, выносливый и прозвали его за эту выносливость быком.

Но как ни упирался, как ни натужился, чтобы вытащить себя из нужды, — не вытащил. Когда потребовались здоровые мужики бить немецких и австрийских мужиков, Мирона взяли на войну. Много он их перебил: и пулями, и штыком, и прикладом. Поднятый среди ночи, озлобленно стискивал прозябшие губы. Озверевший от холода, грязи, от невыносимой обиды, таящейся в сердце, с ревом бросался вперед, кубарем падал в окопы, исцарапанный висел на колючей проволоке, запутавшись ногам. Без милости, без милосердия разбивал прикладом головы немецких, австрийских солдат.

За что — этого не знал, а подумать, поговорить об этом некогда было, не с кем. Вокруг толкались такие же озлобленные мужики, согнанные из разных деревень. Одно надоевшее слово слышали все:

— Враги!

Перед каждой битвой на составленных козлами ружьях горели тоненькие свечи, сизыми кольцами висел кадильный

дымок. Пухлые поповские руки поднимали над склонившимися головами маленькое освещенное солнцем распятие. Под ним, холодея, сжималось испуганное сердце. Маленькое распятие, благословляющее трупы убитых, давило камнем. Мысли путались. Мирон снова шел, одурманенный зельем. Снова ревел по звериному, догоняя немецких, австрийских солдат. Снова ложился под грязную окровавленную шинелишку до первой тревоги. На четвертый год положили в лазарет. Пока лежал, стал думать. Увидел настоящих врагов, посылавших на немецких, австрийских солдат. Трехлетняя война дала гниющую рану в спине да бронзовую медаль «за отличие». Разглядывая награду, Мирон обиженно крутил головой.

— Эх, дурак, дурак! Отличился.

Избенка дома встретила худыми разбитыми окнами, упавшим карнизом. По двору бродила все та же кобыла с отвислой губой и старая надоевшая нужда с разинутым ртом.

Не успел Мирон оглядеться, со всех сторон окружили старые непримиримые враги: волчья несытая злоба, щелкающая зубами, бессмысленная мужицкая жадность, мешающая жить. Купеческие участки расклеивались хозяйскими мужиками. Беднякам и калекам приходилось собачиться, тащиться в хвосте. Чувствовал Мирон: как сидел на дне, так и опять будет сидеть. Поставить себя на ноги не сумеет один. На помощь пришел Тереньков из плена, принес ободряющие мысли. Взвесили они с Мироном на весах в голове у себя, начали собирать других.

— Товарищи, в одиночку наше дело не пойдет. Гляди, какие мы, кто без руки, кто без ноги. Руки есть — лошади нет. Лошадь есть — телеги нет. Правда?

— Правда.

— Вот и давайте по другому.

Тут Тереньков произнес неслыханное слово «коммуна». Покатилось оно по улицам, как сказочный колобок.

— Обиженных в ней никого не будет. Нам не капиталы и не людей давить. Ты обопрешься на меня, я обопрусь на тебя. Так и пойдем кучкой. Мирон оказался главной пружиной. Около него дружно заработало несколько человек. Мужикам на собрание объявили.

— Лизарихин участок мы берем под коммуны. Кто хочет пойти с нами, милости просим.

Филипп Карташев выступил с насмешкой.

— Кто это мы?

— Вставай, которые с нами.

Поднялись: Мирон, Иван Быстренький, Кондрат Сухоедов, Шалферов, Лизунков, Гришины два брата.

— Вот кто. Гляди, если не видал.

III.

Денек разыгрался хороший. Небо синее, ведряное. Когда над гумнами поднялось утреннее солнышко Мирон вывел со двора кобылу, запряженную в телегу. Держа в руках длинные мешающие концы вожжей, тронулся по порядку. С левой оглобли Иван пристегнул своего меренишка, шумно фыркающего мокрыми ноздрями. Хвост ему закрутил, словно собирался на свадьбу. Похлопывая по спине пару отошавших коней, сказал: — И-эх, вы, буржуйчики!

Оба с Мироном смеялись.

По улице тронулся маленький поезд, гремя привязанными сзади плужками. Впереди ехал Шалферов на костлявом мерине, запряженном в рыдван. Позади на телегах сидели бабы, девченки в белых платках. Мужики шли по бокам шумными говорливыми кучками. На деревне смеялись.

— Глядите-ка скорее, коммунисты поехали.

Вслед им кричали:

— Тронулись? На новую землю?

— Выдумщики!

Овчинников старик смотрел со своей заваленки, как гриб из-под нахлобученной шапки, недоумевающе качал старой опорожненной головой.

— Цыгане что ли поехали?

Мирон волновался, как маленький. Солнышко светило хорошо, приветливо. Под согревающим теплом росли новые мысли. Виделась впереди обновленная жизнь, построенная общим трудом и любовью. Виделось широкое вольное поле, выращенное общими руками на общую пользу. Смотрел Мирон вокруг светлыми зангравшими глазами, думал:

— Хорошо!

IV.

Лизарихин хутор стоял на горе. Окружали его старые многолетние липы. Вверх по косогору шли неподнятые залежи, упирающиеся в посевы. Под горой в котловине блестело широкое озеро с отлогими берегами. Около деревянных мостков, посаженных в озеро, стояла спущенная лодка, наполовину залитая водой. Плавало старое разбитое колесо, торчала худая квашенка, опрокинутая на бок. Низкий дом с шестью окнами на солнечной стороне поглядывал в далекий синеющий горизонт, упавший на темно-зеленое поле. Пусто, просторно, в дому. Закупоренный воздух пахивал гнилью. Штукатурка на стенах осыпалась, пауки развесили паутину. Чопорно стояли мягкие стулья с обшитыми спинками. Тускло поблескивало пианино с поднятой крышечкой, покрытой налетами пыли. Мирон дотронулся до клавишей. По комнатам со слепыми закрытыми окнами беспорядочно запыряли звуки.

— Ого! Заговорила!

— Это она с нами ругается — зачем пришли сюда.

— Пушай ее ругается.

Быстренький удивлялся разглядывая изразцы.

— Жили-то как! Барами!

— Вот тебе и Лизариха! Будя.

— Кабы не вернулась, каинная!..

— Вернется на том свете.

Тереньков осматривал комнаты.

— Здесь будем собрания устраивать.

Прошли по двору всей артелью, расценили постройки, разделили работу. Шестеро отправились на участок с плугами, бабы с девочками подоткнули сарафаны. До полудня выметали пыль, мыли полы, расставляли уцелевшую мебель. Кондрат с Лизунковым постукивали топорами на дворе. Паранька, Кондратова дочка, готовила первый обед на Лизарихиной кухне с чугунной плитой. Санька Лизункова носила воду с колодца, чистила картошку. Мирон работал на участке. Вошло в него молодое, распутившее крылья, несло, поднимало. Когда увидел дымок, плавающий над хутором, весело прикрикнул на лошадей, пролагающих общую товарищескую борозду.

— И-эй, потягивай!

Обедали на маленькой террасе, выходящей на озеро, за общим артельным столом. Громко постукивали ложками, шутили. — Здравствуй, Лизарьевна!

— За наше здоровьишко!

Выйдя из-за стола, Мирон посмотрел на широкие раскинутые поля, изрезанные перелесками, долго стоял неподвижно. Обернулся к товарищам. Посмотрел на улыбающихся баб с девочками, на Михалёва, выставившего деревянную ногу, взволнованно сказал:

— Идет, товарищи, вижу!

— Кто?

— Жизнь другая. Трудно языком сказать, не могу. Держаться надо за нее, не выпускать.

Тереньков говорил:

— Учиться надо, в слепую не стоит. Фонарь зажечь в голове. Без огня далеко не уйдем.

Кондрат удивлялся:

— Как во сне! И не верится, что это мы с Параськой.

Мирон возбужденно вытягивал шею, собираясь сказать ненайденное слово. Радостно окидывал глазами собравшихся, улыбался широкой улыбкой, вместе с солнышком, которое улыбалось мужикам с голубого весеннего неба.

Александр Неверов.

Читает-летает, да ничего не понимает.

Из пословиц и поговорок
русского народа.

Сильное возбуждение, излившись неудержимым потоком, продолжает несколько времени проявляться более слабыми вёпшышками. Волны не улегаются, когда буря пролетела.

Дж. Льюис.

Нужно учиться читать, чтобы научиться говорить.

Легува.

ПРАВОНАРУШИТЕЛИ.

(Отрывок).

I.

Его поймали на станции. Он у торговков съестные продукты скупал. Привычный арест встретил весело. Подмигнул серому человеку с винтовкой и спросил:

— Куда ведешь, товарищ, в ртуцеку или губчечку?

Тот даже сплюнул.

— Ну дошлый! Все, видать, прошел.

Водили и в орточека. Потом отвели в губчечка. В комендантской губчечка спокойно посидел на полу в ожидании очереди.

При допросе отвечал охотно и весело.

— Как зовут?

— Григорий Иванович Песков.

— Какой губернии? — брезгливо и невнятно спрашивал комендант.

— Дальний. Поди-ка и дорогу туды теперь не найду. Иваново-Вознесенский.

— Как же ты в Сибирь попал?

— Это какая Сибирь! Я и подале побывал.

Сказал и гордо оглядел присутствующих.

— Да каким чортом тебя сюда из Иваново-Вознесенска принесло?

Степенно поправил:

— Не чортом, а поездом.

На дружный хохот солдат и человека, скрипевшего что-то пером на бумаге, ответил только солидным плевком на пол.

— Поездом, товарищ, привезли. Мериканцы. Детей питерских с учителем сюда на поправку вывезли. Красный крест, что ли, ихний. Это дело не мое. Ну, словом мериканцы. Ленин им, что ль, за нас заплатил: подкормите, дескать. Ну, а тут Колчак. Которые дальше уехали, которые померли, я в приют попал, да в деревню убег.

— Что ты там делал?

— У попа в работниках служил. Ты не гляди, что я худячий. Я, брат, на работу спорый.

— Ну, а добровольцем ты у Колчака служил?

— Служил. Только убег.

— Как же ты в добровольцы попал?

— Как красные пришли, все побегли, и я с ним побег. Ну, никому меня не надо, я добровольцем вступил.

— Что ж ты от красных бежал? Боялся, что ли?

— Ну, боялся... Какой страх? Я сам красной партии. А все бегут, и я побег.

Солдаты снова дружно захохотали. Комендант прикрикнул на них и приказал:

— Обыскать.

Также охотно дал себя обыскать. Привычно поднял руки вверх. У мальчишки отобрали большую сумму денег, поминанье с посеребренными крышками, фунт чаю и несколько аршин мануфактуры в котомке.

— Деньги-то ты где набрал?

— Которые украл, которые на торговле нажил.

— Чем же ты торговал?

— Сигаретками, папиросами, а то слимоню што, так этим.

— Ну, ха-ха! — подивился комендант. — Родители-то у тебя где?

— Папашку в германску войну убили, мамашка других детей народила. Да с новым-то и с детьми за хлебом куда-то уехали, а меня в мериканский поезд пристроили.

— Что ж ты у Колчака делал?

— Ничего. Записался да убег.

— Так ты красной партии? — вспомнил комендант.

— Красной. Дозвольте прикурить.

— Бить бы тебя за курение-то. На, прикуривай! Сколько лет тебе?

— Четырнадцатый с Григория святителя пошел.

— Святителей-то знаешь? А поминанье зачем у тебя?

— Папашку записывал. Узнает на небе-то, легче будет. Мать забыла, а Гришка помнит.

— А ты думаешь на небе?

— Ну, а где? Душе-то где-нибудь болтаться надо. Из тела-то человеческого вышла.

Комендант снова потускнел.

— Ну, будет. Задержать тебя придется.

— В тюрьму? Ладно. Кормлют у вас плоховато... Ну ладно. Посидим. До свиданья.

Гришку долго вспоминали в чеке.

Из тюрьмы его скоро вызвала комиссия по делам несовершеннолетних. В комиссии ему показалось еще хуже, чем в губчека. Там народ веселый. Смеялись. А тут все жалели, да и доктор мучил долго...

— И чего человек старается? — дивился Гришка. — И башку всю размерил, и пальцы. Либо, подгонял под кого. Ишут видно с такой-то башкой...

Нехорошо тоже голого долго разглядывать. В бане чисто отмыли, а доктор так глядел, что показалось Гришке: тело грязное. Потом про стыдное стал расспрашивать. Нехорошо. Видал Гришка много и сам баловался. А говорить про это не надо. Тошнотно вспоминать. И баловаться больше не охота. Когда от доктора выходил, лицо было красное и глаза будто потускнели. Разбрелся очкастый.

Но вечером в приюте с малолетними преступниками был опять весел. Пищу одобрил.

— Это тебе, брат, не советский брендыхлыст в столовой. Молока дали. Каша сладкая. Мясинки в супу. Ладно.

Ночью плохо было. Мальчишки возились и «учитель» покрикивал. Чем-то доктора напомним. Гришка долго уснуть не мог. Дивился.

— Ишь ты. От подушки видать, отвык. Мешает.

И всю ночь в полуяви, в полусне протосковал. То мать виделась. Голову гребнем чешет и говорит:

— Растешь, Гришенька, растешь, сыночек! Большой вырастешь, отдохнем. Денег заработаешь, отца с мамкой успокоишь... Родненький ты мой!

И целует.

Чудно! Глаза открыты, и лампочка в потолке светит. Знает: детский дом. Никогда тут матери нет. А на щеке чувствует: поцеловала. И заплакать охота. Но крикнул, как большой, плач задержал и на другой бок повернулся. А потом доктор чудился. Про баб вспоминал. Опять тошнотно стало. Опять защемило. Молиться хотел, да

«отчу» не вспомнил. А больше молитвы не знал. Так всю ночь промаялся.

Пошли день за днем. Жить бы ничего, да скучно больно. Утром накормят и в большую залу поведут. Когда читают. Да все про скучное. Один был мальчик хороший, другой плохой... Дать бы ему подзатыльник, хорошему-то. А то еще учительши ходили.

— Давайте дети, попоем и поиграем. Ну, становитесь в круг.

Ну и встанут. В зале с девчатами вместе. Девчата вихляются и все одно поют; про елочку, да про зайчика, про каравай. А то еще руками вот этак разводят и головой то на один бок, то на другой:

— Где гнущься над омутом лозы...

Спервоначально смешно было, а потом надоело. Башка-то, ведь, тоже не казенная. Качаешь ей, качаешь, да и надоест. Лучше всего был Интернационал! Хороше слово, непонятное. И на больших похожее. Это, брат, тебе не про елочку!

— Вставай, проклятьем заклеменны...

Хорошо! А тоже надоело. Каждый день велят петь. Сам-то бы когда захотел поел. А когда и не надо. Все-таки за «Интернационал» Жорже корявому морду набил. Из буржуев Жоржа. Тетя какая-то ему пирожки носит. Так вот говорит раз Жоржа Гришке:

— Надо петь весь мир жидов и жиденят.

А Гришка красной партии. Знает: и жида люди. Это советскую власть ими дразнят. Ну и набил морду Жорже. С тех пор скучно стало. За советскую власть вступился, а старшая тетя Зина и Константин Степаныч хулиганом обозвали. А как белье казенное пропало, их троих допрашивали. Троих, воры которые были. Гришка дивился:

— Дурьи башки! Чего я тут воровать стану? Кормлют пока хорошо. Что воры? Сам украдешь, коли есть нечего будет. Вот сбегу, тогда украду.

Крепла мысль: сбежать. Скучно, главное дело. Мастерству обещали учить — не учат. Говорят, инструменту нет. А эту «пликацию» из бумаги-то вырезывать надоело. Которую нарезал и сплел, всю в уборной на стенке напел и карандашом подписал:

— Тут тебе и место сия аптека для облегченья человека Григорий Песков.

Писать то плохо писал, коряво, а тут ясно вывел. С того дня не возлюбили его воспитатели. И не надо. Этому рыжему Константину Степанычу только бы на гитаре играть да карточки снимать. Всех на карточки переснимал, угрюмый! Злой. Дратся не смеет, а глазами, как змея, жалит. Глядит на всех — чисто нюхает: что ты есть за человек. Сам в комнате в форточку курит, а ребятам говорит:

— Курить человеку правильному не полагается.

Куренье дело плевое. Вот сколько не курил. Отвык, и не тянет. А как завел Константин Степаныч музыку про куренье да начнет выпнюхивать и допрашивать, кто курил, охота задымить папироску. А тетя Зина всех голубчиками зовет. По головке гладит. Липкая. Самой не охота, а гладит. И разговорами душу мотает.

— Это не хорошо, голубчик. Тебя прикрепили, одели, это ценить надо, миленький. Пуговики все застегивать надо и головку чесать. Ты уже большой. Хочешь, я тебе книжечку почитаю? А ты порисуй.

Ведьма медовая! Опять же анкетами замаяла. Каждый день пишут ребята, что любят, чего не любят, чего хотят, и какая книжка понравилась. И тут Гришка ее обозлил. В последний раз ни на какие вопросы отвечать не стал, а написал:

«Анкетов никаких ни люблю и ни жалаю».

Побелела даже вся. А засмеялась тихонечко, губы в комочек собрала и протяжно так да тоненько вывела:

— У-у, а я тебя не люблю! Такой мальчик строптивый.

Ну и не люби. Жоржу своего люби. Тот все пуговики застегивает, и листочек разлущивает, и на все вопросы, как требуется отвечает. А как спиной повернется, непристойное ей показывает. Девченки все пакость. У тети Зины научились топенкими голосами говорить и лебезят, лебезят. А потихоньку с мальчишками ахальничают. Манька с копей ничего. Песни жалостные поет и книжку читать любит. А сама из воску чисто и все перхаёт. Недужная. Но и с ней Гришка не разговаривает. Бойтся. Нагляделся на девченок-то и не любит их. Никого Гришка не любит.

И опротивело все: и спальни с одинаковыми одеялами и столовая с новыми деревянными столами. Бежать! В монастыре детский их дом был. За высокими стенами. И у ворот часовой стоял. Гришка рассуждал:

— Правильно. Правонарушители мы. Так и пишемся — малолетние правонарушители. Важно! По простому сказать воры, острожники, а по грамотному пра-ва-на-ру-шители.

Это название нравилось так же, как «Интернационал». Гришка гордился им и часовым у ворот. Но теперь часовой мешал. Удрать охота.

Весна пришла. На двор как выйдешь, тоска возьмет. Ноздри, как у собаки, задвигаются и летет охота.

Монашки во дворе жили. Стеснили их, а выселить еще не выселили. И утром и вечером скорбно гудел колокол. Черные тени из-за кустов своих выходили и плавно, точно плыли, двигались к церкви. Она в углу двора была и входом главным на улицу выходила. Или монашки молодые и старые, но все точно неживые двигались. Не так, как днем по двору или в пекарне суетились. Тогда на баб живых походили, с ребятами ругались и визжали. А ребята их дразнили. В колодец плевали, а один раз в церковь дверь открыли и прокричали:

— Ленин, Троцкий, Сафарком.

Монашки в губнаробраз жаловались. С тех пор война пошла. Веселее жить стало.

II.

А Гришка жил в себе. Ночами просыпался и думал о воле. Убежать было трудно. Шестеро старших игуменью обокрали и бежали. Но их поймали. А они бунтовать. Парни уж. Усы пробиваются. На работы их в лагерь сдали. А за остальными следить строже стали. Часового, агента чеки и воспитателей прибавили. Но случай помог.

Война детей с монашками все разгоралась. В тоскливой чреде дней стычки с ними были самое яркое. Ими жили в праздном и сытом своем заточении. А тут еще пятьдесят человек тюрьма доставила. Необходимо было выселить монахинь. Освободили для них большой двухэтажный дом за рекой. Ближе к окраине города. Предложили переехать.

Подали подводы для монашек. Большие ворота открыли. Часовые около их встали. И точно проводом тайным весть передалась. Сразу разноцветной волной прилила толпа. Зорко глянула из-под черного клобука мать Евстолия. И в воротах остановилась, высокая и важная. Не спеша, повернулась к иконе, над воротами прибитой. На земь в поклоне склонилась. Бабы в толпе захлюпали. А игуменья у подводы своей еще на все четыре стороны поясные поклоны отвесила. Лицо у ней, как на старой иконе. Строгое. Черными тенями двинулись за ней монахини. Как игуменья сделала, все повторили. Четкие в синем воздухе весеннем, черные фигуры рождали печаль. Метнулась одна баба к монашкам с воплем звенящим:

— Матушки наши! Молитвиницы! Простите Христа ради!

За ней другая. Еще звонче крикнула:

— Куды гонют вас от храма божьего?

Третья прямо в ноги лошади игуменной. И петуха из рук выпустила.

— На нас не посетуйте! Богу не пожальтесь!

Заголосили источным воем. Отозвались десятки режущих женских воплей. С улицы на плач прохожие метнулись. Конный солдат с пакетом на всем скаку лошадь остановил. Застыл в любопытстве. Торговка Филатова тележку с широжками бросила. К нему ринулась.

— За что над верой Христовой ругаетесь? Покарает!.. Дай срок, покарает!

Задвигалась толпа. Визги женские всколыхнули. Загудели мужчины.

— Не дадим монастырь на разгром!

— Кому монашки помешали? Кого трогали?

— Где же свобода вероисповедания? Свобода вероисповедания, правительством разрешенная, где?

— Ленину жалобу послать!

— Произвол местных властей.

— Богоотступники! В жидовскую синагогу никого не поселили. Жиды, христонпродавцы.

— Ага! Да! В мечеть да в костел не пошли. В православный монастырь подзаборников поселили... В православный... Ни в чей.

А «подзаборники» шумной ватагой уж со двора высыпали. Круглыми глазами всех оглядывали. Весельем скандала упивались. Под ноги, как щенки бестолковые, всем совались. Гришка про тоску и про побег забыл. Сияли серые глаза и головенка с восторгом из стороны в сторону покачивалась.

— Чудно!.. Бабы орут, у мужиков морды красные. А монашки, чисто куклы черные на пружинах. Туды-суды кланяются. Губы поджали.

— Ишь, изобиделись!

И набрав воздуха в легкие, полный задором бунтующим, Гришка около игуменьи прокричал:

— Сволочь чернохвостая!

Диким концертом бабы отозвались:

— Над матушками пашенок ругается!

— Молитвеницу нашу материт!

Смяли бы Гришку. Но часовой его за шиворот схватил. К стене монастырской отбросил... Гришка от стены тихонько отделился и в толпу шмыгнул.

III.

— Планида у меня беспокойная.

Сейчас, к слову сказать, ребятам там «бутенброды» с чаем дают, а Гришка по улице ходит да слушает, как в животе урчит. Назад туда не охота все-таки. Да брюхо-то несговорное. День протерпит, два, а там и замает человека. И припасы — ау! Все изничтожили. Шестеро их на кладбище прячется. Пятерых Гришка сыскал, которые склад губнаробразовский с кучером обворовали, да из приемника сбежали. Ну, на кладбище на ночевки пристроились. Деньги у тех-то были, да и Гришка у себя рубаху да штаны верхние продал. Пальто казенное на худенькое сменял. Придачу дали. Все проели. Днем по городу канючили без опаски. Кому надо искать? Новых ребят каждый день приводят. Разве на плохого человека попадешь, привяжется.

— Кто ты есть? Откуда?

А хороший пройдет себе по своим делам, куда ему полагается. И не посмотрит!

Нынче день плохой выдался. Гришка у советской столовой стоял, никто билетика не дал. В детской, когда без

карточек с тарелок доедать дают, а нынче погнажи. «Раб-крину» какую-то ждуг. В один дом сунулся.

— Подайте, Христа ради... Отца на войне убили, мамка от тифу в больнице померла.

Взашей вытолкали.

— Иди, говорят, у комиссаров своих проси. Развели вас, нусть кормят.

Дивится Гришка.

— Да нешто нас комиссары развели? Отцы да матерья. А к им подбросили. Ну дак, говори с дураками! А есть охота. Эх ты, пезадача какал вышла!

Путаются ноги одна за другою, а делать нечего. Поплелся на кладбище. Между вокзалом и городом, на пустыре оно. Стенами каменными огорожено, а калитка не запирается. Деревья на нем сейчас от ветру скрипят. И снег не весь растаял. Студенные ночи бывают. Но в яме у них, в углу меж двух стен, потеплее. Два раза осмелели: костер жгли. Но часто нельзя. Дознаются.

Пришел Гришка со вздохом, а там радость ждала. Ребята пищу «настреляли» и Гришке оставили. Две девченки от сытости песню тихонько заиграли. А они, мальчишек четверо, друг другу про день свой рассказывали. В яме сидели плотно. Тесно, а лучше. Теплее да и по ночам не страшно. А то на кладбище ночью жуть сходила. Когда ветер шумит и темно — лучше. А когда месяц на небо вышлянется и тихо кругом — страшнее. Далеко собаки пролают. Там, где живые. А здесь тихо. Одно слово — могила. Чудится, затаился кто-то и рот зажал, чтобы не дышать, а сам смотрит. Из ямы выглянешь, кресты месяц освещает... Все кресты да памятники стоят прямо, застыли. Тоже будто затаились, а грозят. Сегодня ночь темная, ветренная. Ветром живую жизнь от города доносит. Васька конопатый, как сытый, всегда рассказывает. И нынче начал. Девченки тоже замолчали, слушать стали.

Разговор зашел, что, бывает, живых хоронят. Васька и рассказ повел.

— А вот я вам, товарищи, и расскажу, какой случай был. В одном городе... Ну дак вот, барышня одна как-то... Не то реалистка, не то емназистка... Пришла ето домой да «ах», «ах»... да... «Ах, папаша, ах, мамаша, помираю»

Дрыг-брык да на пол упанула. Мамашка ето к ней, папашка к ей, а она «помираю да помираю». Ну, канешно, сейчас за дохтуром. Дохтура привезли. Вот так и так, господин дохтур, помирать хочет. Дохтур ее визволить. Ну, канешно, и квасом и шиколатом, а она, «нет, нет, памираю». Дрыг-брык и не дышет. Ну дохтур уехал, канешно. Маменька это повыла, повыла да в гроб ее обрядили. Ну и схоронили. Вот этак же на кладбище. Она, канешно, там лежала, лежала, да давай шебаршиться. Слушает сторож: шебаршится! Слушал, слушал да к отцу с матерью барышниным. Они людей понабрали, могилку разрыли, а она уж вдругорядь померла канешно. А, видать, шебаршилась. Ножку одну вот эдак под себя подвернула. И говорит тогда дохтур: с ей был листаргический сон. И в газете так пропечатали. Я тогда маменьке с папенькой своим приказал: меня не хороните, пока я не прокисну и не протухну. Да-а. Ребята слушали, затаив дыхание. А как кончил. Полька дура завыла: «боюсь».

Гришка ее урезонивал.

— Дура, чего воешь? Набрехал все Васька.

А Васька божиться.

— Ей-бо, лопни мои глаза, в газете было пропечатано. Не то реалистка, не то емназистка.

Пришел сон, веки смежил, и всякие мысли отвел. Антропка только во сне взвизгивал тихонько.

Утром, как только солнышко обогрело, все стало живым и радостным.

День веселый удался. Парижскую коммуу праздновали. В детской столовой без карточек кормили. Кладбищенские жильцы в близкую очередь понали и покормились. А потом по улицам с пародом за красными флагами ходили. Интернационал пели. На площадях ящики высокие красным обтянули. На них коммунисты руками размахивали и про парижскую коммуу что-то кричали. Один Гришке больше всего поглянулся. Большой да кудлатый, орластый. Далеко слышно! По ящичку бегает, патлами трясет, а потом как по стенке ящичка как ударит кулаком:

— Шапки долой, буду говорить о мучениках коммуны!

Около бабы какой-то закричал, она ему затрещину влепила.

— Свинонок, вопит без ума! Кака така коммуна-то не знает, а орет!

Гришка голову, где влетело, погладил и дальше радостный помчался. Как не знает? Знает. Коммуна это у коммунистов, а Парижеска... Город такой есть. За Москвой где-то. Слыхал еще в детском доме: «большой город Париж, в его приедешь — угоришь». Нет, Гришка, брат знает. И снова в буйном восторге заорал:

— ... своею собственной рукой.

Народ опять остановился. Не то баба, не то барыня на ящике тоненьким голосом визжала. Что — не разберешь, а смотреть на нее смешно. Расходуется. Гришка ее тоже тоненьким голоском передразнил: и-ти-ти-ти! И дальше пошел. А из толпы пьяненький выскочил.

Пальто чистое и шапка с ушами длинными на бок, а на груди бант красный прилеплен. Худенький, шерба-тенький и глазом косит. А сам руками машет и орет:

— Товарищи, прошу вас апракинуть капитал!

Его за пальтишко хозяйка его, видно, ухватила, а он рвется к «ящигу».

— Убидительно прошу вас апракинуть капитал!

Подлетели к нему два конных и под ручки подхватили. В толпе захохотали:

— Вот те опрокинул капитал.

— И чем натрескался? — завистливо удивился хриплый бас.

Гришке новая радость. К кладбищу с криком звонким летел...

— Товарищи, прошу вас опрокинуть капитал!

Однажды ночью кладбище оцепили. Крупного кого-то искали, а нашли Гришкину коммуны. И в призрачный час предрасветный, спотыкаясь спросонок, плелись малолетние правонарушители знакомым путем. Усталые красноармейцы ругались, но не били.

Л. Сейфуллина

Нет ничего хуже, как жест, когда он не оправдан.

Фр. Дельсарт.

СТАРУХА.

Старуха во дворе была, когда сын вошел. Свиные поило вынесла. От хлевушка у ворот издали увидала. Сразу узнала: своя кровь. Но навстречу не пошла. Выпрямилась, вытерла юбкой руки и глянула прямо в сыново лицо.

Сын тоже сразу, одной хваткой взгляда увидел: сильно постарела мать. Спина согнулась, будто горбом небольшим выпятилась. Сохла и ввалилась грудь. Из-под бабьей повязки уж не черные с проседью, а грязно-серые тусклые волосы видны. Но взгляд зорких серых глаз еще не сгасший, острый. Будто внутри уголек горячий тлеет еще. Усмехнулся:

— Здравствуй, матушка. Что больно неласково встречаешь? Чисто чужой дорожный человек во двор зашел.

Старуха подтянула тонкие, обесцвеченные старостью губы. Отозвалась неспешно и неохотно:

— И чужака хорошего, бывало, привечали. В хлеб-соли не отказывали, пока свои самих без куска не оставили. На побывку, что ли пришел?

— А ну да! С матерью с родной повидаться охотился. А ты, гляди, в избу-то не вступишь. Слыхал, что злобишься, а все, думал, мать...

— Чего не пускать? Отцова изба, для детей своих, для семейства ставил. А ты отцу, поди, сын родной. Иди. Может, и меня еще выгонишь.

Антип хлопнул себя рукой по боку и засмеялся.

— А я, мать, ведь, знал, что ты эдак меня приветить. Ничего, не проймешь! Я не пужливый. Не зря на тебя и ликом схож. Прямо в себя, можно сказать, мамаша выпекла. Пить охота. Пешком со станции шел, всю глотку пропало. Самовар-то у тебя, как, остался аль нет?

Уж в избе стояли. Антип обводил посветлевшим, смягченным взглядом темные палаты, божницу с хмурыми лицами старых икон, скамьи и домотканную старенькую скатерть на столе. Лицо у него стало растерянным и радостно смущенным. Будто пружинка какая-то ослабела в нем. Мягче и ласковей стало оно. А старуха еще больше протемнела, и взгляд острей. Сказала злым голосом:

— Самовар-то еще не отобрали товарищи. А только вот что, сыночек роженный, хоженный, мал был, свой был. Питала, обихаживала. А теперь, как против родителей своих завернул, на родного отца безвременный смертный час привел, дак я тебя, змееныш, питать да ублажать не буду! Изба твоя, живи. А начет пропитанья, как сам хочешь, измышлай. Обобрали дочиста. А чем питаюсь, сама себе на старости добыла. Отдавать другому не стану.

Лицо от злости даже помолодело у ней. Антип сразмаху бросил солдатскую фуражку на скамью.

— Ну, ладно. Коль ты с эдаким разговором, пятый год не видамшись, к родному сыну, сам навязываться не буду. Айда, сейчас только чаем напой. Глотка, говорю, сохлась. Да покорми чем ни то, я тебе заплачу.

Старуха посмотрела на обветренное его лицо, на пересохшие губы, услышала, как он передохнул глубоко и устало, взгляд у ней смиренней, будто, стал. Отозвалась раздумчиво.

— Ладно, коль так. Заплатишь там, там, опосля. Сейчас наставлю самовар.

Но пока громыхала трубой, возилась с самоваром, искоса наблюдала за сыном. И сердце опять злобой и болью распалось. Нет, милый, нет сыночек, на горе да на беду выношенный, выращенный, на свое мать не повернешь. До старости донесла свою веру. Не в покое, не в сладости ее несла. Не зря спина колесом, жилы на руках узлами и маятная ломота в костях. Но до старости нерушимой донесла свою веру: под богом в покорности человек ходить должен. Каждый под своим ярмом, на своем месте. Мужику, всей кости мужицкой, положено: трудами хлеб добывать, родить детей и оставлять их взамен себя в запряжку таких же дней, какие прожил сам. И жили, и трудились. Не без скорби, не без боли, но хозяйствовали. Не на первом счету, но и не последними среди почитаемых в деревне правильных хозяйственных были. Трех сынов от корня своего под бога в жизнь поставили. Ну дочери,— что? Не в дом, а из дому. На чужое тягло старательницы. Замуж выдали, да еще в другие села. Уж ни прибыли, ни убытку от них. Так для материнского сердца когда забота или утеха. А не для рода, не для семьи. Вот на сыновей

шибко со стариком надеялись. А бог не схотел. Хороших-то себе отбил. Одного возом придавило. С мельницы ехал, с кручи сорвался. Другой на царевой войне полег. И веточки от себя не оставил. Баба попалась плохая, неплодная. И с другим мужем сейчас ни одного не понесла. На меньшого, на последнего шибко с упованием глядели. Шустрый вышел и доходчивый. Но, видно, был у них со стариком грех незамоленный какой. Тем дитем, от какого утешения на старости ждали, и покарал. Когда отменили царя, и пошла колюта по всему царству, на побывку с войны приезжал. И спервоначалу ничего. Все общество довольно было. Грамотный, и мозга со сметкой, что к чему в новом деле для мужика повернуть. Свойной в хозяйстве схирели малость. С батраком тоже хозяина молодого доглядчивого надо. А старик грыжей маялся. В доглядке и в старании сдавал. Но думали достатком после поправиться. А сынок-то, утеха, вон как повернул: до чиста разорил. На той побывке, когда потешил родителей в последний раз, не долго пробыл. Вернулся через год другим, будто, и крови, и мысли другой.

— Так и так, я — большевик. А вам с чего в другую сторону гнуть? Запасов тоже не густо. Нечего чужие амбары своей спиной закрывать.

Отец-то сердцем смирен был. Коли правду сказать, мать в доме голова. В деревне и то смеялись:

— Чего надо от Демьяна, у Демьянихи старайся. Под бабьим началом ходит.

Но человек был правильный. Беспорядка не любил, и к богу всегда прилежен был. Старуха и вовсе к богову дела горяча. Сердце такое палючее. Как пристрастилась к молитве, ночами на ней выстаивала. Сколько раз богу каялась, что в монашки не ушла. В девках на другое дума была. И молодойкой с мужем грех в сладости делили. Не каялась. А в старости тоска по богу пришла. Оттого, хоть и сильна была обида на сына, что жизнь ими утвержденную совсем по-новому поворачивал, хоть и крепка была приверженность к нажитому, скопленному, но насчет этого смирили бы. Для него наживали, старались. Пройдет время, может, и опять хороший, правильный порядок установится. И сын одумается. Не об чужой, общественной докуке, а

об своем дворе, об хозяйстве стараться начнет. Но из-за веры, из-за приверженности к богу шибко распорились. Сын объявил, что не только царя, и бога отменить большевики хотят. Мать обидел:

— А чего ты развизгалась? Много он тебе, бог-то твой, помог. Как по полу башкой около Петьки слозила, выжил, чтоль, братан-то мой?

И еще со смешком:

— Вы из всей деревни самые старательные и до работы и до бога, а чего-то у Мокей Степаныча и при редкой молитве дом под железом, и в семье благополучие. Жертвой откупается! Видно, бог-то, как старый земский наш — темную денгу получать любит.

Растревожил горячее сердце старухино. Ногой топнула, грозно на икону показала и отреклась:

— Не сын ты мне! Не приму на душу греха, что сына богохульника терплю. Айда, убирайся, куда хочешь. Пока живы, не кажись на глаза.

И старик за женой с горьким словом к сыну:

— Тянулись, ждали и дождались на старости. Нельзя нам того стерпеть, грех незамоленный. У нас все в роду крешко бога почитали. Нельзя нам с тобой в одной избе жить. Как помру, ты сын, ты наследник. А сейчас бог не велит тебя около терпеть. Айда, парень, в город назад подавайся. Как ни то и без детей, одни со старухой до концу дотянем.

Сказать сказал, а как сын ушел из дома родительского, затосковал. С тела спал, захирел и по хозяйству с неохотой или с немоготой. Который день совсем сумрачным с постели вставал, уже знала: Антипка во сне привиделся. А слухи про Антипа часто были. В городе и то отметным стал. Самосильные люди за реквизиции городские на родителей Антиповых злобились:

— Породили сына. Свою-то сухоту на весь мир пустили. Уж терпели бы сами от него. А мы за что?

За то зашумевшая в нынешние дни мелкота деревенская к ним с нежеланным приветом.

— Товарищ Антип, слышно, к пахоте сам на деревню приедет. Этот не даст, не обидит. Прямо, можно сказать: ха-ароший, верный человек.

От кого похвала? С кем ладили в согласьи жить, правильные, хозяйственные, голову в сторону отворачивают. А шумливые, беспокойные, квартиранты здешние, не коренные жители, как с родней обращаются.

Старик вздыхал, горестно покашливал. Помутневшими глазами, усталыми опустелый свой двор, без скота, с одной лошадей оглядывал. О посевах на этот год и не заговаривал. Старуха еще горячей и долгие молитвы творила.

— Господи, батюшка, владыко милостивый, не гневайся! Не посчитай тот Антипкин грех! Не карай за Антипкино безбожье. Смилуйся!

Но бог в счет тот грех взял. Покарал, не смиловался.

Утвердилась власть большевиков. По Антипкиному делу вышло. И в селе у новых коноводов он в почете большим. Как праздник нынешний, не богов, не православный, а новый свой, коноводы праздновали. Кумачу аршин пять извели. На одну только выдумку, если флагов не считать. На две палки натянули и в прежней волости над крыльцом поставили. А на том кумаче маляр пришлый белой краской намалевал:

«Да здравствует Карл Маркс и товарищ Антип Семантин».

Это про Антипку, значит. Пособье какое-то тому маляру Антип в городе добыл и предоставил, вот за это. Пропечатали рядышком с самым главным большевиком. Имени этого большевика старики даже выговорить не умели. А подростки парнишки из богатых дворов Антипку стали Карлой дразнить. Старухи побаивались. Лютая в гнев. Хоть старая, а в драку пойдет. Но тихого старика донимали. При встречах кричали:

— Марсин тятенка!

Старик глубже шею в плечи втягивал.

Домой спешил. От сраму совсем редко на улицу выходить стал. Совсем плохо о хозяйстве радел. Но, как последнюю разверстку брали, вдруг захопотал.

— Припрятать надо. Хуть малость какую сберечь. Чего же, и так захирели!

И прибавил тихо, с боязливой тоской:

— Может, и самому Антипу еще тот спрятанный кусок нужен будет!

Помедлил, дождал ответа. Но старуха ни словом не отозвалась.

Припрятал. А люди сами помогали, и сами же выдали. Антипу на отместку. Старика в город забрали. Там с перепугу ли, с тоски ли и конец свой нашел. Не вернулся. А сынок любезный отца в ту могилу втянул. Может, и пожил бы еще без этого беспокойства. Сидит теперь за столом, угощения выжидает. И без думки, без заботы об отце. Даже не расспросил, не пожалел. В шапке под иконами сидит, как басурман. За него бог и лютует на них! Все прахом пошло. Только гнев да скорбь на последние дни. Распалась. Горячие глаза с сына на икону перенесла. Сердце в страстной тайной мольбе зашло.

— Не посчитай, господи! Успокоенье хоть после смерти дай. Допусти в царство небесное, не повели в аду мучиться.

И на сына уж совсем, как на врага. Рывком еду подавала. Он поглядел на нее тихим, раздумчивым взглядом и сказал:

— Не уступчива ты, мать. Во что сердцем вцепилась, не оторвешь. Ну и меня такого же породила. Ни лютостью своей, ни разговором не возьмешь. Не ужиться нам в одной избе. Ладно, накормила, пойду. Место для житья другое найду. Заплатить, говоришь, сколь наел?

Мать посмотрела на него злобно. Но голосом спокойным сказала:

— Расходовать на тебя не стану. Вот яйца ты ел, молоко пил, хлеб опять. Сейчас посчитаю, сколь это по вашему городскому выйдет.

Сухо и твердо плату назначила. Добавила:

— Да и то сказать, гумажки-то ваши и девать некуда. Хуть получу, а все равно, что ничего не получила. Такого наделали, что и за деньги ничем ничего.

Антип усмехнулся:

— А я тебе рубаху отдам. В сумке сменная есть. Сдирай рубаху с родного сына, коль уж так промеж нас пошло.

Рубаху спокойно взяла. Разгладила, свернула старательно и в сундук положила.

Антип встал, откашлялся и сказал глуховато.

— Ну так, ладно. Прощай покудова.

Спокойно до двери дошел. Но остановился, еще раз на мать взглянул. Лицо у нее было, как каменное. Встретились две пары очень похожих друг на друга родных глаз. Но старуха свои в сторону отвела. Проронила сухо:

— Прощай!

Сын губы твердо сжал, будто у него зубы заболели. Еще больше на мать похож от этого сделался. Старей и строже. Повернулся и ушел.

Ночью дума горькая за сердце взяла. Своего кровного выгнала. Поди, не придется увидеть больше? Но долго поклоны перед иконами била и в мысли отвердела:

— За бога и не такую скорбь угодники святые терпели.

Сын в село больше не наезжал. Но как тогда в чужих людях проживал, девку одну с собой увез. Без закону. Тоже большой разговор и покоры были. Но старуха скоро прекратила.

— Нет у меня сына. Басурман тот не сын мне, отрекаюсь. И не замайте меня разговорами про него.

Только через год казачье начальство в крае на короткий срок утвердилось. Давно воротились. Сменили в этой местности большевиков. Старухе слух передали:

-- Антипу-то не то убили, не то шибко затаился где. Но, чать-то, убили. Слушок был, что попался. Бабу-то его, Дуньку-то Ворошилову, слышь, по тюрьмам таскали. Теперь отпустили, в городе живет.

Старуха вставшину в этот раз не прогнала. Надвинула пониже на лоб платок и спросила тихо:

— Баба-то с дитем, ай порожня?

— Слышать, в тягости оставил. Плохо, сказывают, живет. Отливаются чужие-то слезы.

Но старуха разговор оборвала:

— Повивать надо к Марье итти. Кликали. Пойду, потружусь. Теперь и дети стариков не кормят, ни том, что чужие даром. Пропитанье нужно, некогда разговоры разводить.

И первая вышла из избы. Но с того дня, будто таять начала. Через неделю в город, было, собралась, и батожек припасла, да хворь свалила. К смерти, будто, размякла. Марье-солдатке, которая к ней забегала, сказала:

— Внучонок в городе родился уже теперь, поди, у меня. Поглядеть охотилась. Да не свелел бог. Не престил, видно, Антишку. Ну уже как повелел, милостивец, так, видно, тому и быть.

И вдруг жалобно, по-детски, вхлипнула. Марья-солдатка удивилась. Крешкая старуха была. Слезы свои казала только если по обычаю плакать полагалось. А тут расхлюпалась. Перед смертью. Через два дня кончилась.

Л. Сейфуллина.

БАРКА ¹⁾

I.

К концу июля река, подсохнув и обмелев, залысела.

Паршивая такая и старая баба оголилась. Телеса затинели, живот в морщи собрало.

Почесаться бы бабе, выпреспнуть с волосу пестрядь.. Да омякшей лапой шевельнуть лень.

У нас все так.

Колобродит солнце в голубом пухлом поле... Ему хмельно, а мы почухли совсем от полдыма.

— Фф-у...

Иван Палец, конвойный начальник, хлебнул из фляги, облизал рот, что суше щепки и слюну проглотил.

— Крепкое гонют черти.

Поглядел Иван на линияые берега, ляпнувшие как попало в тоске, метнувшиеся портянками по обоим бокам.

И зевнул.

— Ай-а-ав-ва...

Зевота качнулась, перекативши за борт, шлепнула об воду гулче блина.

— Когда же докотимся?

Седьмой раз падает солнце, седьмой — крихтит спозаранок, как отчалила барка с Налыма. А конца не видать.

Барка идет на буксире.

Буксир «Спартак», захваченный от большевиков, черней головешки, рыгает жирной коцотью.

¹⁾ В сокращении.

С буксира нацелены в барку два пулемета — максимки. А на самой барке, по обе стороны сторожки (солдаты зовут ее банкою), стоят еще пулеметы, тупыми колбасками заглядывая в рот трапов. У каждого пулемета по часовому. Трапы спускаются в трюм.

Сутулая барка шла, царапая на мелководьи животом по дну, глoday гальку и песок и радуясь сытому брюху.

А в брюхе-трюме тесно жались краснозвездые люди, привыкнув к теми, голоду и вше.

Вшу с шеи огребали разом горстью.

— Ну и плен... Поста Колчак нам задал. Ко всем угодуничкам, мать их... халден.

II.

В путевом журнале прапорщика Ивана Пальца, в графе арестованных, значится лиловой прописью:

красноармейцев — 1317,

коммунистов — 250,

может и болес.

Первый день, когда припала неожиданно болезнь, Палец отметку сделал:

заболело — 27,

померло — 2.

На второй:

еще заболело — 23,

померло с прочими — 7,

итого заболело — 50,

исключая — 7,

налицо — 43.

Староста от арестованных, красноармеец Панаська Леппенчук, по вечеру вылезая из трюма, докладывал начальнику конвоя:

— Седни еще тридцать шесть... пятнадцать крышка. Сыпь по телу и жар. Стенку лижут. Одной вы селедицей кормите, Иван Павлыч. Осолились, нельзя... тоже люди...

— Чго-а, Па-авлыч... Какой я тебе, сукина морда, Павлыч

— Вашбла - родь...

— Ну?

— Нельзя... Тоже ведь люди... Карантен скоро ли? Тоже плен обещали, а нынче мука солена. Пить народ жаждет, а вы полкружки. Так нельзя, болезнь...

— Что-а, блан-манже может вам надо... Селедка, скажи— тонкий вкус. А я вот самолично двенадцать годков сверхсрочной, война тоже... Селедка? Оттяпай-ка...

— Живые, говорю, все ж, люди.

— Живые.

— Ну, ладно, говори статистику. Итого за болезнью числится 117, померло сегодня 15, старых 14, итого 29. Постой... Тэк. Надо со счетами, собьюсь...

Палец вынул из конторки счеты.

— а... а за вычетом, сто пятьде-сят один большой тридцать долой — 121 да один прибавь. Фф-у... бугалтеры. На-лицо значит...

Палец остановился и, нашарив сбоку флягу, вынул пробку, понюхал, хлебнул и хорошо отрыгнулся.

— Те-эк... Крепкое больно варюют татары.

— А мы, вашбла-родь, карантеном надеемся (Как тогда обещали, что карантен и плен... Ну что делать и в плену народ... А нынче такая мука. Дух и смерть. А то лучше-ба в Налыме еще расстрел, ей богу. Нельзя вашбла-родь, тоже живые люди. Только вот и пылаем, что надеемся высадка скоро... А то едим, едим. Конца нету.

— Ничего, скоро.

— Вот и надо. А то... и зубам многое можно сделать, верно.

III.

Барка шла.

А куда?

Вот и еще пять дней, как идем. Кидали чалки в Рваных Отшибах и Прыще, чтобы запастись там дровами и хлебом.

А приказа из Главштаба все нет.

И Ивану Пальцу кажется, что не будет совсем приказа.

Так бы и было, если бы на Малом Починке не представили телеграммы:

начальнику 3 эшелона, ехать вниз до приказания высадки, кою получите пути следования там подробную инструкцию порядка сдачи пленных предупреждая вто-

рично сдачи будет произведена числом под личную вашу ответственность, начштаб лунин, адъютант келин...

А барка, особенно по ночам, стонала и выла, и из щелей, казалось иной раз, сочился смердный сладкий дух.

Сегодня вечером староста арестованных, красноармеец Панаська Лепенчук докладывал, подвешивая к козырьку руку.

А рука голодная и тяжелая.

— Так что померло за сутки тридцать три, а больных не знаю... Которые старые, что записано у вас, а то новые, что вчерась говорил... Тоже может душ тридцать пылают. Опух в теле, а иные прямо воспяной струп...

Упала рука.

— ... одно слово — тиф.

— Ну-ну-ну, молчи. Никого нет. Ничего нет. Мы не доктора. Наказан-ние, брат, божеское...

Иван Палец, сморкаясь, лез в конторку за счетами и путевым журналом.

— Бед-да. Давай считать.

Итого значит числится больным 331 плюс 33 — 364 — а за вычетом... Нет, погоди...

Палец аккуратно сбрасывал счеты и опять тюкали четкие костяшки.

— Ты сказал 33... значит 364... Трупов со вчерашнего 181 да еще... Постой. Мертвых-то ты сказал сколько?

— То-исть, 33, вашбла-родь.

— Тек, чорт! чорт! А я больными считал. Дудка. Ну, а больных?

— Може 50, може 100...

Панаська огреб щепотью нос.

— ... считать нынче невозможно. Все говорят, омогаемся. И еле дыхание.

— Ну статистики... Всего мертвых по 13-е число 147 плюс...

— Вашбла-родь, нельзя-ль труп покидать, нос зашибает и воспарение. Чистая смерть,дохнем.

— Нельзя. Числом сдаю.

Ответил Палец и, кувырнув вправо ловкие счеты, резко тюкнул костяшками.

Панаська вздохнул и ушел, забыв у порога на полу два увесистых корявых следа.

Покосился на них Иван Палец, но сказать Панаське ничего не сказал.

IV.

А барка все идет, вторые сутки под парным солнцем, глодая воду.

Под солнцем уже не барка, а погноище.

Конвой обвязался платками, чтобы воздух отшибало, костры разжег, дымом гниль душа.

Стреляли.

Чтобы галка-монашка с побережных огородов на барку не спускалась, мертвятину чуя.

Иван Палец не выходил из банки, прикладываясь ежечасно к фляжке и думал.

— Тек.

Ежели бы домой, к матке...

Да ежели бы поднять дом, хозяйство.

И хозяйку, здоровую бабу...

Еще ежели...

Это было на закуску.

По вечеру, когда Лепенчук докладывал о барке, — счетов уже не было и путевой журнал остановился.

Не сочтешь.

— Так, что, вашбла-родь, коли бы не приказ ваш вчерась, бунту быть...

...Нельзя... живые люди.

Вчера, когда от стога затрещали борта барки, прапорщик обещал, что по прибытии в карантин красноармейцам будет увольнение, а коммунистам два месяца работ.

— Бунт, говоришь... Тек.

— Одно дело, в то чего ж?.. Стерпу нет, бодем.

— Я бы вас к плотве. Чорт с вами, считай потом...

Наказание, брат, божеское.

— Сусед ум потерял.

— Потерял? (Иван Палец скинул папаху).

— Сяду, говорит, на-зверя, стану перед всем прочим миром горячей, краше красного сон-нышка... Очаднел народ. Вашбла-родь, приказом надемся, а то...

— Ладно. Говорю, всех уволют. Гуляй. Близко теперь, рядом.

— Такое дело, вашбла-родь, жить желаем. А то бы барку попалам, верно.

Провожал его наскоро Палец, косясь на увесистые, корявые следы...

И страхом разбирало ночью прапорщика.

Проверял замки пулеметов, сам устанавливал часовых и пробовал: крепка ли щеколда у входа в банку.

А во сне черные корявые сапоги, огромные, как казармы, наступали прапорщику на грудь выдавливая пот.

Палец просыпался, менял сырую сорочку и слушал, что делается под полубой.

И слышал, как копошится там жирный, смертный червь, вздыхая и скорбя сытой спиной палубу.

Вот протаранит.

Прапорщик протирал окошко и глядел сквозь кругляк на реку.

— Ну что я могу поделывать?

Прапорщик достал фляжку.

Урчит в глотке.

— Крепко варено.

V.

Когда подъезжаешь к Улусу-Городу и когда солнце оторвышами трепещет по утренней струе, и по крутым берегам ровненькой нарезан щетиной синий ельник — охмелеет тогда от благодати душа.

У Улуса от свай отскользнула лодка, отшлепывая волны. Пристала, прилиная к барке.

Тут был отдан приказ высаживаться 3-му эшелону.

Барка подползла к пристани, закинули чалки, наладили сходень...

Веселая река грызла свай.

Живых вывели с барки.

Больных несли товарищи.

Заморелье чадные головы, сваяное тело, слабей соломы. Сидели они, разминаясь по осенней траве, стараясь ухватить телом побольше жару.

— Любо человеку жить... любо.

Свет и земля щекотали глаз.

Кругом них караулил конвой.

Когда вернулся из города прапорщик с инструкцией, к нему, улыбаясь, подошел староста Панаська.

— Хорошо, вашбла-родь, нога по песку соскучилась... Чай на родину нас уволют? Тем ведь живы...

— Уволют, уволют. Не беспокойся, Левенчук.

Глаз не показывает, заломил ниже лба собачью папаху.

— По отделениям стройсь.

Взбирались к городу по горбу маршем, обрывая отвыкшей ногой юркий щебень. Любовались, как упрятывает пар вода и как бабы в долу косят кудрявый конопель.

Но прапорщик Палец не хочет глаз высунуть из-под папахи.

У него, в боковом левом кармане, под значком, аккуратно свернутый лежал приказ:

— Расстрелять.

Ник. Никитин.

Публика—инструмент, на котором играет говорящий, но инструмент живой, с своей стороны также реагирующий. Между тем, кто говорит, и тем, кто слушает, устанавливается постоянный обмен чувств.

Эд. Лабурэ.

(Французский ученый, публицист и политический деятель).

И напоминаю тебе: научись сперва прилежанию, а потом уже скорости.

Леонардо да-Винчи.

(Гениальный художник и скульптор).

Декламировать так же небрежно, как говорить прозой—серьезная ошибка.

Дж. Льюис.

БРОНЕПОЕЗД № 14,69.

(Отрывок).

Мужик с перевязанной головой бешено выгнал обратно из переулка свою игренюю лошадь.

Тело его влипло в плоскую лошадиную спину, лицо танцовало, тряслись кулаки и радостно орала глотка:

— Мериканца пымали, братцы-ы...

Окорок закричал:

— Ого-го-го!..

Трое мужиков с винтовками показались в переулке.

Посреди их шел, слегка прихрамывая, одетый в летнюю фланелевую форму, американский солдат.

Лицо у него было бритое, молодое. Испуганно дрожали его открытые зубы и на правой щеке, у скулы, прыгал мускул.

Длинноногий седой мужик, сопровождавший американца, спросил:

— Кто у вас старшой?

— По какому делу?—отозвался Вершинин.

— Он старшой-то, он—закричал Окорок.—Никита Егорыч Вершинин. А ты рассказывай, как пымали-то?

Мужик сплюнул и, похлопывая американского солдата по плечу так, точно тот сам явился, со стариковской охотливостью стал рассказывать.

— Привел его к тебе, Никита Егорыч. Вознесенской мы волости. Отряд-от наш за японцем пошел далеко-о!

— А деревень-то каких?

— Селом мы воюем. Пенно село слышал, может?

— Пожгли его, бают?

— Сволочь народ. Как есть все село, паря-батюшка, попалили, вот и ушли мы в сонки?

Партизаны собрались вокруг, заговорили:

— Одну муку принимаю! Понятно!

Седой мужик продолжал:

— Ехали они двое, мериканцы-то. На траншанке в жестянках молоко везли! Дурной народ, воевать приехали, а молоко жрут с щиколодом. Одно-то мы сняли, а этот

руки задрал. Ну, и повели. Хотели старосте отдать, а тут ишь — целая компания.

Американец стоял, выпрямившись по-солдатски, и как с судьи не спускал глаз с Вершинина.

Мужики сгрудились.

На американца запахло табаком и крепким мужицким хлебом.

От плотно сбившихся тел шла мутившая голову теплота и поднималась с ног до головы сухая, знобящая злость.

Мужики загалдели.

— Чего-то!

— Пристрелить его, стерву!

— Крой его!

— Кончать!..

— И никаких!

Американский солдат слегка сгорбился и боязливо втянул голову в плечи, и от этого движения еще сильнее захлестнула тело злорада.

— Жгут, сволочи!

— Распоряжаются!

— Будто у себя!

— Ишь забрались!

— Просили их!

Кто-то пронзительно завизжал.

— Бей-ей!..

В это время Пентефлий Знобов, работавший раньше на владивостокских доках, замез на телегу и, точно указывая на потерянное, закричал:

— Обо-ждь!..

И добавил:

— Товарищи!

Партизаны посмотрели на его лохматые, как лисий хвост, усы, на расстегнувшуюся прореху штанов, через которую виднелось темное тело, и замолчали.

— Убить завсегда можно! Очень просто. Дешевое дело убить. Вон их сколь на улице-то навалили. А по моему, товарищи, — распропагандировать его — и пустить. Пушай, большедкую правду понюхат. А я так полагаю!..

Вдруг мужики густо, как ишено из мешка¹ высыпали хохот:

— Хо-хо-ха!..

— Хе-кхе!..

— Хо-о!..

— Прореху-то застегни, чорт!

— Валий, Пентя, запузыривай!..

— Втемяшь ему!

— Чать тоже человек...

— На камне и то выдолбить можно.

— Луи!..

Крепкотелая Авдотья Стещенкова, подобрав палевые юбки, наклонилась и толкнула американца плечом:

— Ты вникай, дурень, тебе же добра хотят.

Американский солдат оглядывал волосатые красно-бронзовые лица мужиков, расстегнутую прореху штанов Знобова, слушал непонятный говор и вежливо мял в улыбке бритое лицо.

Мужики возбужденно ходили вокруг него, передвигая его в толпе, как лист по воде; громко, как глухому, кричали.

Американец, часто мигая, точно от дыма, глазами, поднимая кверху голову, улыбался и ничего не понимал.

Окорок закричал американцу во весь голос:

— Ты им там разъясни. Подробно. Не хорошо, мол.

— Зачем нам мешать!

— Против своего брата заставляют итти!

Вершинин степенно сказал:

— Люди все хорошие, должны понять. Такие ж крестьяне, как и мы, скажем, панете и все такое. Японец, он што, рис жрет, для него по-другому говорить надо!

Знобов тяжело затоптался перед американцем и, пригладив усы, сказал:

— Мы разбоем не занимаемся, мы порядок наводим. У вас, поди, этого не знают за морем-то, далеко, да и опять и душа-то у тебя чужой земли...

Голоса повышались, густели.

Американец беспомощно оглянулся и проговорил:

— I don't understand!.. (ай донт эндерстанд)¹).

Мужики враз смолкли.

¹) Я не понимаю.

Васька Окорок сказал:

— Не вникат. По-русски-то не знат, бедность!

Мужики отогнали от американца.

Вершинин почувствовал смущение.

— Отправить его в обоз, что тут с ним чертомелиться, — сказал он Знобову.

Знобов не соглашался, упорно твердя.

— Он поймет!.. Тут только надо!.. Он поймет!..

Знобов думал.

Американец, все припадая на ногу слегка покачиваясь, стоял. Чуть заметно, как ветерок стога сена, ворошила его лицо тоска.

Син-Бин-У лег на землю подле американца, закрыв ладонью глаза, тянул пронзительную китайскую песню.

— Мука мученическая, — сказал тоскливо Вершинин.

Васька Окорок нехотя предложил:

— Рази книжку каку?

Найденные книжки были все русские.

— Только на раскурку и годны, — сказал Знобов, — кабы с картишками.

Авдотья пошла вперед, к возам, стоявшим у покотины, долго рылась в сундуках, наконец принесла истрепанный, с оборванными углами учебник закона божия для сельских школ.

— Може по закону? — спросила она.

Знобов открыл книжку и сказал недоумевающе:

— Картинки-то божественны. Нам его не перекрещивать. Не попы.

— А ты попробуй, — предложил Васька.

— Как его. Не поймет, поди.

— Может поймет. Валяй!..

Знобов подозвал американца:

— Эй, товарищ, иди-ка сюда.

Американец подошел.

Мужики опять собрались, опять задышали хлебом, табаком.

— Ленин, — сказал твердо и громко Знобов и как-то нечаянно, словно оступаясь, улыбнулся.

Американец вздрогнул всем телом, блеснул глазами и радостно ответил:

— There's a chap! (Зэрз э чэп) ¹⁾.

Знобов стукнул себя кулаком в грудь и, похлопывая ладонью мужиков по плечам и спинам, почему-то ломаным языком прокричал:

— Советска республика!

Американец протянул руки к мужикам, щеки у него запрыгали, и он возбужденно закричал:

— What is pretty indeed. (Уот ис прытти индид) ²⁾.

Мужики радостно захохотали.

— Понимает, стерва.

— Вот сволочь, а!

— А Пентя-то, Пентя-то по-американски кроет!

— Ты ихних-то буржуев по магушке, Пентя!

Знобов торопливо раскинул учебник закона божия и, тыча пальцами в картинку, где Авраам приносил в жертву Исаака, а вверху на облаках висел бог, стал разъяснять:

— Этот с ножом-то — буржуй. Ишь брюхо-то выпустил, часы с цепочкой только. А здесь на бревнах-то, пролетариат лежит, понял? Про-ле-та-ри-ат.

Американец указал себе рукой на грудь и, протяжно и радостно заикаясь, гордо проговорил:

— Про-ле-та-ри-ат... We! (уи) ³⁾.

Мужики обнимали американца, шупали его одежду и изо всей силы жали его руки, плечи.

Васька Окорок, схватив его за голову и заглядывая в глаза, восторженно орал:

— Парень, ты скажи та-ам. За морями-то...

— Будет тебе, ветрень, — говорил любовно Вершинин.

Знобов продолжал:

— Лежит он — пролетариат, на бревнах, а буржуй его режет. А на облаках-то — японец, американка, англичанка — вся эта сволочь, империализма самая сидит.

Американец сорвал с головы фуражку и завопил:

— Империализм! Away! (Эуэй) ⁴⁾.

¹⁾ Вот это молодец!

²⁾ Вот это славно, действительно.

³⁾ Мы.

⁴⁾ Долой!

Знобов с ожесточением швырнул фуражку о землю.

— Империализм с буржуями — к чертям!

Син-Бин-У подскочил к американцу и, подтягивая спадающие штаны, торопливо проговорил:

— Русики ресыпублыка-а. Кытайси ресыпублыка-а. Мериканысы ресыпублыка-а пухао. Нипонсы, пухао, надо, надо ресыпублыка-а. Кыра-а-сна ресыпублыка нада, нада...

И оглядевшись кругом, встал на цыпочки, и, медленно подымая большой палец руки кверху, проговорил:

— Шанго.

Вершинин приказал:

— Накормить его надо. А потом вывести на дорогу и пустить.

Старик конвоир спросил:

— Глаза-то завязать, как поведем. Не приведет сюда?

Мужики решили:

— Не надо. Не выдаст.

Вс. Иванов.

ПОЛАЯ АРАПИЯ.

I.

Сперва увидели крыс.

Подпрыгивая с тонким писком, похожим на скрип травы, бежали они. От розовой пелены, где начиналось солнце, до конца полей — стремились сероватым, мягким пластом.

Окорчившиеся ветки не хватали, как раньше, высокую жарой землю. Немо ползли по ветвям лоскутья вороньих гнезд.

Деревья росли из крыс. Из крыс начиналось солнце, и ветер над крысами несея — худорезный, голодный пес.

Потом из-за неба вылетели птицы с голодными злыми клювами. Заскрипели телеги. Лошади длинными горбатыми клыками хватили и рвали крысиное мясо. Далеко, как пастихи, бежали за серым пластом собаки.

Били мужики крыс палками: лопатами нагребали телеги. Недобитые крысы, как огромные огурцы, сползали на землю.

От окрестных изб подходили телеги — у кого не было лошадей везли сами на передках. Горшки запахли мясом. Говорили — для вкуса подбивать в варево березовой коры.

Жирное, обжествившее вставало на деревьях солнце. Тучными животными выпячивались тучи.

Оглоданные земли. От неба до земли — худорезный ветер. От неба до земли — жидкая голодная пыль.

Крысы все бежали и бежали на юг.

Тогда появилась Ефимья со Вчерашнего Глаза.

II.

Утром Фадей первым из деревни заметил крыс.

Сильным изветшалым голосом будил семью: сына Мирона, младшего Сеньку и дочь Надьку. Старуха Лукерья четвертый день, не вставая, грызла тулуп. На губах у нее трепетала шерсть овчин. Она часто пила воду, потом ее рвало толстыми, синеватыми кусками кожи.

— Пашли!.. Пашли!.. Приметют мужики, налетят — потрусит зверь, убежит. Сбирайся!

Надька, кладя завернутого в тряпки ребенка, сказала Лукерье:

— Я не то пойду, мам. А ты коль запоет парнишка — жамку ему в рот направь.

— Ладно, коли...

— Как заревет, так и направь.

— Иди, иди!..

И мокрая шерсть в губах Лукерьи. Пахнет кисло овчинами старуха. Щеки под скулы, скулы как дряхлый навес под глазами.

Силы в костях нет. Выпучив глаза, глодала лошадь крыс, била твердым, сухим, как небо, копытом пищащую, плотную массу.

И у людей — руки как пыль. Еле вчетвером к вечеру нагребли полтелеги.

— Начивать придется, — сказал Фадей.

Сварила Надька теплого маленького мяса. Мирон было зажмурился. Махая ложкой, потрес котелок Фадей.

— Ерепениться тебе, кустябина. Лопай, а не то вылью.

И сам торопливо заскреб ложкой, доставая со дна мясо.

Наевшись, Надька сварила еще котелок и отправила с ним Сеньку к матери, в деревню.

Тут же, не отходя от костра, уснули. Сенька прошел версту и тоже уснул.

Возвратился он утром. Подавая котелок, сказал:

— Мамка ешшо просила.

Тыкая палкою в остро бежавшие головки крыс, сказал:

— Мамка парнишку-то твою покормить хотела, да на пол сбросила. А поднять-то не могла. Зверь-то ему нос да руку съел.

Надька, зажав живот, кинула кол и пошла к деревне. Рот у ней узкий и сухой, расхлеснулся по пыльному лицу. За писком бежавших крыс не было слышно ее плача.

— Робь, куда те поперло! — крикнул Фадей. — Не подохнет, выживет!

Пришел в избу председатель исполкома Тимохин. Пощупал отгрызенную у ребенка руку. Закрыв ребенка тряпичей и, присаживаясь на лавку, сказал:

— Надо протокол. Може вы сами съели. Сполкому сказано — обо всех таких случаях доносить в принадлежность.

Оглядел высокого, едва подтянутого мясами, Мирона.

— Ишь какой отъелся. Може он и съел. Моя обязанность не верить. Опять крысе человека есть?

Дукерья, покрывшись тулупом, спала. Во сне она икнула. Председатель поднялся, ткнул плачущую Надьку и пошел.

— Ты, Надька, не вой. Еще другого сделаешь. Очень просто. А на протокол я секретаря пришлю. Ишь, и мясом пришлось разговеться.

Со стола несло вареным мясом. Не находилось силы отмыть с пола ребячью кровь.

Тогда-же вечером появилась Ефимья со Вчерашнего Глаза.

III.

Мирон спал у сеновала, под навесом, на старых дровнях. Пришла Надька, спустилась на землю около дровней.

— Слезой не поможем, — сказал Мирон.

Розовато-фиолетовая темнота прятала Надьку. Мохнатой духотой полыхала земля. Речь у Надьки была силоватая, с голодными перехватами — на слова не хватало слюны.

— Думала — донесу ребенка-то до настоящей жизни... А тут крысы съели, Господи!. Не могли старуху съест. В деревне, багато Фадеевы сами съели, про нас-то.

— Пушай брешут. Сами, ишь, хорошо едят.

По дерюге, прикрывавшей его грудь, что-то легонько поползло. Он нащупал шершавые кости сестры.

— Ты чего?

Надька зашептала:

— Ешь, тебе оставила. Старик-то все припрятал. Мирон и так, грит, сытай — у него-де, запасы. Телами-то, дескать, не оскудел. Ешь!

— Раз у меня кость такая. Виноват я? Раз, худеть не могу. Я и то ем меньше, чтоб не попрекали.

— Егорке еще надо отнести ... Ты его не видал?

— Ну его. Что, замуж хочешь выйти?

— Не ори. Старик услышит. Ефимья приехала. Привезли.

— Пушай.

— Сказывают за Сыр-Дарьей открылась земля такая — полая Арапия. Дожди там, как посеешь — так три недели подряд. И всех пускают бесплатно, иди только. Земель много. Ефимья рассказывает, складно, Мирон.

— Брешет, поди. Откуда она?

— Привезли. Захочет, поведет люд в эту самую Арапию. Тятя не едет. А в которых деревнях собрались, пошли. Крыса тоже туда идет. И птица летит. Наши-то края закляли на тридцать семь лет: ни дождя, ни трав. Потом вернутся, как доживут... На тридцать семь лет открыли Арапию, а потом опять закроют.

IV.

Собрались мужики, ладили телеги. У кого лошаденку не съели, подкармливали ее трухой, сушеным навозом. Безлошадные мастерили кое-как ручные тележки.

Крысы прошли.

Бежали земли, превращающиеся в пески. Бежали вихрями кудлатыми, немymi. Бежали на юг.

Кора на деревьях сохла, как кожа на людях. Сухими белыми костями стучали деревья. Сухими костями стучала земля.

Прятал от людей большое тело Мирон. Глаза людские, глаза голые, жадные к мясу. Ел Мирон мало — кору толченую: вареную, срезанную с падали кожу — розоватую жижу. Все же мясо дряблое свисало по костям его, как мокрый песок.

Постоянно у глаз ходила Надька — плоская, с зеленоватой кожей, с гнойными вывернутыми ресницами. Говорила:

— Ты, Мирон, не кажись. Очумел мужик, особенно ночью — согрешат, убьют... Ты худей лучше. Худей.

— Не могу я худеть! — хрипел Мирон.

Тряс заросшей пыльным волосом головой. Прятался под навес.

— Омман ведь это, вода — не тело. Ты щупай!

Боязливо щупала его ноги Надька.

— И то омман, разве такие тела бывали. Я помню. А ведь не поверят — прирежут. Не кажись лучше.

Кормила Надька украдкой Егорку — за любовь. Вечерами, прячась, приходил за амбар Егорка, ел, громко сопя. Подкрадывался Мирон и слушал сопенье еды Егорки, а потом сухой, срывающийся сап обоих...

Быстро дыша широким, как колодец, ртом, скрывалась в избу Надька.

Мирон спал с открытым глазом. Ночи длинные. И ночью, как днем, солнце. Ночь сухая, как день. Растягивал у навеса веревки, чтоб слышно чужой воровской приход.

Сухой, как день, был голос Ефимьи с ключа Вчерашнего Глаза. Был такой новоявленный святой ключ в Четырех Березах.

Постоянно днем и ночью сидела в телеге во дворе председателя исполкома Тимохина, старуха Ефимья. Под темный платок пряталось маленькое беловолосое лицо. Морщинист голос древний, чуть слышный. Нараспев велеречила:

— Собирайтесь, православные, со всех концов! Открылись на небольшие времена ворота Арапской полой земли.

Идите все, кто пойдет песками, через сарту, оттедова по индейским горам. На тридцать семь лет отверзлись врата. Кто первой поспеет, тому близко землю вырежут. Трава там медовая, пчелиная. Хлебушко спеет на три недели. Окромья того, дают арапские человеки все надобное, до штанов с зеленой пуговкой.

Вздохнула сонным вздохом. Глаза редкие и немые — спят. Голос сонный, чужой и жуткий.

Хотел ее повидать Мирон, но боялся показаться. Мельком провез ее кто-то в тележке уговаривать Анисимовские хутора. Хутора ждали хлеба из Москвы и отказывались ехать. Потом они почему-то загорелись и сполыхали в ночь.

А когда загорелись леса, дым оранжевой пеленой укутал беспитичье небо. Над высохшей рекой поползла пыль. Когда внезапно обезводили колодцы, мужики снялись с деревни и пошли в полую Арапию.

Пошел и Мирон.

V.

Пески — вся земля. Голубые пески. И небо — голубой песок. Далекие земли, пустые, полые поля Арапские! Какими путями идти, какими дорогами?

Жмутся боязливо хромые нищие, сухорукие — береза, осины бескорые. Убежал заяц на Арапские земли, — кору глотать оставил людям. Зверь он хитрый. Гложут люди желтыми и серыми крошащимися зубами.

Глодай! Глодай! Камни будешь глотать! Далеки вы земли Арапские! Далеки! Не знаю, где.

Или знает кто?

Или кто развернет дорогу, укажет?

Замерзает душа — замерзает льдиной голубой, негашущей. Далеки!

VI.

Заросшие опухолями ребятишки сворачивали с дороги, копались в земле, отрывая корешки.

Часто дрались, царапались длинными черными ногтями. Жидкая желтоватая кровь походила на пыль.

Кожу с хомутов съели. От подыхающих лошадей оставались пустые, выдолбленные ножом, кости. Ветер свистел в брошенные человеком дудки.

На вторую неделю пал конь Фадея. Деревня его съела в день. Прилипший к кости мозг дали Ефимье.

Потом перепадали все лошади.

Ефимью мужики везли на себе по очереди четвером. Она тыча согнутым, как клюв, пальцем, глядела на юг и повторяла все те же слова про полую Арапию.

— Собирайтесь, православные, со всех концов. Открылись на короткие времена...

Умерла старуха Лукерья. Фадей снял ее с телеги на землю и засыпал песком. Песок скатывался. Торчало из него остро — нос и ноги Лукерьи.

Раз Надька свернула с дороги и под песком нашла полусохшую кучу конского кала. Сдаращила пальцем на сохшую корку, позвала Егорку:

— С овсом... Иди!

Она уткнулась грудью в землю и жевала мягковатую, с крупинками непереваренного овса, душистую кашу... Егорка подошел и стал выбирать овсинки...

Ночью Мирону пригрезился урожай. Желтый, густой колос бежал под рукой, не давался в пальцы. Но вдруг колос оцетинился розоватыми усиками и пополз к горлу...

Здесь Мирон проснулся и почувствовал, что его ноги ощупывают: от икр к пахам и обратно. Он дернул ногой и крикнул:

— Кто здесь?

Зазвенел песок. Кто-то отошел. Проснулась Надька.

— Брюхо давит.

Натягивая на грудь дерюгу, Мирон, запинаясь проговорил:

— Щупают... Мясо щупают!

— А ты ко мне, рядом. Я плохо сплю, мне все слышно.

И притягивая к себе его дрожавшее тело, гладила легкой, неслышной рукой за горбок. Бормотала уникшим шепотом:

— Бают: скоро дойдут. Скоро сарт пойдет, а у него хлеба хот и нету, а Ефимья грит, — он молоком

подкормит. Господи. Дойдете хоть... А я-то, поди, так завтрача умру, Мирон.

— Протерпишь.

— Умру. Мне с конского... давит. В брюхе-то как кирпичи с каменки каленые... И тошнит. Рвать не рвет, а тошнит комом в глотке. Могилку-то выкопать некому.

— Выроют.

— Нету рук-то ни у кого, земля ходячая. Люд.

— Зола!

— Зола, Мирошка!.. Думаю, по зиме-то как дойдем, за Егорку выйти. Там, в Арапии, народ-то, грит Ефимья, черный и без попов. А поди, так попы туда с крысой раньше удрали.

— У тяти едова нету.

— Он про те думает, а ты ешь тайком... Дай кусочек, Мирошка...

— Нету у меня ничего.

Она теребила ему бороду, чесала пальцем волос на голове и чуть слышно бормотала на ухо:

— Дай, Мирошка, кусочек махонький... Пососать. Хлебушка-то тепленький на зубах липнет, а язык то... Дай, Мирошка, ей-богу не скажу. Только вот на один зубок... ххм, хм... кусочек... А потом я помру, не скажу все равно...

Она сунулась головой подле его локтя. Лязгала зубами по рукаву. К утру ее рвало. У лица темнела на земле клейкая, синеватая жижа. Она лизала рвоту...

Скорчившись — умерла.

Деревня поднялась, пошла. Мужики, подталкивая плечами, везли тележку с Ефимьей.

— Схоронишь? — спросил Фадей, уходя.

Поодаль на земле сидел Егорка, узкоголовый, оставив тонкую губу под жестким желтым зубом.

— Иди, — сказал ему Мирон. — Я схороню.

Егорка мотнул плечами, пошевелил рукой кол под коленом. Запыхався сказал:

— Я.. сам.. Не трожь... Сам, говорю... Я на ней жениться хотел... Я схороню... Ступай. Иди.

У кустов, как голодные собаки, сидели кругом ребятишки. Егорка колом махнул над головой и крикнул:

— Пшли.. ощерились... пшли!..

Пока он отвертывался Мирон сунул руку к Надьке за пазуху, нащупал там на теле какой-то жесткий маленький кусочек, выдернул и хотел спрятать в карман. Егорка увидал, и топоча колом, подошел ближе.

— Бросай, Мирон, тебе говорю... Бросай!.. мое!..

Егорка махнул колом над головой Мирона. Тот отошел и бросил потемневший маленький крестик...

Егорка колом подтолкнул его к своим ногам...

— Уходи... мое!.. я схороню...

Мирон пошел, не оглядываясь...

Мальчишки, отбегая, кричали:

— Сожрет!..

VII.

Догоняя далеко ушедших мужиков, Мирон заметил у края дороги стадо дерущихся ребятишек. Глубоко повязнув в колеях, тупо уставились в землю брошенные телеги. Гнилые клочья тряпок свисали с досок, с ящиков. Почти все телеги пахли тошным, трупным запахом.

Фадеев и Сеньки с мужиками не было.

— Не видали? — спросил Мирон.

Кто-то выматерился хрипло и долго. Один сказал пискливо:

— Отъелись... Жрать прячутся.

В животе Мирона задвигалась узкая режущая боль. Язык метнулся по деснам, отыскивая слюну. Сверху на голову оседало мутное, режущее виски и отдающееся в носу, в небе...

Мирон побрел, спотыкаясь. На глаз попал валявшийся у телеги огрызок кожи. Мирон сунул его в зубы.

Горбатая, с растрепанными волосами баба дернула его за рукав.

— Нету, — сказал Мирон. — Сам ись хочу.

Баба, приседая на кривых коленях, мотнула головой.

— Знаю... Пойдем под телегу... Сколько дашь?

Она раскрыла рот и, втянув грудь, лихо мотнулась костями. Оскалила зубы.

— Пойдем?..

Мирон побежал от нее, дрыгая локтями. Когда он оглянулся, баба и еще трое неизвестных мужиков, шли позади него.

Мирон качнулся в сторону. Сиреневая полынь уколола ногу. Из-под куста мелькнул маленький зверек. Мирон бросился за ним, хотел схватить, но упал. Зверек ускользнул в норку.

Мирон было начал разрывать, но вспомнил: одному оставаться нельзя. За ним шли, оглядываясь, четверо.

Он подтолкнул тело, вверх руками, приподнялся. Живот крутила узкая голодная боль. Ребра отрывались и жгли кожу. Ребра словно заблудились внутри.

Ноги шли через всю землю, через весь песок.

Мирон не мог догнать мужиков.

Поднял глаза к солнцу: подвигалось оно, желтое и тучное, как жеребая кобылица.

— Жрешь? — сказал про себя Мирон: — Лопаешь? А я пошто должен ждать?

Ити ему не хотелось. Он ощупал близлежащую телегу: теплое дерево и горячие гвозди.

Тут опять вспомнил про четверых. Они шли, взявшись за руки, в нескольких шагах и глядели на уходящих в пыль деревенских.

Мирон заторопился.

— Кончут. Надо с мужиками... Кончут!..

Вспомнил пожалевшую его Надьку. Заплакал. Хотел утереть слезы, веки были сухи, как дорога, как поле. На пальцах с век и бровей скатилась пыль.

Слезы уходили внутрь в живот, мучающий все тело... Мучила тело земля — мукой сухой и тягучей.

Деревенские остановились.

Мирон догнал их.

— Что? — спросил он торопливо пробредшего мужика.

Ефимью кормить надо. Нечем Ефимью кормить.

Мужик для чего-то скинул озям и рубаху. А потом торопливо надел их. Волоча одной ногой, отошел.

— Накормют, — сказал устало Мирон, опускаясь.

Как только он лег — боли из живота перенесли в ноги. Он подобрал ноги под себя.

Над ним: доски, телеги, пахнувшие трупам и пылью. Он поискал дегтя в колесной спице. Сковырнул с деревом клочек и, слипая зубы, начал жевать.

Против него, под другой телегой, лежали четверо: одна баба и трое мужиков. Мужики, прикрыв ладонями бороды, глядели в поле, а баба на него.. Мирону показалось, что она даже подмигнула.

Деготь выкатился изо рта: сухой, черный комочек.

Мирон полз под передок. Ему хотелось тени. За телегами на песке, на дороге, лежало раскаленное солнце.

Большая, железная спица оцарапала хребет. Потом за хребтом сорвало штаны, обнажив мясо. И только солнце, вскочившее между телег, согрело ему мясо.

Он дополз до задка следующей телеги, протянул тело в тень и выглянул. Под той телегой, где лежал он, были четверо... Баба опять подмигнула.

Мирон сунул голову к спицам колес и закрыл глаза. Под глазами развернулось, извиваясь и трепеща, поле колосьев — багровых, зеленых, коричневых. Разбрасывая рогами колос, вышла и глянула на него тупая и жирная морда коровы. И вдруг — глаза у ней поблекли, ресницы и над ними всплыла острая волчья пасть. Мирон открыл веки.

За колесом, на корточках, сидела баба, мужик за ней совал ей в руку молоток.

Мирон прижал голову к спицам и, хватая ртом песок, зазмурился.

Вс. Иванов.

Перед пятьюстами не следует читать так, как перед десятью, а перед десятью не следует читать, как перед пятьюстами. Перед небольшим обществом возможно читать с некоторою небрежностью, что придает чтению естественность и грацию.

Легува.

КОЖАНЫЕ КУРТКИ.

(Отрывок)

В доме Ордыниных, в Исполкоме (не было на окнах здесь гераней) — собирались наверху люди в кожаных куртках, большевики. Эти вот, в кожаных куртках, каждый в стать, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцом под фуражкой на затылок, у каждого крепко отяпугы скулы, складки у губ, движения у каждого утюжны. Из русской рыхлой, корявой народности — отбор. В кожаных куртках — не подмочить. Так вот знаем, так вот хотим, так вот поставили — и баста. Петр Орешин, поэт, правду сказал: — «Или — воля голытьбе, или — в поле, на столбе!»... Архип Архипов днем сидел в Исполкоме, бумаги писал, потом метался по городу и заводу — по конференциям, по собраниям, по митингам. Бумаги писал, брови сдвигая (и была борода чуть-чуть всклокочена), перо держал топором. На собраниях говорил слова иностранные, выговаривал так: — константировать, энегрично, литефонограмма, фукцировать, бюджет, — русское слово могут — выговаривал: — магуть. В кожаной куртке, с бородой, как у Пугачева. — Смешно? — И еще смешнее: просыпался Архип Архипов с зарею и от всех потихоньку: — книги зубрил, алгебру Киселева, экономическую географию Кистяковского, историю России XIX века (издания Гранат), «Капитал» Маркса, финансовую науку Озерова, счетоведение Вейцмана, самоучитель немецкого языка — и зубрил еще составленный Главкиным маленький словарь иностранных слов, вошедших в русский язык.

Кожаные куртки.

Большевики. Большевики? — Да. Так. — Вот, что такое большевики!

Белые ушли в марте. И в первые же дни марта приехала из Москвы экспедиция, чтобы ознакомиться, что осталось от заводов после белых и шквалов. В экспедиции были представители ОТК, и ХМУ, и Отдела Металлов, и Гомзы, и Центи, и Ценекане, и Промбюро, и РКИ, и ВЦИК, и проч., и проч., все спецы, — на собрании в областном

городе было установлено, как дважды два, что положение заводов более чем катастрофично, что нет ни сырья, ни инструмента, ни рабочих рук, ни топлива, и заводы пустить нельзя. Нельзя. Я, автор, был участником этой экспедиции, начальником экспедиции был ц.-х. К., по отчеству Лукич. Когда по поезду был дан приказ готовиться к отъезду (а были в поезде мы отрядом с винтовками), я, автор, думал, что мы поедем обратно в Москву, раз ничего нельзя сделать. Но мы поехали — на заводы, ибо нет того, чего нельзя сделать, — ибо нельзя не сделать. Поехали, потому что, не спец большевик К., Лукич, очень просто рассудил, что, если бы было сделано, тогда и не надо делать, а руки — все сделают.

Большевики.

Кожаные куртки.

«Энегрично фукцировать». Вот что такое большевики. И — чорт с вами со всеми, — слышите ли вы, лимонад кислосладкий?..

Шахта номер 3, на Тасжевском заводе. На глубине 320, т. е. три четверти версты под землю, палили бурки: бурильщики бурили, — по пояс в воде как кипятки — в стволе пласты, бурили бурки; запальщики заряжали бурки динамитом и палили бурки в глубине 320, в воде как кипятки по грудь. Надо было запальщикам нащупать в воде шнур, бурку, запахнуть, нырнув, патроны, подложить под патроны пистон с гремучею ртутью и с гутаперчевым фитилем — зажечь эти патроны, пятнадцать, двадцать. Сигнал вверх.

— Готовы?

Сигнал вниз:

— Готовы.

Сигнал вверх:

— Палю.

Сигнал вниз:

— Пали с богом!

Один за другим всыхивают фитили, один за другим шипят и свистят синие огоньки над водою и ныряют в гутаперчевую трубку, под воду. Последний огонек синий свистнул и нырнул. Скачок в бадью, сигнал вверх:

— Качай!

— Есть! — и бадья в дожде, во мраке, в свисте, семь сажен в секунду (предел, чтобы не умереть) мчит наверх, от смерти, к свету. И внизу рвет динамит: — Первый, второй, третий.

Шахта номер 3, глубина 320, бурки палили двое.

— Готовы?

— Готовы!

— Палю!

— Пали с богом!

Один окончил раньше палить, влез в бадью. Второй зажег последний фитиль (зашипели, заныряли синие огоньки), схватился за канат.

— Качай веселей!

То ли отступился второй, то ли машинист поспешил, — в дожде, во мраке, в свисте, взвилась бадья, — второй остался внизу, и последний огонек нырнул в воду.

И первый ударил сигнал вверх:

— Стой. Качай книзу!

— Качай книзу!

Бадья заметалась во мраке, повисла в дожде.

И тогда второй ударил сигнал!

— Качай вверх! — ибо зачем вторая смерть?

— Качай книзу! — это первый.

— Качай вверх! — это второй.

И бадья заметалась во мраке. Каждый жертвовал жизнью за брата, вот тут, в глубине 320, где смерть и похороны одновременны.

Машинист, должно быть, понял, что идет в шахте. Со скоростью в смерть бросил механик бадью книзу, и со скоростью в смерть вынес механик бадью наружу, — под грохот динамита вниз, в смерти. И наверху — всем троим, механику и запальщику первому и второму: — захотелось — выжить! Так вот потому, что тогда не было никакой революции, — где же было «энегрично фукцировать?»

Кожаные куртки. Большевики.

В доме Ордыниных, вечером, в общежитии, разувшись и пальцы после сапог руками сладко размяв, на кровать к лампочке забравшись как-то на четвереньках, Егор Собачкин долго брошюрку читал и обратился к соседу, в «Известия» зарывшемуся:

— А как думаешь, товарищ Макаров, жизнь людскую бытие определять, или идея? Ведь так подумать, и в идее-то бытие?

Б. Пильняк.

ВАСЬКА С АЛЕКСАНДРОВСКОЙ УЛИЦЫ.

I.

Хорошее дело фронт. Красивое, можно сказать, дело. Потому одно слово—борьба. Нет звучней в мире слова — борьба. Широко это слово: как груди казацкие, как степи далекие. Из-за слова этого много буйных головушек сложено, горячих сердец растоптано.

Любил это слово Васька. Так любил — сказать нельзя. Без слова этого никакой сладости в жизни не видел.

— Живешь, живешь — скажет паренечек какой, — а для чего живешь — неизвестно.

А Васька — парень. Ваське известно. Спросишь его, а он белмы выпучит, брови нахмурит:

— Как для чего? Известно для чего. Фронт поддерживать. Транспорт поднять. Словом одним, жизнь на новые рельсы поставить. Во!

Хоть и семнадцатый год парню, а по понятию, да по сознательности своей, взрослый человек Васька. Работать любил — страсть. И на ячейку поспеет, и в Уком без дела не придет, и доклада не пропустит, и на митинге — свой брат. Не парень — огонь. Любого оратора собьет. А ежели эс-э какой — беда ему. Выспит ему Васька, лучше не надо. Крепко говорить мог — кабдуком не расшибешь. Такими словесами хлопает — удивление одно. А насчет Васькиных революционных заслуг, то им никто и числа не знал. В губчека поработал — два больших дела раскрыл. В уголовный розыск пошел — дело по кооперативу № 2 дал. Немцы под городом Васька — красногвардеец. Григорьевцы — Васька боевой отряд формирует. Банда какая — Васька первым:

— Айдавать ребята, Махно бить!

Да что тут говорить! О проделках Васькиных в год не расскажешь. О хваткости да удалстве его — улица Александровская колесом ходила. Петушиным гонором петушилась. Таков был Васька.

II.

Начал собираться Васька на фронт неожиданно, нежданно. Думать не думали, — гадать не гадали. Неделю какую-нибудь после тифа поднялся. С палочкой ходит — шатается. И вдруг — снова на фронт. Удивлялись ребята:

— Как же это ты Васька, ошалел, что-ли? Ходить ведь не можешь.

— Не ваше дело... На себя ответственность ложу.

А вечером в лазарете за ужином сказал врачу:

— Товарищ доктор, распоряжение насчет меня сделайте... Потому на фронт завтра снимаюсь!

— Что вы, товарищ, что вы?... Ведь вам еще ходить много не полагается... засуетился доктор.

— Ничего. Нашему брату привычно. Выписывайте...

III.

На фронтовой полосе затишье. Охали пушки, охали — устали.

Шуршала, шушукала звездная ночь. Грустно в такое время в окнах. Так грустно — сказать нельзя. Думы тогда, в роде свинца голову к земле клонят. А не думать, никакой возможности нет. Потому — грусть. Начнет это она тебя точить, а думы горячей, горячей, точно жернов — как-кие ворочаются. Тяжело.

Руки у Васьки отвисли. Кожа с большого пальца на правой руке сползла.

Третий месяц на фронте, а ему третий год кажется. Если бы хоть дело какое большое было, а то стреляешь, стреляешь — конца — краю не видать. Никак противника из под села не вышибешь. Поглядел Васька в звездное небо и задумался.

Думает все это он, а в голове уже дело наворачивается. Дернул ногой Васька, ровно на гвоздь ступил «беспременно военкому завтра доложу»...

Прислонился Васька к стене — дремать начал. И не чуял он, как в груди у него что-то ворочаться начало, большое горячее. Грудь расхотиться начала, рубаха лопаться, а оттуда ползти, ползти... Открыл Васька глаза — светло-светло, точно днем. Народу кругом, тьма-тьмущая. Одни головы колышутся. Вгляделся — комсомольцы одни. Шумят, руками машут, дисциплины никакой. Протискался ближе, видит трибуна флагами убрана, а на ней человек. Бородка маленькая, очи шурит, улыбается. Вгляделся Васька — ахнул. Никак не иначе — Ильич. Дернулся он с места и к нему. А ребята пропускают, расступаются... Подошел к трибуне и на ступеньки взбирается. Поднял руку Ильич — стихли ребята — слушают. Дрожит Васька, а Ильич говорит и голос у него, ровно гром какой.

— Товарищи, слово предоставляется члену Екатеринбургской организации — товарищу... остановился Ильич. «Имя-то, наверно, забыл» — думает Васька и тихо подсказывает:

— ...товарищу Ваське... товарищу Ваське...

— ...товарищу Ваське — говорит Ильич и опять загнулся. Задрожал Васька, похолодел весь... Фамилии ждет Ильич, а у него-то ее и нет, фамилии этой самой. Вдрогнул Васька — беда. Не полагается оратору без фамилии. Да вспомнил вдруг — голову вытянул и зашептал:

— С Александровской улицы... Товарищ Ильич — с Александровской улицы... Знают они меня...

Улыбнулся Ильич и продолжать стал:

— Слово предоставляется товарищу Ваське с Александровской улицы... Заколыхалась толпа — дрогнула:

— Даешь Ваську с Александровской улицы!...

— Ура, Васька с Александровской улицы!...

— Качать его!.. Качать!...

Приподнял его лес рук и давай раскачивать. Проснулся Васька, а это его ротный за ворот шинели ухватил и раскачивает.

— Вставай, — говорит Ваське — проход весь загордил.

Поднялся он, а в сердце ноет, точно похоронил кого. Сон-то уж больно хорошим был. Вспомнил о деле заманном Васька и громко вслух сказал:

— Беспременно военкому доложу...

Обернулся ротный.

— Это о чем?

— Ни о чем... Так говорю... Со сна...

IV.

К делу утром приступил просто, без фокусов. Подошел к военкому, глаза в глаза.

— Товарищ военком, а что ежели бы с левого фланга у белого батарею снять?

Улыбнулся военком.

— Хорошо бы, а что?

Стегнул глазами Васька, грудь выпятил:

— Берусь, товарищ военком, сделаю — лучше не надо.

Заинтересовался комиссар Васькой. Глянул на него, да подумал «мышленный должен быть парень, с навыком».

— Как же это ты, брат, объясни. Сам понимаешь, дело серьезное.

Васька:

— Ничего серьезного нет, товарищ военком. Перекоседину или чего другого возьмем, часового убрать — дело маленькое. Подложим это мы, попразим, фитилек зажгем — и дело амба. Мнение мое, от батареи и протокола не останется.

Улыбнулся опять военком.

— Легко это ты, брат, в словах рисуешь, а дело, сам знаешь, трудное... Все же подожди — говорит, — с командиром посоветуемся.

Ждет это он, а сердце тек-тек. Плохо, если откажет. Крепко все оно придумано, точно по программе написано. Ждет Васька, а его вдруг:

— Товарищ, к командиру зовут.

Вошел, а командир его глазами шупает:

— Беретесь, стало быть, товарищ?

Васька:

— Берусь, заявляю категорически... А сам от волнения едва на ногах держится.

— Хорошо, — говорит командир. — Мы вам еще двух дадим. Будьте к ночи готовы.

А Васька:

— Слушаюсь товарищ командир.

* * *

А только ночь пришла — двинули. Вывел их ротный за линию... «Прощевайте, — говорит, — ребята. Желаю успеха». Отошел в сторону и сморкается. Сердечный был человек ротный.

Согнулись ребята, поползли. Ночь темная выдалась безлунная, точно сговорилась заодно с делом. Ползут ребята.

— Степь голая, хоть бы до дерев скорей добраться — шепчет Васька, глядя на темнеющий вдали лесок.

Ползут ребята, молчат. Ближе лесок, ближе. Доползли — передохнуть присели.

Васька:

— Стой, ребята, недалеко осталось. Сговоримся. У тебя Гришук, коробка с черкалами на месте? — Пощупал карман Гришук.

— На месте.

— Ну, айдать, ухо востро держи... Недалеко.

Поползли. Брюки трутся, колени трутся, мясо трется; боль — хоть кричи.

А впереди шуршит ночь шелестящими шумами. Волочит свой широкий, шаркающий шлейф.

— Т — ш — ш — шу — у...

— Держись ребята, недалеко осталось. Держ — и — и — сь...

— Тш — ш — ш — ну — у...

Выползли из леска — горка началась. Дернула Ваську радость, ровно молотом по груди грохнуло. В самый раз к батарее приперли.

— Ну, Григоренко, нынче действуй... Половчее это надо. Я часового снимать, ты — винтовку подхватывай... Шоб без шуму.

Поползли опять. Стукали сердца. Бушевала кровь в жилах. Спирало дыхание. Выползли из-за горки, приподнялся Васька, вверх заглянул. Видит — две трехдюймовки дулами

к лесу, а в сторонке шестидюймовка прямо на него смотрится. Зарвал выше голову — часовой рядом. Винтовку к колесу прислонил — махру скручивает. «Неужто один» — подумал Васька, собрался с силой — встал. Винтовку над головой занес и прикладом по башке — трах. Выпустил часовой махру недокрученную, опускаться начал. Поднялся Григоренко и еще раз его — тр-а-а-х... Сел часовой. Сел — сидит. Вытянул Васька перекослин и рассовывать начал, а Григоренко вдруг:

— Неужто, ребята, одна шестерка... Больше должно их быть.

Рассовывает Васька — молчит, а Григоренко опять:

— Может, ребята, замки поснимать... Чище дело будет...

Гришук:

— Не гаркай... Мешкать нам нечего!..

Хваткий парень Васька, а Гришуха да Григоренко, гляди не уступят. Бывалые тоже... А теперь, вот, у них дрожь в руках. На лбу как-то даже жарко. Очень уж серьезное дело. Таких, пожалуй, дел немного обдeldывать приходилось. Разложили перекослин, подползал, чиркал спичкой Гришух, — вспыхнули фитильки и к дулам взвиваться начали.

Загоронился Гришух:

— Пошли ребята!.. Ждать нам нечего... Захватят нас...

А Васька вдруг на землю опустился, ноги вытянул и застонал даже.

— Не могу, ребята, не могу, товарищи... Коленки до самых костей стерло... Не мог — у — у...

Сел возле него Григоренко: — Чтож — говорит — главное дело сделано, а теперь это и отдохнуть малость не грех... Теперь успеем.

Поглядел потом на фитильки и добавил:

— Ты, вот, Гришух, заметь... Хорошее дело — смола; никаким ветрам задуть не в мочь.

Молчит Гришух. Потому, что чувствует смерть уже слюной в глаза фыркает. Сказал Гришух и голос у него глухой, как у трубы.

— Поднимай его Григоренко... Ждать больше возможности никакой. Ежели через две минуты не пойдем — захватят нас. Поднимай, што-ль?

Согласился Григоренко. Поднял Ваську, ровно ребенка малого: понес. Стонет Васька, мечется, ноги в коленках, как-бы тупой пилой издерганы... А Гришух строго:

— Тиша, Васька, тиша... Чать ни на ячейке у себя находишься...

Не успел кончить Гришух, вдруг — гр — о — ох... Небо упало, земля упала; подбросило Ваську в небо, бросило на землю. Тепло вдруг стало Ваське, хорошо. И в ногах щемить перестало. Открыл глаза — светло. И в груди светло, и в глазах светло. Лежит Васька, вставать не хочется, хорошо. Глянул в сторону — Ильич. Смотрит Васька — ждет, точно так должно было быть. Подошел Ильич и наклонился к нему.

— Здравствуй, — говорит, — Васька с Александровской улицы. Ну, как себя чувствуешь?

Васька:

— Хорошо, товарищ Ильич... И дело как видишь сделано...

— Знаю, говорит, знаю... Новость-то я тебе какую скажу. Слушай-ка, знаешь как улица-то твоя Александровская прозываться будет?

Вздыхнул Васька.

— Не знаю, товарищ Ильич... Никак не могу знать...

Наклонился к нему ближе Ильич и в ухо зашептал.

— Улицей товарища Васьки, понимаешь?... Улицей товарища Васьки...

Вгляделся Васька в лицо Ильича, а глаза у него большие, мягкие.

— Разреши, — говорит, — мне товарищ Ильич с тобой в глаза расцеловаться...

Больше стали глаза у Ильича, мягче.

— Чтож, — говорит, — поцелуемся...

Обхватил Васька широкие плечи Ильича. Прижался жаркими губами крепко к земле. И умер.

V.

Под утро позицию противника заняли красные. Ваську нашли в 10 шагах от взорванной батареи (остальных не нашли). Левая нога у него была оторвана, а правая —

у чашки стерта до кости. Глубоко в боку торчал зубастый осколок. У горки под самой батареей вырыли могилу. Когда его засыпали землей, кто-то принес столбик. Смастерили к нему дощечку и глубоко вбили в рыхлую землю. На дощечке написали:

«Васька Герой Революции.
Фамилия неизвестна».

М. Голодный.

ЧАПАЕВ.

(Отрывок. — О гибели Чапаева).

Уж полночь давно осталась позади, чуть дрожали предрассветные сумерки; но спит еще станица спокойным сном. Передовые казачьи разъезды тихо подступили к околице, сняли часовых... За ними подъезжали, смыкались, грудились и, уже когда довольно накопилось, двинулись черной массой. Прозвучали первые тревожные выстрелы дозорных... Поздно была обнаружена опасность. Казаки уж рассеялись по улицам станицы... Поднялась беспорядочная, слепая пальба — никто не знал, в кого и куда надо стрелять... Красноармейцы повскакивали и в одном белье метались в разные стороны; видна была полная неорганизованность, полная неподготовленность... Остальные кучки сбивались сами по себе, и те, что успели захватить винтовки, задерживались на каждом мало-мальски удобном месте, где можно было спрятаться, открывали огонь вдоль по улицам, а потом снимались и бежали дальше к реке: общее направление всех отступавших было на берег Урала. Казаки гонялись на окраине за бегущими красноармейцами, рубили, захватывали, куда-то уводили — здесь не было почти никакого сопротивления. Но проникнуть в центр станицы не могли... В одном месте несколько десятков человек сгрудились вокруг Чапаева и скоро залегли цепью. Сам Чапаев выскочил тоже в белье — с ним была винтовка, в левой руке держал револьвер... Уж совсем поредели сумерки, можно было все рассмотреть без труда... Прошли ожидания две-три томительных минуты... Цепь увидела

как на нее неслась казачья лава. Дали залп, другой, третий... Затрещал подтащенный пулемет — лава отхлынула.

На соседней улице, где остановился Политический Отдел, возле Батурина тоже сомкнулась группа человек в 80: тут были с Суворовым во главе почти все работники Политотдела, сам Батурин, Ночков, Крайнюков... Увидев, что казачьи атаки становятся все чаще и настойчивей, Батурин сам повел в атаку свой крошечный отряд... Этот удар был так неожиданен, что ехавшие впереди на повозках казачьи пулеметчики повскакивали и кинулись бежать оставив Батурина в руки два пулемета... Пулеметы повернуты были немедленно против врага... В это время тяжело в ногу ранен был Ночков; его оттащили немного в сторону, но не знали куда деть, оставили. Он дополз до халупы, протаялся и спрятался там под лавку... Батуринская группа держалась дольше всех, но не имея связи ни в одну сторону, она до последнего момента верила, что является только горсточкой, а главный бой главные силы идет где-то по соседству, верно, около Чапаева... Так и погибла с этой верой... Связи не было, и потому успех одной группы совершенно парализовался соседними неудачами: никто не знал, что делается рядом, что надо делать самому.

Увидев, что лобовыми атаками скоро успехов не добьешься, казаки частью спешились и задворками, через сады, стали проникать в тыл обороняющимся группам.

Когда поднялась в тылу перестрелка, а тут, с фронта, снова и снова выносились казачьи лавы, группа Батуринская не выдержала, начала отступать, рассеялась; помчались бойцы в одиночку прятаться, кто куда успеет. Но не уделал, конечно, ни один... жители выдавали поголовно, спаслись только убежавшие к Уралу, сохранившиеся при переправе... Батурин убежал в халупу и спрятался где-то под печью, но хозяйка выдала его немедленно, рассказала, что «это, надо быть, сам комиссар и есть» — помнила, знать, окающая, по собранию, где Павел Степанович держал к станичникам речь. Разъяренные, рассвирепевшие казаки, узнав, что в руки попал «сам комиссар», даже и не подумали что либо узнавать от него, допрашивать или пытать — они горели звериной охотой поскорее

учинить над ним кровавую расправу: выволокли на волю, каждому хотелось первому всадить ему в грудь холодное лезвие; потрясали над головой оружием, скрещивались — звенели шашками, с остервенелыми лицами ждали, когда его бросят на землю... И как только бросили — в горло, в живот, в лицо воткнулись шашки и штыки... Началась вакханалия. Но и этого было мало: ухватили за ноги, ударили, размахнувшись, с такой силой, что разлетелась черепная коробка, выскочили мозги... Потом рвали, драли, кололи и резали его одежду, пинали этот сгусток мяса и крови, и каждый метил пнуть непременно в лицо... Тут же, по близости, стояло несколько пленных красноармейцев: они с ужасом смотрели, во что превращен был славный комиссар Павел Степанович Батурин. Несчастные! Они почти все до одного — уже через несколько минут — сами погибли под казачьими шашками... А Чапаев — где он? В окопах долго удержаться не удалось — и сюда проникли по берегу казаки. Надо было отступать к обрыву... Здесь обрыв высоко над волнами, и на горку идти все равно, что быть мишенью. Но деваться некуда, по обеим сторонам уже поставлены казачьи пулеметы: они бьют по реке и хоронят пловцов, которые думали скрыться на Бухарскую сторону. Чапаеву пробило руку — он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полосы на щеке и на лбу... Кирька был все время подле:

— Василий Иванович, дайте, голову завяжу, — крикнул он Чапаеву.

— Ничего... голова здоровая...

— Кровь на лбу бежит, — задыхающимся голосом старался его уверить Кирька.

— Ну, полно, — все равно.

Они шаг за шагом отступали к обрыву. Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти. «Спускай его на воду», — крикнул Кирька. И все поняли, кого это «его» надо спускать: четверо ближе стоявших, подерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному срыву. Вот кинулись все четверо, поплыли; двоих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плыли двое, уже были у самого берега, — и в этот момент

хищная пуля ударила Чапаева в голову; когда спутник, уподзавший в осоку, оглянулся, — позади не было ни кого: Чапаев потонул в волнах Урала...

А Кирька остался на берегу до конца и, когда винтовка стала ненужна, выстрелил шесть нагановских патронов по наступавшей казацкой цепи, а седьмую в сердце. И казаки остервенело издевались над трупом маленького, рядового, но такого славного, благородного воина. С большим трудом потом опознали товарищи эту раздавленную в песке кровавую массу человеческого тела...

Месяца через два после этой трагической кончины Революционный Военный Совет Республики отдал приказ о том, что за славные дела награждается орденом Красного знамени славный воин Петр Исаев. Опоздала почетная награда, — на два месяца не захватила своего героя.

Вместе со всеми, до самого берега, отступал с Исаевым рядом и Чеков. Его убили на песке, к воде спуститься не успел, пуля пробилась ему голову.

Д. М. Фурманов.

Мимика и слова должны соответствовать друг другу; особенно обращай внимание на то, чтобы не переступать за границы естественного.

В. Шекспир.

(Знаменитый английский поэт-драматург).

Наблюдение действительности и проявление человеческой мысли и воли в передаче этой действительности — вот два элемента, составляющие искусство.

Дж. Рескин.

(Из книги «Искусство и действительность»).

Всегда имей в виду патуру.

М. С. Щепкин.

(Знаменитый русский актер).

ШКОЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО.

Дядя Силантий, спустив портки с сынишки своего Гараськи, сек его, приговаривая:

— Будешь, сукин сын! Будешь предсказывать! Будешь?!

Зажатая меж коленями голова Гараськи орала на всю деревню. Прибежали Гараськина мать, подслеповатый дед, кричали на Силантия:

— За что ты? С ума никак сошел?

А тот не переставая:

— Будешь, паскуда? А? Будешь?.. я те покажу предсказывать.

Гараська посинел, из рубцов вот-вот проступит кровь.

Соседи на гвалт сбегались:

— Братцы, хватай его!

Силантий выпустил Гараську и тряхнул головой, чтоб откинуть свисшие на глаза космы.

— Да как же, — нескладно загромыхал он.

— Паскуда такая... Стал предсказывать, что, мол, человек от облезьяны превзошел...

— Дезентиришки учат, — прокричала мать, утирая Гараське слезы.

— К дезентиришкам все бегают, да в ячейку, — сказал отец и закричал: — значит и ты не от матки своей, а от облезьяны? Может от кошки, али от мыши? Задеру паскуда!.. Предсказатель объявился новый... А, ты... Поддай-ка мне его скорее!

Но Гараська вырвался и помчался к речке, охлаждаться. А в догонку:

— Я те предскажу. Держи его!

Кто-то засмеялся. Силантий стоял медведем, длинный, лохматый, и ручищи в шерсти.

— Тут не до смеху, — сказал он. — Слыхали, какие слова паршивец-то оттыпал мне? Вроде — кумунист. А всего год девятый пашенку. Вот, так это новый режим.

— Ребятенки — фулиган на фулигане... Как кропива растут.

— А почему? Школы нет, — сказал Силантий.

— Без школы смерть, — подхватили мужики.

— Хоть дрянненькая школа будь, все-таки отец Сергей молитвам обучал бы, леригии.

— Братцы! — Силантий скрестил руки на груди.

— А давайте-ка всурьез школу-то. А вот какой громадный сруб брошенный, гниет задаром. Ежели дружно взяться — живо сгροхает.

Еще народ подошел. Гуторили до вечера. Порешили: строить.

* * *

В ведряный, осенний день перед очами заведующего уездным наробразом стояли председатель сельсовета Аксен Петров, маленький и остролицый, как лисенок, а сзади — сам Силантий.

— Что скажете? — оторвалась от бумаги плешивая городская голова в очках.

— Вот, товарищ, из села Дыркина епутация, — браво начал Аксен Петров, но осекся и кашлянул в ладонь.

— Какая депутация, где?

— То-есть, самолично, мы, — отрубил Силантий.

— Я слушаю. — Голова поджала бритые губы и поправила очки.

Аксен Петров человек бывалый, даже на Карпатах воевал, он всю дорогу зубрил речь, а вот тут, чорт его знает...

— Вследствие того, — начал он, расплавляя свои рыжие усишки, — как мы живем совсем в лесу; и как этот лес был помещика Гусева, и вследствие того, как нас то-есть дырковцев, все считали лесовиками...

— Покороче, — нетерпеливо сказала голова и втянулась в плечи.

— Желательно нам Советской власти школу предоставить, — прокричал Силантий и расправил бородину.

— Желательно предоставить школу, — подхватил сельсовет. — Вследствие того, как мы соорудили школу своим иждивением всех средств, то-есть дырковцы, и в звизженев день святого животворящего креста господня, желательно нам эту самую школу освятить.

Заведующий передернул плечами и плотней поджал губы.

— То-есть открыть, товарищ, открыть! — прокричал вспотевший Силантий. — Поэтому просим вас пожаловать к нам или какого-нибудь хорошего члена послать... Очень нам желательно. А то паршивые дьяволы мужички из окружающих деревень проходу не дают: лесовики да лесовики.

— Только желательно ежели член, то чтоб русской веры, согласно как сельход постановил, — сказал Аксен.

— Почему?! — и две ноги заведующего сердито завозились под столом.

— Конечно дело, народ у нас темный, — сказал Силантий и заложил назад руки, — особенно женский пол, требует, чтобы молебн.

— В школе икон иметь пельзя и вообще религия возбраняется, изгоняется из пределов школы... В частной жизни — это можно.

— Я тоже на той точке, — сказал Аксен, и его забила дрожь. — Я, как председатель сельсовета, леригии не могу признать и возбраняю даже в домашности положения... Леригия ниуум народа.

— Ишь, брешет, тварь, — буркнул Силантий.

— Но вследствие того, что, принимая во внимание, — забормотал — запутался Аксен, — исходя из точки, мы собрали сход. И вследствие многократного обсуждения я поставил вопрос на открытую балтировку поднятием кверху всех рук...

Он запнулся и потупился.

— Ну?

— И постановили единогласно, — тихо сказал Аксен, глядя в землю, — чтоб как бог, так равным манером и леригия вполне находятся... особенно бабы.

Наробраз улыбнулся, потом нахмурился, сдернул очки и выплюнул окуроч на пол.

— А вы, товарищ, не сумлевайтесь, — подошел к самому столу Силантий и, встряхнув бутылку с чернилами, посмотрел ее на свет. — Останетесь вполне благонадежны, даже ничего не увидите. У нас все обмозговано — ай-люли. Но леригия особь статья, а по советскому образцу — особь статья. Так приедешь, друг?

Наробраз задумался.

— Хорошо, приеду.

На прощанье наробраз крепко пожал им руки.
Обратно катили фергом с бубенцами.

— Как бы потреты-то ихние не потерять.

Когда подъехали к дому, Аксен сказал:

— Я так мекаю, что нашему Дыркину селу должны выдать ачистат.

* *

Дыровцы на сходе решили торжество справлять в складчину, а Силантия поставили старостой: мужик самосильный и может «соответствовать с начальством».

Силантий за неделю до воздвиженьева дня стал готовить самогонку и каждый день с утра был выпивши. Баба ругалась.

— Надо честь честью все, чтобы прилично. Я им покажу, какие мы лесовики, — бубнил он. — А начальство надо почитать.

Накануне он сидел пьяный на сундуке и переобувался целый час: как-то все не выходило.

— Гараська, ну-ка спой ту, как ее насчет миру-то сво-во...

Гараська — разговоры с батькой плохи — наскоро прожевал лепешку и тоненько заверезжал:

— «Мы свой, мы новый мир постро-оим»...

Баба, маленькая, круглая, как корчага, порослятам месиво готовила.

— Правильно, — сказал Силантий. — А тирнацинал ихний можешь?

— Не всю, — и Гараська откусил лепешку.

— Будя жрать-то, пажрешь еще! Кумунист. Беги-ка скорейча в ячейку, в Раменье, понял? В ячейку. Получи там песенник ихний. Да кликни пастуха, тот у речки-то. Мол, тятя велел притти тирнацинал изучать, мол. Он кумунистишка, кажись, все распеваает эти разные ихние... Ну, поворачивайся.

Гараська зажал в горсть две лепешки и засверкал пятками.

Силантий поставил ногу на длиннейшую онучу и заорал:

— «Мы сво-о-о-й, мы но...».

— Да что ты галькаешь-то, точно в лесу! — закричала баба.

— Молчи, — погрозил Силантий. — Не сбивай, сам собьюсь. — Он поднял ногу и обогнул онучей справа налево.

— «Мы сво-о-й... ммы по-о...».

— Чтоб те подавиться! Нажрался опять этого самогона проклятого... Хоть бы хлев вычистил... Шагнуть нельзя.

— Какой это хлев? Есть когда мне с твоим хлевом няньчиться... Ты вот что, ежели ты понимаешь такцию, чтоб пастуху завтра красная рубаха была. И мне, чтобы красная. Чуешь? Мы с ним передом пойдем, с флагом ихним. Тирнацинал чтобы... Торжество... Он еще раз перекинул и заревел, сердито сверкая на бабу взором: — «Мы сво-ой... Мы но-о-о-ый ммиррр...»

— Тьфу! — подскочила к нему баба с месивом.

— Вот так и вылью на башку-то лохматую.

— «...по-остро-о-о-им». Уди! Сапогом пушу! «Мы ссво о-й ммы...»

Баба с бранью пошла к выходу.

— Стой! — крикнул Силантий и перебросил онучу третий раз. — Покличь Яшку солдата, чтоб с ножницами объявился... Чуешь.

— Тьфу! И не подумаю.

— Молчать! Мол, хозяина брить... Намеренье такое вышло... Мол, бороду к чорту и башка на-голо, погородски, как наркообраз.

Баба грохнула дверью.

— Белогвардейка, чорт... прошипел Силантий. Волосы, как ключья пакли, висли на нос, на уши на плечи, все лицо в шерсти и бородаща во всю грудь, только нос сапогом торчал, и шурились захмелевшие глаза. Он очень долго пыхтел, закручивая онучи и на свободе гаркал:

— «Мы ссво-о-й... мы новый мир постро-о-им...»

— Дуже хорошо... Громко... Еще пропел раз пять и начал потихоньку разуваться. А к вечеру его наголо обрил Яшка солдат. Гараська тарачил на тятю глаза и хохотал. Потом старательно стал подметать веником

тятькины космы и бородину, целая корзина набралась, стогом: Гараська удивился.

Силантий, голый, как ошипанный индюк, угощался в переднем углу с солдатом Яшкой самогоном. На столе лежало зеркальце. Выпьет и посмотрится:

— Ха-ха-ха!.. Какой большой антирес в лице... Яша! Товарищ!

Гараська все еще прыскал смехом. Баба плакала.

* *

Весело залиvisto талибомкал перезвон, и большой колокол бухал гулко. Крестный ход направлялся из церкви к школе.

Краснела рябина, желтел поблекший на березах лист, порхали стайками скворды, горланил петух, посматривая одним глазом на солнце. А колокола заливались, и шел густой толпой народ. Батюшка, отец Сергей, сиял рыжей бородой и полным облачением.

— Начальство-то закрывай, начальство-то! — командовал в школе Силантий. — Нет ли тряпич каких, либо рушников?

— Пошто рушников. Мы елками заслоним.

— Как это возможно, — закричал на парней Силантий, — тут святые иконы придут, божья мать, Николай угодник, легко им, святителям христовым, взирать на портреты-то на ваши? И все три портрета были завешены красными фартуками.

— А в той горнице не прикрыли старика-то, Карлу-то свово? Айда скорей. А то батюшка с крестом пойдет. Потом к сынишке.

— Эй, Гараська, — сказал он ласково, — беги скорей на колокольню, да на дорогу гляди... Глаз не спускай с дороги.

Гараська ринулся бежать.

— Стой! Как увидишь — пыль завихаривает, тройка от города мчит — летом лети. Понял?

С улицы все гулче наплывали женские голоса, ближе, ближе, хором «Достойно есть» поют, вот под окнами затоптали ноги и вверх по лесенке. На Силантия поглядывали, как на чужого, даже батюшка вежливо сказал:

— Здравствуйте, товарищ комиссар. Ох, да это Силантий Антипыч никак! — И, чтоб замять поднявшийся было смех, поспешно начал молебен. Народу полным-полно. От пыхтенья и вздохов воздух стал густ и непродышен.

Силантий нагнулся к лисьей мордочке Аксена:

— Ты вот что, беги-ка за околицу, — зашептал он, поводя бровищами. — Они хоть и православные которые, а господа не чтут. Задержи, понимаешь. Чего-нибудь поври им погуше. Аксен, слушая, шевелил ухом, как конь, сказал — угу, и вышел.

Батюшка служил торжественно, ектении за дьякона выворачивал басом, свои ж возгласы — умильным тенорком, и кадил без перерыву, в школе, как пожар — сине. Силантий морщился: ведь, городские члены боятся ладана, как черти. Многолетие «строителям всечестного дома сего» батюшка гаркнул так, что закашлялся, и Силантию показалось — хлынула из поповской глотки кровь. Но это не кровь, это Федот взвилнул красной бородой, взмахнул руками, и хор мужиков грянул, как из пушки.

И только оседлал батюшка нос очками, чтоб по бумажке слово произносить:

— Едут, едут! — словно бичом по головам хватил ворвавшийся Гараська.

Тогда все зашевелились, батюшка стал впопыхах совать крестом в зубы, в лбы, а напиравших старушонку попросту толкал в загорбок, возглашая:

— Бог благословит.

Силантий крикнул:

— Эй, слушай, братцы? По леригии аминь — окончилось. Теперича по-советски все за мной. И старухи также, и старики. Батюшка, отец Сергей, не откажите и вы участвовать.

— Куда мир, туда и я, — заулыбался батюшка, торопливо разоблачаясь, и рыжая борода его вынырнула из-под ризы. Когда все повалили вон, Силантий прокричал в уши двум глуховатым старушонкам:

— А вы здесь оставайтесь. Здесь окошки настезь да фартуками машите пуше, фартуками. Чтобы всю, значит, вонь и ладан освященный к свиньям...

И загромыхали с крыльца, как камни с гор.

Подлеповатому наробразу показалось, что перед ним стоит гололобый верзила в красной маске: щеки и нос Силантия рдели, как морковь, а череп с подбородком — белы.

— Что с вами такое, — присмотревшись, улыбнулся наробраз. — Едва признал.

— А это после тифу, — сказал Силантий, — чуть не сдох, вот как закрычило. Пойдемте в сельсовет. Оттудова уж... А это вот батюшка наш священник, отец Сергей. Поздоровайтесь, батюшка, об ручку, ничего... Батюшка у нас хороший. Пожелал с пением разных песен нового режиму итти и возгласы, конечно.

— А молебн-то был? — потрепал наробраз Силантия по плечу.

— Да как вам сказать, не соврать, — задвигал Силантий бровями, напрягая мысль. — Так себе, пустяшный... Для старух больше.

— Старушенок у нас, — одна неприятность, — вздохнул Аксен, и глазки его запырляли в толпе. — Чуть что против бога — голову отъедят. Самая дрянь.

— Сколько у вас коммунистов? — осведомился наробраз.

— Кумунистов? — переспросил Силантий и виновато ухмыльнулся. — Да настоящих ежели...

— То-есть, по программе, — вставил Аксен.

— Ежели по программе которые, уж не так, чтобы много. А попросту сказать в видах откровенности...

— Цифру, товарищ, цифру, — и карандаш гостя приготовился писать.

— Аксен, сколько их?

— Кумунистов-то? — в свою очередь переспросил Аксен, семена короткими ногами.

— Кумунистов даже совсем мало.

— То-есть, ни одного, извините, — сказал Силантий, покосившись на гостя, и остановился: — А вот и сельсовет. Аксен! Ребята! Флаги! Алакаты. Гараська патрет товарища Ленина. Ну, выстраивайся, стройся. Стрррр-о-о-йся. По четверо в ряд, как Яков учил маневру. Молодяжник, вперед, живо-о. Дунька, ты куда, кобыла, к парням ка-

саешься? Пшла к девкам. Равняйся, равняйся по маленьку... Эй, мужики! Старух на ближнюю дистанцию не допускать.

— Старух желающих — в хвост! — прозвенел Аксен, вылезая из сельсовета с бременем красных знамен и флагов.

— Деды, которые покрепче — смотреть веселей! — командовал Силантий. — Бороды расчесать. Иттить в ногу! Раз-два! Я еще службу не забыл... При самом миротворде служил. Александре третьем — вон при ком! — и глаза его гордо засияли.

— Ну, вперед. Ать-два, ать-два! Затягивай, ай...

Веселым, путаным, пестрым строем пошагали вдоль села. Впереди Силантий с знаменем, батюшка, звонкоголосый пастух в красной рубахе, молодежь, товарищ-наробраз.

Отречемся от старого ми-и-ра,
Отрясем его прах с наших ног...

заливисто и страстно начал пастух, молодежь дружно подхватила, батюшка на ответственных местах покрывал всех своим басом и, приглаживая красный бантик, уповающе косился на начальство. Силантий слов не знал, он, потрясая знаменем, просто рявкал; девушки с бабами повизгивали; ревели кто во что горазд бородачи. Издали, должно быть, выходило не так уж складно: три собачонки сразу морды вверх, по-бзорному взвыли.

— Тирнацинал! — скомандовал Силантий.

— Семка жарь на гармошке! Ребята, подхватывай!

Семка поздри в небо — растянул голосистую гармонь с сундуком и свирепо грянул разухабистую песенку. Он мотива не знал, сразу смешал весь хор и как ни старался подладиться под голоса, пальцы все же воротили на свое.

— Шапки долой, когда тирнацинал идет! — встряхнул знаменем, скомандовал Силантий и, ни к кому не подставая, заорал сам по себе:

— Этот бу-дет последний страши-и-тельный бо-ой...

Толпа шла весело и чинно, толковали друг с другом о своем, и лишь когда гул речи разрывался выкриком Силантия покашивались на красные знамена. Мужики говорили о хуторах, о тягостных налогах, не худо бы совхозу по шее надавать, а земельку под себя, бабы — про

кур, про масло — все в совет да совет, провалиться бы ему, подай; старушонки, известно — про антихриста. С колокольни вдруг слетел и заплясал, закружился разухабистый трезвон. Путаная песня, гармошка, солнце, трезвон и говор.

У ворот, на солнышке, древний старец с батогом. Истоиво старец закрестился, зашамкал:

— Ишь ты, отец Сергей. От холеры, должно... деревню-то обходят...

В. Шишков.

Ч У Д О.

Бабушка Фетинья стара-стара, избушка у нее еще старее.

День ото дня прятчится бабушка к могиле, избушка и тут-то опережает: бабушка шаг, избушка — два: почесть совсем развалилась, еле-еле липит, думается, надул губы ветерок посильней — враз прахом рассыплется.

Накроет ночь землю сарафаном, месяц-насмешник сквозь щели белым языком бабушку приметя дразнить, только звездочки, ангельские глазки, улыбаются, так и манят, и манят к себе: «Иди к нам, раба божия Фетинья, мы твою душеньку от непогоды крылышками укроем, от холоду дыханьем согреем»...

Рада-бы она, ох как рада... Да господь батюшка на земле держит, видно, не все грехи еще отмолила.

Больше всего страшится она, когда зима, не плоше сварливой свекрови, заворчит мятелями, да сам мороз в избушку втюрится, вишь в углу расселся: седую бороду поглаживает, кулаками о стенку постукивает, все норовит до бабушки добраться, ладно что у него глаза от старости ни крошки не видят, да спасибо теплой печи — укрывает, не то, беда-бы...

Поднимается бабушка ночью: лампадка с иконами перемигивается, там в углу спасов лик скорбит, справа матушка неопалимая печалуется, слева — Иван креститель-батюшка, спасу умиляется, рядышком Никола хмурится — строгий угодник... Смотрят на нее и другие угодники божии — кто с иконы, кто с картинки — таково это ласково

смотрят, и найдет на бабушку умиление, кажется, будто кто из них ручкой по душе поглаживает.

Любит и почитает она угодников божиих: попадетя где на глаза картинка с ликом угодника — сейчас на стенку прилепит.

Молится, молится бабушка и ничего иного у угодников не просит, только сохранить избушку до смерти своей.

Хоть и плох угол — все же свой, горек чужой хлеб — недаром часто поперек горла становится, а быть на старости лет бездомной птицей-кукушкой — куда горчее...

Отец Иван, когда с водосвятья приходит, все трупит: «Твою, Фетинья, избенку невидимо угодники поддерживают»...

Пытается она рассказать, как наемни, на заре в роде как бы виденье какое было: «Похаживает по заулочку кто-то из угодников, да топориком, батюшка, о стенку постукивает... а кто — не ведает: лик-то стенкой сокрыт...»

А отец Иван свое затынул: «Во Ио-рда-а-не крещаются»... Некогда рассусоливать — приход во какой...

Забыла и забыла бабушка, куда пятак за молебен девала, просто из ума вон: и туда и сюда сунется — нет... Отец Иван грибом-дождевиком дуется:

— Что ж ты, Фетинья, других благодати божьей лишаешь... Неси хоть яичек пяток...

Затрусил старушка за яичками, да второнях с десяток захватила, покрупнее которые выбрать.

Известно — глаза поповские завидушие, руки загребушие, карманы, как омут, глубоки, весь десяток и тю-тю утонул в кармане.

У бабушки инда глаза зароснились: «сук-се берегла, берегла к свят-христову дню, да и разговеться не придется»...

Бредет бабушка Фетинья с вязанкой хвороста на загорбке, а вокруг нее ветерок, словно молодой шенок разыгрался: то за пушинкой погонится, то клок сена по дороге покатыт, не то за подол сарафана почнет трепать.

Вдруг ветер из проулка какую-то бумажку выкатил и давай бабушку дразнить: только она сугорбится — поднять хочет, а он почесть из рук вырвет и дальше погонит, а там крапива сцапала — не отдает — кусается, насилу-насилу вырчила.

Расправила бумажку — глядь картинка, какого-то угодника лик написан, этакий лохматый, вихрястый, а лик-то больно благоговееен, глазами точно иголками в самую душу так и проникает.

Мерекает бабушка — кто бы это был?..

— Рази из евангелистов кто? Малость будто бы на Марка смахивает, да львиной головы около нет... Уж не Стратилат ли воин, да воинского убранства не видно...

Так и не догадалась...

Прилепила картинку в божнице, по соседству с Иваном Крестителем, затеплила лампадочку и взмолилась:

— Уж ты, угодничек божий, прости меня грешницу-неразумницу, не знаю, как звать-величать тебя, батюшку, замолви перед господом словцо заступное: просит мол, раба божия Фетинья уберечь избушку от огня-молынши, от огня-пожару, от праха-тленья...

Моргает лампадочка, угодник жалостливо улыбается — видно сердобольный праведник...

За окошком дождь когтями о стекло скребет, гром с молнией ругается...

Кто-то стукнул.

Бабушка к стеклу принала: темь — ровно в могиле — ничего не разберешь... Вот молния светлым языком мрак лизнула — выявился человек и голос нетерпеливо подает:

— Впускай-же скорее...

К калитке засемила.

— Входи, входи, родной... мотри о притолку лбом не хлобыснись... Чай-то, касатик, передрог... Откеда бог несет?...

— Из города... Всю ночь с дождем воевал... По всей деревне ни у кого не мог достучаться — спят, как мертвые... Поесть, бабка, не найдется-ли, голоден как волк.

— Вот хлебushка, родной, отведай на здоровье... Ссудили добрые люди, дай бог им здоровья... На чем ином не обессудь, ни синь-пороха опричь хлеба нет.

— Ничего...

— Ты бы, родной, хоть лоб-то перекрестил... чай видишь — иконы... гре-шно...

— Эх, бабка, крести не крести, когда своими руками не потрудишься — хоть раскрестись ничего не накрестишь...

— Что ты, родной, бывает, господь и невидимо людям праведной жизни посылает...

— Держи карман шире — пошлет... Иной праведник ограбит кого да считает — бог ему невидимо послал... Э, да что с тобой, старуха, толковать, все равно не втолкуешь. А-а... это что еще за икона у тебя появи-лась?

— Не знаю, касатик, что за угодничек божий... Уж ты меня, старуху глупую, не вразумишь ли, как имячко-то его в молитве поминать?..

— Мудреное, бабушка... Не все ли равно, важно не имя, а его учение.

— А чему он, батюшка, учил?

— Работать, работать, да жить дружной...

— Вестимо, родной, праведны его слова... Баюет сам господь-батюшка и то до поту наказывал работать...

— Ты и ему молишься?

— Как же не молиться-то, чать на то и икона, чтобы молиться... Вот только до тебя молилась ему, батюшке, избушку до смерти сохранить просила.

— Да, избушка твоя похожа на мышинный теремок... молись, молись, бабка, может-быть, у него скорей, нежели у всех святых, вымолишь...

— Грешно, касатик, зубоскалить... Ох, как грешно... мотри на том свете повесят за язык на крюк...

* *

Под осень, когда небо беспрестанно как мокрая курица, стряхивает брызгами, и ветер, подобно нищему слепцу, жалобно скулит лазаря, а в избушке сквозь потолок, словно из худого ведра, ручьями ширит вода, бабушке не житье, а мученье...

Однажды рано по заре чует она, будто по крыше медведь ворочается — ломает, трещит. «Ну, думает, конец — избушка рушится»...

Выскочила на улицу, так и опешила: плотники всю крышу как волки пададь изглодали — одни лишь ребра торчат.

Бабушка заверещала.

— Крау... крау... Вызволяйте, добрые люди... Что это за супостаты чужое добро разоряют...

Плотники с крыши:

— Чево ж таращешься-то... Нам все едино, где ни работать, лишь бы работать... Сказано, работать здесь — работаем... вот-те и вся недолга...

Слышит — журавлями курлычут возишки с бревнами, около избушки стабунились.

Бабушка пугалом огородным одеревянела: «что за притча такая» — не поймет...

Потюкали, постукали, как дятлы в лесу, плотники топориками, — тут приставили, там наставили, сям — коли труха и все бревно сменили, и вышла избушка хоть куда — заплатами словно шуба перелицованная пестрит, да не в красе-бахвальстве толк — было бы тепло, а на бабушкин век и-и как хватит.

Бабушка сумлевется:

— Родимые, кто ж жить-то в ней будет... Неужто меня с насиженного гнезда сгонят?

— Кто... кто... Кто жил, тот и жить будет...

Пришел печник, глину в кисель размесил, печку смазал.

— Живи-тка, свет Фетинья, в новом домку, с теплой печью, на доброе здоровье...

И зажила бабушка на славу — печь теплом так и дышит и дышит...

Нового угодника с крестителем сменила, рядышком со спасом поставила: «больно батюшка отзывчив... знать при господе-то близко стоит».

* *

Свят-христов день с весенней водицей прикатил.

Бабушка от людей не отстала: на столе снежным комочком пасха белесет и яички розовеют.

Пришел отец Иван с христосованьем.

— Ах, Фетинья, в каких ты хоромах зажила...

— Николи не чаяла и не чаяла, батюшка... На старости лет господь укрыл меня сирую... Знать, угодничек божий за меня замолвил... А имячко-то его святое, грешница, и не допыталась...

— Бывает, бывает, Фетинья... Пути господни неисповедимы... Кхм... кхм... Христос воскрес...

— Ты, что же, богохульница окаянная... Еретика, антихриста со святыми иконами поставила... Выбрось вон.

— Какой он, батюшка, антихрист... Что ты, Христос с тобой... Коли я сорок годов с гаком всех угодников за избушку молила, молила и не вымолила... а он, милостивец, враз вял...

— Тьфу...

Харкнул прямо в лицо угодника...

— Ты не харчи на святые иконы-то... еще попом прозываешься...

— Ладно... Подохнешь, еретика окаянная... не будет тебе христианского погребения...

— Видно, попы не любят скорых наших заступников.

Михаил Волков.

ГОРОДА И ГОДЫ.

(Отрывок).

Этот дом был благополучен.

Он не мог не быть благополучным. Его окна горели на солнце таким огнем, точно в них были вставлены не стекла, а хрустальные многогранники. Он был умеренно сер, потому что был облит цементом. Умеренно розов, потому что к цементу был примешан сурик. Умеренно бел, потому что выступы и лепка фасада были чистенько оштукатурены. Этот дом с сотнями горящих окон, тяжелой, как храмовые ворота, дверью, прикрытый гладкой чешуей кирпично-красной черепицы — этот дом был умеренно приятен.

Всякий умеренно-приятный дом, конечно, благополучен. Как человек, который стоит на своем месте, в галстухе, манжетах, проглаженных брюках, с упорядоченными

волосами на голове, в крепких башмаках и своевременной улыбкой на лице. Такой человек благополучен.

Так этот дом.

Он стоял на том месте, где начиналась аллея Бисмарка, как раз на том месте, где поставил его штадтрат и где его фасад пожелал увидеть известнейший во всей Германии городской гласный, еврей, герр Отто-Мозес Мильх. На том месте, мимо которого каждое воскресенье в половине пятого пополудни проходили самые почтенные бюргеры города Бишофсберга, направляясь в прекрасный парк Семи Прудов отслушать вечерний концерт военной капеллы.

Самые почтенные бюргеры проходили мимо умеренно-приятного дома, и каждое воскресенье в половине пятого пополудни вскидывали глаза под кирпично-красную чешую черепицы, откуда умеренно-приятно смотрели буквы:

ГОРОДСКАЯ ХИРУРГИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

И М Е Н И

ГОРОДСКОГО ГЛАСНОГО

ОТТО-МОЗЕСА МИЛЬХА.

И тогда бюргеры, в визитках и с туго скрученными зонтами, в котелках и светлых жилетках, начинали говорить о том, что из мировой войны победителем выйдет тот, у кого крепче нервы, как справедливо сказал генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург.

— Но, позвольте, герр ассистент, мы заговорились и идем по дороге, где можно ездить только на велосипедах!

— Ах, да, герр гофрат, вы совершенно правы. — И они возвращались назад и сворачивали на дорогу для пешеходов.

Бисмаркова аллея делилась на три рукава и в начале каждого рукава на прочных столбах стояли вывески:

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЕЛОСИПЕДОВ.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ.

Это приходилось как раз в начале аллеи, против дорожки, уложенной мелкими камушками и устремленной стрелой к подъезду хирургической больницы. И общество трех прочных столбов разделяли не менее прочные железные штанги с четко урисованными табличками:

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ СОРИТЬ БУМАГОЙ И КОЖУРОЙ
ФРУКТОВ.**

СОБАК ВОДИТЬ ТОЛЬКО НА ПРИВЯЗИ.

**ВОСПРЕЩАЕТСЯ НЯНЬКАМ С ДЕТЬМИ СИДЕТЬ
НА ЛАВКАХ.**

НЕ ЛОМАТЬ ВЕТОК.

НЕ ОБИВАТЬ ЛИСТЬЕВ.

**НЕ РАСКОВЫРИВАТЬ ДОРОЖЕК ЗОНТИКАМИ
И ПАЛКАМИ.**

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ!

СКОРОСТЬ НЕ БОЛЬШЕ 12 КИЛОМЕТРОВ!

ВЕРХОВЫЕ!

ЕЗДА ТОЛЬКО ШАГОМ И РЫСЬЮ!

И потом еще несколько очень мелко написанных объявлений с параграфами, пунктами, жирным шрифтом и курсивом. Под ними подписи штадтратов, полицейского президиума, союза защиты растений.

Бюргеры в визитках и с туго скрученными зонтами, шли по рукаву для пешеходов и говорили о том, что из мировой войны победителем выйдет тот, у кого крепче нервы.

Четыре ряда лиц, ровных и круглых, как кофейные чашки, вонзались в синеватый парк Семи Прудов. По сторонам аллеи, в почтительном отдалении, крепко врылись в землю кубики каменных жилых построек. Умеренно приятный сиял многогранным хрусталем своих окон обди-

тый цементом дом. Бюргеры шли по рукаву для пешеходов, полковой адъютант рысью протрусил по рыхлой дорожке для верховых, по шоссированному полотну для велосипедистов проехал со скоростью 12 километров в час врач по женским болезням, доктор медицины Магер.

Впереди бюргеров, идущих слушать вечерний концерт военной капеллы, ступают их жены с пакетиками и сумочками в руках. В пакетиках и сумочках — кухни и печенья, которые будут съедены за кофе под музыку Шумана и Моцарта.

Так было год назад, так было три года назад, так было десять лет назад, и, наверно, так — сорок лет назад, когда в честь князя Бисмарка посадили в четыре ряда липы.

Мир прочен, мир крепок, а старик Архимед был большой шутник со своим рычагом, которым можно перевернуть всю землю.

О ком думал генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург, когда сказал о нервах?

Бюргеры, в визитках и с туго скрученными зонтами, выступая по Бисмарковой аллее, помнят сразу десять правил, которыми они добровольно и сознательно обусловили свое пребывание на этой аллее. И если один забывает какое-нибудь правило:

— Не расковыривать дорожек зонтами и палками, — другой напоминает ему об этом.

— Я понимаю, герр почт-секретарь, что в России — революция. Но как можно допустить, чтобы министров посадили в тюрьму?

О ком думал генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург?

Мир прочен, мир крепок, мир благополучен.

Но впереди бюргеров ступают их жены. В пакетиках и сумочках еще три года назад они носили бутерброды с вестфальской ветчиной, миндальные пирожные со сбитыми сливками и тончайшую салами, которую какой-то чужак назвал итальянской. Еще два года назад можно было слушать Моцарта, запивая музыку сладким кофе и покусывая рассыпчатый штрейзелькухен. И всего год, всего один год тому назад свой добрый рацион хлеба можно было как следует помазать настоящим фруктовым мармеладом.

Но об этом можно говорить только со старыми друзьями. И говорить тихо, очень тихо, чтобы не слышали даже мужья, чтобы никто, никто. Вот так шопотом:

— Фрау Эйзенбок, вы слышали?

— Что, фрау Буш?

— Она зацвела...

— Зацвела?

— Да.

— Когда?

— Я узнала вчера.

— Это наверно?

— Да, фрау Буш.

— Говорят, она не цвела сорок пять лет?

— Об этом говорит весь город. Вы знаете ее историю? И больше чегырехсот лет. Тогда жил в Аннаберге старик с сыном. Сын был распутник. Он дошел до того, что сказал, что нет бога. Отец решил ему доказать, что бог есть. Они спорили целых два года. Наконец, отец сказал: я возьму молодую липу и посажу ее корнями вверх; если она примется — бог есть. Он так и сделал. И липа принялась и росла корнями вверх все больше и больше и стала такой, что накрыла собою все старое кладбище Аннаберга. Последний раз она цвела в 71-ом.

— Значит, скоро?

— Т-ш-ш...

— Фрау Эйзенбок, какую вы носите прическу?

— Конечно, совсем гладкую.

— Значит, это тоже верно?

— Т-ш-ш! Недавно я была в театре и посмотрела вниз: почти все женщины были причесаны так.

— Я видела то же в церкви.

— Но когда все, все, до одной, во всей Германии!

— Только тогда, фрау Эйзенбок?

— Только тогда, фрау Буш. И — не забудьте — совсем гладко, и посередине — пробор.

— Да-да, посередине — пробор.

Так впереди бюргеров ступают их жены, по воскресеньям в половине пятого пополудни, направляясь по Бисмарковой аллее в парк Семи Прудов.

Может, бюргеры не знают всего, что знают их жены?

Но нет, мир крепок, мир прочен, и старый Архимед — шутник.

Посмотрите, посмотрите, бюргеры в визитках и с туго скрученными зонтиками, посмотрите, как умеренно-приятен облитый цементом дом!

Этот дом благополучен, он не может не быть благополучным, не может, не имеет права, не смеет нарушать правил, которые раз навсегда установлены для него министром народного здравия, штатдотом, старшим врачом и другими законными надлежащими органами. Не смеет.

Впрочем спокойствие. О ком думал генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург, когда сказал, что победителем из мировой войны выйдет тот, у кого крепче нервы?

Впереди бюргеров ступают их жены. О чем они?

— Т-ш-ш!

Письмо писала молодая сиделка. Руки ее дрожали, она не отдавала себе отчета в том, что делает, не видела, что пишет, только содрогалась от крика, который висел в палате, и левой рукой, не переставая, коротко, боязливо хлопывала по раскаленной щеке раненого, боясь поднять на него глаза.

И она написала, чтобы жена раненого приехала к нему повидаться, и еще — город, в котором раненый лежал, и название больницы, и номер палаты. Все это сделала сиделка, чтобы не слышать крика, обезумев от крика, позабыв параграфы, пункты, жирный шрифт и курсив инструкций, правил, разъяснений и приказов.

И жена приехала.

Приехала вечером, прошла через дверь, где, четко урированная, была набита дощечка:

— ДЛЯ ПОСТОРОННИХ ВХОД ЗАКРЫТ —

прошла какие-то лестницы — темные, светлые и полутемные — и очутилась в комнате дежурной сестры.

И потому, что сестра выполняла параграф, требовавший ее отсутствия из дежурной комнаты, женщина позала в коридор.

Здесь ослепил ее свет от начищенных бетонных полов, выбеленных стен и бесчисленных стекол, горевших подобно многогранному хрусталу. Ей было легче смотреть через весь коридор за окно, открывавшее небо и верхушки лип. И она смотрела туда и не видела, кто указал ей путь в палату, где лежал ее муж. Ей только послышалось, что рука человека, поднявшись, чтоб указать дорогу, звякнула и заторкала, как автомат, в который опущена монетка. И она бросилась по коридору, в ту сторону, куда направила ее рука.

Ей встретились санитары с носилками. Позади них быстро шли люди, все в белом, растворяясь в свете бетона, стен и потолка.

Женщине послышалось, что сначала громко проговорили, потом крикнули:

— Куда вы?

— Куда вы?!

И потом, кажется, еще:

— Назад, вы, там!

Но она уже исчезла за дверью, которую искала, а люди в белом, растворенные в свете бетона, стен и потолка, неслись дальше, следом за носилками.

Это была первая жена во время войны, получившая свидание со своим мужем в умеренно приятном доме, который не мог не быть благополучным.

Она остановилась у входа.

Палата была невелика. Две кровати стояли по стенам, справа и слева. Окно меж ними сияло чопорно и ново, и за ним, далеко впереди, катилось небо — мутнее и печальнее окна, с облаками темнее выбеленных стен.

Из под одеяла левой кровати выглядывало безбородое, веснушчатое, зеленовато-желтое, похожее на дыню, лицо. Глаза на нем были закрыты, и тонкий бесцветный уголок брови ерзал вверх и вниз по лбу.

На подушке правой кровати чернел широкий круглый затылок. Он был недвижим.

Женщина вскрикнула:

— Альберт!

Тогда лицо, похожее на дыню, передернулось, открыло глаза, задвигало бровями быстро и натужно, точно отби-

ваясь от назойливой мухи. Потом шевельнуло шершавыми как гусеница, губами:

— Не слышит он. Глухой.

И, помедлив, с досадливым вздохом:

— Как это по вашему-то... в рот тебе... Но женщина, не отводя глаз от круглого затылка, вскрикнула опять:

— Альберт!

Тело ее качнулось вперед, а ноги, точно привинченные к бетону, остались на месте, и одно мгновение она продержалась наклоненной, как натуго связанный человек, которого толкнули. Но тотчас оторвались и скользнули по бетону ноги вперед, следом за телом, рванувшимся к койке.

— Альберт!

Круглый, широкий черный затылок медленно ускользнул в подушку и на его место, как во вращающейся панораме, стало лицо.

— Альберт! Альберт! Альберт! Альбе-е-ерт!

Перед женщиной блуждали глаза, черно-синие, без зрачков, в тонких багровых жилках, как эмалированные блюдца, потрескавшиеся от времени. Распахнутые, круглые, они вращались, как у ребенка, который еще не научился смотреть, готовые вот-вот поймать нужную точку и остановиться, чтобы видеть.

Женщина охватила руками голову мужа и взвизгнула:

— Аль-бе-ерт! Ты видишь, ты видишь меня?

Тогда раненый открыл рот, стукнул зубами, точно откусив воздух, и распаленным хриплым голосом провоил:

— Напишите жене, напишите же-не! Марте Бирман в Тейфельсмиюле, в Лаулице, жене! Чтобы приехала, жена, Марга, Марга!

— Альберт, Альберт! Я здесь, здесь, Аль-берт!

— Жене, Марте Бирман, в Тейфельсмиюле, в Лаулице.

— Аль-бе-ерт! Ты слышишь, ты видишь меня? Аль-бе-е-ерт?

— Жене напишите, слышите? Марте Бирман, в Тейфельсмиюле...

Она кинулась перед ним на колени, теребила его голову, глотая слезы, лившиеся в рот, задыхаясь, кашляя, икая, визжала;

— Аль-берт! Я здесь, здесь я, твоя Марга, Мертхен, твоя, твоя, здесь, здесь...

Он вопил разодранным криками голосом, кружа распахнутыми, черно-синими, как старая эмаль, глазами без зрачков:

— Жене, напишите жене!

Тогда она припала к его лицу мокрыми губами и стихла.

И он, обессиленный, шептал ей:

— Темно, совсем темно. Не вижу. Напишите жене, прошу вас, жене, Марте Бирман, я скажу вам адрес. Напишите, чтобы приехала. Перед смертью. Если согласны, ущипните меня два раза, чтобы я знал, два раза. У меня нет ног, нет рук. Перед смертью, прошу вас жене... Ущипните два раза...

Женщина вскинулась на ноги, быстро сдернула с мужа одеяло. Он лежал плотно увитый бинтами, короткий, круглый как боченок.

Она метнулась в сторону, к другой постели, закрыв свое лицо тугими кулаками.

Зеленовато-желтый человек, с лицом похожим на дыню, сказал:

— Жалость какая, а... как это по вашему?..

И тут одна за другой стремительные влетели в палату белые, как потолок, фигуры.

Здесь.

И когда взяли под руки женщину, она пронзительно прокричала какое-то слово.

И уже не слышала вопля:

— Жене, Марте Бирман, в Тейфельсмиюле, в Лаулице...

И никто не слышал, как шершавыми, точно гусеницы, губами, человек, лицом похожий на дыню, прошептал:

— Это правильно...

В этот вечер старший ординатор городской хирургической больницы имени городского гласного Отто-Мозеса Мильха, как всегда, зашел в табачный магазин и купил две сигары. Потом, как всегда, посидел на Бисмарковой аллее и одну сигару выкурил. Потом, придя домой, как всегда, снял пиджак, воротничок, надел розовый шлафрок,

набил фарфоровую трубку, сел за стол. Открыл толстую переплетенную тетрадь и мелко написал:

Опыт изыскания системы сообщения с инвалидами войны, совершенно утратившими:

- 1) Все конечности
- 2) Зрение
- 3) Слух.

Откинулся на подушку, подвешенную к спинке кресла, пыхнул трубкой, закрыл глаза.

Конст. Федин.

Прислушивайтесь к голосам, как присматриваются к физиономиям. Отыскивайте правдивые ноты; в особенности наблюдайте детей.

Легува.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

*

В. Брюсов
И. Омелевский
Н. Некрасов

В. Каменский
П. Керженцев
Демьян Бедный

Нет выше того потрясения, которое производит на человека совершенно согласованное согласие всех частей между собою, которое доселе мог только слышать он в одном музыкальном оркестре.

Гоголь.

Борьба за демократический идеал синтетического Действа, которой мы хотим и которую мы предвидим, есть борьба за оркестру и за соборное слово. Если всенародное искусство хочет быть и теургическим, оно должно иметь орган хорового слова.

Вяч. Иванов.

(Из книги: «По звездам»).

I.

ЧТО ТАКОЕ КОЛЛЕКТИВНАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ?

(Общие понятия).

Десять лет тому назад, а именно: в середине марта 1915 года, наша школа впервые приступила к опытам организованного хорового чтения, давшим в результате новую форму декламационного творчества — коллективную декламацию, встреченную весьма радушно в первые же дни по ее рождении и теперь получившую признание широких и самых разнообразных кругов официальных и неофициальных. Появление коллективной декламации было значительно уже по одному тому, что благодаря ей мы получили, по выражению одного критика: «завершенное и замкнутое в своих пределах искусство декламации вообще»¹⁾. Художественное чтение до коллективной декламации имело лишь сольных исполнителей и не использовало всю звуковую и психическую мощь ансамбля (следует отметить, что так наз. «чтение по ролям», или «чтение в лицах» какого-либо драматического произведения, басни и т. п. несколькими исполнителями, где каждый чтец символизирует определенное лицо — не имеет ничего общего с коллективной декламацией). Декламация была в обособ-

---

¹⁾ «Театральная газета», 14 февраля 1916 г. Статья А. А. Чернишина. «Многоголосная декламация».

ленном положении в отношении других искусств, как музыкальное, вокальное, хореографическое, имевших наряду с сольными исполнителями и ансамбли (оркестр, хор, кордебалет и др.).

В музыке одни произведения пишутся для сольного исполнения, другие — для оркестрового. В поэзии же мы имеем пока единичные случаи (Алекс. Струве, Вас. Каменский, А. Безыменский и др.) создания произведений специально для оркестрового (хорового) исполнения. Но и среди произведений, написанных до появления коллективной декламации, есть не мало таких, которые как бы специально созданы для этой новой формы тонального творчества. Остановите ваше внимание хотя бы на нижеприведенном перечне вещей, поставленных мною за десять лет, — и вы убедитесь в этом.

Вот перед нами — «Зеленый шум».

— Идет—гудет Зеленый шум,
Зеленый шум, весенний шум...

В этом многозвучном и многошумном движении весеннего потока слышится стоустая песнь Природы, поющей радостный гимн своему пробуждению. И отдельный чтец, успешно передающий душевную драму крестьянина, чуть ни убившего изменницу-жену, — в передаче всей многозвучности весны оказывается тонально и психически бессильным.

Кому приходилось слышать «Торжество Вакха» Пушкина в сольном исполнении, тот не мог не заметить безнадежности подобной попытки, — передать слабыми силами одного лица весь дионисический экстаз опьяненной свиты Вакха и Силены, всю мощь этого всенародного торжества.

А «Восстание» и «Мятеж» Эмиля Верхарна? Разве под силу отдельному голосу, хотя бы и сильному, выявить лавинное движение восставших народных масс, хватающих могучими руками протеста молниеносные изломы нахмурившихся туч? Это доступно лишь хору. И как выпукло звучит на фоне мятежного хора голосов иступленный призыв вождя.

— «Безумцы!.. Кричите свои повеленья!..
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера!..»

Все богатство образов и стихийная сила отдельных картин поэмы Василия Каменского «Стенька Разин» требуют для своего воспроизведения, как выразился сам автор (в речи по поводу первого исполнения его «Стеньки Разина» в нашем Театре Чтеца)¹⁾ — «слово - звучального оркестра, коллективного голоса Жигулевских гор в кумачевую раздоль без берегов».

Ясно, что не всякое произведение подлежит коллективной декламации, а только такое, в котором или чувствуется коллективный творческий лик (народ, солдаты, рабочие и т. д.) или же есть много образов, особенно картин стихийных, мощных, величественных. Таким образом коллективная декламация оставляет широкий простор и индивидуальной декламации.

Зарождение идеи коллективной декламации связано с стихотворением Фета — «Это утро, радость эта»... Я приведу это прекрасное стихотворение.

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот сиящий свод, —
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод, —
Эти ивы и березы,
Эти капли, эти слезы,
Этот пух — не лист, —
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист, —
Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной седенья,
Эта ночь без сна, —
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели, —
Это все — весна...

¹⁾ О Московском Театре Чтеца см. мою книгу: «10 лет работы на культуру живого слова», изд. Моск. Инст. Декламации, М., 1923.

В марте 1915 г. я пришел на урок первого курса своей школы¹⁾ и предложил учащимся поочередно декламировать предварительно проработанное в классе и дома стихотворение Фета. Читает один, другой, третий и т. д... Один более ярко, с большим воодушевлением, другой — менее ярко, ограничиваясь лишь музыкальной точностью логического рисунка вещи... И тут меня поразило одно явление, на которое раньше я обращал не достаточно внимания.

В задачу художника-чтеца, желающего передать яркую весеннюю картину данного стихотворения в музыкально-красочной форме живого слова, входит проникнуться ее общим светлым колоритом и оттенками отдельных явлений и передать это многообразие образов соответствующим многообразием тембров голоса. Иначе чтение будет лишь осмысленным — безобразным, а если не будет смысла — то и безобразным. Необходимо отметить, что каждому человеку присущ свой тембр голоса, напр., бархатно-грустный, звонко-золотой, звонко-серебряный и т. д. (это — физический тембр). При выявлении тех или других картин и эмоций художник-чтец придает своему голосу (физическому тембру) тот или другой оттенок, соответствующий данной картине или эмоции (это — психологический, или эмоционально-образный тембр). Физический тембр голоса чтеца ставит известный предел психологическому при выявлении различных эмоций, и чем ближе последние подходят к тембральным (физическим) особенностям голоса чтеца, тем успешнее их выражение.

Вернемся к нашему уроку. Что же я заметил при очередном чтении учениками стихов Фета? То, что каждому из них наиболее удавалось то место, которое ближе подходило к физическому тембру его голоса и к его индивидуальности. Так, самый способный ученик А (баритон), прекрасно передающий

Эти горы, эти доли,

не мог создать подобного впечатления при чтении следующей строки:

Эти мошки, эти пчелы,

которую лучше всех выразила малоспособная ученица Б (первое сопрано), тембр и индивидуальность которой под-

¹⁾ О нашей школе см. вышеупомянутую книгу «10 лет работы на культуру живого слова», изд. Моск. Инст. Декламации, М. 1923.

ходили к этому образу. Тогда, оставив место о горах за учеником А и о мошках за ученицей Б, я «эти доли» отдаю ученику Г (тенору), у которого больше широты, раздолья, чем у А, а «эти пчелы» — ученице Д, тоже сопрано, но с более звонким оттенком. Следующий стих:

Этот зык и свист

был инструментован так: «зык» читали все голоса с преимущественно грудным оттенком, т.-е. басы, альты, а «свист» — с преимущественно головным и фальцетовым, т.-е. тенора и сопрано. В результате первого опыта инструментовки означенных трех стихов мы получили следующую смену голосов:

Эти горы (со́ло бар.), эти доли (со́ло тенор),

Эти мошки (со́ло сопр.), эти пчелы (со́ло сопр.),

Этот зык (альты + басы) и свист (сопрано + тенора).

По тому же принципу было инструментовано все стихотворение, при чем больше всего мы использовали смену отдельных голосов, местах в двух выступали группы однотипных голосов, а весь хор исполнял только последний стих:

Это все — весна!..

Во всех первых тональных постановках («Это утро», Фета, «Что такое весна?» Лохвицкой, «Что такое любовь?» Гамсуна) я широко применил переливность отдельных голосов, но не успел еще оценить всю значительность однотипных голосовых групп (альты, басы и пр.) и особенно всего хора (tutti), да и содержание вещей весьма мало способствовало этому. В последующих инструментовках мы уже отказываемся от преимущественного использования индивидуальных тембров хористов, отказываемся от излишней «иллюстрационности» (в чем нас на основании первых постановок справедливо упрекнул Юрий Озаровский) и переходим к психологическому углублению в инструментовке исполняемых произведений и начинаем уделять внимание преимущественно группам и всему хору. На этот путь толкало и содержание дальнейших постановок, напр., «Ветер», «Мятеж», «Колокольчики и Колокола» и др.

Приведу перечень всех произведений, мною инструментованных и исполненных нашим декламационным

хором за десять лет существования коллективной декламации:

1. А. Фет. «Это утро, радость эта»...
  2. М. Лохвицкая. «Что такое весна?»
  3. К. Гамсун. «Что такое любовь?» из ром. Виктория.
  4. Н. Некрасов «Зеленый шум».
  5. К. Бальмонт. «Хвалите».
  6. А. Струве. «Свет».
  7. А. Струве. «Гимн Свободе».
- Оба эти произведения (6 и 7) специально написаны для коллективной декламации.
8. Ф. Тютчев. «Весенние воды».
  9. А. Полежаев. «Водопад».
  10. Э. Верхарн. «Ветер» (перевод Вал. Брюсова).
  11. К. Бальмонт. «Заря».
  12. Эдг. По. «Колокольчики и колокола».
  13. Ф. Шиллер. «Песнь о колоколе».
  14. Э. Верхарн. «Мятеж» (перевод Вал. Брюсова).
  15. Вяч. Иванов. «Огненосцы».
  16. Э. Верхарн. «Молитвенно» (перевод Бера).
  17. А. Пушкин. «Полтава».
  18. А. Струве. «Гимн Океану» (спец. написана для коллективной декламации в день 3-ей годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1920 г.).
  19. И. Оммулевский. «Песнь труда».
  20. А. Луначарский. «Героическая соната».
  21. В. Никулин. «Две весны».
  22. А. Пушкин. «Торжество Вакха».
  23. В. Маяковский. «Левый марш».
  24. Э. Верхарн. «Осенний вечер» (перевод Макс. Волошина).
  25. Мих. Гальперин. «Кантата в честь М. М. Ипполитова-Иванова» (спец. написана для исполнения в честь 40-летнего юбилея).
  26. Вас. Каменский. «Стенька Разин», поэма.
  27. Н. Некрасов. «Плач детей».
  28. Демьян Бедный. «Главная улица», поэма.
  29. Н. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо» (1-я часть).
  30. П. Керженцев. «Время, система, энергия» (лозунги Лиги Времени).
  31. А. Блок. «Двенадцать», поэма.
  32. Н. Асеев. «Реквием» (памяти В. И. Ленина).
  33. С. Третьяков. «Мы помним».
  34. А. Безыменский. «Партбилет № 224 332».
  35. Вас. Каменский. «Пожар Пугачовский», поэма.

В числе предшественников коллективной декламации чаще всего называют греческий трагический хор и наше школьное хоровое чтение. Остановлюсь на первом из них. Называть коллективную деклама-

цию подражанием или даже дальнейшим развитием тонального поведения трагического хора можно только по недоразумению. Исполнение греческого хора, родившегося из дифирамба, хоровой песни в честь бога Диониса, происходило в плоскости вокального, а не декламационного творчества. В трагедиях Софокла и др. мы читаем: «песня хора», «все хором поют нижеследующую песню»¹⁾ и т. д. Г. Эмихен в своем труде: «Греческий и римский театр»²⁾ говорит: «Строфы (хора) предназначались для пения и танцев», «в хоре были хорошие и дурные певцы» и др. «Когда хору нужно было говорить, тогда эта роль падала на одного из хористов (руководителя хора)».

Школьное хоровое чтение заключается в том, что учащиеся все вместе (без инструментовки на голоса) произносят какой-либо текст, прислушиваясь к руководящему голосу преподавателя. С какой же целью прибегают к такому приему совместного чтения? Ответ на это дает методика русского языка. Так Н. Кузьман³⁾ пишет: «Для выработки отчетливого громкого произношения и для устранения привычки читать скороговоркой очень полезно так называемое хоровое чтение стихотворений», при чем автор добавляет, что для устранения чтения вразброд учитель должен указать детям логические ударения и сам должен обладать «достаточно звучным и гибким голосом, чтобы управлять детьми во время хорового чтения» (последний кустарнический прием дирижирования никак нельзя назвать целесообразным и правильным). В «Методике русского литературного языка» М. А. Тростникова⁴⁾ мы читаем: «хоровое чтение оживляет учащихся, ободряет их при усталости, способствует более быстрой выработке навыка читать отчетливо, бегло и правильно — все это должно побуждать учащегося прибегать

¹⁾ Софокл. «Драмы» т. I, пер. Ф. Зелевского, изд. Сабашниковых.

²⁾ Г. Эмихен. «Греческий и римский театр», пер. И. И. Семанова, М. Изд. Елиз. Гербек, 1894 г.

³⁾ Проф. Н. Кузьман. «Методика русского языка». Изд. Башмакова, Петр. 1916 г., стр. 231—2

⁴⁾ М. А. Тростников. «Методика русского литер. языка». Часть 1-я. Изд. автора. Рига, 1914 г., стр. 128.

к нему и заботиться о возможности лучшей постановки его, так как только хорошее хоровое чтение может принести пользу; от плохого, кроме вреда и потери времени, ничего другого не получится».

Из приведенных строк явственно обнаруживается прикладное значение хорового чтения в школе как коллективного упражнения по выработке отчетливого, правильного и неторопливого произношения. При таких условиях не может быть речи ни о каком искусстве, а скорее о развлечении, которое объясняется значительным подъемом нервной деятельности, проявляемом при всякой совместной дружной работе. Эти оживляющие учеников упражнения были не организованным хоровым чтением и не могли быть художественными, так как отдельные участники не были гармонически сочетаны в единое целое, что возможно достигнуть лишь при участии хористов, получивших известную музыкально-речевую культуру, и лишь с помощью особой речевой нотации (знаков, указывающих мелодию и ритм чтения). В указанном способе хорового чтения не производилась голосовая инструментовка читаемой вещи между разными голосами и группами согласно творческому плану инструментующего. Школьное хоровое чтение — это конгломерат отдельных индивидуальностей без их синтеза, в то время как коллективная декламация является синтетическим творчеством, объединяемым единою волею дирижера. Теперь нам ясно, почему коллективная декламация появилась не из школьного хорового чтения, а из инструментовки, впервые примененной к стихотворению Фета «Это утро, радость эта»... В то время наша декламационная школа уже встала на музыкальный путь и уже имела в основе сформировавшуюся систему музыки речи и впервые примененную речевую нотацию, что дало возможность добиться синтеза, без которого немислима коллективная декламация. Приступив к анализу основных элементов коллективной декламации, мы увидим, что она по своей идее наиболее близка к симфонической музыке.

Основными элементами коллективной декламации являются: 1) коллектив, 2) голосовая инструментовка и 3) дирижер.

Коллектив чтецов подразделяется на несколько однотипных голосовых групп, а именно: сопрано, меццо-сопрано, альты, тенора, баритоны и басы. Подобно тому, как в музыке несколько инструментов, несмотря на некоторую разницу в их индивидуальной сущности (тембрах), могут по своему сходству в одинаковом устройстве (первоисточника звука, резонаторов) принадлежать к родственным однотипным организациям (скрипки, альты, контрабасы, виолончели и т. д.) — в нашем искусстве так же несколько голосов, имеющих неодинаковую голосовую окраску, составляют все-таки одну группу (сопрано, альты, басы и т. д.), вследствие сравнительно одинаковой величины голосовых связей и преимущественного резонирования в тех или иных подостях. При чтении каждая такая группа дает впечатление одного суммарного голоса. Без такого подразделения на родственные голосовые группы не может быть голосовой инструментовки. Индивидуальная природа отдельного голоса, выступающего в однотипной голосовой организации, обезличивается на счет выявления элементов, соединивших их в родственную группу. Лишь в сольном выступлении хориста тембральные особенности его голоса передаются в полном размере.

В коллективной декламации хор чтецов выступает или отдельными голосами (соло альт, соло бас и т. д.), или группами голосов (сопрано, альты и т. д.), или несколькими группами вместе, напр., три группы (сопрано + меццо-сопрано + тенора) сменяют две группы (альты + басы) и т. д... и все это диктуется творческой фантазией инструментатора.

Количество хористов может быть разнообразное: 40, 60, 100 человек... Но известный минимум установить можно — это 25 человек, из которых 10 мужских и 15 женских голосов. Чем коллектив больше, тем труднее добиться музыкальной точности в исполнении, тем более квалифицированным должен быть состав его членов. Для зачисления в декламационный хор необходимо: 1) иметь голос, 2) иметь слух, 3) получить известное воспитание в технике речи (дыхание, голос, произношение) и 4) получить воспитание в музыке речи (чтение по речевым нотам, знание основных музыкальных элементов речи: мелодии, гармонии, ритма, темпа и тембра).

При распределении голосов по группам следует принимать во внимание высоту и тембр не певческого голоса, а речевого, ибо нередко встречаешь лиц, поющих высоким сопрано, а говорящих меццо-сопрано и т. д. При небольшом числе хористов шесть голосовых групп можно свести к четырем: сопрано, альты, тенора и басы; при большом числе хористов рекомендуется развернуть хор на восемь групп: 1) сопрано 1-е, 2) сопрано 2-е, 3) альты 1-е, 4) альты 2-е, 5) тенора 1-е, 6) тенора 2-е, 7) басы 1-е и 8) басы 2-е.

Коллектив (хор) представляет собою могучую силу, и звуковую и психическую. Истинно художественное исполнение связано со способностью художника заражать слушателей своим настроением, своими чувствованиями — с тем, что можно, с некоторой оговоркой, назвать «суггестией», или внушением наяву. Сила духа творящего как бы гипнотизирует души воспринимающих. В коллективной декламации эта «суггестия» проявляется особенно ярко. Токи творящих первых единиц хора в своем взаимодействии быстро сплетаются и соединяются в один дионисийский порыв, вовлекающий в свой эмоциональный круг и воспринимающую аудиторию. Трудно не поддаться этой силе, особенно когда исполняется произведение, психологически родное аудитории, ее мыслям и чувствам. Образуется своего рода электрический ток, соединяющий в одну цепь и артистов и слушателей. Эстрадное творчество уже перестает быть каким-то таинством, чем-то недоступным для непосвящаемых, перестает быть «табу», а становится делом самой воспринимающей аудитории, которая уже забывает, что она лишь публика, лишь слушатель, которой начинает казаться, что это она сама говорит, сама чувствует и сама творит, вкупе со всеми сидящими рядом и стоящими на эстраде. Так уничтожается пропасть между сценой и залом, так падают перегородки между отдельными слушателями. Вот что может дать организованный коллектив.

Вторым основным элементом коллект. декл. является голосовая инструментровка, которая мобилизует и распределяет все тембральные силы хора. Инструментатор изучает вещь, пока она не зазвучит в его «внутреннем слухе». Основные моменты инструментровки создаются в ка-

бинете, без участия хора, а детальная разработка и отделка — только при участии хора на репетиции. Количественный и качественный состав хора определенно влияет на ту или другую инструментровку, напр., как можно построить известное место на тенорах, если их число незначительно? Отсюда — изменение в инструментровке. При инструментровке обращается внимание не только на соответствие тембра данному образу, но и на то, насколько безболезненно для слуха идет смена одного тембра другим. Выступление солистов, групп и всего хора должно зиждиться на внутренней — эмоционально-образной, и внешней — музыкальной, целесообразности. Роль инструментатора весьма сложна. Он должен обладать богатой комбинирующей фантазией. Инструментатор в коллективной декламации — это то же, что композитор в симфонической музыке.

Третий элемент в коллективной декламации это — дирижер. Он подготавливает хор к выступлению. Он следит за точным выявлением музыкальных элементов речи (мелодии, ритма, тембра). Он дает первый импульс к творческому возбуждению, заражая хористов своим вдохновением, и направляет всех участников по одному пути. Дирижер и инструментатор могут совпадать и не совпадать в одном лице. Инструментатором может быть сам поэт или какое-либо другое лицо, специализировавшееся на этом. Возможна коллективная декламация и без дирижера. Мы знаем, что Персимфанс (Первый Симфонический Ансамбль) успешно работает без дирижера; декламационный хор также может выступить без дирижера, но с значительно меньшими шансами на успех. Коллективная декламация еще не имеет (и будет ли когда иметь?) точной нотации (знаков), регулирующей все тональное поведение хористов, — наши ноты, в силу самой природы речевого звука, не могут быть математически точными, как в музыке. Несовершенство нашей нотации восполняется участием дирижера — этого надежного регулятора. Коллективная декламация без дирижера менее устойчива, менее вдохновенна, менее разнообразна в ритмическом и тембральном отношении.

Я не могу останавливаться на значении коллективной декламации: педагогическом, эстетическом, общественном, сценическом (отражение коллективной декламации в театре)

и т. д. Я лишь замечу, что коллективная декламация, как единственная форма организованной коллективной речи, займет видное место на всех народных торжествах при исполнении песен, стихов или каких-либо злободневных лозунгов. Какая могучая сила должна звучать в таком коллективном многотысячном слове, произносимом одновременно всем собравшимся народом, по сигналу руководителя. Первые робкие шаги такой коллективной речи, появившейся безусловно под влиянием коллективной декламации, мы уже наблюдаем в течение последних двух лет (на собраниях комсомольцев, свердловцев, студентов, рабочих и учащихся трудовых школ).

Наша речь — музыкальна; мелодия, гармония, ритм, темп и тембр — вот музыкальные элементы речи. Мелодия (изменение звука по высоте) есть музыкальное начало мысли, ритм (изменение по силе и длительности) — музыкальное начало жизни (энергии, воли) и тембр (окраска звука) — музыкальное начало чувства, образа.

Вас. Серезников.

II.

НЕСКОЛЬКО ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПРАВИЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧТЕНИЯ.

Художественная коллективная декламация, как я уже отметил, неосуществима без предварительного воспитания всех участников в правильном выявлении музыкальной природы речи, ее мелодии и ритма. Только при этом условии возможно объединить несколько читающих единиц в одно целое. Мыслимо ли согласовать чтение даже двух лиц (хотя бы и так называемой «двухголосной» декламации), когда при одновременном чтении один выделяет одно слово, а другой — другое, когда первый на известном слове дает повышение голоса, а второй на том же слове — понижение, когда оба читают в разном темпе и ритме и т. д.? Тем сложнее задача объединения между собою многих

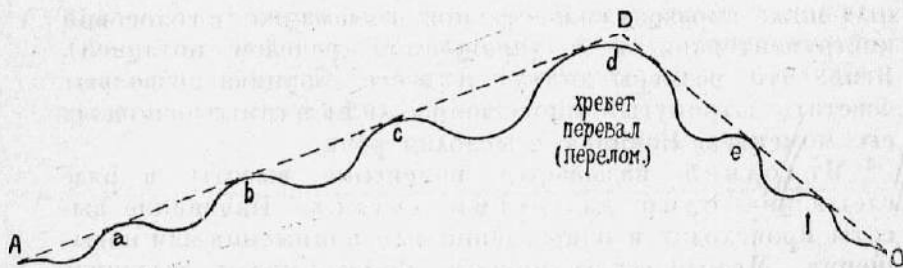
участвующих лиц. Как же добиться того, чтобы все хористы читали не вразброд, а в полном единении и согласии? Предварительным ознакомлением с основными законами и правилами музыки речи и изучением речевой нотации, т.-е. знаков, указывающих, как хористам идти «нога в ногу» по одному пути.

Не обольщая себя надеждой, что на основании сообщаемых мною ниже кратких сведений можно образцово поставить коллективную декламацию нижеприведенных стихотворений, я все-таки верю, что брошенные мною семена, попав на благоприятную почву, могут дать всходы некоторых достижений в этой новой области тонального творчества. Сначала остановлю ваше внимание на главнейших законах мелодии и ритма речи и притом в таких рамках, которые дадут возможность лишь разобраться в приведенных ниже образцах коллективной декламации (с голосовой инструментровкой и с упрощенной речевой нотацией). Ясно, что размеры статьи и всего сборника позволяют осветить затронутый мною вопрос лишь в самых основных его моментах. Начинаю с мелодии речи.

Мелодией называется изменение высоты в ряде следующих один за другим звуков. Изменение высоты происходит в направлении или понижения или повышения. Мелодическую природу фразы может высказать следующее сравнение. Представьте себе, что вы совершаете некоторое путешествие через горы. Вот вы отправляетесь с равнины... поднимаетесь на первую гору и спускаетесь вниз, поднимаетесь на следующую и снова спускаетесь... и так проделываете ряд подъемов и спусков, пока не достигнете хребта-перевала, — самого высокого места в вашем путешествии. По ту сторону гор вам так же придется сделать ряд подъемов и спусков, прежде чем вы попадете на равнину.

График, представленный на след. стр., выясняет нам мелодическое движение фразы речевой и музыкальной. Мы видим, как здесь обнаруживают себя мелодические принципы: повышения и понижения, и подъема через падение, и падения через подъем. Мелодия фразы, развиваясь параллельно высказываемой мысли, которую она отражает, устремляется вверх, доходит до кульминационного пункта повышения, т.-е. до перелома (пунктирная линия А—Д)

и после этого выявляет понижение (пунктирная линия $D-O$). В то же самое время и повышение и понижение не выявляются неукоснительным движением вверх и вниз, но имеют волнообразный путь, в котором подъем сменяется падением и падение—подъемом. Итак, движение мелодии—волнообразно. Одни из слов нашей речи занимают вершинки, другие стремятся подняться на вершинки, третьи спускаются с вершинок. Вершинки мелодии принадлежат понятиям более значительным, т.-е. центральным словам. Эти центральные слова, или иначе логические ударения, являются основными вехами, главными этапными пунктами в мелодическом движении фразы. Роль логических центров весьма большая, ибо их правильное выявление способствует наиболее безболез-

ненному восприятию слушателем речи и чтения. Правильным выявлением логических центров, в которых заключено ядро мысли, мы экономим энергию воспринимающего, потому что его внимание останавливается на самом главном, существенном и не расходуется на слова логически маловажные и слова служебного характера (предлоги, союзы и др.).

Повышение мелодии создается тем, что каждое дальнейшее центральное слово, точнее говоря, каждое центральное слово дальнейшей логически равноправной части, повышается на одну ступень выше предыдущего центра, и так—до перелома (т.-е. пункта, где кончается повышение), на котором центральное слово тонируется уже на две ступени выше предыдущего, чтобы тем самым указать на переломный момент в развитии мелодии фразы. Понижение же мелодии выявляется несколько иначе, чем это

можно предположить по приведенному графику. Оно начинается не с того кульминационного пункта, на котором мы оставили перелом, а снизу, благодаря чему получается разрыв в мелодии. И чем больше понижение, тем ниже спускается его начало. Когда в понижении имеется одно центральное слово, то оно, как последнее центральное слово всей фразы, имеет направление, диаметрально противоположное направлению центральных слов повышения. Концы логических центров повышения (точнее говоря, вторая их половина) направляются снизу вверх, что и обозначается знаком дуги подъема— $\smile$, а конец логического центра понижения направляется сверху вниз, что и обозначается знаком дуги падения— $\frown$, ставящимся над словом. На переломе ставится дуга подъема со стрелой— $\nearrow$. Когда мысль развивается, то мелодия идет на повышение, а потому и центры тонируются с дугой подъема, указывающей на незаконченность мысли, а при завершении мысли последний логический центр тонируется с дугой падения, указывающей на законченность мысли. При нескольких центрах в понижении только последний тонируется с дугой падения, а остальные—с дугой подъема¹⁾.

Пример 1-й—мелодии фразы:

Ни красую Пово́лжья, ни угрюмою прелестью замосков-
ского северного кра́я, ни диким величием глухого По́лесья—не
влечет к себе моя родина.

Отмеченные разрядкой слова—логические центры. Центр «края»—тонируется на одну ступень выше «Поволжья»

¹⁾ В настоящем сборнике я даю упрощенную речевую нотацию. Надо твердо помнить, что наши знаки—лишь схема, лишь обобщение. Несмотря на известную общность всех дуг, скажем, падения (понижение конца слова, придающее характер определенности, законченности интонации),—дуга каждого индивидуального случая имеет своеобразные черты, отличающие ее от всех других дуг падения (более подробно об этом.—в моей книге «Музыка слова», Госиздат, 1923 г.).

и имеет знак дуги с двумя точками, а «Полесья» — на две ступени выше, чем «края» (перелом — знак: дуга подъема со стрелой), а после «Полесья» поставлено тире для того, чтобы выдерживалась значительная пауза, всегда необходимая на переломе.

Пример 2-й.

Ревет ли звѣрь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром.
Поет ли дева за холмом,—
На всякий звук
Свой отклик | в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Если две дуги подъема стоят рядом, то первая из них обращается в плоскую дугу падения (знак: $\frown$), причем слово произносится на одной высоте с незначительным падением конца его. По техническим причинам мы принуждены плоскую дугу падения заменить чертой: — , иначе она, плоская дуга падения, ничем не будет отличаться от простой дуги падения, которая ставится в конце фразы. Итак, везде, где у нас стоит черта, там следует видеть плоскую дугу падения.

Пример 3-й.

Уж небо | осенью дышало,
Уж реже | солнышко блистало,—
Короче | становился день.

Слова: «небо» и «реже» тонируются на одной высоте с незначительным поворотом вниз концов «бо» и «же».

Перехожу к мелодическому поведению всех остальных слов фразы, кроме центральных. Слово, находящееся пе-

ред центром или: 1) направляется вниз, если после него стоит центр с дугой подъема, или 2) направляется вверх, если после него — центр с дугой падения. В примере 1-ом слова: «красою», «северного» и «глухого» имеют направление вниз; во втором примере — «трубит ли», «гремит ли» и «поет ли» направляется также вниз, а слово «свой», стоящее перед центром «отклик» с дугой падения, направляется вверх. Правило: перед дугой подъема мелодия падает, а перед дугой падения — поднимается.

Слово, следующее за центральным, или: 1) висит, зацепившись за звук предыдущего центра с дугой подъема, при чем после простой дуги подъема оно спускается вниз — так наз. нисходящее подвешивание (знак: $\sim$), а после дуги подъема со стрелой (на переломе) — стремится удержаться на той высоте, что и предыдущий центр — прямое подвешивание (знак: —), или 2) неукоснительно направляется вниз, когда следует за центром с дугой падения — так наз. заключение (знак: $\odot$). В примере 2-ом нисходящее подвешивание составляет слова: «в лесу глухом», прямое подвешивание — «за холмом», а заключение — «в воздухе пустом» и «родишь ты вдруг»; в примере 3-ем нисходящее подвешивание падает на «дышало», а прямое — на «блистало».

Остается упомянуть о второстепенных частях, мелодия которых весьма близка к мелодии только что описанных слов. Здесь мы имеем два случая: 1) второстепенная часть логически связана с предыдущим текстом и 2) второстепенная часть логически связана с последующим текстом. В первом случае мелодия создает или «подвешивание» (после дуги подъема — нисходящее и после дуги подъема со стрелой — прямое), или заключение (после дуги падения). В примере 2-ом заключение составляют слова: «родишь ты вдруг».

Пример 4-ый.

И вспомнил он | свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей.

Минувших днѣй богатство, славу
 И песни дочерей своей,
 И старый дом, где он родился,
 |————|
 Где знал и труд и мирный сон —
 И все, чем в жизни наслаждался,
 Что добровольно бросил он.

В этом отрывке ярким примером прямого подвешивания являются слова: «где он родился, где знал и труд и мирный сон».

Во втором случае, когда второстепенная часть относится к дальнейшему тексту, мы имеем дело с так наз. подъезжанием. Подъезжание тонируется менее значительно, чем слова главного тона, т. е. читается тише, скорее и ниже; так же менее значительно тонируются и подвешивание и заключение.

— Трубя в свой рог,
 Ноябрьский ветер — дик | и строг.

Слова: «трубя в свой рог» составляют подъезжание (знак: — — ставится в начале внизу).

Второстепенные реч-такты также имеют свои центры, которые, в отличие от главного тона, не подчеркиваются (не выделяются разрядкой), но требуют над собою тех же мелодических знаков.

Разнообразьте музыку вашей речи! Помните: при бедной мелодии — речь бессмысленна, при бедном ритме — речь безжизненна, при бедном тембре — речь бесчувственна!

Вас. Серезников.
 («Музыка слова»).

О ЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ.

Принимая во внимание огромную роль логических центров в музыке фразы, я остановлюсь вкратце на главных случаях этих центров. В нижеприведенных образцах коллективной декламации все логические центры подчеркнуты (выделены разрядкой).

1. Центральными словами являются слова противопоставляемые друг другу (антитезы) или сопоставляемые:

Встречаются, чтоб разлучаться

Влюбляются, чтоб разлюбить.

Как мало | прожито, как много | пережито.

2. Центральным является слово, которому на основании данного контекста можно противополжить другое слово (контра-термин) с частицами «а не» и «или не» (при вопросе).

Он прекрасный человек.

Выделяется центральное слово — «прекрасный», так как при нем подразумевается: «а не дурной».

Пойдешь ли ты домой?

(подразумевается: «или не пойдешь?»).

3. По общему правилу, можно считать центральными словами и подлежащее и сказуемое, хотя надо сказать, что последнее обыкновенно имеет большее логическое значение; в распространенном предложении логическими центрами являются последние слова логического подлежащего и логического сказуемого.

Украйна | глухо волновалась.

Ее сестра | звалась Татьяна.

В город приехал | чиновник особых поручений.

Серезников. Читая.

Главные исключения из этого правила:

а) Когда подлежащее — личное местоимение, оно не является логическим центром:

Он сказал.

Она ушла.

б) Подлежащее или сказуемое, только что упоминавшиеся, — не являются центральными словами:

Мчатся | тучи, вьются тучи.

Да здравствуют | музы, да здравствует разум!

в) Когда подлежащее или сказуемое само собою разумеется, оно не является центральным словом. В фразе

— Доктор пришел —

когда ждут этого доктора, выделяется лишь «пришел». Вообще выделяется всякая новость.

г) Когда понятие сказуемого заключается в подлежащем, сказуемое не подчеркивается:

Весенний ливень зашумел.

Прогредел гром. Сверкнула молния.

д) Когда сказуемое может быть вычеркнуто без ущерба для смысла, оно не может быть центральным словом. По моим наблюдениям, обыкновенно это сказуемое имеет перед собой обстоятельство или другое объяснительное слово (которое и подчеркивается как центральное), а после себя — подлежащее:

Вперед | несетя богиня.

Над крышами | вырвалось мстящее пламя.

(слова «несетя» и «вырвалось» теряют свою смысловую ценность и даже могут быть выброшены без ущерба для смысла).

4. По общему правилу, определение (дополнение) в родительном надеже тонируется ярче определяемого слова:

Сребристых тополей листья.

5. Определение — прилагательное уступает в силе тонирования определяемому слову:

Эта ветхая лачужка.

6. Дополнительное понятие при глаголе имеет большую силу тонирования, чем глагол, к которому оно относится.

Охотник | убил птицу.

Осел | увидел соловья.

Вы спрашиваете, в чем заключается мастерство чтеца? — «В жонглировании рычагами тона (повышением и понижением, усилением и ослаблением, замедлением и ускорением) и тембрами (красками)».

Вас. Сережников.

(«Техника речи»).

РИТМ РЕЧИ.

Ритм — значит «течение», это есть форма движения мелодии, или повторяющиеся комбинации силы и длительности. Если мелодия является главным образом отражателем мысли, а тембр — отражателем чувства, то ритм отражает в себе и то и другое. Ритм выявляет наше отношение как к логической сути, так и к эмоциональной стороне произведения. Мы одно выдвигаем, другое убираем, одно усиливаем, другое ослабляем, одно замедляем, другое ускоряем. Речь, особенно живая речь представляет собою живой организм, где есть движение, идет большая работа. Вот эта жизненная, волевая сторона живой речи выражается в ритме. Без ритма нет жизни. Если речь, лишенная мелодии — бессмысленна и лишенная тембра — бесчувственна, то, будучи лишена ритма, она безжизненна.

Ритм есть весьма сложное явление, сумма целого ряда слагаемых, куда входят: и фонетическая природа слов, и орфоэпическая их природа, и логическая структура фразы, и синтаксическая ее структура, и метрические формы произведения, и отступления от этих форм, и психологическое содержание произведения, и психическое состояние читающего и т. д. Здесь мы сможем коснуться лишь логического ритма, наиболее для нас необходимого, отложив освещение других подразделений ритма: фонетического ¹⁾, метрического и эмоционально-образного ритма до более удобного случая.

Логический ритм есть результат отражения в речи относительной смысловой значимости слов, ее составляющих. Мы знаем, что слова не имеют логического равноправия. Есть слова важные, менее важные и служебные. Мы также знаем, что в фразе наряду с главными частями встречаются и второстепенные — так наз. подвешивание, подъезжание и заключение. Таким образом всплывает логическая иерархия, логическая перспектива, которая получает соответствующее отражение в ритме фразы. Разумеется, главные этапы мысли требуют и более значительного тонирования. Мы скользим по словам второстепенным и неукоснительно стремимся к центральному. В этом нашем устремлении выявляется основной принцип логического ритма — принцип центростремительности. Второстепенные слова, идущие за центром, цепляются за него, как бы боясь оторваться от него. В отношении этих слов, связанных с предыдущим центром, действует принцип не центростремительности, а центроцепляемости. Все такие второстепенные слова читаются слабее и быстрее. Принцип центростремительности и центроцепляемости имеет колоссальное значение в чтении, и усвоение его является громадным шагом вперед на пути к настоящему художественному чтению. Без соблюдения выдвинутого нами закона центростремительности и центроцепляемости чтение бывает однообразным, тяжеловесным. Беда наших чтецов часто заклю-

¹⁾ О фонетическом ритме см. мою книгу: «Музыка слова», Госиздат, 1923 г.

чается в том, что они не умеют выделять центральные слова, но еще большая беда заключается в том, что они не умеют выделять второстепенных слов.

О ПАУЗАХ.

В речи организованной, художественной, количество пауз значительно больше, чем в речи простой, обыденной. Эти паузы в искусстве речи имеют огромное значение: 1) они дают возможность воспринимающему субъекту разобраться во всем том, что преподносит ему чтец, 2) они придают стройность, архитектурную определенность всему зданию чтения, 3) они дают возможность добрать воздух, передохнуть, 4) способствуют более отчетливому произношению, 5) искореняют торопливость речи и 6) имеют отражение в ритме.

Паузы бывают: грамматические, логические, психологические и стихотворные. Я коснусь лишь логических пауз, в данный момент наиболее интересных для нас (о других не могу говорить за недостатком места). Как показывает само название, логические паузы связаны со смыслом и способствуют наилучшему восприятию этого смысла. Если грамматическая пауза есть пауза, совпадающая со знаком препинания, то под логической паузой следует понимать паузу, не совпадающую со знаком препинания.

Назову главные случаи логических пауз:

1) В простых нераспространенных предложениях пауза ставится между подлежащим и сказуемым, если только оба они являются ценными словами (логическая пауза обозначается вертикальной чертой).

Море | смеялось.

2) В распространенном предложении паузой отделяется сфера подлежащего от сферы сказуемого:

Не отличается живописным разнообразием | природа степного края.

3) При нарушении прямого порядка слов ставится логическая пауза:

Всю | обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Человек | честный | не позволит себе этого.

4) Между группами объяснительных слов ставится логическая пауза:

Охотник | обошел с своей собакой | ряд
болот | и вернулся домой | поздно вечером |
ближайшей дорогой, через лес.

5) Всякий пропуск вызывает паузу:

Красно поле пшеном, а речь | умом.

6) Логическая пауза ставится перед союзами *и, или, да*:

Афанасий Иванович | и Пульхерия Ивановна |
очень любили теплоту, и т. д.

«Если вы решили смотреть на искусство, сказал Дж. Рескин, как на забаву или приятное времяпрепровождение, то бросьте заниматься им: вам оно не принесет пользы, а вы его унижите в глазах людей». Вот и в отношении к нашему искусству я отмечаю две стороны: одну — «не унижающую» искусство и другую — «приносящую пользу» каждому человеку, — иначе говоря, сторону чисто художественную и сторону прикладную. Чисто художественная сторона связана с нашими требованиями к каждому выступающему чтецу «не унижать искусства»; прикладная — связана с «пользой», приносимой каждому занимающемуся им. Чисто художественные цели может ставить себе лишь избранный, одаренный Природой; прикладные цели должен себе ставить каждый культурный человек. Но ни в том ни в другом случаях недопустимо отношение к искусству, как к «забаве» или «приятному времяпрепровождению».

Вас. Сережников.
(Из книги: «Музыка слова»).

III.

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОБРАЗЦОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕКЛАМАЦИИ.

Прежде чем приступить к исполнению приведенных ниже образцов коллективной декламации, необходимо сделать следующее:

1) Разбить всех участников по голосовым группам: сопрано, меццо-сопрано, альтов, теноров и басов.

2) Поупражняться в отчетливом до приторности произношении ¹⁾ какого-либо текста по отдельным слогам, усиленно выговаривая как гласный, так и согласные звуки: как ны-не сби-ра-ет-ся и т. д.

3) Поупражняться в произношении одного и того же слова с дугой подъема, с дугой падения и с плоской дугой падения:

Советы! — советы! — советы!

«Да здравствуют советы!»

«Да здравствуют Советы | и Профес-
сиональные Союзы!»

«Да здравствуют Советы, Союзы и
Красная Армия!»

4) Добиться совместного дружного чтения вышеприведенных четырех примеров мелодии фразы: («Ни красною Поволжья» и др.).

5) Изучить ногадию (знаки) намеченной к постановке вещи (скажем «Мятежа» Верхарва).

6) Научить всех исполнителей читать всю вещь вместе и в отдельности с начала до конца (не обращая внимания на инструментовку), читать музыкально (в частности выявляя принципы повышения и понижения, подъема через падение и центрируемости) и отчетливо, прони-

¹⁾ Об упражнениях на развитие отчетливого и правильного произношения, а также на развитие голоса и дыхания см. мою книгу: «Техника речи», изд. Макиз, 1924 г. М—П.

какая содержанием произведения, его образами и чувствованиями.

7) Установить и укрепить связь между дирижером и хором, для чего я рекомендую перед каждой репетицией прибегать к следующему упражнению на счете: весь хор по дирижерской палочке отчетливо считает: раз, два, три, четыре, пять, шесть и т. д., исполняя все мелодические и тембральные оттенки, какие ни предложит дирижер своей мимикой лица и жестами, — считает, как один человек, то с дугой подъема, то с дугой падения, то усиливая, то ослабляя, то замедляя, то ускоряя, то открыто, то закрыто, то бодро, то вяло, то гневно, то любовно и т. д. — и все это по желанию дирижера. Только после такой тренировки можно приступить к работе над вещью.

8) Проникнуться данной инструментовкой и приспособить ее к данному составу исполнителей.

9) Наблюдать на репетиции за тем, чтобы все участники проникались эмоционально-образным содержанием вещи и отражали все это в мимике лица.

10) Всякое произведение искусства связано с порядком, тем более это необходимо в коллективной декламации, где участвуют многие лица; для упорядочения выступления с коллективной декламацией нужно поставить хор по определенному плану: левое крыло (от дирижера) занимают сопрано, середину меццо-сопрано, правое — альты; тенора сзади сопрано, и частью сзади меццо, басы сзади альтов, частью сзади меццо-сопрано; исполнители (одетые по возможности в однотипные костюмы) стоят, держа руки назад, абсолютно не разговаривая друг с другом и никоим образом не смотря на публику; выходят и уходят хористы также в строгом порядке: один за другим, гуськом, становясь на свое, строго определенное место на эстраде.

Расшифруем буквы в нашей инструментовке: a = альты, b = басы, m = тенора, c = сопрано, m = меццо-сопрано, *соло* a = один голос из альтов и т. д.

ОБРАЗЦЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕКЛАМАЦИИ

(ГОЛОСОВАЯ ИНСТРУМЕНТОВКА В. СЕРЕЖНИКОВА.)

М Я Т Е Ж.

1. Туда, где над ¹⁾ площадью — нож гильотины,	} $a + b$	} Начиная тихо и постепенно усиливают.	
2. Где вольно по улицам рыщет набат,—			
3. Мечты ^o обезумев летят! — $c + m + m$			
4. Бьют сб ^o р барабаны былых оскорблений,— $m + a$			
5. Проклятий бессильных, раздавленных в прах, $a + m + b$			
6. Бьют сбор барабаны в умах! <i>все</i>			
7. Глядит циферблат с колокольни старинной.	} <i>соло</i> a		} В то же время хор читает стихи 1—5.
8. С угрюмо ^o неба ночного, как глаз...			
9. Чу!. Бьет предназначенный час! { Чу = $c + m + m$, ос- тальное = два баса.			

¹⁾ Там, где требуется плоская дуга падения, поставлен знак черты: — В. С.

10. Над крышами | вырвалось мстящее пламя, — $c + m + t$
11. И ветер | змеистые жала разнес, $a + m + b + t^1$.
12. Как космы | кровавых волос. $a + b + t^1$.
13. Все те, для кого безнадежность | надежда—соло a
14. Кому вне отчаянья | радости нет — соло b
15. Выходят из мрака | на свет! { $\begin{matrix} \text{выходят из мр.} = a + b \\ \text{на свет} = c + m + t \end{matrix}$
16. Бессчетных шагов возрастающий топот $c + m + t$
17. Все громче | и громче в зло- $\left\{ \begin{matrix} \text{все громче} = c + m + \\ + a + t, \text{ и громче и} \\ \text{вещей тени,} \quad \text{ост.} = \text{все} \end{matrix} \right.$
18. На дороге | в грядущие дни! $c + m + t + a$
19. Протянуты руки | к разорванным тучам, $a + m + b$
20. Где вдруг прогремел угрожающий гром — $\left. \vphantom{\left. \begin{matrix} \\ \\ \end{matrix} \right\}} \right\} \text{все}$
21. И молния | ловят излом.
22. Зовут... приближаются... $\left\{ \begin{matrix} \text{Зовут} = \text{соло } b \text{ при-} \\ \text{ближаются} = \text{соло } a \end{matrix} \right.$
ломятся в двери, соло a (другой).
23. Удары прикладов | качают окно... соло t
24. Убивать, умереть — все равно! соло b

¹⁾ Тенора участвуют без слов, с закрытыми ртами.

25. Безумцы! Кричите свои повеленья! $\left. \vphantom{\left. \begin{matrix} \\ \\ \end{matrix} \right\}} \right\} \text{соло } b$
26. Сегодня | всему наступает пора, $\left. \vphantom{\left. \begin{matrix} \\ \\ \end{matrix} \right\}} \right\} \text{См. приме-}$
27. Что бредом | казалось вчера! $\left. \vphantom{\left. \begin{matrix} \\ \\ \end{matrix} \right\}} \right\} \text{чание } ^1$.

С хором участвует и рояль или оркестр (вдали).

В. Брюсов.
(из Эм. Берхарна).

Остановлю ваше внимание на более сложных пунктах данной инструментовки. В то время, как солист альт читает 7 и 8 стихи (читает бесстрастно, строго выдерживая счет), хор повторяет 1—4 стихи. В этом контра-пункте участвует весь хор, без разделения на голоса. Хор читает тихо, заглушенно (хотя в то же время мятежно), стремясь одинаково - чеканным произнесением каждой четверти (в данном случае вопреки принципу центростремительности) передать картину движущихся масс. Темп этого хорошего исполнения вдвое скорее темпа солиста: альт успевае прочесть один 7-й стих, тогда как хор — два: 1—2; во время чтения альтом 8-го стиха хор успевае прочесть 3—4 стихи. При повторном чтении хором 5-го стиха альт уже не участвует. 6-й стих («бьют сбор барабаны» и т. д.) из всего хора говорят лишь альты, басы и баритоны, тогда как остальные голоса ($c + m + t$) читают «Чу!» (первую четверть 9-го стиха), и вслед за ними два баса или баритона заполняют остальные три четверти данного стиха: «бьет предназначенный час».

Когда солист альт заканчивает чтение 8-го стиха, вдали раздаются звуки «Марсельезы», исполняемой оркестром или роялем и постепенно замирающей на 14—15 стихах.

¹⁾ На фоне хора, поющего «Интернационал» (точас после слова «Излом»—21), соло b вступает в тот момент, когда хор поет: «Это есть наш последний»—и кончает вместе с хором.

Стихи 25—27 исполняются солистом-басом дважды: во-первых, тотчас же после стиха 9-го на фоне Марсельезы (исполнитель находится в соседнем зале); во-вторых, во время пения «Интернационала» после того, как хор за-поет: «Это есть наш последний»... Исступленный вопль вождя звучит широко и мощно, на этот раз с эстрады или в самом зале — среди публики и заканчивается вместе с пением «Интернационала».

Пение «Интернационала» (вместе с музыкой) начинается тотчас же вслед за стихом 21, сначала тихо, потом постепенно усиливаясь. Темп — скорый, колорит — мятежно-безумный. Во время пения: «весь мир насилья» и т. д. выступают голоса отдельных хористов (см. 22—24 стихи). При этом слова: «Зовут» и «убивать, умереть все равно» вырываются на мой взгляд, из уст революционера (соло б), несколько заколебавшегося и только теперь решившегося на подвиг, а остальные слова: это истерические выкрики испуганных буржуа и обывателей.

Главный момент постановки лежит в яркой передаче (ритмической и тембральной) стихии мятежа. Сгущенная атмосфера, затрудненное дыхание, беспокойный ритм, закрытая (тембра звука У), нервная толчкообразная речь — вот штрихи данной стихии. Мятеж — динамичен, мятеж — дерзок, мятеж — безумен. Все участники должны пропитаться этим духом, не исключая и тех моментов, когда они молчат, а говорят другие. Только при этих условиях дионисическая душа хора захватит своим экстатическим вихрем и воспринимающую аудиторию.

Данный анализ постановки «Мятежа» является примерным для уяснения подхода ко всем другим приводимым дальше постановкам коллективной декламации, где мы ограничиваемся лишь сообщением упрощенной речевой нотации и голосовой инструментровки.

В Е Т Е Р.

Вот зыбля вереск вдоль дорог,	соло а
Ноябрьский вѣтер трубит в рог.	м+а
Вот вѣтер вереск шевелит,	соло с
Летит	с+м
По деревням и вдоль реки,	с+м+т
Дробится, рвется на куски,—	а
И дик и строг,	а+б
Трубит над вереском в свой рог.	а+б+т
И над колодцами бадьи,	соло т
Качаясь жалобно звенят,—	с
Кричат	
Под ветром жалобы свои;	под ветром=а жалобы свои=м+а+т
Под ветром ржавые бадьи	с+м
Скрипят.	с
Ноябрьский вѣтер вдоль реки	ноябрьский ветер=а+м вдоль реки=соло а
Нещадно гонит лепестки,	соло а (продолжает)
И листья желтые с берез,*	соло а (другой)
Поля, где погулял мороз,	соло б
Метлой железною метет,	соло б

Вороны гнезда с веток рвет,— *соло б* (другой)

Зовёт. *а+м*

Трубя в свой рог, *а+б*

Ноябрьский ветер | дик | и строг. *все*

Вот старой рамой *соло т*

Стучит упрямо, *с+м*

Вот в крыше стонет, *с+м*

Словно просит;— *с+м+т*

И молкнет | с яростью бессилья. *с+м+т*

А там | над красным краем рва *соло с*

Большие мельничные крылья *с+м*

Летающий ветер косят, косят: *с+м*

Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два! *с+м*

Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два! *с+м*

Вкруг церкви | низкой и убогой, *соло м*

На корточки присев, *с+м*

Дома | дрожат | и шепчутся с тревогой,— *с+м*

И церковь | вторит им сама. *соло м* (тот же, что говорил: «вкруг церкви»)...

Раскинув распятые руки, *соло а*

Кресты | на кладбище глухом *а+м+т*

Кричат от нестерпимой муки— *с+м+а+т*

И на земь | падают ничком. *с+м+а+т*

Дик | и строг *а+б*

Ноябрьский ветер | трубит в рог *все*

На перекрестке ста дорог.

Встречался ль вам, *соло с*

Ноябрьский ветер | здесь и там, *с+м*

Трубач, насильник | и бродяга? *соло с* (тот же продолжает)

Видали ль вы, как нынче в ночь *соло т*

Он месяц | с неба сбросил прочь, *т+а*

Когда все скудное село *соло т* (тот же продолжает)

От ужаса изнемогло—

И выло, как зверей ватага? *с+м+т*

Слыхали ли вы, как дик | и строг *слыхали ль вы = соло а*

Ноябрьский ветер | трубит в рог?! *как дик и пр. = все.*

В. Брюсов.
(Из Эм. Верхарна).

ПЕСНЯ ТРУДА ¹⁾.

Светает, товарищ!	$c + m$
Работать давай!	$c + m + a$
Работы усиленной	} $a + b$
⊙ Требуется край!	
Работай руками,	<i>соло бар.</i>
Работай умом, —	<i>соло т</i>
Работай без усталости	$c + m + a + t$
Ночью и днем.	} $\begin{matrix} \text{ночью} = a + b \\ \text{и днем} = c + m + t \end{matrix}$
Не думай, что труд наш	
Бесследно пройдет!	$c + m + t$
Не бойся, что дум твоих	<i>соло бар.</i>
Мир не поймет.	$a + b$
Работай лишь с пользой	} $c + m + a$
На ниве людей, —	

¹⁾ Исполняется бодро, жизнерадостно; с особенной внутренней силой следует читать конец, начиная с «так ну же!», причем слова: «работать руками, работать умом, работать ||» — произносятся быстро — быстро (но без ущерба для ясности), после чего выдерживается экстренная пауза и сокрушительно — энергично звучит заключительное «без усталости».

Возможно исполнение этой песни во время маршировки, хотя надо сказать, что ритмическая сторона чтения от этого страдает.

Да сей только честные	} $m + b$
⊙ Мысли на ней.	
А там уж что будет, —	t
То будет пускай!	$m + c + m + a$
Так и у же! работать	} все.
Мы дружно давай!	
Работать руками,	$a + b$
Работать умом, —	$c + m + t$
Работать без усталости	} все.
⊙ Ночью и днем!	

И. Омудевский.

ЗЕЛЕНый ШУМ.

Скромна моя хозяйка	} соло б
⊙ Наталья Патрикеевна.	
Воды не замути!	
Да с ней беда случилась.	
⊙ Как лето жил я в Питере...	
Сама сказала, глупая,	
⊙ Типун ей на язык!	
В избе сам-друг с обманщицей	

Зима нас заперла,
 В мои глаза суровые
 Глядит — молчит жена.
 Молчу, — а дума лютая
 Покоя не даст:
 Убить!... так жаль сердечную...
 Стерпеть — так силы нет!
 А тут зима косматая
 Ревет и день и ночь:
 «Убей, убей изменницу!
 Злодея изведи!
 Не то весь век промаешься!
 Ни днем, ни долгой ноченькой
 Покоя не найдешь!
 В глаза твои бесстыжие
 Соседи наплюют!»...
 Под песню: вьюгу зимнюю
 Окрепла дума лютая,
 Припас я вострый нож...
 Да вдруг | весна подкралась!..

соло б

Идет - гудет | зеленый шум! } см. примеч. 1):
 Зелёный шум, весенний шум! } рефрен № 1-й

Играючи, расходится a

Вдруг ветер верховой. c+m+a+m

Качнет кусты ольховые a

Поднимет пыль цветочную, c+m+m

Как облако, — все зелено! { как облако = c
все зелено c+m

И воздух | и вода! { и воздух = c
и вода = a

Идет - гудет | зеленый шум! } см. примечание:
 Зелёный шум, весенний шум! } рефрен № 2-ой

1) Рефрен № 1 — «идет - гудет зеленый шум».., читается широко, певуче, всем хором, в головном регистре, т.е. высоко, в начале очень тихо и лишь постепенно усиливая звук; сильнее всего звучит «весенний шум».

№ 2 и 3 — читается одинаково, а именно: при счете на $\frac{4}{4}$ сначала вступают сопрано + меццо, через одну четверть альты, на следующей четверти присоединяются тенора и после всех басы; вот наглядная таблица этой фуги.

	1	2	3	4	1	2	3	шум	1	2
c+m	идет	гудет	зеле- ный	шум	зеле- ный	шум	весен- ний	шум	звнл. (эхо)	умм (эхо)
a		идет	гудет	шум	зеле- вый	шум	весен- ний	шум		
m			идет	гудет	идет	гудет	весен- ний	шум	звнл. (эхо)	умм (эхо)
b					идет	гудет	весен- ний	шум		

Как молоком облитые	<i>соло м</i>
Стоят сады вишневые,	<i>с + м + т</i>
Тихохонько шумят.	<i>с + м</i>
Пригреты теплым солнышком,	<i>соло а</i>
Шумят повеселелые	<i>с + м + а</i>
Сосновые леса,	<i>с + м + а + т</i>
А рядом новой зеленью	<i>соло с</i>
Лепечут песню новую—	<i>с + м</i>
И липа бледнолистая,	<i>соло м</i>
И белая березонька	} <i>соло с</i>
С зеленою косой.	
Шумит тростинка малая,	<i>с</i>
Шумит высокий клен...	<i>т</i>
Шумят они по новому!	<i>с + м + а</i>
По новому, весеннему!	<i>с + м + а + т</i>
Идет - гудет зеленый шум!	} см. примеч. рефрен № 3-й (на стр. 515)
Зеленый шум, весенний шум!	
Слабеет дума лютая,	} <i>соло б</i> (тот же, который соли- ровал в начале)
Нож валится из рук,—	
И все мне песня слышится,	

Одна — в лесу, в лугу:	} <i>соло б</i> (тот же, который соли- ровал в начале)
Люби, покуда люби́тся,	
Терпи, покуда терпи́тся,	} <i>соло а</i>
Прощай, пока проща́ется—	
И бог тебе судья.	
Идет — гудет зеленый шум!	} см. примеч. 1) рефрен № 4-ый
Зеленый шум, весенний шум!	

Н. Некрасов.

СТЕНЬКА РАЗИН.

Затомило предвѣстье,	<i>а</i>
Потянуло ко дну.	<i>а + б</i>
Все угнали да с песнями	} все угнали = <i>а + т</i> да с песнями = <i>с + м + т</i>
Зимовать на Дону.	
Эх, ты мать!	<i>т + б</i>
Зимовать на беду — на Дону.	<i>а + т + б</i>
А ведьма-то ведьма —	<i>соло т</i>
Жена не жена	<i>т</i>

1) Рефрен № 4 — произносится так же, как № 1, тихо, в головном регистре, только без постепенного усиления, а, наоборот, с постепенным замиранием. Начинать его следует тотчас же после того, как *соло а* скажет: «терпи» (начало рефрена идет одновременно со словами *соло а*, иначе говоря, получается контрапункт).

Пригожа—ласкова—хвалена	} пригожа = а ласкова = с + м хвалена = с + м + а
Степана Алена.	
Ой, выдала мужа	т
Опричине царской,	т + б
На совесть — не дужа.	т
О доле гуслирской	с + м + т
Забыло	} т + б
Стыдовище бабское.	
Ой, выдала мужа!	с + м + а
И кротко Степана	} с + м + т ох! = произносит со вздохом весь хор.
(Будто—ох! малолетку!)	
Посадили Степана	} соло бар
В железную клетку.	
А Степан—будто птица!	с + м
Небоглазая птица!	с + м + а + т
Заморская—чудо стран!	с + м + т
И снится ей, снится:	} соло с или поет (под роль) какую-либо подходящую пер- сидскую мелодию на данные слова, или речитативно произносит (без аккомпа- немента), но сохраняя восточ- ный колорит мелодии.
Будто принцесса Мейран	
Зовет в Тегеран.	
И Мейран—тоже птица.	

В день июньский	а
Да солнечно ясный —	с + м
Из молодецкого стана	соло б
На площади Красной —	с + м + т
Москвы палачи	} а + б
Зарубили Степана.	
И не стало Великих очей.	все
Говорят, что грачи	} соло т
Кричали тринадцать ночей:	
Степан Разин! Народное сердце!	} Степан Разин = т + с Народное сердце = а + б
Эй, Степан! Эй, Степан!	
Будет день — 1/4	} 1-ый = с + м + т 2-ой = а + б
С колоколен московских 1/4	
Нам возвестие звонко пробьют 1/4	} а
Это там — 1/4	
На горах Жигулевских 1/4	} а + м
Стеньки Разину память поют 1/8	

См. примечание
на стр. 520.

1) После «Степан Разин» дается теми же голосами эхо, а именно: э́ан а́ни (тихо, фальцетом); после «Народное сердце» — эхо: «а́нное э́йе»; после «Эй, Степан» — эхо: «э́ан». «Степан» берется на ноте до, «Разин» — на до диез, «Народное» — на ноте до диез и «Сердце» — на ноте ре. Слова «эй» и «Степан» рекомендует дать в кварту вверх (напр., если «Сте» будет до, то «эй» и «пан» — фа). Счет 1/4.

Будет день	} См. примечание 1).		
И весенний и дивный $\frac{1}{4}$ —			
О весельи победном, бурлацком, $\frac{1}{4}$			$c+m+a$
Перекликнется $\frac{1}{4}$ клич переливный $\frac{1}{4}$			
О пришествии братском $\frac{1}{8}$			
Будет день—			
Станут люди все други $\frac{1}{4}$			$c+m+a+t$
И сольется святая сокольника! $\frac{1}{4}$			
Дружно вспомнятся Рафина струги $\frac{1}{4}$			
И понизовая вольница! $\frac{1}{4}$			
А сегодня—когда молодецкая	$соло\ t$		
Наша жизнь океанским крылом			
Разлилась—просто чудо-простецкая			
Мы летим на великий пролом!	$a+b$		

¹⁾ Вся эта часть идет на фоне колокольного звона, исполняемого на рояли (мягко, не громко); для синтеза музыки и слова необходимо читать, строго соблюдая счет (4/4). С самого начала и до конца басы произносят на первой четверти — «бу», а на третьей — «дет». Это «бу — дет» басы дают на одной ноте, скажем, на до, при этом два баса все время тянут до на звук «у». Начиная с «это там», вступают несколько теноров и произносят на каждой четверти — «день—день—день» и т. д. (нота соль). Начиная с «на горах жигулевских», вступают несколько альтов, присоединяясь к тенорам, произнося тот же «день—день» и т. д., но на ми. Начиная с «и весенний и дивный», вступают несколько сопрано (2—3) и дают восьмыми «день—день», «день—день», «день—день» и т. д. (первое «день» падает на верхнее до, а второе — на верхнее ми).

Станем сердцем заклятым биться	$c+m+a+t$
За весеннюю долю!	
Ежели пить—	$t+b$
Никогда не напиться	$все$
За народную волю!	
И сегодня в полете волнений	$соло\ б$
Вспоминая Степана привычку—	
Станем праздновать тризну гонений,	
Распевая:	
Сарынь на кичку!	$соло\ б$
Сарынь на кичку!	t
Ядреный лапоть!	
Пошел шататься по берегам.	$t+b$
Сарынь на кичку!	$б$ (в головном регистре фальцетом)
Казань!—Саратов!	$соло\ t$ (в головном регистре, кричит даль)
В дружину дружную!	
На перекличку!	
На лихо лишное врагам!	
Сарынь на кичку!	$соло\ б$
Боченок с брагой	

Мы разошьем	}	соло б
У трех костров!		
И на привольи волжском вагою	}	соло б (другой)
Зарядим в грусть		
У островов!		
Сарынь на кичку!	}	б
Ядреный лапоть!		
Чеши затылок у поддеца.	}	соло б
Зачнем с низовья		
Хватать, царанать		
И шкуру драть,	}	б
Парчу с куца!		
Сарынь на кичку!	}	т
Кистень за пояс!		
В башке зудит!		соло б
Разгул до дна!		соло б (другой)
Свисти! — глуши!	{	свисти = т глуши = б
Зевай! — раздайся!	}	т+б на заключительном «вва — а» дается резкий свист (сквозь пальцы)
Слепая стерва! не попадайся!		
Ввва — а!		

Дни настали ¹ огневейные —		а+м	} Начиная с «дни настали», чтение идет под аккомпанемент рояля: объединяющий музыку и чтение счет — на 3 4.
Расступитесь, небеса!		с+м+а	
Пойте песни ¹ солнцевейные	}	с+м+а+т	
Раздувайте ¹ паруса!			
Мир раздóлен — и чудесен!		а+т	
День — для счастья дня!		с+м	
Больше песен: песен, песен!	{	песен = а+т+м+с больше песен = а+т песен = а+т+м+с	
Сёрдца и огня!		с+м+а+т	
Надо гуще дружбы братства!		а+б	
На едину сторону.		с+м+т	
Трудовое все богатство	}	все	
Мы разделим ¹ поровну.			
Станем помнить солнце Стеньку, соло т	}	т+б	} Начиная с «Станем помнить», мелодия (музыкальная) переходит в пляску, что соответствующим образом отражается в ритме чтения.
Мы от кости Стеньки кость.			
И пока горяч — кистень куй,			
Чтоб звенела ¹ молодость!	{	все	{ Кончается со свистом сквозь пальцы.

Вас. Каменский.

ВРЕМЯ, СИСТЕМА, ЭНЕРГИЯ.

Исполняемая вещь состоит из 44 тактов, из которых каждый имеет 4 четверти. Такт совпадает со строкой. Таким образом в каждой строке 4 четверти. Если в строке есть лишь одно слово (как напр. в строках: 1, 14, 15, 28, 29...), то оно укладывается в одной четверти (в одном ударе), так что остается еще три четверти, которые составляют паузу в три удара. При двух словах получается пауза в две четверти, при трех—пауза в одну четверть. Басы (*б*) говорят свое «точно» на первой и на третьей четвертях, делая паузу на второй и четвертой. Тенора (*т*), наоборот, говорят на второй и четвертой четвертях и молчат на первой и третьей. У альтов заняты все четыре четверти, по слову на каждую. Сопрано говорят осмысли, иначе сказать, в течение такта успевают произнести одно слово (быстро, по плану или к цели) восемь раз. Паузу в одну четверть для наглядности изображаю чертой: —

В первой части — скорость средняя.

1. Время — — —	<i>все</i>	
2. Все исполнять во-время —	<i>соло а</i>	
3. Точно — точно —	<i>б</i>	
4. Точно — точно —	<i>б</i>	} одновременно
Минута в минуту, минута в ми- нуту	<i>а</i>	
5. Точно — точно —	<i>б</i>	} одновременно
Минута в минуту, минута в ми- нуту	<i>а</i>	
— Работай — работай	<i>т</i>	
6. Точно — точно —	<i>б</i>	} одновременно
Минута в минуту, минута в ми- нуту	<i>а</i>	
— Работай — работай	<i>т</i>	
Быстро - быстро, быстро - быстро, быстро-быстро, быстро-быстро.	<i>с+м</i>	

В первой части — скорость средняя.

7. (Повторяется 6-й такт)	
8. Используй отдых, чтоб лучше работать	<i>соло а</i>
9. (Смотри 3-й такт)	
10. (Смотри 4-й такт)	
11. (Смотри 5-й такт)	
12. (Смотри 6-й такт)	
13. (Смотри 7-й такт)	
14. Точно — — —	<i>все</i>
15. Система — — —	<i>все</i>

Во второй части — несколько скорее.

16. Все по плану, все система	<i>соло т</i>	
17. По плану — по плану —	<i>б</i>	
18. По плану — по плану —	<i>б</i>	} одновременно
Система, система, система, система	<i>а</i>	
19. По плану — по плану —	<i>б</i>	} одновременно
Система, система, система, система	<i>а</i>	
— Порядок — порядок	<i>т</i>	
20. По плану — по плану —	<i>б</i>	} одновременно
Система, система, система, система	<i>а</i>	
— Порядок — порядок	<i>т</i>	
По плану - по плану, по плану - по плану, ...		
по плану - по плану, по плану - по плану	<i>с+м</i>	
21. (Повторяется 20-й такт)		

Во второй части — несколько скорее.

22. Станок | или рабочий стол |
в порядке . . . . . *соло т*

23. (См. 17-й такт)

24. (См. 18-й такт)

25. (См. 19-й такт)

26. (См. 20-й такт)

27. (См. 21-й такт)

28. По плану — — — . . . . . *все*29. Энергия — — — . . . . . *все*30. Упорно | добивайся цели! — *соло б*31. Напор — Напор. — . . . . . *б*32. Напор — Напор. — . . . . . *б*Энергия, энергия, энергия, энергия — . . . . . *а* } одновременно33. Напор — Напор — . . . . . *б*Энергия, энергия, энергия, энергия — . . . . . *а* } одновременно— Упорно — упорно . . . . . *т*34. Напор — Напор — . . . . . *б*Энергия, энергия, энергия, энергия . . . . . *а* } одновременно— Упорно — упорно . . . . . *т*

К цели-к цели, к цели-к цели, ...

к цели-к цели, — к цели-к цели. *с+м*

35. (Повторяется 34-й такт).

36. Работу | веди до конца! — *соло б*

В третьей части еще скорее и энергичнее.

В третьей части еще ск. и энергичн. { 37. (См. 31-й такт)

38. (См. 32-й такт)

39. (См. 33-й такт)

40. (См. 34-й такт)

41. (См. 35-й такт)

Медлен. { 42. Напор. — — — . . . . . *все*
43. Время — система — . . . . . *все*
44. Энергия — — — . . . . . *все*Н. Керженцев.
(Лозунги Лиги Времени).

ГЛАВНАЯ УЛИЦА.

Трум-ту-ту-тум,

Трум-ту-ту-тум.

Движутся, движутся,
движутся, движутся,В цепи | железными
звеньями движутся,

Постушью гулкою грозно идут,

Грозно идут,

Идут,

Идут,

На последний, на главный рудт.

Главная улица | в панике бешеной.

} Счет = 4/4; б (гов-
ворят это басы
4 такта)*с-м-а-т**все**все*

С музыкальн. сопровождением

Бледный, трясущийся, словно помешанный,	<i>соло б</i>			
Страхом смертельным внезапно ужаленный,	<i>соло т</i>			
Мечется—клубный делец накрахмаленный,	<i>соло б</i>			
Плут - ростовщик и банкир продувной,	<i>соло б и соло т</i>			
Мануфактурщик и модный портной,	<i>соло т и соло б</i>			
Туз—меховщик, ювелир патентованный,—	<i>соло б и соло а</i>			
Мечется каждый, тревожно взволнованный	}			
Гулом и криками, издали слышными,		}		
У помещений с витринами пышными,			}	
Средь облигаций меняльной конторы,—				}
Русский и немец, француз и еврей.				
Пробуют петли, сигналы, запоры:	}			
— Эй, опускайте железные шторы!..		}		
— Скорей!..			}	
— Скорей!..				}
— Скорей!..				
— Скорей!..	}			
— Вот их проучат, проклятых зверей,		}		
Чтоб бунтовать зареклся навеки.			}	

— С грохотом падают тяжкие веки.	}	<i>все</i>
Окон зеркальных, дубовых дверей.		
— Скорей!..		<i>а—б</i>
— Скорей!..		<i>все</i>
— Что же вы топчетесь, будто калекки?	}	<i>соло барит.</i>
Или измена таится и тут?..		
Духом одним с этой сволочью дышите?		<i>соло т</i>
— Слышите?..		<i>а</i>
— Слышите?..		<i>а—т</i>
— Слышите?..		<i>с—м—а</i>
— Слышите?..		<i>с—м—а—т</i>
— Вот они!.. Видите?.. Вот они тут!..	}	<i>вот они = б видите = т вот они тут = а</i>
— Идут!		
— Идут!..		<i>с—м—а</i>
— Идут!..		<i>* с—м—а—т (сопрано визжат)</i>
С силами, зревшими в нем, необъятными,	}	<i>все</i>
С волей единой и сердцем одним,		
С общею болью, с кровавыми пятнами		
Алых знамен, полыхавших над ним,		
Из закоулков,		

Из переулков,	С музыкальным сопровождением (выпуть до «Прыснули злобные...».)	
Темных, размытых, разрытых, извилистых,		
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,		
Черных, корявых, мозолистых рук,—		
Из закоптелых фабричных окраин		все
Вышел на улицу новый хозяин,		
Вышел—и все изменилось вдруг:		
Дрогнула, замерла Улица Главная,		
В смутно-тревожное впав забытье,—		
Воля стальная, рабоче-державная } Властной угрозой сковала ее: }		а—б
— Это мое!..	все	
Улица эта, дворцы и каналы, {	улица = а дворцы и к. = а—с—м	
Банки, пассажи, витрины, подвалы, {	банки, пасс = с—м—т витрины = с—м—а подвалы = с—м—а—б	
Золото, ткани, и едъ, и питье,	с—м—а—т	
Это—мое!	все	
Библиотеки, театры, музеи, {	библ = а театры, муз. = а—с—м	
Скверы, бульвары, сады и аллеи, {	скв., бульв. = с—м—т сады и ал. = с—м—а—т	

Мрамор и бронзовых статуй литье,—	} все
Это мое!	
Воем ответила Улица Главная.	} все
Стал богатырь. Загражден ему путь.	
Хищных стервятников стая бесславная	
Когти вонзила в рабочую грудь.	
.....	
Прыснули злобные, пьяные шайки } Из полицейских, жандармских засад: }	с—м—а—т
— Рысью... в атаку!	соло т
— Бери их в нагайки!	соло б
— Бей их прикладом!	соло б
— Гоши их назад!	соло т
— Шашкою, шашкой, кото- рые с флагами, }	} соло б
Чтобы вперед не сбиралась ватагами,	
Знали б, ха—ха, свой станок и верстак,	
Мать их растак!..	
— В мире подобного нет безобразия!	два баса

— Темная масса.	<i>соло а</i>
— Татарщина.	<i>т</i>
— Азия.	<i>с—м</i>
— Хамы!	<i>а—б</i>
— Мерзавцы!	<i>а—б</i>
— Скоты!	<i>с—м—т</i>
— Подлецы!	<i>с—м—т</i>
— Вышла на Главную рожа суконная!	<i>соло т</i>
— Всыпала им жандармерия конная.	<i>соло б</i>
— Славно работали тоже донцы.	<i>соло т</i>
Видели лозунги?	
— Да, ядовитые.	<i>соло б</i>
— Чернь отступала, замесьте, грозя,	<i>соло т</i>
— Правда ль, что есть среди рабочих убитые?	<i>соло с</i>
— Жертвы?.. Без жертв, мой предель, нельзя.	<i>соло б</i>
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?	<i>соло т</i>
— Что же, дорвутся до горшей беды.	<i>соло б</i>
Вновь засверкали витрины зеркальные,	<i>с—м—а</i>
Всюду кровавые смыты следы.	
Улица злого полна ликован- ния.	<i>с—м—а—т</i>
Залита светом вечерних огней.	

С музыкой (до самого конца поэмы)

Чистая публика всякого звания	<i>все</i>
Шаркает, чавкает снова на ней.	
Снова...	<i>басы: трум-ту-ту-тум</i> (2 такта)
Снова...	
Бьет роковая волна...	
Гнется гнилая основа...	
Падает грузно стена.	<i>с—м—а</i>
— На!..	
— На!..	<i>б—т</i>
— Раз—два,	<i>соло т</i> (запевает, как грузчик на пристани)
Сильно!	<i>все</i>
Раз—два,	<i>соло—т</i>
Дружно!..	<i>все</i>
Раз—два,	<i>соло т</i>
В ход!..	<i>все</i>
Грянул семнадцатый год!	<i>все</i>
— Кто там?	<i>соло б</i>
Кто там	
Хнычет испуганно:—«стой»?	
— Кто по лихим живоглотам	<i>соло б</i>

Выстрел дает холостой?	
— Кто там виляет умильно?	}
К чорту господских пролаз!	
— Раз—два,	}
Сильно!	
— Е—ще	}
Раз!	
— Нам подхалимов не нужно!	}
Власть—весь рабочий народ!	
— Раз—два,	}
Дружно!	
— Раз—два,	}
В ход!	
— Кто нас отсюда тронет?	}
Силы не сыщется той!..	
Главная Улица стонет	}
Под пролетарской пятой...	
Пусть наша улица будет задворками	}
Перед Проспектом иным, Мировым.	
Разве не держится он лишь подпорками	
И обольщеньем, уже не живым?	

Красного фронта всемирная линия	}
Пусть перерывиста, пусть не ровна,	
Мы ль разразимся словами уныния,	
Разве не крепнет, не крепнет она?	
Стойте ж на страже добытого муками,	
Зорко следите за стрелкой часов.	}
Даль сотрясается бодрыми звуками,	
Громом живых боевых голосов.	
Братья? Всмотритесь в огни отдаленные,	
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:	
Это резервы идут закаленные!	}
Трум—ту—ту—гум!	
Трум—ту—ту—гум!	}
Движутся, движутся, движутся, дви- жутся,	
В цепи железными звеньями нижутся,	}
Поступью гулкою грозно идут,	
Грозно идут,	
Идут,	
Идут,	
На последний, всемирный редут!!	}

Демьян Бедный.